ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА 1918–1921

ТОМ I

БОЕВАЯ ЖИЗНЬ КРАСНОЙ АРМИИ

В. М. Хвабак

ИЗДАТЕЛЬСТВО • ВОЕННЫЙ • ВЕСТНИК

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

1918—1921

В ТРЕХ ТОМАХ

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ:

А. С. БУБНОВА, С. С. КАМЕНЕВА и Р. П. ЭЙДЕМАНА

1928

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВОЕННЫЙ ВЕСТНИК»

МОСКВА

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

1918—1921

ТОМ ПЕРВЫЙ

БОЕВАЯ ЖИЗНЬ КРАСНОЙ АРМИИ

1-й экз.

1928
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВОЕННЫЙ ВЕСТНИК»
МОСКВА

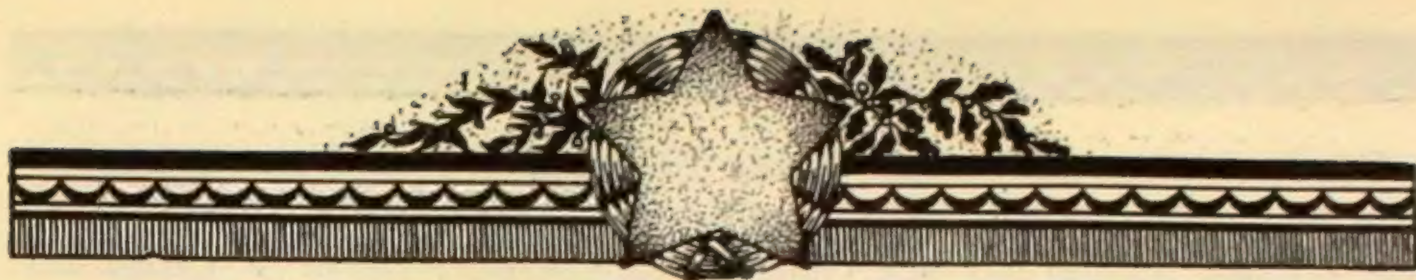
~~2-й экз.~~

ТИПОГРАФИЯ и СЛОВОЛИТНЯ
„КРАСНАЯ ПРЕСНЯ“
3-я МОСПОЛИГРАФ
Москва, Малая Грузинская,
Столярный переулок, дом 5-7.
Главлит № А—796, А—5297
Тираж 10.000

ОГЛАВЛЕНИЕ

В. И. ЛЕНИН

ПРЕДИСЛОВИЕ

РАЖДАНСКАЯ война в истории человечества— явление не новое, так как вся история до сих пор существующего общества была историей борьбы классов, а классовая борьба, обостряясь до своего наивысшего предела, превращалась в гражданскую войну.

Но если гражданская война в истории человеческого общества представляет из себя явление не новое, то гражданская война 1918—1921 гг. является событием гигантского всемирно-исторического значения.

Исключительное всемирно-историческое значение гражданская война 1918—1921 гг. приобретает, во-первых, потому, что Октябрьская революция и развившаяся из нее война 1918—21 годов начали новую эпоху всемирной истории—эпоху мировой пролетарской революции; во-вторых, потому, что она представляет из себя вооруженную борьбу рабочего класса и основной массы крестьянства против капитализма под руководством рабочего класса и его коммунистической партии; в-третьих, потому, что совершивший великий Октябрьский переворот рабочий класс создал новый тип государства — государство Советов, и, в-четвертых, потому, что рабочий класс в процессе гражданской войны против помещиков и капиталистов впервые в истории человеческого общества создал Красную армию, которая является орудием диктатуры пролетариата.

Из цепи событий, начавшихся с Октябрьской революции 1917 г. и закончившихся ликвидацией политического бандитизма, растянувшейся до 1922 года, здесь берется только основное, «среднее» звено, а именно—война 1918—1921 гг. Взаимную связанность и единство этому ряду вооруженных столкновений пролетариата с буржуазией придает то основное обстоятельство, что ряд военных кампаний, в общей совокупности составляющих войну 1918—1921 гг., носил характер классовых битв «организованного в государство» рабочего класса и финансово-капиталистической буржуазии Антанты, которая эту войну против Советской Республики подготовляла и вела.

В конце июня 1918 года Ленин говорил, что «в России свергнутые эксплоататорские классы помещиков и капиталистов делают все усилия, напрягают все силы к тому, чтобы снова и снова попытаться вернуть себе власть». В июле того же года он, говоря о положении Советской Республики, в таких словах характеризовал это контр-революционное наступление «свергнутых эксплоататорских классов»,—«Как лакеи англо-французского империализма, они пошли на все, чтобы во что бы то ни стало сделать все, что возможно, против советской власти. Силами самой России они сделать этого не могли и решили действовать не словами, не обращениями, в духе гг. Мартовых, а прибегли к более крупным приемам борьбы, к военным действиям». И тут же он добавлял: «Мы снова попали в войну, мы находимся в войне, и эта война—не только гражданская, с кулаками, помещиками, капиталистами, которые объединились против нас,—теперь уже стоит против нас англо-французский империализм». В конце этой же речи Ленин снова повторял: «Мы теперь воюем с англо-французским империализмом и со всем, что есть в России буржуазного, капиталистического, что делает усилие, чтобы сорвать все дело социалистической революции и втянуть нас в войну».

В силу этого обстоятельства в указанные рамки не входят боевые эпизоды Октябрьской революции, военные столкновения Брестского периода, связанные с наступлением австро-германского империализма и проявлением политического бандитизма, бывшего не чем иным, как «охвостьем» гражданской войны 1918—1921 гг., хотя в нашем издании и эти исторические события нашли свое отражение.

Октябрьская революция была периодом непосредственной вооруженной борьбы пролетариата против капитализма, закончившейся свержением правительства империалистической буржуазии и завоеванием власти рабочим классом. В апреле 1918 года Ленин этот исторический период характеризовал, как «первую эпоху развития революции, начало которой идет с октябрьских дней».

За этой «первой эпохой» следует Брестский период, в течение которого, как указывал Ленин, «от сплошного триумфального шествия в октябре, ноябре, декабре на нашем внутреннем фронте, против нашей контр-революции, нам предстояло перейти к стычке с настоящим международным империализмом в его настоящем враждебном отношении к нам».

Войны с наступавшим на нас германским империализмом мы избегли, ибо пошли на тягчайший для нас Брестский мир.

«Сначала сплошное триумфальное шествие с октября по январь,—говорил Ленин,—а потом вдруг русская революция разбита в несколько недель немецким хищником».

Таким образом, Октябрьская революция и Брестский период по указанным выше причинам должны быть поставлены вне рамок той гражданской войны, которая служит предметом изучения в нашем издании. Но это не означает, что Октябрьская революция и Брестский период отделены стеной от гражданской войны 1918—1921 гг.,—наоборот, все эти исторические события неразрывно связаны одно с другим.

Гражданская война 1918—1921 гг., в основном, едина (в указанном выше смысле), но это ни в коем случае не значит, что все военные кампании, ее составляющие, вполне и безусловно однородны.

В этой войне особое место занимала война с Польшей.

В начале войны Ленин говорил, что польская война «является новой попыткой международной буржуазии задушить Советскую Россию» и что «в этом отношении связь между этим нападением и прежними попытками международной буржуазии безусловно есть». Ту же мысль он высказывал и в конце польской войны, говоря, что «главная сила, которая толкала поляков на войну с нами, была, конечно, сила капитала международного, и в первую голову французского», и что «в сущности и Польша, и Врангель, это две руки французских империалистов».

В то же время Ленин отмечал и «громадную разницу» между прежними попытками антантовской буржуазии раздавить советскую власть и этой «последней» попыткой.

«Война с Польшей,—говорил Ленин,—оказалась более войной против Антанты, чем предыдущие войны».

И далее он указывал: «Война против Юденича, Колчака и Деникина была тоже война против Антанты и была войной России рабочей против всей буржуазной России. И когда она окончилась победой, и когда мы разбили Юденича, Колчака и Деникина, то это не было прямое наступление на Версальский мир. С Польшей вышло наоборот, и в этом—отличие войны против Польши, в этом—международное значение Польши».

В этой же своей речи (на съезде рабочих и служащих кожевенного производства—8 октября 1920 г.) он еще раз подчеркивал, что «побеждая Юденича, Колчака и Деникина, мы не могли разорвать Версальского мира», «а наступая на Польшу, мы тем самым наступаем на самую Антанту; разрушая польскую армию, мы разрушаем тот Версальский мир, на котором держится вся система теперешних международных отношений».

Особое место в войне 1918—1921 гг. занимает и кронштадтский эпизод. С одной стороны, он является последним военным эпизодом этой войны, а с другой стороны, он начинает собой целый период политического бандитизма, который не может быть включен

непосредственно в рамки этой войны, так как он имел место уже в период нэпа.

Таким образом, за нашим наступлением в октябре последовало контр-наступление на нас «отечественных» помещиков и капиталистов, затем наступление на нас австро-германского империализма, в отношении РСФСР прекращенное Брестским миром, и, наконец, длительное наступление, целый «поход» против нас англо-французского империализма, лакеями которого были помещики и буржуазия бывшей царской империи, а участие в котором принимала буржуазия почти всех соседних государств. (Черчиль в свое время хвастал даже походом против нас «четырнадцати народов»).

В нашем издании мы рассматриваем, главным образом, основное звено этой непрерывной цепи—гражданскую войну 1918—1921 гг.

«Гражданская война,—писал Ленин,—есть наиболее острая форма классовой борьбы, когда ряд столкновений и битв экономических и политических, повторяясь, накапливаясь, расширяясь, заостряясь, доходит до превращения этих столкновений в борьбу с оружием в руках одного класса против другого класса».

Гражданская война 1918—1921 гг. повторяет, расширяет и заостряет классовые битвы первой революции 1905 года, Февральской революции 1917 года, предоктябрьского периода и великой Октябрьской революции.

Буржуазная революция в России могла победить и действительно победила только при одном условии,—именно при условии установления революционно-демократической диктатуры рабочего класса и крестьянства.

В силу этого не буржуазия, а рабочий класс и поддерживающее его крестьянство могли обеспечить победоносный исход революции 1905 года.

«Исход нашей революции,—писал Ленин,—действительно, зависит больше всего от устойчивости в борьбе многомиллионной массы крестьянства. Буржуазия крупная у нас боится больше революции, чем реакции. Пролетариат один победить не в силах. Городская беднота не представляет ни самостоятельных интересов, ни самостоятельного фактора силы по сравнению с пролетариатом и крестьянством. Решающая роль за деревней не в смысле руководства борьбой (об этом не может быть и речи), а в смысле обеспечения победы».

Революция 1905 года дает грандиозную картину экономической борьбы рабочего класса, перерастания экономических стачек в политические, перерастания всеобщей политической стачки в вооруженное восстание, громадную волну военных частичных восстаний и громадную волну крестьянского движения, выливающегося в форме крестьянских частичных восстаний. Стачечное движение

в годы первой революции выражалось в следующих цифрах: в 1905 г. бастовало 2.863.173 рабочих, а в 1906 г. —1.108.406 рабочих.

Нарастание крестьянской революции нашло себе выражение в двух громадных волнах крестьянских выступлений, представлявших единый революционный поток. Первая из них имела место в 1905 г., а вторая—в 1906 году. Рост крестьянского движения в 1905 году выражался в следующих цифрах: число уездов, охваченных движением, составляло за январь—апрель—85, за май—август—104 и за сентябрь—декабрь—261, что дает для последней трети года (момент наивысшего подъема движения) 52% к общему числу уездов Европейской России.

Подобный же рост крестьянского движения в 1906 году нашел свое выражение в следующих цифрах: число уездов, охваченных движением, составляло—за январь—апрель—21, за май—август—250 и за сентябрь—декабрь—72, что для второй трети года (момент наивысшего подъема движения) дает 50% к общему числу уездов. Таким образом, волна крестьянского движения в своем наивысшем пункте как в 1905 так и в 1906 году охватывает половину общего числа уездов Европейской России. Рост революционных военных выступлений наглядно показывают две цифры: в апреле—июне 1905 г. их было всего 2, а в октябре—декабре—89.

В условиях этого массового революционного движения, нередко доходившего до острейших форм гражданской войны, наша партия развернула большую работу по организации вооруженных сил революции (боевые дружины). Эта работа охватывала и организацию вооруженных сил, и технику вооруженных сил, и тактику вооруженных сил.

Гражданская война 1918—1921 гг. воспроизводила не только массовое движение основных классовых сил, двигавших революцию 1905 года, но, в известной степени, и базировалась на том боевом опыте, который был приобретен нашей партией в период первой Российской революции.

Февральская революция 1917 года, в иной международной обстановке, на иной экономической базе и при иных соотношениях классовых сил страны, повторяла и расширяла гигантские классовые столкновения революции 1905—07 гг.

«Без революции 1905—07 годов, без контр-революции 1907—14 годов,—писал Ленин,—невозможно было бы такое точное «самоопределение» всех классов русского народа и народов, населяющих Россию, определение отношения этих классов друг к другу и к царской монархии, которое проявило себя в восемь дней февральско-мартовской революции 1917 г. Эта восьмидневная революция была, если позволительно так метафорически выразиться, «разыграна» точно после десятка главных и второстепенных репетиций;

«актеры» знали друг друга, свои роли, свои места, свою обстановку вдоль и поперек, насквозь, до всякого сколько-нибудь значительного оттенка политических направлений и приемов действия».

Та исключительная быстрота, с которой рухнула царская монархия в феврале 1917 года, обусловливалась тем, как отмечал Ленин, что «в силу чрезвычайно оригинальной исторической ситуации слились вместе, и замечательно «дружно» слились, совершенно различные потоки, совершенно разнородные классовые интересы, совершенно противоположные политические и социальные стремления», но свергли царизм революционные рабочие и солдаты. Рабочее движение нарастало на протяжении всех лет войны. В сентябре 1915 г. число стачечников достигает 114 тысяч, а в октябре 1916 года доходит до цифры в 187 тысяч. Общее число стачечников в 1915 году равнялось 540 тыс., а в 1916 году оно поднялось до цифры 957 тысяч стачечников. Наряду с этим имели место и уличные рабочие демонстрации,—например, в Костроме в июне 1915 года и в Иваново-Вознесенске—в августе того же года. А одновременно с этим нарастало глухое брожение и в недрах царской армии, которое находило себе различные формы внешнего выражения.

В начале 1917 года рабочее движение продолжает нарастать: в январе бастовало 244 тыс., из них –66,4% по политическим причинам, а в феврале—432 тыс., из них по политическим причинам—95,6%.

Февральская революция свергла царизм.

«Революционные рабочие и солдаты,—писал Ленин,—разрушили до основания гнусную царскую монархию, не восторгаясь и не смущаясь тем, что в известные, короткие, исключительные по конъюнктуре, исторические моменты на помощь им приходит борьба Бьюкенена, Гучкова, Милюкова и К°, желавших только смены одного монарха другим».

Это была борьба «за свободу, за землю для крестьян, за мир против империалистической бойни».

Предоктябрьский период дает опять-таки картину непрерывного нарастания революционного движения рабочих и крестьян, после июльских дней направленного против правительства «крепнущей бонапартистской контр-революции».

Массовое движение от февраля к октябрю шло через апрельские демонстрации, июльские дни, корниловщину, через нарастание революционного движения в деревне и армии и, наконец, через сентябрьские победы большевизма в Петрограде и Москве. И опять-таки мы видим непрерывное нарастание двух революционных потоков—движения рабочих и солдат в городах и движения крестьян в деревнях при руководящей роли во всем движении рабочего класса.

В силу этого в предоктябрьский период закладываются прочные предпосылки победоносного Октябрьского переворота.

Военный опыт нашей партии, приобретенный ею за годы первой революции, был повторен, приумножен и расширен в течение тех восьми месяцев, которые лежат между февралем и октябрем (Красная гвардия).

Гражданская война 1918—1921 гг., в новой обстановке и при новом соотношении классовых сил, воспроизводит тот опыт классовых столкновений и организации вооруженных сил революции, который был накоплен нашей партией и рабочим классом на протяжении от февраля к октябрю и, в особенности, за месяцы, лежащие после июльских дней,—между июлем и октябрем.

Ленин, определяя причины победы Октябрьской революции, между прочим, указывал на то, что эта победа была обусловлена, во-первых, тем, что «отсталость России своеобразно слила пролетарскую революцию против буржуазии с крестьянской революцией против помещиков» и во-вторых, тем, что мы имели такую «генеральную репетицию», как революция 1905 года. «Без такой генеральной репетиции, как в 1905 году,—писал Ленин,—революции в 1917 году как буржуазная Февральская, так и пролетарская Октябрьская были бы невозможны».

И здесь мы снова встречаемся с двумя потоками движения: с революционным движением рабочих—в городах и с революционным движением крестьян и солдат—в деревне и в армии. После июльских дней буржуазия нападает,—рабочий обороняется. После корниловщины движение рабочих в городах развертывается как наступательное движение против правительства Керенского. В предисловии к «Рабочему движению в 1917 году» мы читаем, что «Политическая борьба корниловских дней не прекращается с арестом Корнилова. Приобретая самые разнообразные формы в разных пролетарских слоях, она непосредственно входит составной частью в Октябрьский бой рабочего класса с буржуазией». Предисловие отмечает также, что «во всех предоктябрьских требованиях рабочих, борющихся за советскую власть, неразрывно переплетаются такие политические требования, как требование рабочего контроля, ограничение прибылей заводчиков, национализация предприятий, борьба с локаутчиками, с такими, как передача земли крестьянам и требование мира». «Рабочий,—подчеркивает предисловие,—выступает не только в роли борца за свои интересы, но и в роли вождя крестьянских и солдатских масс».

Армия, солдатские массы, измученные войной, добивавшиеся мира во что бы то ни стало, в сентябре—октябре «откалываются» от правительства, отказываются поддерживать «порядок», резко и окончательно поворачивают против правительства.

Движение в деревне дошло до крестьянского восстания. Предисловие к «Крестьянскому движению в 1917 году», на основании анализа обширного материала по крестьянскому движению того времени, отмечает, что «в сентябре и октябре аграрное движение поднимается на уровень крестьянской войны». В предисловии указывается, что число имений, охваченных движением, в сентябре выросло на 30,2% против августа, а в октябре снова поднялось еще на 43,2% в сравнении с сентябрем.

В своей речи в первую годовщину Октябрьской революции Ленин говорил: «Мы ограничивались в октябре тем, что старого векового врага крестьян, помещика-крепостника, собственника латифундий, смели сразу. Это была общекрестьянская борьба. Тут еще внутри крестьянства не было делений между пролетариатом, полупролетариатом, беднейшей частью крестьянства и буржуазией.» А в четвертую годовщину Октябрьской революции он, рассматривая ту же тему, писал: «Мы довели буржуазно-демократическую революцию *до конца*, как никто», и, развивая то же положение, подчеркивал: «Мы решили вопросы буржуазно-демократической революции, походя, мимоходом, как «побочный продукт» нашей главной н настоящей *пролетарски*-революционной социалистической работы».

Октябрьская революция продолжает, расширяет, обогащает и заостряет гигантский опыт массового движения рабочих и крестьян двух предшествующих буржуазных революций. Гражданская война 1918—1921 гг. продолжает Октябрьскую революцию, но продолжает, поднимая ее на высшую ступень, делая борьбу широчайших масс еще более массовидной, еще более грандиозной, напряженной и обостренной, гигантски раздвигая рамки этой борьбы и еще более мощным потоком выходя на арену классовых столкновений международного масштаба.

Октябрьская революция 1917 года и гражданская война 1918-1921 гг. неразрывно связаны одна с другой.

Октябрьская революция начала превращение империалистической войны в войну гражданскую.

«Первый раз за сотни и за тысячи лет,—писал Ленин,—рабы ответили на войну между рабовладельцами открытым провозглашением лозунга: превратить эту войну между рабовладельцами из-за дележа их добычи в войну рабов всех наций против рабовладельцев всех наций». И не только провозгласили этот великий лозунг, но и добились его осуществления.

«Первый раз за сотни и за тысячи лет,—писал Ленин,—обещание «ответить» на войну между рабовладельцами революцией рабов *против* всех и всяческих рабовладельцев *выполнено до конца* и выполняется вопреки всем трудностям».

Если Октябрьская революция 1917 года начала это великое дело, то гражданская война 1918—1921 гг., через миллионы трудностей, довела его до конца.

Пролетарская Октябрьская революция дала образец, тип перерастания буржуазно-демократической революции в революцию пролетарско-социалистическую. «Первая,—писал Ленин,—перерастает во вторую. Вторая мимоходом решает вопросы первой. Вторая закрепляет дело первой».

Гражданская война, через борьбу и миллионы трудностей на протяжении трех лет, практически двигала вперед это «перерастание». И если Октябрьская революция 1917 года вступила на путь «перерастания одной революции в другую», то гражданская война 1918—1921 гг. это дело расширяла и практически закрепляла.

Октябрьская революция была движением широчайших народных низов под руководством рабочего класса. Предисловие к «Крестьянскому движению в 1917 году» совершенно правильно замечает, что «только рабочий класс, нанеся решительный удар буржуазии в центрах страны, мог сделать победоносным крестьянское восстание».

В свое время Ленин указывал, что «судьба и исход русской революции» будут решены в зависимости от того, «удастся ли городскому пролетариату повести за собой сельский пролетариат и присоединить к нему массу полупролетариев деревни, или эта масса пойдет за крестьянской буржуазией, тяготеющей к союзу с Гучковым, Милюковым, капиталистами и помещиками и контрреволюцией вообще».

Проблема руководства народным движением со стороны рабочего класса, проблема осуществления гегемонии пролетариата в ходе массовой революционной борьбы с помещиками и капиталистами за социализм была серьезнейшей проблемой пролетарского революционного движения. До октября крестьянские массы, мелкобуржуазные массы вообще, неоднократно колебались между пролетариатом и буржуазией. Те же колебания нашли свое отражение и в ходе Октябрьской революции, и те же самые колебания, только еще в более острой форме, наблюдали мы на протяжении всех трех лет гражданской войны.

В первые месяцы гражданской войны, «когда кулацкое восстание пробежало по всей России»,—тогда «в деревнях повсюду поднялись трудовые, эксплоатируемые элементы, поднялись с пролетариатом городов», и этим самым, как подчеркивал Ленин, был сделан «первый и величайший шаг социалистической революции в деревне». И в своей речи на заседании VI Всероссийского съезда Советов, в день годовщины Октябрьской революции, Ленин говорил: «И тот, кто наблюдал деревенскую жизнь, кто соприкоснулся с крестьянским::

массами в деревне, говорит: Октябрьская революция городов для деревни стала настоящей Октябрьской революцией только летом и осенью 1918 года».

Если Октябрьская революция 1917 года в практике движения воплотила гегемонию рабочего класса, то гражданская война 1918—1921 гг. этот величайший принцип революционного движения неуклонно проводила в жизнь и этим обеспечивала себе неизменные победы.

Соотношение классовых сил, острота и размах борьбы, характер ее как в Октябрьской революции, так и в вытекшей из нее трехлетней гражданской войне, могут быть уяснены и поняты лишь при учете тех экономических и политических изменений, которые произошли в стране на протяжении предшествующего десятилетия, а также и того совершенно исключительного опыта классовой борьбы, который был приобретен широчайшими народными массами,—массами рабочего класса, в первую очередь,—за тот же, примерно, период времени.

За 1907—1914 гг. в области сельского хозяйства произошли крупные изменения. В основном они сводились к следующему: значительно продвинулась вперед ликвидация дворянского землевладения, в результате которой за семь лет, прошедших между 1906 и 1912 гг., из рук дворянства ушло свыше 12% всей площади дворянского землевладения, а к продаже было предъявлено свыше 25% всех дворянских земель; одновременно с этим, в известной степени в результате столыпинского закона 9-го ноября, произошла мобилизация надельной земли и усиление сельской буржуазии, при углублении процесса обнищания крестьянских масс и росте резервной армии рабочих; при росте хлебных цен как за границей, так и на внутреннем рынке, элементы капиталистического хозяйства развивались и крепли, и, как результат этого, помещик-крепостник отходил на второй план в экономике сельского хозяйства, а на первый план выдвигался помещик-капиталист.

За те же годы в промышленности вполне обозначилось и оформилось развитие финансового капитала, выразившееся в развитии капиталистических монополий, в росте трестирования и синдицирования, в сращивании и подчинении промышленности банковому капиталу и в возрастании связи и подчинения его европейским финансово-капиталистическим группам (при преобладающем значении англо-франко-бельгийского капитала). В качестве иллюстрации этого процесса можно привести следующие данные: в 1913 году на 6,5% всего крупных фабрик и заводов Европейской России (свыше 1000 рабочих) было сосредоточено 44,6% общего количества рабочих; в том же году в металлургии банкам были подчинены акционерные общества, основной капитал которых составлял 87,9% всего

металлургического капитала, а по отдельным отраслям железной промышленности это подчинение выражалось в таких цифрах: по доменному производству —96,5%, по чугуну и железу—55,2%, по железным рудам—61,1%, по паровозостроению—100%, по вагоностроению 81,0% и по судостроению—96,0%. В свою очередь, в крупнейших отраслях промышленности (в горной, металлургии, электрической и пр.), а также и в русских банках, командующую роль играл иностранный, в первую очередь—антантовский капитал.

Наряду с этим происходил процесс консолидации промышленного пролетариата, который,—здесь оказывало свое влияние и аграрное столыпинское законодательство,—разрывал свои последние связи с землей и нищенским деревенским хозяйством.

Таким образом, происходило усиление капиталистических элементов в сельском хозяйстве и рост финансово-капиталистической буржуазии в промышленности и торговле.

Мировая война ускорила развитие этого процесса и еще более обострила классовые противоречия как в городе, так и в деревне.

На одном полюсе происходила консолидация всех капиталистических элементов под главенством финансово-капиталистической буржуазии, а на другом — революционный блок промышленного пролетариата с пролетариями и полупролетариями деревни.

Мировая война 1914—1918 гг., произведя гигантские разрушения производительных сил в Европе и усилив элементы государственно-монополистического капитализма, укрепила предпосылки социалистической революции, поставив ее как очередную задачу перед массами международного пролетариата.

Таковы были социально-экономические предпосылки, на основе которых развернулась Февральская революция, и которые нашли свое отчетливое отражение как в классовой борьбе периода между февралем и октябрем, так и в ходе Октябрьской революции.

И если Октябрьская революция 1917 года отразила соотношение классов, сложившееся на основе тех перемен в экономике страны, которые имели место за 1907—1917 гг., то печать их лежит и на развитии гражданской войны 1918—1921 гг.

Ход и исход гражданской войны был бы непонятен, если бы ей не предшествовали классовые столкновения трех революций, а также и жесточайшие испытания для рабочих и крестьян в годы реакции и в годы мировой войны.

То, что говорил Ленин об опыте Февральской революции, целиком и полностью относится к опыту великого десятилетия—от первой революции 1905 года. до Октябрьской революции 1917 года.

Значение этого опыта состоит в том, что он показал,—говоря словами Ленина,—«все классы (и все главные партии) русского общества в их действительной природе, в действительном соотношении

их интересов, их сил, их способов действия, их ближайших и дальнейших целей».

Гражданская война 1918—1921 гг. унаследовала также исключительный по своему богатству и разнообразию опыт массовой борьбы. К нему вполне применимы слова Ленина, говорившего, что ни в одной стране «Не было пережито даже приблизительно так много в смысле революционного опыта, быстроты и разнообразия смены различных форм движения, легального и нелегального, мирного и бурного, подпольного и открытого, кружкового и массового, парламентского и террористического. Ни в одной стране не было сконцентрировано на таком коротком промежутке времени такого богатства форм, оттенков, методов борьбы всех классов современного общества, притом борьбы, которая, в силу отсталости страны и тяжести гнета царизма, особенно быстро созревала, особенно жадно и успешно усваивала себе соответствующее «последнее слово» американского и европейского политического опыта».

Ход и исход гражданской войны зависел также и от того, что во главе рабочего класса и всех революционных сил, боровшихся против помещиков и капиталистов, стояла закаленная в боях и в великих политических испытаниях большевистская партия, при чем такая партия, которая свою борьбу и свое революционное руководство основывала на самой передовой и самой революционной теории.

«Марксизм, —писал Ленин,—как единственно правильную революционную теорию, Россия поистине выстрадала полувековой историей неслыханных мук и жертв, невиданного революционного героизма, невероятной энергии и беззаветности исканий, обучения, испытания на практике, разочарований, проверки, сопоставления опыта Европы».

Гражданская война 1918—21 гг. велась «освободившими себя рабочими и крестьянами» и являлась «продолжением политической борьбы за освобождение трудящихся от капиталистов своей страны и всего мира». Она развернулась на территории, занимавшей шестую часть земного шара, и сочетала в себе военные действия регулярных армий, офицерско-кулацкие восстания в тылу и на фронте, белогвардейские заговоры, саботаж чиновников, а также и прямое вооруженное содействие, экономическую блокаду, шпионаж и самые разнообразные происки и интриги сильнейших групп мирового империализма, не останавливавшихся ни перед чем, чтобы раздавить республику Советов.

«Наша война,—писал Ленин,—является продолжением политики революции, политики свержения эксплоататоров, капиталистов и помещиков». И именно поэтому она и вызвала такое бешеное сопротивление всех эксплоататоров и такую исключительную

настойчивость в намерении раздавить советское государство со стороны английских, французских, американских и японских капиталистов, которые не только оказали всестороннюю помощь генеральским армиям, кулацким восстаниям и офицерским заговорам, но и двинули свои собственные вооруженные отряды на территорию Советской Республики».

Когда Ленин на заседании ВЦИК'а 29 июля 1918 г. оценивал военное положение Советской республики, то, имея уже к тому времени мурманский десант, чехо-словацкий фронт, Туркестан, Баку и Астрахань, он подчеркивал, что «мы имеем здесь дело с систематическим, неуклонным, очевидно, давно обдуманным, месяцами подготовлявшимся всеми представителями англо-французского империализма, военным и финансовым контр-революционным походом на Советскую Республику».

Ленин предвидел неизбежность гражданской войны, когда в феврале 1918 г. писал: «Россия идет к новой и настоящей отечественной войне, к войне за сохранение и упрочение советской власти». И тогда он уже тщательно анализировал и определял те основные предпосылки, которые сделают эту войну для нас, если можно так выразиться, «приемлемой». А в конце ноября 1919 года, после многочисленных побед на фронтах, Ленин указывал, что истекшие два года показали, «с одной стороны, возможность развития революционной войны, а с другой стороны, укрепление советской власти под тяжелыми ударами иностранного нашествия».

В марте 1920 года, в речи на Всероссийском съезде трудовых казаков, Ленин, рассматривая вопрос о причинах нашей победы в гражданской войне, говорил так: «Мы одержали победу потому, что мы могли присоединить союзников из лагеря наших врагов. А наши враги, бесконечно более могущественные, потерпели поражение потому, что между ними не было, не могло быть и не будет единства, и каждый месяц борьбы с нами для них означал распад внутри их лагеря».

В этих словах Лениным была дана законченная формулировка основных причин, обусловивших нашу победу в гражданской войне. Но к этому вопросу на протяжении всех лет гражданской войны Ленин возвращался неоднократно и со всей тщательностью устанавливал корни наших побед.

Мы победили потому, что в ходе гражданской войны завоевали и укрепили единство всех эксплоатируемых и угнетенных масс в нашей стране, завоевали «сочувствие и поддержку большинства рабочих и трудящихся крестьян» не только Сибири и Урала, но, в конце-концов, и Украины. Мы победили потому, что имели «крепкий тыл, что масса крестьян и рабочих, несмотря на голод и холод, сплочены, окрепли, и на каждый тяжелый удар отвечают

увеличением сцепления сил и экономической мощи». Мы победили потому, что «трудящиеся стран Антанты оказались ближе к нам, чем к своему собственному правительству», победили потому, что «отняли у Антанты ее солдат». Мы победили потому, что в лагере империализма, который вел против нас войну, не было и не могло быть единства и согласия. Мы победили потому, что научились «защищаться» и создали рабоче-крестьянскую Красную армию, а также и потому, что «в организации Красной армии были великолепно осуществлены последовательность и твердость пролетарского руководства в союзе рабочих и трудящегося крестьянства против всех эксплоататоров». И, наконец, мы победили потому, что сумели установить «правильное соотношение между руководящей коммунистической партией, революционным классом—пролетариатом и массой, т.-е. всей совокупности трудящихся и эксплоатируемых».

Великая трудность победы многократно обнаруживалась в ходе трехлетней гражданской войны, но с особенной наглядностью выяснилась она во время польской кампании.

Ленин неоднократно указывал, что гражданская война 1918—21 гг. была «международной войной против Советской Республики». В польской войне это было обнаружено с особенной остротой, ибо, «наступая на Польшу, мы тем самым наступаем на самую Антанту».

С точки зрения грядущих военных столкновений опыт гражданской войны 1918—21 гг. имеет исключительное значение, так как он вскрыл методы ведения классовой войны рабочих и крестьян против капитализма, а также установил всю совокупность тех условий, которых необходимо добиться для того, чтобы обеспечить себе победу в гражданской войне между пролетариатом и буржуазией.

В теснейшей связи с изучением опыта гражданской войны стоит вопрос об организации вооруженных сил революции в ходе самой войны. В начале 1918 г. советское государство не имело армии, а в конце 1918 г. уже был заложен фундамент боеспособной Красной армии.

В начале марта 1918 г. Ленин говорил: «армии нет, удержать ее невозможно», а в день первой годовщины Октябрьской революции он имел уже возможность констатировать: «от этой беззащитности мы пришли к могучей Красной армии».

Задача организации вооруженных сил пролетариата, «организованного в государство», являлась труднейшей из задач, ибо «вопрос о строении Красной армии,—как указывал Ленин,—был совершенно новый,—он совершенно не ставился даже теоретически».

За первые полтора года существования советского государства была создана боеспособная Красная армия, и был решен ряд важнейших военно-организационных проблем, имевших крупнейшее политическое значение. Разрешение этой задачи было максимально

облегчено тем, что налицо имелись как большие запасы вооружения, так и миллионные кадры обученных военному делу рабочих и крестьян.

В конце 1918 г. Ленин писал, что «новый общественный класс» не может укрепить своего господства «иначе, как постепенно вырабатывая в тяжелой гражданской войне новую армию, новую дисциплину, новую военную организацию нового класса». И вот, в процессе создания этой «новой военной организации нового класса» и приходилось нашей партии решать ряд важнейших организационных проблем.

В своей речи на митинге в Петрограде в марте 1919 г. Ленин, между прочим, говорил: «Социалистическую революцию нельзя совершить без рабочего класса; ее нельзя совершить, если в рабочем классе не накоплено столько сил, чтобы руководить десятками миллионов забитых капитализмом, измученных, неграмотных и распыленных деревенских людей».

В той же речи он выдвигал и вопрос «о военных специалистах», давая ему (несколько позже, в другом месте) такую формулировку: «Задача соединить вооружение рабочих и крестьян с командованием бывших офицеров, которые большей частью сочувствуют помещикам и капиталистам,—есть труднейшая задача».

В Красной армии во время гражданской войны мы имели миллионы «деревенских людей» и «тонкую прослойку руководящего класса пролетариата». И при таком классовом составе армии, при таком количественном соотношении рабочих и крестьян в армии, необходимо было создать такую Красную армию, которая была бы могучим орудием диктатуры пролетариата.

В начале гражданской войны мы должны были строить Красную армию, не имея собственного военного опыта и имея многочисленные кадры старых военных специалистов, обладавших знанием военного дела и боевым опытом. При этом условии необходимо было, используя «военных специалистов», создать социалистическую Красную армию. Разрешение этих задач целиком и полностью упиралось в необходимость обеспечения в армии руководящей роли коммунистической партии. И одновременно с этим обе эти политические задачи требовали разрешения ряда вопросов организационного порядка.

Ленин говорил, что «война есть не только продолжение политики,—она есть суммирование политики в этой неслыханно тяжелой войне, которую взвалили на нас помещики и капиталисты при помощи всемирно-могущественной Антанты».

В процессе гражданской войны и происходило «обучение политике» основных масс крестьянства. В этой борьбе за крестьянские массы, в борьбе за середняка Красная армия сыграла крупнейшую

роль, ибо Красная армия, в которой было большинство крестьян, сделалась «орудием просвещения крестьянства».

Это было важнейшим условием для создания боеспособной армии, и этого мы добились «работой по-новому, политической пропагандой на фронте, организацией коммунистов нашей армии, самоотверженной организацией и борьбой лучших людей рабочей массы», т.-е. организацией политработы и организацией партийно-политического аппарата внутри армии.

Красная армия была «орудием использования буржуазных специалистов». И опять-таки это можно было сделать только «силой новой организации, товарищеской организацией трудящихся», т.-е. созданием в армии такой системы «организующих сил», которая «охватила бы их (буржуазных специалистов. *А. Б.*), полностью подчинила бы себе, заставила бы итти по нашим рельсам, служить нашему делу». И Ленин подчеркивал, что здесь: «Одним насилием ничего не сделаешь. Тут, в добавление к насилию, после победоносного насилия, нужна организованность, дисциплина и моральный вес победившего пролетариата, подчиняющего себе и втягивающего в свою работу всех буржуазных специалистов».

И это условие в Красной армии эпохи гражданской войны было опять-таки обеспечено «организацией коммунистов в нашей армии, самоотверженной организацией и борьбой лучших людей рабочей массы», т.-е. организацией политработы, организацией института военных комиссаров и организацией партийно-политического аппарата внутри армии.

Изучение опыта гражданской войны с точки зрения извлечения из него уроков, полезных для грядущих военных столкновений, должно остановиться на тех основных моментах, через которые прошли как организация политработы, так и организация всех составных частей партийно-политического аппарата Красной армии.

На VIII съезде партии Лениным был поставлен вопрос: «Как создать своих командиров классу, который до сих пор играл роль серой скотины для командиров господствующего империалистического класса?—И тут же он эту задачу формулировал как «задачу сочетания энтузиазма нового революционного творчества с использованием того запаса и склада буржуазной науки и техники милитаризма в самых худших их формах, без которых он не сможет овладеть современной техникой и современным способом ведения войны». В процессе гражданской войны, при решении этой задачи, мы шли двояким путем: с одной стороны, мы «сочетали» буржуазного специалиста и рабочего комиссара, а с другой стороны, мы шли путем подготовки «к командным должностям» рабочих и передовых крестьян.

В результате успешной работы в этих обоих направлениях и выдвинулась проблема единоначалия, которая, будучи поставлена в период гражданской войны, была разрешена в Красной армии, прошедшей через военную реформу 1924 г.

Таким образом, в ходе гражданской войны выдвигался целый ряд военно-организационных задач, имевших крупнейшее политическое значение. И эти задачи, ставящиеся в процессе строительства Красной армии как задачи политического порядка, находили свое разрешение лишь в результате создания внутри армии таких организационных предпосылок, которые в полной мере обеспечивали «сосредоточение политического руководства армии» в руках рабочего класса и его партии. Гражданская война 1918—21 гг. была великой классовой войной «организованного в государство» пролетариата против империализма. В ходе ее впервые в истории человеческого общежития создалась Красная армия, являющаяся орудием диктатуры рабочего класса. Изучение опыта гражданской войны имеет важнейшее значение и со специально военной точки зрения.

Гражданская война, Октябрьская революция, Февральский переворот, империалистическая война неразрывно связаны между собой, как звенья одной и той же исторической цепи. Это обстоятельство необходимо иметь в виду при изучении всех элементов гражданской войны. Только при точном учете этого обстоятельства можно составить себе правильное представление о той материально-технической базе, на которой развернулась гражданская война 1918—1921 гг., а также и о той военной технике и тех ресурсах всех видов довольствия, которыми располагала трехлетняя война рабочих и крестьян против помещиков и капиталистов.

На X съезде партии в 1921 г. Ленин говорил: «Страна несколько лет напрягалась исключительно для военных задач, поддерживала эти задачи всем, не жалела ничего из последних остатков своих скудных резервов и ресурсов на эту цель, и только по окончании войны мы увидели всю ту степень разорения и нищеты, которые надолго осуждают нас на простое только излечение ран».

Империалистическая война произвела гигантские разрушения производительных сил страны, саботаж и жалкое бессилие всех буржуазных правительств предоктябрьского периода увеличили эту растрату производительных сил. Гражданская война, навязанная нам собственными капиталистами и буржуазией Антанты, происходила на территории страны, гигантски экономически разоренной в течение предшествующих четырех лет; в свою очередь, она еще более углубила эту экономическую разруху.

Если взять потери армии в труде (т.-е. прямые боевые потери), то в империалистическую войну они составляли 36,6% общих потерь армии и гражданского населения в труде, а потери гражданского

населения в труде—63,4%. Если же взять соответствующие данные для гражданской войны, то соотношение будет совсем иное, а именно: потери армии в труде в гражданскую войну составляют 8,5%, а потери гражданского населения в труде—91,5%. Одно это уже предопределяло колоссальный размах разорения, последовавшего в результате трехлетней гражданской войны, охватившей всю страну от Владивостока до Минска, от Туркестана до Ленинграда.

Сумма «утерянной трудоспособности», в результате мировой войны и войны гражданской, измеряется цифрой 137,5 миллиардов золотых рублей. При этом чистая потеря для империалистической войны равняется 40 миллиардам рублей, а для гражданской войны—51 миллиарду рублей, не включая сюда ни расходов по ведению войны, ни вызванных ею разрушений и т. д.

Гражданская война велась три года. Она не была ограничена каким-либо определенным участком территории, а велась на огромном пространстве всей страны,—в каждом городе, в каждой самой захолустной деревне, на каждой железнодорожной станции, на каждом заводе и фабрике. Поэтому и экономические разрушения, ею произведенные, были чрезвычайно велики.

Прежде всего были чрезвычайно велики те разрушения, которые были произведены непосредственно военными действиями. За время гражданской войны было разрушено 3.672 железно-дорожных моста, 3.597 обыкновенных мостов, 4.331 телеграфных аппаратов, 86,5 тыс. верст телеграфных проводов и т. д.

Материальная база за годы гражданской войны резко сузилась, уровень производительных сил резко понизился.

В области сельского хозяйства эти разрушения выражались в сокращении посевных площадей, сбора хлебов, количества скота, в резком понижении урожайности, в резком снижении всей сельскохозяйственной продукции и в разрыве связи между миллионами крестьянских хозяйств и социалистической индустрией.

Посевная площадь зерновых культур сократились в 1920 году сравнительно с 1916 годом на 23%, а технических культур—на 56%, при чем посевы хлопка сократились в 8 раз, а табака—в 10 раз. Сбор хлебов за время гражданской войны сократился на 30%, урожайность упала с 93% довоенных в 1917 году до 70% к довоенным в 1920 году. Размер хлебных излишков сократился в 10 раз. А сокращение количества скота в 1920 году, сравнительно с 1916 годом, колеблется от 55% (овец и коз) до 79% (крупного рогатого скота). И не только почти сошла на-нет товарная часть сельскохозяйственной продукции, но к голодному минимуму подошло и внутреннее потребление крестьянского хозяйства.

Вся страна была поставлена под ружье, все ее силы были напряжены для обслуживания нужд войны. Удовлетворение потребностей

Красных армии и фронта стояло на первом месте. По планам государственного распределения, на 1920 год Красной армии назначалось: муки- 25% общего количества, распределяемого госорганами, зернофуража, жиров, мыла и хлопчатобумажной ткани—40%, крупы—50%, мяса, рыбы и сахару—60%, мужской обуви—90% и табаку—все 100%. Промышленное снабжение для города и особенно для деревни в некоторых случаях упало до полного нуля.

В области промышленности разрушительное влияние войны было не менее резким и глубоким. Крупная промышленность за годы гражданской войны сократилась в четыре раза, ее валовая продукция понижалась такими скачками: в 1917 году—77% (к 1913 году), в 1918 г.—35%, в 1919 г.—26% и в 1920 г.—18%. К 1920 году выплавка чугуна дошла до 2,4% к довоенному, добыча руды—до 1,7%, меди—до 0, азотной кислоты—до 4,4%, производство вагонов—до 4,2%, паровозов—до 14,8%, плугов—13,3%, сахара—до 6,7% и хлопчатобумажной пряжи—до 5,1%. В одном обзоре состояния металлической промышленности в 1920 году о южной металлургии мы читаем: «Производство второго полугодия и даже всего года так бесконечно далеко отстает от мощности южных заводов, что цифры эти не поддаются никакому сравнению с довоенной производительностью». И далее обзор отмечает «судорожное метание от пуска то одного, то другого завода», «абсолютное невладение производственным планом» и «неоправдывающиеся расчеты на топливо».

Мелкая промышленность в 1920 году, сравнительно с 1912—1913 годом, сократилась более чем в два раза (валовая продукция дошла до 43% к довоенному).

В области транспорта война привела к резкому повышению числа больных паровозов и вагонов, разрушению железнодорожного оборудования и к понижению пробега грузов, обслуживавших народное хозяйство. Количество больных паровозов в 1920 году поднялось до 57%, больных вагонов—до 23%, а пробег грузов, обслуживавших хозяйство и население, сократился в 8 раз.

Тов. Г. М. Кржижановский указывает, что к периоду новой экономической политики хозяйство Советской Республики дошло «до последней грани экономической разрухи».

Если взять несколько показателей этой разрухи к концу мировой войны, а затем к концу гражданской войны, то получим такую картину: сбор хлебов к концу мировой войны, сравнительно с довоенным уровнем, составлял 88%, а к концу гражданской войны—62%; валовая продукция промышленности к концу мировой войны—77%, а к концу гражданской войны—18%.

Таким образом, «гражданская война происходила,—как указывает т. Крицман,—на значительно более низком уровне производительных сил, чем война империалистическая».

В начале 1918 года Ленин писал, что «нового, более высокого экономического строя еще нет», а после окончания гражданской войны он подчеркивал, что «у нас подхода настоящего к социалистической экономике, построению ее фундамента—нет».

Оценивая экономику гражданской войны, Ленин говорил, что «смычки между экономикой, которая строилась в национализированных, социализированных фабриках, заводах, совхозах, и экономикой крестьянской,—не было», что «неимоверное разорение страны, недостаток топлива, сырья и транспорта приводит к тому, что мелкое производство существует отдельно от социализма» и что нужда и разорение таковы, что восстановить сразу крупное фабричное государственное социалистическое производство мы не можем».

Таким образом, мы вступили в гражданскую войну в такой момент, когда мы не сумели еще заложить фундамент социалистической экономики, а кончили эту войну при наличности экономической разрухи, дошедшей «до последней грани».

«Вся история войн,—говорил Меринг,—может быть только тогда понятна, если ее свести к ее экономическим основаниям». Характер и ход гражданской войны будут тоже понятны только в том случае, если вывести их из тех экономических оснований, на которых эта война выросла.

Гражданская война 1918—1921 гг. развернулась на резко сниженной общей материальной базе. Но это ни в какой степени не может еще разрешить вопроса о технической базе гражданской войны. Для установления этой последней необходимо было бы иметь данные о производстве основных видов вооружения за годы империалистической войны и за годы гражданской войны, данные об общем расходе разных видов вооружения и боеприпасов за 1918—1920 гг. и те доли в этом расходе, которые покрывались запасами мировой войны и произведенным во время гражданской войны. К сожалению, этих данных нет в нашем распоряжении; их не было и в распоряжении и авторов соответствующих статей во втором томе нашего издания. Поэтому нам, во-первых, придется принять, как более или менее установленное, что целый ряд потребностей войны удовлетворялся главным образом за счет ресурсов, оставшихся от империалистической войны, и за счет многочисленных трофеев гражданской войны, и, во-вторых, нам придется ограничиться лишь тем, чтобы привести ограниченные цифровые данные в качестве иллюстраций для характеристики военной производительности и военной техники периода гражданской войны.

Если продукция целого ряда отраслей крупной промышленности, обслуживавших потребности войны, резко упала за время гражданской войны, то неизбежным следствием этого было и снижение продукции военной промышленности.

В 1920 году, сравнительно с 1917 годом, производство винтовок упало в три раза, производство пулеметов—более чем в два с половиной раза и производство винтовочных патронов—в два с половиной раза. Производство пушек и снарядов уменьшилось еще более резко. На чрезвычайно низком уровне стояло также производство самолетов и авиационного имущества. Если для сравнения взять 1916 г. (год максимального производства), то упадок военной промышленности гражданской войны будет еще более резким.

Военное производство гражданской войны (беря 1920 г.—год максимума) по винтовкам и пулеметам выше довоенного (1913 г.), по винтпатронам—ниже. Сравнение 1915 и 1920 гг. дает такую картину: производство винтовок в 1920 г. упало сравнительно с 1915 г. более чем в два раза, производство патронов—около двух раз, производство пулеметов («Максим») стояло почти на одном уровне.

В июле 1920 года тов. Рыков так характеризовал военное производство и снабжение: «За истекший год снабжение Красной армии и военное производство поставлены на твердые ноги, и, несмотря на непрерывный усиленный рост Красной армии и продолжавшееся истощение общих ресурсов республики, снабжение армии улучшилось по сравнению с предыдущей эпохой».

Армия гражданской войны, примерно, в два с половиной раза была меньше армии империалистической войны. Гражданская война была войной ружейной-пулеметной; роль артиллерии в ней была значительно меньше, чем во время империалистической войны, а артиллерийские запасы, оставшиеся от мировой войны, были очень значительны. Но если даже принять во внимание эти немаловажные обстоятельства,—все же придется констатировать упадок кадровой военной промышленности во время гражданской войны и низкий уровень ее сравнительно с периодом империалистической войны (если взять военную продукцию и по годам и в общей сумме).

Гражданская война знает организацию новых военных производств, а также и работу по суррогированию, но надо прямо сказать, что как первое, так и второе во время гражданской войны не получили хоть сколько-нибудь широкого развития.

Для характеристики материально-технической базы гражданской войны немалое значение имеет оценка состояния и работы железнодорожного транспорта. Общеизвестно, что во время гражданской войны наш железнодорожный транспорт пришел в состояние чрезвычайного упадка. Мосты, мастерские, депо, паровозные и вагонные парки подверглись громадному разрушению. В 1920 году, сравнительно с 1917 годом, число здоровых паровозов на 100 верст пути уменьшилось более чем в два раза. Точно так же и число здоровых вагонов на 100 верст пути уменьшилось около двух раз. Но одновременно с этим следует отметить исключительную работу

железных дорог по обслуживанию фронта. Количество эшелонов людских, конских и грузовых за три года гражданской войны непрерывно увеличивается: в 1918 году их было 6.937, а в 1920 году — уже 21.005. В соответствии с этим и общее количество эшелоноверст поднялось со 104 миллионов до 315 миллионов.

Для оценки технической базы гражданской войны немаловажным является то обстоятельство, что во время империалистической войны налицо имелось развитие военной техники, тогда как во время гражданской войны техника в лучшем случае стояла на одном уровне, а военная продукция испытала резкое понижение.

За время империалистической войны значение пехоты и кавалерии в общей массе войск уменьшилось, а численная роль артиллерии, авиации и инженерных войск возрастала.

За время империалистической войны во французской армии число артиллеристов более чем удвоилось, число пушек почти утроилось, и количество батарей с 5 на 1 *км* в 1914 году возросло до 40 - в 1917 году. К концу империалистической войны во французской армии тяжелая артиллерия составляла больше половины всей артиллерии, а, как известно, Франция начала войну без тяжелой артиллерии. В начале войны число самолетов во французской армии равнялось 200, а к концу войны эта цифра поднялась до 3.300 самолетов. В Германии в 1914 году было до 60 самолетов, а осенью 1918 года—около 2.000. В начале войны германская армия имела около 500 легковых автомобилей, а к концу войны их было уже до 20 тысяч. Относительно развития военной химии в империалистическую войну мы ограничимся лишь замечанием М. Шварте, который писал, что «действие газов было оценено настолько высоко, что к концу войны в Германии около одной четверти всех боевых припасов для артиллерии составляли химические снаряды». Следует также отметить, что, несмотря на то, что во французской армии численность пехоты и кавалерии сократилась,—«огневое могущество этих родов войск усилилось почти втрое, благодаря умножению их материальных средств—пулеметов, автоматов, ручных гранат, пушек и артиллерии сопровождения».

Гражданская война 1918—1921 гг. дала значительный численный рост кавалерии и понижение в общей массе войск артиллерии. Несмотря на чрезвычайно высокое насыщение пулеметами как пехоты, так и кавалерии, все же пулеметная техника во время гражданской войны не двинулась вперед, а производство пулеметов, как это было показано выше, резко сократилось.

Целый ряд причин сочетался для того, чтобы обусловить это различие в развитии техники и военного производства во время империалистической, как и во время гражданской войны. Это объясняется, прежде всего, тем, что империалистическая война 1914—

1918 гг. происходила при вполне сложившихся капиталистических отношениях (империализм), а гражданская война 1918—1921 гг. происходила в период военного коммунизма, когда, по словам Ленина, у нас не было еще настоящего подхода к построению фундамента социалистической экономики, а одновременно с этим имели место экономическая разруха, распыление рабочего класса, саботаж технического персонала, и т. д., и т. д.

К этому следует добавить, что империалистическая война имела устойчивую, мало подвижную линию «позиционного» фронта, а гражданская война происходила при весьма высокой маневренности всех операций, чрезвычайно подвижном фронте и широком развитии методов «малой войны».

И, наконец, империалистическая война была войной между капиталистами, и происходила она при относительно устойчивом тыле, а гражданская война, — классовая война между пролетариатом и буржуазией, — происходила при наличности такого тыла, который сам был ареной ожесточеннейших вооруженных столкновений.

В силу этого во время империалистической войны все усилия могли быть сосредоточены на развитии военной промышленности, на приспособлении всей промышленности для обслуживания нужд войны и на развитии военной техники, тогда как во время гражданской войны резко падающий уровень производительных сил страны, дезорганизация военной промышленности, чрезвычайно подвижной фронт, то быстро продвигавшийся вперед, то с не меньшей быстротой откатывающийся назад вглубь страны, лишали всякой возможности систематически работать над расширением военного производства и развитием военной техники.

Громадная энергия передовых революционных элементов освободившегося народа была сосредоточена, главным образом, на преодолении экономической разрухи и на «усовершенствовании» методов борьбы за массы. Во время гражданской войны эти задачи стояли и не могли не стоять на первом месте.

Именно здесь лежат главнейшие корни того, что гражданская война 1918—1921 гг. происходила в лучшем случае при стабильном состоянии техники и падающей военной производительности.

Изучение гражданской войны с оперативно-тактической точки зрения—все еще дело будущего. Наш трехтомник кладет только начало (и притом очень скромное начало) этому изучению.

До сих пор мы не имеем научно построенного и на основании архивного материала проверенного стратегического очерка боевых операций Красной армии. До сих пор мы, по сути дела, еще совершенно не приступили к разработке тех «узловых тем», которые дали бы нам картину развития нашего военного искусства эпохи гражданской войны. Эта работа имеет для нас исключительное

значение не только с точки зрения научно-теоретической, но и с точки зрения практических военных потребностей данного момента. Наше издание имеет целью заполнить эти пробелы. Но, к сожалению, приходится констатировать, что мы не смогли, как надлежало бы, выполнить этой задачи, ибо кадры наших научно-исследовательских сил все еще очень немногочисленны,—наша военная молодежь завалена практической работой,—и мы все еще не обладаем в области военно-научной исследовательской работы таким уровнем, который обеспечил бы минимум требований, обязательных для научного исследования». Эти обстоятельства в полной мере отразились и на характере нашего трехтомника. Редакция считает своей обязанностью откровенно об этом заявить. Редакция убеждена, что только такая постановка вопроса даст возможность соответствующим образом подойти к оценке настоящего издания, а одновременно побудит нашу военную науку по-настоящему подойти к изучению опыта гражданской войны.

Изучая опыт гражданской войны 1918—1921 гг., нельзя уклониться от сопоставления основных отличительных черт всех войн последнего десятилетия, и в первую очередь—империалистической войны 1914—1918 гг. и последовавшей за нею нашей гражданской войны.

Империалистическая война по своему основному характеру являлась грабительской войной капиталистов в интересах капиталистического раздела земного шара. Она происходила на базе высокого развитого капитализма, при высокой и непрерывно совершенствующейся военной технике, при наличности совершенно сложившихся, имевших громадный военный опыт военных организаций и при преобладании элементов позиционной войны, с большой технической нагрузкой и чрезвычайно малой маневренностью.

Гражданская война являлась классовой войной «организованного в государство» пролетариата против собственных капиталистов и помещиков, против шляхетской Польши и буржазии лимитрофов,—войной, дирижерская роль в которой принадлежала империализму Антанты. Она происходила в условиях военного коммунизма, на базе экономической разрухи, при стационарной военной технике, пользующейся материальными ресурсами бывшей царской армии, при наличности складывающейся в ходе войны организации вооруженных сил, при широком развитии методов «малой войны» и высокой маневренности военных операций регулярных армий.

Громадная ценность опыта гражданской войны заключается в том, что эта война велась на громадной территории, отличающейся большим разнообразием в отношении географических условий, уровня культуры, классового и национального состава, и особенно потому, что эта война дала образцы операций исключительной маневренности при сочетании боевых действий регулярных армий

с непосредственной вооруженной классовой борьбой различных групп населения как в тылу, так и в полосе фронта.

Более детальная характеристика гражданской войны 1918—21 гг. складывается из целого ряда элементов, устанавливающих ее своеобразие.

Гражданская война была войной исключительной маневренности и чрезвычайной подвижности линии фронта, хотя и она имела случаи «позиционного стояния». По своему стратегическому характеру это была война на сокрушение, при чем Красная армия, ставила себе задачу последовательного разгрома живой силы неприятельских армий, направляя свои главные удары то против одного, то против другого белого фронта, сосредоточивая на нем основную массу своих вооруженных сил.

Эти боевые операции были одновременно борьбой за основные источники сырья, без которых Республике Советов грозила неизбежная гибель (хлеб, хлопок, уголь, нефть). Для операций гражданской войны, при их маневренности, характерны наступательные операции большого протяжения и глубокие рейды, направляемые в тыл расположения противника. Гражданская война, развернувшись на гигантской территории, имела громадную линию фронта, на которой велись боевые операции (фронт гражданской войны имел 8 000 *км* протяжения, а восточно-европейский фронт империалистической войны 1500 *км*). При широком распространении методов «малой войны» и теснейшего сочетания их с боевыми операциями регулярных армий, линия, разделяющая фронт и тыл, фактически была ликвидирована,—была ликвидирована в том смысле, что линия фронта была чрезвычайно подвижной, и вооруженная борьба, вспыхивая то там, то здесь, велась на всей территории страны.

При огромном протяжении линии фронта и малочисленности армии (сравнительно с империалистической войной), насыщенность фронта войсками и техническими средствами была невысокая, при чем немалое значение имело здесь и то обстоятельство, что во время гражданской войны на самой линии фронта находилась незначительная часть всей многомиллионной армии. Так из $5^1/_2$-миллионной армии в 1920 году против Польши была сосредоточена $^1/_9$ часть ее, а из этой общей массы бойцов на самой линии фронта находилась $^1/_4$. Одной из характернейших особенностей гражданской войны является также и своеобразное расположение материальных баз оперирующих войсковых соединений, а именно, нередко эти базы находились не позади оперирующих войск, а впереди их, по ту сторону линии фронта. И, наконец, не менее характерной чертой гражданской войны являлся факт прямого участия в вооруженной борьбе громаднейших рабоче-крестьянских масс. Обычные

утверждения, что современные войны ведутся народами, являются жалким лепетом сравнительно с действительным участием масс в непосредственной вооруженной борьбе, которая имела место в гражданской войне 1918—21 гг.

В теснейшей связи с оперативно-тактической характеристикой гражданской войны стоят три вопроса: вопрос о характере маневренности гражданской войны; вопрос о слабости техники в гражданскую войну и вопрос о материальных базах в операциях гражданской войны.

Маневренность есть производное многих условий. Империалистическая война на западном фронте имела свой маневренный период. Правофланговые немецкие армии в своем марш-маневре от бельгийской границы к Марне прошли это расстояние с исключительной быстротой. Армия генерала Клука весь путь от Аахена до южного берега Марны (520 *км*) сделала со скоростью 23 *км* в сутки.

Гражданская война знает такие марш-маневры, как преследование Колчака от Омска до Иркутска в конце 1919—начале 1920 года протяжением 2.500—2.807 *км* и при средней скорости суточного движения 20—25 *км*. Продвижение наших войск при ликвидации Врангеля имело суточную скорость в среднем 40—45 *км*.

В. Ф. Новицкий (в печатающемся втором томе его исследования «Мировая война 1914—1918 гг.», откуда взяты и выше приведенные цифры), говоря о «боевых явлениях кампании 1914 года», отмечает, что «в них нет того богатого использования технических средств, которые так характерны для периода позиционных операций, но ведь не следует забывать, что никакая маневренная война не может иметь такого сложного технического снаряжения». Несмотря на это, все же следует отметить, что операции 1914 года имели иную материально-техническую базу, чем операции гражданской войны. И это налагало определенный отпечаток на характер маневренности в первый (маневренный) период империалистической войны, который отличает ее от маневренности периода гражданской войны. Приведенные нами выше цифры, взятые из второго тома нашего издания, свидетельствуют о том, что гражданская война, при наличности невысокой насыщенности фронта войсками, дала образцы таких маневренных операций, которые отличались от маневренных же операций империалистической войны значительной глубиной своего продвижения, а также и более значительной суточной скоростью своих маршей.

Маневренность зависит также и от организации территории, прежде всего—от степени насыщения территории железными дорогами.

В. Ф. Новицкий, анализируя маневренные операции на франко-бельгийском фронте в 1914 году, указывает, что «на такую

подвижность и стремительность операций, несомненно, оказало свое влияние широкое использование железных дорог и автомобилей». При слабости нашей железнодорожной сети и автомобилизма стремительность продвижения войск обусловливалась иными причинами (массовым использованием крестьянских подвод, быстрым продвижением конницы и т. д.).

Характер маневренности зависит, далее, и от соотношения родов войск в общей численности армии. При преобладании кавалерии маневренность будет носить один характер, а в войсках, насыщенных техническими средствами, но в то же время богато снабженных механической тягой, маневренность будет иметь другой характер.

Степень маневренности обусловливается, наконец, и общим характером данной войны. Несомненно, что именно классовый характер войны 1917—1921 гг. (конечно, при наличности целого ряда других обстоятельств) наложил свой резкий отпечаток на характер тактической подвижности участвовавших в ней войск. Вооруженная борьба рабочих и крестьян против помещиков и капиталистов в 1918—1921 гг. отличалась таким небывалым и таким непосредственным вовлечением в эту борьбу гигантских многомиллионных масс, таким массовым энтузиазмом и такой исключительной ударностью, что это в значительной степени предопределяло и основной характер боевых операций Красной армии. И сущность дела заключалась здесь совсем не в том, что Красная армия выработала свою, «пролетарскую», стратегию и тактику (об этом преждевременно говорить),—корни этого явления лежат в природе гражданской войны 1918—1921 гг., т.-е. в том, что это была классовая война между «освободившимися рабочими и крестьянами»—с одной стороны, и буржуазией—с другой. Не лишним будет также вспомнить, что гражданская война 1918—1921 гг. была не только продолжением «политики революции», но она «обучила» правильной политике многомилионные рабоче-крестьянские массы, при чем это «обучение» крестьянских масс происходило таким образом, что крестьянство неоднократно колебалось в поддержке то генералов, то большевиков и только в конце-концов, убеждаясь на практической проверке, переходило на сторону революции. И нет ничего неожиданного в том, что именно классовая война 1918—1921 гг. поставила на такое видное место конницу. Характеру ожесточенной вооруженной классовой борьбы, каковой была наша гражданская война, с ее громадной массовидностью, энтузиазмом, ненавистью, ударностью и стремительностью, вполне соответствовал характер боевых действий такого рода войск, как кавалерия. Поэтому, при наличности целого ряда объективных обстоятельств (конский состав, подготовленные кадры кавалерийского состава и т. д.), конница в гражданской войне и выдвинулась на столь видное место.

Полезно подчеркнуть, что в маневренной классовой войне между пролетариатом и буржуазией в 1918—1921 гг. кавалерия сыграла крупнейшую роль, между тем как даже в маневренный период империалистической войны между капиталистами в 1914 году роль кавалерии была ничтожна.

И весьма характерно, что В. Ф. Новицкий, подытоживая опыт военной кампании на франко-бельгийском фронте в 1914 году, пишет, что «эта кампания подтвердила, как общее правило, что кавалерия, в отношении боевых действий в конном строю, вытеснена с общих полей сражений; в сражениях 1914 года, правда, встречаются единичные случаи небольших кавалерийских боев, но эти частные эпизоды никогда не принимали значительных размеров и не оказывали никакого влияния на исход этих сражений».

Немалую роль в степени подвижности войсковых масс Красной армии на фронтах гражданской войны сыграла и та организация снабжения войск всеми видами довольствия, которая создалась на территории Советской Республики в ходе гражданской войны. В этом пункте мы вплотную подходим к вопросу о материальных базах в операциях гражданской войны.

Гражданская война 1918—1921 гг. была войной с перевернутыми базами.

Во втором томе нашего издания читатель найдет некоторые цифры, подтверждающие это положение. Показательными являются цифры удовлетворения продовольствием фронтовых частей по нарядам центра и путем самозаготовок фронта. Так, например, по целому ряду предметов продовольствия (ржаная мука, крупа, мясо, рыба, зернофураж и проч.) самозаготовки Кавказского фронта с октября 1919 года по март 1920 года составляли от 70,8% (крупа) до 96,7% (овощи) общего количества отпущенного продовольствия.

Примерно, то же самое следует отметить и в отношении пополнения фронтов людским составом. Продвижение красных частей к рабочим центрам Урала или к восставшим против Колчака крестьянским районам Сибири создавало благоприятные условия для пополнения фронтовых частей Красной армии восточного фронта новым красноармейским составом, вместо той убыли, которая была очень значительна вследствие ожесточенных боев и эпидемии тифа.

О военной технике периода гражданской войны широко распространено мнение, что она характеризовалась весьма низким уровнем как в отношении качества технических средств, так и в отношении количества их в частях Красной армии.

Что во время гражданской войны мы были страной экономически отсталой и неслыханно разоренной, что наш материально-технический

уровень был весьма невысок, что техническое оборудование было изношено до крайних пределов,— это есть истины, не требующие доказательства. Но из одного этого факта ни в коем случае нельзя сделать вывода о слабости военной техники Красной армии периода гражданской войны. Этот вопрос является до сих пор наименее разработанным. Суждения по этому вопросу до сих пор составляются по большей части на основании личного опыта участников войны 1918—21 гг. и некоторых отрывочных данных.

Всякая маневренная война до настоящего времени неизбежно приводила к понижению уровня насыщения техническими средствами войсковых частей, принимавших участие в такого рода войне.

Французский генерал Эрр отмечает, что количество батарей ко времени наступления «в открытом поле» летом 1918 года во французской армии «упало, в среднем, до 20 батарей на один километр». М. Шварте отмечает в своей книге, что «мировая война дала в позиционный период огромное накопление пионерно-технических средств борьбы как по количеству, так и по могуществу и тяжеловесности; в маневренный же период войны пришлось опять вернуться к простейшим техническим средствам борьбы».

Это правило нашло свое выражение и в той маневренной войне, какой была гражданская война 1919—1921 гг.

По этой причине, а также и по целому ряду других обстоятельств, войска гражданской войны не могли быть перегружены техническими средствами. Но одновременно с этим мы имеем налицо целый ряд фактов, которые свидетельствуют о том, что, например, при разрушенном до последней степени железнодорожном транспорте использование его для фронтовых целей было не ниже, а подчас даже выше, чем на восточно-европейском фронте империалистической войны. То же самое, примерно, можно отметить и в отношении насыщения частей Красной армии различного рода техническими средствами.

По штату № 220 (1918 г.), дивизия должна была иметь численность в 60 тысяч при 432 пулеметах и 116 орудиях, а по штату 1920 г.—48 тысяч при 240 пулеметах и 32 орудиях.

Имели же мы дивизию 9—15 тыс. состава при 120—150 станковых пулеметах и 22—28 орудиях. Если сравнить ее с дивизией 1917 г., то получаем такие соотношения: в нашей дивизии на 1.000 бойцов имелось 12—15 (иногда 20) пулеметов и 2—3 орудия, а в дивизии 1917 г.—$3^1/_2$ пулемета и 2—3 орудия. На 1 орудие в 1920 году приходилось 5—8 пулеметов, а в 1917 году — $1^1/_3$ пулеметов.

В целом ряде случаев насыщенность пулеметами наших частей была еще более высокой, чем указанная выше.

Все это заставляет нас еще раз подчеркнуть условность ходового мнения о «слабости техники» в частях Красной армии периода гражданской войны.

В кавалерии количество тяжелых пулеметов было тоже весьма высоко. Во втором томе нашего издания читатель встретится с выводом, что артиллерия и пулеметы являлись «опорой боевых порядков конницы».

Приведенные цифровые данные, конечно, ни в малейшей степени не решают вопроса об оценке уровня военной техники периода гражданской войны, но они лишний раз подчеркивают, что этот вопрос не так уж прост, как он представляется многим, и что он может получить правильное разрешение лишь после обстоятельной архивной его разработки.

Мы остановились лишь на сравнительно небольшом количестве тех важнейших военных проблем, которые выдвинуты гражданской войной 1918—1921 гг. Но эти немногие проблемы в достаточной мере свидетельствуют о многообразии и ценности опыта этой классовой войны между пролетариатом и буржуазией.

В отношении к истории гражданской войны мы встречаемся с двумя крайними, одинаково вредными, точками зрения: с фетишированием опыта гражданской войны и с пренебрежением, даже отрицанием ценности этого опыта. За последние годы обе эти точки зрения потеряли значительную часть своей остроты. На смену подчас весьма резкому, в прошлом, столкновению этих двух «направлений» военной мысли пришло единственно правильное отношение, признающее за опытом гражданской войны важнейшее значение, но одновременно требующее тщательного и трезвого изучения всех кампаний гражданской войны и всех проблем военного дела эпохи этой войны.

Мы считаем необходимым самым решительным образом отвергнуть всякую тенденцию рассматривать гражданскую войну 1918—1921 гг., как малоинтересный эпизод в истории военного искусства. Одновременно мы считаем точно так же необходимым предостеречь от такого взгляда на гражданскую войну, который рассматривает ее как войну, создавшую «новую военную тактику»—пролетарское военное искусство.

Глубоко ошибочно было бы сделать вывод о малой значимости для нас опыта гражданской войны 1918—1921 гг. с точки зрения особенностей нынешнего момента в истории Союза Советских Республик. Под какими бы лозунгами мировая буржуазия ни предприняла нападение на Советский Союз,—война, которая явится следствием этого нападения, будет войной революционно-классовой, и, как таковая, она неизбежно и во многом должна будет исходить из опыта первой революционно-классовой войны «организованного

в государство» пролетариата против капитализма, т.-е. гражданской войны 1918—1921 гг.

Необходимость изучения опыта гражданской войны 1918—1921 гг. сейчас стоит острее, чем когда-либо. Международная обстановка вновь и вновь сигнализирует неизбежность нарушения той передышки, которой пока еще пользуется страна строящегося социализма. «Капиталистическое развитие в целом,—читаем мы в резолюции XV партийного съезда,—обнаружило тенденцию сократить исторические сроки мирной передышки, приблизить новую полосу больших империалистических войн и ускорить революционную развязку мировых конфликтов». И при этом XV съезд особо отмечает, что «наступление мирового капитала на рабочий класс находит свое наиболее концентрированное выражение в подготовке войны против СССР».

Как в самой Красной армии (в частности, ее средний командный состав), так и вне ее подрастает новое поколение, не прошедшее суровой школы войны и не имеющее ее практического боевого опыта. Для этих кадров изучение гражданской войны 1918—1921 гг. должно будет в известной мере восполнить отсутствие у них боевого опыта. Наконец, все свое значение опыт гражданской войны сохраняет и для других отрядов международного пролетариата и угнетенных народов колоний и полуколоний, уже ведущих борьбу с империализмом.

Цель настоящего трехтомного издания с одной стороны—положить начало систематическому изучению опыта гражданской войны и дать всем изучающим этот опыт минимальный материал и основные отправные данные для этого изучения, с другой стороны—толкнуть вперед дело разработки вопросов гражданской войны как по архивным материалам, так и по воспоминаниям и указаниям участников этой войны.

Перед редакцией стояла нелегкая задача дать такую историю войны 1918—1921 гг., которая не являлась бы только изложением истории высшего командования или давала бы только описание военных кампаний гражданской войны. Мы поставили перед собой задачу освещения гражданской войны по возможности во всей грандиозности ее боевых эпизодов и со всем своеобразием форм и методов ведения этой классовой войны. Редакция настоящего издания вполне представляет себе некоторую «преждевременность» такой постановки вопроса, ибо до сих пор еще очень слабо разработаны архивные источники, почти совсем не подытожен боевой опыт участников гражданской войны и, наконец, целый ряд явлений гражданской войны по тем или иным причинам не может еще получить всестороннего освещения.

Но, несмотря на это, мы все же должны уже в настоящее время начинать эту работу, закладывать фундамент того научного

исследования, которое будет закончено значительно позже,—подготовлять для него соответствующие материалы.

Мы признали наиболее целесообразным наше издание разделить на три тома. Первый том дает описание и освещение отдельных фактов, боевых эпизодов и операций Красной армии, по возможности наиболее характерных, вскрывающих ту обстановку, в которой протекала борьба Красной армии в героическую эпоху войны 1918—1921 гг. Второй том рассматривает важнейшие вопросы военного искусства Красной армии. Третий том дает оперативно-стратегический очерк боевых действий Красной армии.

Мы заранее предупреждаем читателя о неизбежных недостатках нашего труда и о далеко недостаточной полноте его.

В своей работе как редакция, так и авторы настоящего труда, помимо вышеуказанного, были ограничены весьма и весьма жесткими сроками, связанными с необходимостью издать весь трехтомник к десятилетию Красной армии.

Мы поставили себе задачей, помимо использования архивных материалов, привлечь возможно шире к участию в настоящем издании непосредственных участников гражданской войны 1918—1921 гг.

Помня, что ряды последних с каждым днем все более и более редеют, мы обратились к ним с соответствующим приглашением как через печать, так и персонально.

С глубоким удовлетворением должны мы отметить, что, несмотря на весьма краткий срок, наше приглашение нашло живой отклик и в рядах Красной армии, и вне ее. Кроме лиц, непосредственно принявших участие в той или иной форме в составлении настоящего труда, более 200 лиц откликнулись на наше приглашение (список их будет помещен в III томе) и прислали самые разнообразные материалы в виде дневников, воспоминаний, рассказов, исследований, заметок, писем, фотографий и т. п., которые в той или иной степени были использованы редакцией в настоящем труде.

Мы считаем безусловно необходимым широкое привлечение непосредственных участников гражданской войны потому, что наши архивы не могут служить исчерпывающим источником для составления истории гражданской войны.

Наши архивы достаточно полно освещают историю высшего командования, но они не всегда с необходимой отчетливостью отражают работу самих войск и их творчество на поле боя.

Совершенно неизбежная слабость подготовки войсковых штабов в гражданской войне нередко приводила к тому, что они далеко не в полной мере отражали в своих оперативных документах подлинную историю боевых действий самих войск.

В то же время в наших архивах мы наталкиваемся на целый ряд крупнейших пробелов, а значительная часть архивных материалов

находится еще в распыленном состоянии (в распоряжении местных архивов, отдельных лиц и т. д.).

Выход из печати настоящего трехтомника не должен остановить участников гражданской войны в присылке имеющихся у них материалов, относящихся к этой героической эпохе.

Поставив себе целью, как указано выше, положить лишь начало систематическому изучению опыта гражданской войны 1918—1921 гг., редакция рассчитывает, что дальнейшая присылка участниками этой войны соответствующих материалов даст возможность продолжить настоящий труд и тем самым, в конце концов, собрать материалы для исчерпывающей истории нашей гражданской войны.

Редактирование этого издания было организовано таким образом, что, кроме общей редакции, которая осуществляла руководство всем изданием и просмотр всего материала,—для каждого отдельно тома была составлена особая редакционная коллегия, проводившая всю редакторскую работу по данному тому.

Редакционная коллегия I тома состояла из тт. Меликова, Русанова и Де-Лазари, II тома из тт. Белицкого, Свечина и Никонова и III тома—из тт. Тухачевского, Какурина и Вацетиса. Полный список сотрудников каждого тома будет указан в предисловиях к отдельным томам. Настоящее предисловие написано нижеподписавшимся и было просмотрено общей редакцией. Предисловие ко II тому поручено т. Каменеву, С. С., а к III тому т. Тухачевскому, М. Н.

Редакция считает себя обязанной отметить громадную работу, проведенную по настоящему изданию начальником Военной академии тов. Р. П. Эйдеманом.

Редакция считает также необходимым отметить, что в работе общей редакции и в составлении всех трех томов ближайшее и энергичнейшее участие принимал т. А. Н. Де-Лазари, на котором, помимо указанного, лежала техническая редакция издания, составление схем и предварительный подбор всего иллюстративного материала.

Первый том «Гражданской войны» имеет задачей дать наиболее яркие эпизоды из боевой жизни и быта Красной армии в период ее героической борьбы на фронтах гражданской войны. В этот том вошли статьи-воспоминания и несколько статей-исследований активных участников нашей войны 1918—1921 гг. Своеобразие нашей трехлетней войны получило в настоящем томе свое достаточно яркое выражение.

История Красной армии и гражданской войны есть, в первую очередь, история массовой борьбы, и она будет написана тогда, когда рядовые бойцы-революционеры примут активное участие в ее составлении. Сейчас же важно собрать как можно больше материалов, которые явились бы литературным фундаментом для

будущих исследований. Правдиво и объективно написанные воспоминания участников событий для исследователя гражданской войны имеют громадное значение, ибо многие документы еще не розъисканы, многие были написаны на такой по качеству бумаге, что к настоящему времени превратились в труху, а многие и совсем утеряны.

Винить за такое состояние первоисточников гражданской войны кого-либо подчас просто-таки невозможно, ибо в те незабвенные и бурные дни боевой страды красным бойцам менее всего приходилось заботиться об истории и документах. Читатель, ознакомившись с настоящим трудом, наглядно увидит, какую тяжелую и сложную борьбу по организации масс, по организации отдельных войсковых соединений пришлось вынести на своих плечах нашей партии и пролетариату, чтобы защитить завоевания Октября. Страницы этого тома, говоря словами М. В. Фрунзе, «напомнят о тех днях, когда наша армия крестьян и рабочих, сильная духом, но слабая выучкой и техникой, победоносно отбила все яростные атаки соединенных сил нашего отечественного и международного капитала».

К большому своему сожалению, редакция не могла включить в настоящий том целый ряд ярких боевых эпизодов, которые имели место под Орлом (1919 год), под Варшавой и Львовом (1920 год), и др. Но, учитывая, что данный сборник очерков и воспоминаний, каковым по существу является I том «Гражданской войны», есть первый из серии подобных же изданий, мы надеемся в недалеком будущем восполнить этот пробел. Редакция сочла более удобным расположить статьи в хронологическом порядке и по фронтам. В соответствии с этим расположены и иллюстрации, при чем в I томе помещены лишь снимки с подлинных фотографий, относящихся к определенному периоду гражданской войны.

Целый ряд фотографий, не вошедших в этот том, будет помещен в следующих томах этого издания, а также и в сборниках очерков и воспоминаний о боевой жизни Красной армии.

Все статьи и очерки настоящего тома появляются в печати впервые. Исключение представляют лишь заметка тов. Затонского (написанная в 1923 г.) и заметка т. А. Б. (написанная в 1918 г.). Обе они помещаются в I томе нашего издания без изменений в первоначальном тексте.

Выпуск тома из печати произведен под непосредственным наблюдением т. Б. Л. Эстрова. Графическое оформление тома выполнено художником т. Каабак.

Техническая подготовка I тома к печати была проделана тт. М. П. Готлибовым, В. В. Кочергиным и М. Н. Винокуром. Схемы выполнены т. Н. Н. Лесевицким и чертежниками тт. Н. А. Атабековым, Н. И. Клюевым. Иллюстрации предоставлены Институтом Ленина, Музеем революции СССР и Музеем Красной армии.

9 января 1928 г. *А. Бубнов.*

В. ЗАТОНСКИЙ

НА ЗАРЕ КРАСНОЙ АРМИИ

СЛУЧАЙНО оказался свидетелем зарождения не Красной армии еще, а первого декрета о ней. Было это в Питере, в Смольном, в Совнаркоме РСФСР, где я присутствовал, как представитель Украины. Я лично не принимал участия в разработке и подготовке этого декрета. Этот момент зарождения Красной армии я запомнил по другой причине,— по тому, как проявил себя в этом деле т. Ленин.

Порядки тогда были особенные. Советская власть только-что возникла и еще не восторжествовала во всей России. Бурная стихия революции чувствовалась во всем и во всех. Комиссариаты помещались в отдельных комнатах Смольного, все дела вершались в кабинете Ильича или в Совнаркоме. Никаких малых совнаркомов и прочих предварительных комиссий, фильтрующих декреты и постановления, не было. Дела возникали и утверждались тут же, на общих больших заседаниях, и непосредственно с 3-го этажа, из «Красной комнаты» (зал заседания Совнаркома), направлялись вниз, в первый этаж, на телеграф для распространения—всем, всем, всем.

Как зародилась мысль о необходимости преобразования Красной гвардии в Красную армию и какие стадии развития она прошла до ее появления в Совнаркоме,—я не знаю, но в Совнарком она была внесена коллегией Наркомвоена в совершенно сыром виде. Раза два, кажется, декрет о создании Красной армии обсуждался, но принят не был, так как, по существу, никто, не исключая «военки», не знал, как приступить к этому серьезному делу. Смелые и решительные в области вопросов политических и даже экономических, здесь все терялись.

За это дело взялся тогда сам Ильич. Он заявил, что не закроет собрания, пока этот декрет не будет принят, вооружился пером и

Ленин на параде Всеобуча (на Красной площади в Москве 1 мая 1918 г.)

начал тут же выправлять декрет, вычеркивать целые параграфы, изменяя редакцию, внося существенные изменения. Эта работа заняла, вероятно, около часа времени (точно по часам не следил, но непосредственное ощущение было таково, что промаялись долго; обычно декреты проходили гораздо быстрее).

Наконец, декрет был готов и принят единогласно (кажется, даже без голосования).

Порядок подписи декретов был тогда следующий: перед отправлением на телеграф декреты подписывались председателем Совнаркома, тем наркомом, который вносил проект, еще тремя наркомами (безразлично, какими) и, наконец, Бонч-Бруевичем (управделом) и Горбуновым (секретарем).

Когда декрет подписали Дыбенко, Крыленко и Подвойский, Ильич сказал: «Передайте-ка на тот конец стола, —пусть и Затонский подпишет, на всякий случай, чтобы Украина потом не отпиралась». Таким образом, под декретом, среди прочих подписей, оказалась и моя.

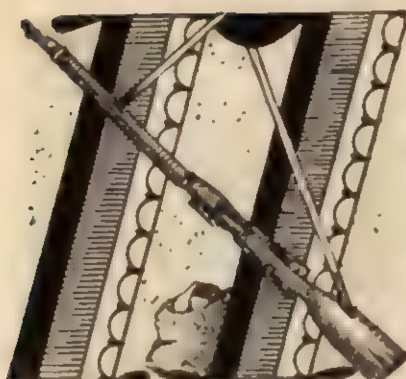
В этом маленьком эпизоде сказалась характерная черта Владимира Ильича, умевшего, на ряду с большими вопросами огромной важности предусматривать и всякую мелочь. Никому другому и в голову не пришло бы, еще в январе 1918 г., иметь «на всякий случай» в виду единство вооруженных сил Советской России и Советской Украины.

А. КАМЕНСКИЙ

ОТ ДОНБАССА К ЦАРИЦЫНУ

ЕРВЫЕ волны гражданской войны поднялись на Украине. Значительную роль в гражданской войне сыграли рабочие Донецкого бассейна. Мне, участнику гражданской войны на нескольких фронтах (Южном, Юго-Западном, Западном) с начала 1918 по 1920 год, хочется остановиться здесь на событиях, развернувшихся в Донецком бассейне и на большом переходе, под натиском немецких, гайдамацких и казацких полчищ, от Донецко Криворожского бассейна до Царицына, с марта по июнь 1918 года.

В феврале 1918 г. для нас, собравшихся на съезд советов Донецко-Криворожского бассейна в Харькове, стало ясно, что затяжная гражданская война неизбежна. Об этом свидетельствовали надвигавшиеся события на Украине. Еще до этого нам пришлось выдержать бои с контр-революционными шайками, возглавлявшимися Калединым, и поэтому мы в Донецком бассейне ранее чем где бы то ни было с такой ясностью поняли значение и необходимость Красной гвардии.

В это же время началось национально-шовинистическое движение на Украине, возглавляемое Петлюрой и Винниченко. Предстоявший тогда Брестский мир также не сулил ничего хорошего для Украины. Борьба надвигалась.

Уже в феврале 1918 г., тотчас же после Донецко-Криворожского съезда мы в Луганске принялись за организацию первого отряда из добровольцев-рабочих,—главным образом заводов Гартмана и патронного,—в которой главную роль играл тов. Ворошилов.

Через несколько дней мы провожали 1-й отряд под командованием тов. Ворошилова. Никто из нас в то время не представлял себе той—я бы сказал—исторической роли, которую сыграл впоследствии

этот отряд, явившийся остовом будущей прославившей себя защитой Царицына в 1918—19 гг. 10-й армии, а также и той исключительной роли, которую довелось сыграть в гражданской войне т. Ворошилову, прошедшему тяжелый и славный путь боев через всю Украину, Дон, Кавказ и Галицию.

Отряд наш, направившийся под Конотоп, очень скоро стал выгодно себя проявлять, но из донесения тов. Ворошилова нам стало ясно, что нужно спешить с организацией множества и множества таких же отрядов. Я говорю «отрядов», ибо другой формы организации в то время мы себе еще не представляли.

Красногвардейцы из дебальцевских рабочих-шахтеров Берестовского рудника весной 1918 г.

Между тем, события развивались очень быстро. Положение наше затруднялось. Нам стало известно, что немцы, призванные на помощь правительством Винниченко, решили вооруженной силой подавить на Украине советскую власть. Мы вступили в бой уже не только с гайдамацкими частями, но и с немецкой, хорошо вооруженной военной силой. Наши неорганизованные и еще мало дисциплинированные отряды, конечно, не могли выдерживать долгих боев, и перед нами скоро встала задача не столько уже защиты территории, сколько, по возможности, спешной, пусть даже не совсем правильной и планомерной, эвакуации ценного имущества, вооружения, транспорта и живой силы. Положение обострялось еще тем, что у нас

не было средств, нечем было платить рабочим. Во многих местах это обстоятельство стало использоваться меньшевиками и эсерами с целью создать затруднения по вывозу заводского и прочего ценного имущества, стянутого в Донецко-Криворожскую республику.

Не многие знают о существовании Донецко-Криворожской республики. Надо сказать, что в начале 1918 года работники Украины раскололись на два лагеря: правобережников (Скрыпник, Бош, Затонский, Кулик, Лапчинский) и левобережников (Артем, Рухимович, Ворошилов, Шварц, Каменский, Межлаук, В. И. Магидов).

Правобережники организовали в Киеве Центральный Исполнительный Комитет Советской Украины и считали, что центром Украины должен быть Киев.

Левобережники считали, что в связи с намечавшимся уже тогда давлением на нас со стороны империалистов Запада опору на Украине можно получить лишь в пролетарской части — Донецком бассейне.

И вот, по инициативе левобережников и с санкции ЦК партии была организована Донецко-Криворожская республика, утвержденная впоследствии 2-м областным съездом Донецко-Криворожской области в феврале 1918 года.

Слишком кратковременно было существование этой республики, чтобы можно было судить о степени значения и целесообразности ее организации, но все же организующее начало, которое было в нее заложено, а равно и то, что впоследствии бо́льшая часть правительства, пользовавшегося авторитетом у пролетариата Донбасса, возглавляла отступление через Дон к Царицыну, дало возможность гораздо крепче спаять наши отряды, укрепить в них дисциплину, во многом облегчить эвакуацию и ослабить те грандиозные затруднения, которые лежали на всем дальнейшем пути, полном невзгод и почти непреодолимых препятствий, от Харькова до Царицына.

В конце марта 1918 г. я был командирован за деньгами для наших заводов в Москву, и уже в Москве узнал, что Харьков оставлен. За два дня до этого покойный тов. Свердлов, улыбаясь, показывал мне ноту германскому правительству, подписанную покойным тов. Артемом, как председателем Совнаркома Донецко-Криворожской республики. В ноте тов. Артем заявлял германскому правительству свой протест по поводу намерения германских войск вторгнуться в пределы Донецко-Криворожской республики. Тов. Артем указывал, что Донецко-Криворожская республика является самостоятельной и независимой, никакого отношения к Украине не имеющей и в случае вторжения германских войск будет считать себя на положении войны с Германией. Не знаю, какое впечатление произвела на германское правительство нота тов. Артема, но если

мы даже и посмеялись с покойным Свердловым над воинственностью Артема, то, во всяком случае, он был прав в одном: рабочие Донецко-Криворожского бассейна, в большинстве своем, поднялись и далеко не без боя впустили на свою территорию немецко-гайдамацкие войска. Когда я спустя несколько дней—сравнительно даже без большой волокиты, при помощи тт. Свердлова и Ленина, но не без решения Совнаркома—получил 15 миллионов рублей и поехал в Луганск, то, уже приближаясь к нему, я увидел, что весь Донбасс—вооруженный лагерь.

В Луганске я застал всех активных работников, переехавших сюда из Харькова, и отсюда продолжалась организация новых отрядов по всему Донецкому бассейну. Через несколько дней по возвращении моем из Москвы в Луганск приехал с фронта тов. Ворошилов, и на заседании нашего Донецко-Криворожского правительства было решено, что тов. Ворошилов возьмет на себя командование над организовавшейся в то время 5-й украинской армией и я должен буду отправиться с ним в качестве комиссара. Мое комиссарство при тов. Ворошилове нужно объяснить тем, что у нас создались трения с тов. Антоновым-Овсеенко, являвшимся в то время верховным главнокомандующим (главковерхом) вооруженными силами всей Украины. Так как к этому времени из всей Украины оставалась незанятой только территория Донбасса, а мы не разделяли образа действий тов. Овсеенко, который к тому же не соглашался передавать тов. Ворошилову 5-ю армию, то я в качестве члена правительства Донецко-Криворожского бассейна должен был обеспечить тов. Ворошилову возможность разрешения вопросов военно-боевого порядка.

Прежде чем перейду к описанию нашего похода через Дон к Царицыну, я вскользь отмечу политическую обстановку Луганска того времени. В первые дни после Февральской революции в Луганске, как и по всей России, большинство в совете рабочих и крестьянских депутатов было за меньшевиками и эсерами, поддерживаемыми так-называемой интеллигенцией, но, в отличие от большинства других городов, с первых же дней Февральской революции у нас в Луганске, по существу, влиянием среди рабочих пользовались большевики. Оторванные от центра, мы не знали, какой позиции придерживается наш ЦК партии в отношении меньшевиков и эсеров. В первые дни революции на Украине преобладало объединенческое течение (так было в Харькове), но на первых же совместных с меньшевиками заседаниях для нашей организации стало ясно, что ни о каких совместных действиях с ними не может быть и речи, и мы заняли непримиримую позицию. В это время приехал в Луганск тов. Ворошилов, пользовавшийся большой популярностью среди рабочих Донбасса. Он

целиком с этой позицией был согласен, и нами был организован большевистский комитет, который в короткое время развернул большую работу. Очень скоро небольшевистский по составу совет стал принимать большевистские резолюции [1]). Нами была организована своя газета, редактирование которой было поручено мне.

Наша первая победа над меньшевиками и эсерами была одержана по вопросу о праздновании 1-го мая. Меньшевики и эсеры настаивали на том, что праздновать этот день не следует, что заводы наши, патронный и Гартмана, работают на оборону и что пролетариат Луганска должен показать, что он за войну «до победного конца». Мы же звали под лозунг: «Долой войну! за международную пролетарскую солидарность!». Рабочие пошли за нами, и день 1-го мая был проведен под нашими, большевистскими лозунгами.

Влияние наше росло очень быстро, и только нежелание меньшевиков произвести перевыборы совета номинально оставляло меньшевиков и эсеров его руководителями. Рабочая масса была с нами. Мы повели агитацию за перевыборы и, конечно, получили подавляющее большинство. Выборы в городскую думу также дали нам большинство. Председателем думы был избран тов. Ворошилов, городским головой—тов. Червяков. Таким образом, город был полностью в наших руках, и нужно сказать, что у нас власть советов была фактически осуществлена до Октябрьской революции. Завод, банки, торговля—все было в наших руках. Буржуазия была нами терроризована. Предписания совета были для всех жителей безапелляционными, и вот это-то положение и дало нам возможность сравнительно легко перенести и июльские и корниловские дни. Еще до корниловских дней нами была организована Красная гвардия, во главе которой стоял ныне покойный тов. Пархоменко. Организация Красной гвардии, помимо всего прочего, нам нужна была потому, что, с одной стороны, Луганск находился на границе с Донской областью, где контр-революция уже чувствовалась, а с другой—и потому, что Луганск, входивший в состав Украины, находился под угрозой гайдамаков.

При помощи Красной гвардии и гарнизона, который нас поддерживал, мы безболезненно убрали корниловских офицеров. Позднее, в декабре, мы отбили нападение казаков и в декабре же хоронили первые жертвы—одиннадцать пролетариев Луганска, убитых под ст. Гундоровский.

При помощи Красной гвардии мы поддерживали порядок в городе и боролись с разнузданностью гайдамацких частей, которые были введены к нам в январе 1918 года и которые все время пытались разгромить казенные винные склады. В городе царил

[1]) Перебрался к нам из Питера и т. Юрий Лутовинов, так же, как и т. Ворошилов, хорошо известный в Донецком бассейне.

образцовый порядок. И все это—благодаря влиянию нашей партии и огромной сознательности луганского пролетариата, который в историю нашей гражданской войны, на-ряду со всем пролетариатом Донбасса, вписал, как известно, немало славных. героических страниц.

Своими силами, под руководством тов. Пархоменко, луганские рабочие отбивались от казаков и гайдамаков, боролись с анархией, проявлявшейся у отдельных отрядов, наезжавших в Луганск за паровозами и вагонами на завод Гартмана и за патронами на патронный завод. Надо сказать, что оба завода работали довольно успешно, хотя и приходилось направлять свои паровозы за углем,

Вооруженные рабочие Донбасса выступают против калединцев весной 1918 г. для защиты железно-дорожного полотна.

хотя и маловато было денег, и чувствовался перебой в продовольствии.

Так своими силами, под постоянной угрозой вражеского нападения, жил и готовился к боям Донецкий пролетариат.

Перейдем теперь к нашему походу (смотри схему на стр. 21). По рассказам тов. Локотоша и некоторых других донбассовских работников того времени, отступление от Харькова произошло следующим образом. Военными операциями руководил штаб в Харькове, возглавляемый тов. Рухимовичем. Одним из основных отрядов, организованных в Харькове, был коммунистический отряд, который состоял из большого коммунистического ядра и сочувствующих рабочих. Отрядом вначале командовал эсер Первухин, как военспец. При эвакуации Харькова, при погрузке этого отряда в нем было около 300 чел. Доехав до ст. Основа, отряд получил сведения, что станция Змиев (между Харьковом и Луганском) занята немцами

и впереди взорван мост. Высланная по распоряжению тов. Артема на разведку команда велосипедистов установила, что действительно на станции Змиев появились немцы. Разведкой был открыт огонь. Находившиеся на перроне немцы ускакали на лошадях, оставив одного убитого. В то же время с соседней станции Жихорь подошел бронепоезд «Черепаха», возглавляемый тов. Вадимом, который и открыл огонь по гор. Змиеву. Никаких военных предосторожностей наши войска не предпринимали, да, возможно, и не знали, и поэтому немецкая кавалерия пропустила бронепоезд, взорвала жел.-дорожный путь, и, таким образом, ни бронепоезд, ни эшелон не могли двинуться по направлению к Луганску. Немцами был открыт артиллерийский огонь, и исправить путь не представлялось возможным. Ничего не оставалось делать, как пойти в атаку, что и было выполнено коммунистическим отрядом. Немцев удалось отогнать, путь был исправлен, и, потеряв нескольких убитых товарищей, поезд двинулся по направлению к Луганску.

В сравнении с бесконечным количеством боев, которые впоследствии пришлось нам вынести в тяжелых условиях на длинном пути вплоть до Царицына, приведенный выше эпизод большого значения не имеет. Я отметил его, как первый по оставлении нами Харькова. Он как бы символизировал тот тяжелый путь и те громадные трудности, которые ждали нас в грядущей тяжелой борьбе.

В то же время после этого боя можно было установить, что не только случайно приставшие к нам элементы будут отсеиваться, но что даже и некоторые надежные будут колебаться. Обстановка заставила подумать о создании крепко спаянного ядра, которое могло бы быть примером непоколебимой стойкости и храбрости для всех остальных. Таким спаянным ядром впоследствии оказался коммунистический отряд под командованием Локотоша. Этот отряд совместно с луганским отрядом, пополненным рабочими Донбасса, являлся самой надежной нашей частью. К отступавшему отряду вскоре присоединился и отряд тов. Ворошилова.

Очень скоро наши части отступили к Купянску, а отсюда с боями продолжали отступать дальше. Когда я приехал на ст. Кабаны, наши части уже отступили на ст. Сватово. К этому моменту оперировавшие на этой территории отдельные отряды были сведены под одно общее командование тов. Ворошилова. К этому же времени мы стали от «эшелонной войны» переходить к современной «регулярной» тактике, что давалось не так легко, ибо «публика» весьма неохотно оставляла свои «шалоны».

Нужно отметить, что по пути нашего отступления вместе с рабочими уходили и их семьи; многие, по возможности, увозили даже и свое имущество. Кроме того, многие из находившихся в отрядах не умели владеть оружием, и их приходилось наскоро обучать.

Поэтому и на позициях мы весьма недолго задерживались, тем более, что никакой связи у нас не существовало, не было, как я уже отмечал, достаточной военной дисциплины, отряды по собственной инициативе снимались, обнажали фланги, и мы ежеминутно рисковали быть обойденными и окруженными, что не раз и бывало. В то время удержать Донецкий бассейн мы не могли, но были совершенно убеждены, что уход наш временный, что мы вернемся, и поэтому нельзя было оставлять в руках врагов ценного имущества. Но враги также не дремали, старались строить нам всяческие козни, и только наше громадное влияние на пролетариат дало нам возможность относительно благополучно (с не очень большими потерями) эвакуироваться из Донецкого бассейна.

На ст. Лисичанск-Переездной мы подверглись обстрелу со стороны некоторой части населения при участии обманутых рабочих содового завода, который почти целиком находился в руках меньшевиков. Надо отметить, что накануне к нам явилась делегация с этого завода с просьбой дать им вооружение. Я лично был против удовлетворения этого ходатайства, ибо знал настроение рабочих, но тов. Руднев, погибший в 1918 г. в славном бою под Царицыным, сыгравший крупную роль в нашем походе, весьма увлекающийся и доверчивый по натуре, все же по секрету от меня выдал оружие, и вот этим-то оружием мы и были обстреляны всего лишь через два дня. Простить такое предательство мы не могли, и нами был послан бронепоезд, который и наказал виновных. Мы отступили на ст. Нырково, а оттуда—на Радаков. Здесь мы встретились с отрядами рабочих Донбасса под командой тов. Круссера, преданного, бесстрашного, погибшего в борьбе с бандами под Екатеринославом.

И Круссер и Руднев,—оба молодые по возрасту, но с подпольным партийным стажем, необыкновенно отважные и беззаветно преданные делу пролетарской революции,—несомненно, были крупными фигурами стальной большевистской гвардии. Оба они не нуждались в восхвалении, но все правдивое, что можно сказать о жизни и борьбе таких героев революции, сказать надо для нашего подрастающего поколения, принявшего многое уже в готовом виде. Надо знать, как жили, боролись и умирали в труднейшее время не только старые, но и молодые силы нашей партии.

На ст. Радаков, предпоследней станции под Луганском, нам необходимо было задержаться, так как эвакуация Луганска еще не была закончена. Был конец апреля. Мы с тов. Ворошиловым, который отдал соответствующие распоряжения в Радакове, на автомобиле поехали в Луганск. Там уже никого из исполкома не было, и эвакуацией последних эшелонов руководили наши военные представители. Вскоре нам дали знать, что наши дела

в Радакове весьма скверны, и мы поспешили туда. Части были уже у ст. Меловой (последняя станция под Луганском). Царила неразбериха, но все же приблизительно в 10—12 *км* от ст. Меловой мы застали довольно дружно действующую артиллерию под командой тов. Кулика и твердо державшийся отряд тов. Локотоша. К вечеру отряд Локотоша, перейдя в наступление, погнал немцев, захватив у них орудия, пулеметы, аэроплан, и, таким образом, мы на некоторое время задержались. На следующий день ночью (с последним эшелоном) с тяжелым чувством мы оставили Луганск и через сутки прибыли на ст. Миллерово, где в это время обосновался Луганский исполком и куда стали стекаться отступавшие со всех сторон, в том числе и из Ростова, красные части.

У большинства товарищей сложилось мнение, что немцы, на основании Брестского договора, на Дон не пойдут, поэтому мы можем в Миллерове заняться приведением в порядок своих частей для будущего контр-наступления на Украину через Луганск. Ворошилов этих ожиданий не разделял, я—тоже. Прибывшие из Луганска товарищи сообщили нам о начавшихся там расправах над рабочими, сообщили также, что в казачьих станицах начинают организовываться против нас отряды.

На утро 29-го апреля над Миллеровым появились немецкие аэро планы. Аэропланы нам вреда приносили очень мало, и больше всего от них страдало мирное население. Оставаться в Миллерове мы долго не могли, но образовавшаяся пробка и дезорганизация, созданная рвущимися вперед отдельными эшелонами, очень затрудняли планомерное продвижение. Многие недисциплинированные отряды пострадали. Направившись сепаратно на Воронеж, через Чертково, они были перехвачены немцами, которые пришли из Старобельска и заняли Чертково. Перед нами остался единственный путь—Лихая—Царицын, но впереди были взорваны мосты. Мы стали продвигаться на Лихую, но уже на ст. Каменской нам пришлось вступить в бой с местным казачеством. Нужно заметить, что станица Каменская отличалась своей революционностью, и, конечно, контр-революционное казачество обратило особенное внимание на эту станицу. Казаки станицы Гундоровский (самой контрреволюционной) готовились в поход на нее. Дабы выиграть время, надо было разбить гундоровцев. И вот, со ст. Каменской на Гундоровский направляется отряд под командой тов. Локотоша, который так описывает этот бой:

«Не доезжая до жел.-дор. моста, выгрузились среди поля и пошли походом для занятия позиций у станицы Гундоровский. Подходя в боевом порядке к станице по правому берегу Донца, мы встретили сопротивление местных казаков, но последние были выбиты

и бежали по направлению Северо-Донецкой ж. д. Занятая нами станица была на две трети уже кем-то сожжена, но не прошло и часа, как вдруг с Северо-Донецкой жел. дороги показалась немецкая колонна с кавалерией около 300 всадников и артиллерией, быстро двигавшейся к нам. Для удобства принятия боя я свой отряд начал отводить на противоположную сторону станицы с тем, чтобы занять командные высоты, но не успели мы перейти мост, как по нас был открыт сильный артиллерийский огонь. Здесь уже некоторые наши части проявили полную неорганизованность, рассеявшись в беспорядочном бегстве по лугу, без определенного

Рабочие Донбасса в цепи против белых казаков и немцев весной 1918 г. у ст. Гундоровский.

направления и даже не без опасности для себя, не ища никаких прикрытий. Мне все же удалось, в целом, свой отряд задержать и, рассыпав его цепью по канаве, перевести по балке в горы, заняв высоты и связавшись с остатками луганского отряда, и, таким образом, остановить быстрое наступление немцев и помешать их кавалерии атаковать бегущие в беспорядке наши части. Наступила темная ночь. Впереди не видно ни зги. Посланные для поддержания связи вправо и влево разведчики донесли, что никаких наших отрядов нигде нет, в чем я убедился и сам, проехав большое расстояние верхом. Для оставшихся положение наступало критическое. После краткого совещания с командиром батареи тов. Кривенко мы пришли к заключению, что необходимо направиться на

ст. Каменскую, пустив в середину батарею. Снарядов везти было не на чем, и пришлось раздать их на руки по одному на каждого. К утру мы добрались до ст. Каменской, проделав за ночь в темноте 19 *км*.

Мы продвигались дальше к ст. Лихой. Было первое мая. Стоял хороший солнечный день. День первого мая мы хотели отметить. Выгрузившись из вагонов, с красными знаменами и революционными песнями, мы направились в ближайшую станицу. К нам вышли жители. Появились немецкие аэропланы. Нам пришлось рассыпаться, дабы избегнуть жертв. К вечеру мы прибыли на ст. Лихую. Если в Миллерове можно еще было говорить хотя о каком-либо порядке, то на ст. Лихой он полностью отсутствовал. Впереди Лихой (по направлению к Царицыну), в каких-нибудь 20 — 30 *км*, был взорван мост, починка которого требовала минимально 3—4 дней; поэтому скопление эшелонов было исключительным. Помимо наших эшелонов с Миллерова, на Лихую устремились эшелоны со ст. Зверево, обстрел которой уже начался немцами. Сумятицу, дезорганизацию и полное нежелание большинства эшелонов подчиняться каким бы то ни было распоряжениям,—вот что застали мы на ст. Лихой.

Ворошилов на ст. Каменской вынужден был сдерживать наступление немцев и казаков, ибо там оставались еще эшелоны и их надо было эвакуировать. Надо было что-то сделать и на ст. Зверево, также подлежавшей эвакуации, и покойному тов. Артему на площадке, заменявшей у нас бронепоезд, пришлось ехать на ст. Зверево, которую с большим трудом ему удалось удержать около двух дней и упорядочить движение эшелонов. Мне с «Колей» Рудневым пришлось орудовать на Лихой. Ворошилов для поддержки прислал нам один из наших луганских отрядов. Громадная работа на Лихой была проделана Рудневым.

В атмосфере полнейшего хаоса и неизвестности, что ждет нас в ближайший час, мы пробыли три дня. 4-го мая Ворошилову удалось прибыть на Лихую, навести кой-какой порядок и установить коекакие позиции, но не надолго. Начался сильнейший обстрел Лихой, стали загораться отдельные эшелоны, взрываться снаряды. На самой станции оставаться было почти невозможно. К вечеру нам все же удалось много эшелонов продвинуть вперед. Наступала ночь, канун пасхи.

Чуть забрезжил рассвет, началась канонада. В наш вагон попал снаряд, кому-то оторвало ногу. Обстрел усиливался. Часов в 8 утра стало известно, что наши бросают позиции и что по пятам их к станции продвигается противник. К полудню положение создалось невообразимое. Мчались группами, в одиночку кавалеристы, пехота, артиллерия, на ходу рубились постромки, бросались

орудия, пулеметы. Трудно было понять и установить, кто эти бегущие, нет ли между ними преследующего нас противника. В поезд наш начали попадать снаряды. Слышатся стоны. Двигаться вперед почти нельзя. Появляются Руднев, Артем. Мы решаем сдерживать бегущих, не давать разбрасывать оружие. Артем с маузером в руках одним грозным окриком останавливает десятки бегущих. Впоследствии я долго размышлял над тем, почему казаки и немцы тогда не довели своего преследования до конца. Сотня хорошо организованных всадников в момент этой неописуемой паники могла бы забрать тысячи пленных и много вооружения.

К утру прибыли на ст. Белая Калитва. Мы не знали, исправен ли впереди взорванный мост, что творится сзади, что с Ворошиловым. Преследование прекратилось. Бегущие начали стягиваться. А в это время, как я узнал потом от настигшего нас лишь на второй день к вечеру Ворошилова, произошло следующее. Когда он увидел, как убегают наши части, он понял, что их не остановить. До последней минуты, пока представлялось возможным оставаться на ст. Лихой, он принимал меры к отправке эшелонов. Многие вагоны вывезти было нельзя, и он приказал их поджигать и взрывать и уже затем верхом на лошади двинулся в сторону шедших эшелонов. По дороге он подбирал пулеметы. В это время его настиг (всегда нюхом его отыскивавший) Пархоменко. Последний тоже мне говорил, что, когда все побежало, смешалось, его забеспокоила мысль: что с Климом, и он пустился на поиски его, сдерживая по дороге бегущих и заставляя подбирать оружие».

Как пример преданности и сознания своего товарищеского долга, я считаю нужным привести следующий рассказ тов. Локотоша о завхозе его отряда Яковлеве:

«Подходя к Лихой, мы увидели облако дыма и гул артиллерийской и пулеметной канонады. Откуда-то вынырнул, точно из облака, мчавшийся на нас в атаку значительный отряд кавалерии, но я не решился открыть по нем стрельбу, так как чувствовал, что это наши, принявшие меня за противника. Так и оказалось. Кавалерия была наша, но мчалась она не в атаку и не на меня, а убегала. При приближении к станции мне представилась потрясающая картина: эшелоны горят, кругом рвутся снаряды, на платформах взрываются орудия; стоны раненых, крики бегущих. Я увидел Руднева, Ворошилова, Артема. Они были тверды и спокойны. Я получил приказ от них принять меры к борьбе с паникой, но немногое мне удалось сделать. Бегство продолжалось. После долгих мытарств я, среди обреченных на оставление в руках врага эшелонов, также нашел и свой совершенно пустой эшелон. В своем вагоне я застал встретившего меня с горькой улыбкой завхоза отряда, тов. Яковлева

(красногвардейцы его называли отцом), рабочего с завода Гельферих-Саде в Харькове. Я спросил его:

— Ты один?

— Да, один и решил без вас не уходить,—отвечал он,—лучше остаться и умереть, нежели так позорно бежать, как поступили другие, бросив свои эшелоны.

Я отдал ему распоряжение уложить на запряженные повозки пулеметы, и мы двинулись к ст. Калитва. А таких было немало; они-то и явились тем кадром, который внес порядок и организацию в массу бойцов, стиснутых, охваченных паникой в тяжелых условиях хаотического отступления».

К прибытию Ворошилова мост через Донец был исправлен, и мы переправили свои эшелоны. Товарищи, в свое время утверждавшие, что немцы на Дон не пойдут, теперь уверяли, что немцы будут продолжать свое преследование и далее. Ворошилов же, в свое время утверждавший, что немцы будут нас преследовать за Миллеровым, теперь уверял, что, прогнав нас за Донец, они дальше не двинутся, и он оказался прав и на сей раз. Дальше немцы нас не преследовали, и мы вступили в полосу единоборства с донской контр-революцией, лишь снабжаемой немецким вооружением.

Каковы же были перспективы?—Настроение у большинства было неважное, многие поговаривали о том, что надо отдельными сильными отрядами, оставив эшелоны, направиться к Царицыну, где, как все были уверены, советская власть крепка. Впоследствии уже, в станице Морозовской, почти все активные работники определенно требовали оставить эшелоны и итти обходным путем на Царицын, и лишь настойчивость Ворошилова не допустила этого.

От Белой Калитвы до ст. Жирнов казаками были изломаны водокачки и взорваны мосты (это отчасти и служило поводом к намерению оставить эшелоны и уйти в Царицын), следовательно, двигаться было почти нельзя. Определенная часть товарищей была направлена в Жирнов для починки мостов. Многие просто двинулись за свой страх небольшими группами вперед. Для нас было ясно, что казаки будут предпринимать всевозможные усилия, чтобы захватить в свои руки наши многочисленные эшелоны. К ст. Белая Калитва мы, несмотря ни на что, привезли с собой более 60 эшелонов с нагруженными всяким ценным имуществом вагонами, а главное—с большим количеством всякого вооружения. Убедившись в том, что казаки предоставлены самим себе, что немцы нас преследовать уже не будут, мы решили казакам спуску не давать. Казаки попытались напасть на нас уже в Белой Калитве.

Бело-Калитвенский мост нами был взорван. Из первых же орудийных выстрелов казаков мы убедились, что на $^9/_{10}$ они стреляют из самодельных снарядов, но это было вначале; впоследствии, месяц

спустя, они уже достаточно хорошо были снабжены всем необходимым немцами.

Во время движения и в боях многие вагоны из отдельных эшелонов приходилось сбрасывать под откос.

Рабочие постепенно настолько пообжились в эшелонах, что чувствовали себя как дома. У эшелонов можно было наблюдать детишек, игравших в наступление, употреблявших коробки из-под консервов вместо снарядов. Женщины стирали и сушили белье. В отдельных вагонах (в большинстве теплушек) стояли кровати, небольшие простые домашние зеркала, шумел самовар. Вблизи на разведенных кострах жарилось, варилось, и если эшелон начинал двигаться (а в день мы делали от 3—4 до 6—7 *км*, так как исправлялся путь), то варившие на кострах ругались и требовали ждать. Пролетавшие аэропланы уже должного впечатления не производили, и детвора выбегала на них смотреть. За время пути до Царицына в некоторых эшелонах появились даже новорожденные.

Ни телеграфной связи, ни радиосвязи у нас не было. Каково положение? Существует ли советская власть в Царицыне? Что делается вообще в Республике, во всем мире? Ничего нам не было известно. Как-то начали поговаривать о том, что Киев уже занят нашими, под предводительством тов. Троцкого и генерала Брусилова. Таких слухов и им подобных было весьма много. Мы стали издавать газетку, которую размножали на пишущих машинах.

По целому ряду указанных выше причин (желание некоторых оставить эшелоны, разрушенные впереди мосты, неизвестность и проч.) мы решили, что необходимо немедленно заняться организацией отрядов, введением дисциплины и проч.

Окончательно мы это решили сделать на ст. Морозовской, а пока приступили к подготовительной работе. Не буду подробно останавливаться на том, как мы дошли до Морозовской, — отмечу только отдельные эпизоды. На всем протяжении нашего пути водокачки были взорваны, и вот для того, чтобы добыть воды для паровоза, выстраивалась цепь людей, на несколько верст, от паровоза к ближайшим родникам, проточным водам, и так по цепи передавались ведра с водой, и наполнялись паровозы.

В пути еще до Морозовской к отряду тов. Локотоша была присоединена артиллерия под командой тов. Кулика. Совместно с бронепоездом под командой отважнейшего и славного товарища Алябьева, погибшего на бронепоезде при нашем отступлении в 1919 году на Украине, Локотош и Кулик составили то организационное ядро, при помощи которого мы впоследствии реорганизовали наши разрозненные отряды в более или менее единое целое. Уже подойдя к Морозовской, мы установили, что отдельные авантюристические элементы собираются демагогически использовать намечающиеся

нами мероприятия по реорганизации. Один из подобных «заправил», так-называемый командир 3-й армии, Вишневский, был нами арестован. Тогда к нам явилась делегация с требованием его освобождения и с угрозами. Было ясно, что нам необходимо выбрать одно из двух: либо мы уступим, выпустив Вишневского, и тогда будем находиться под постоянной угрозой всяких демагогов и опасности дезорганизации всех неустойчивых, «партизанских» отрядов, либо теперь же решимся заставить их подчиниться нам. Мы избрали последнее. Мы понимали, что в таких случаях решимость может оказать свое действие. Делегации было твердо заявлено, что Вишневский освобожден не будет, а если их отряд вздумает не подчиниться, то будет немедленно разоружен. Тут же было отдано приказание Алябьеву, Кулику и Локотошу быть наготове. И это подействовало. Недисциплинированность была сломлена, но нужно было ее уничтожить совершенно.

Надо сказать, что каждый отряд имел свои эшелоны, которые состояли из разного имущества. Каждый отряд считал это имущество своею собственностью. Мы решили взять все это на учет, положить основу снабженческой базы, ввести экономию и т. д.

Надо было произвести всему учет и потребовать экономного расходования запасов, которые начали уменьшаться. Была снаряжена комиссия во главе с Магидовым и Круссером, которым и было поручено обойти все эшелоны, произвести перепись и взять на учет все имущество. За это поплатился и Магидов и Круссер. При том положении, в котором очутились вынужденные спешно мобилизоваться, мы не могли уследить полностью за качественным составом наших отрядов, и, естественно, к нам примазывались бандиты, жаждавшие легкой наживы. Большая заслуга наших бойцов, в целом, была именно в том, что они не только не поддавались разлагающему действию бандитов, но и сумели расправиться и с контр-революцией и одновременно с затесавшимися в среду наших бойцов темными элементами.

Вот эти-то элементы, под видом агитации против «старого режима», возбудили против Магидова толпу, избили его и повели расстреливать. За него вступился Круссер, которого также избили. Подоспевшими сознательными товарищами Магидов и Круссер были спасены, а на следующий день виновные были судимы и расстреляны.

Прежде чем отметить настроение, царившее в Морозовской, являвшейся довольно значительным центром на Дону, из которого мы потом связались с Царицыным, я должен указать, что довольно значительное количество крестьян, так-называемых на Дону «иногородних», враждовавших с казаками, по мере нашего продвижения вперед решило уйти с нами. Они начали присоединяться к нам

еще с Каменской. Их нужно было организовать в отряды. Одним из главных организаторов этих отрядов являлся т. Щаденко.

До Морозовской мы встретили также известного на Дону революционера-казака тов. Подтелкова, который впоследствии погиб геройской смертью. Тов. Подтелков также пробирался с небольшим ядром, с целью поднять восстание на Дону против Донской контрреволюции.

Хотя мы в станице Морозовской и застали действующим советский аппарат, но было ясно, что положение станицы непрочно и что столкновение с восстающим казачеством неизбежно.

После очень недолгого колебания мы заявили, что все возможное для вооружения Морозовской мы сделаем, что для сопротивления подымающейся контр-революции сил у нас хватит, но все это должно происходить под нашим руководством. Не лишнее отметить два выступления на одном из наших заседаний в Морозовской. На одном из них пробравшийся из Одессы сербский товарищ-коммунист, Агатонович, сообщил нам про ужасы, творящиеся на Украине, про террор, учиняемый в отношении рабочих и крестьян, и в то же время про начавшиеся уже вспышки и организацию повстанческих рабочих и крестьянских отрядов. Он указал, что отряды эти уже действуют, нанося большой урон немцам. Это обстоятельство оправдало наши предположения, что Украину мы оставили на время, что нам нужно принимать меры настоящей организации вооруженных сил и готовиться к походу за освобождение Украины. Другое выступление (фамилии лица не помню) было, несомненно, провокационным. Говоривший указал, что впереди взорваны мосты, что нужны месяцы для их восстановления, что в Царицыне крупные гарнизоны, что туда никого не впускают, прежде чем не обезоружат, так как к идущим украинским частям относятся с недоверием. Словом, все сводилось к тому, что нам двигаться некуда и незачем.

Мы решили связаться с Царицыным, точно установить положение. Для этого я и Артем были делегированы в Царицын. Поездка наша в Царицын была полна приключений. Мы подвергались обстрелам, пересаживались из поезда в поезд, потеряли некоторое количество убитыми, ранеными и таким образом со своими поездами добрались до ст. Чир. На ст. Чир мы нашли сравнительно небольшой гарнизон и ночью, получив нечто вроде бронированной площадки, двинулись в Царицын, куда к утру и прибыли.

Я не могу не отметить того впечатления, которое на меня произвел Царицын. Должен сказать, что в Луганске мы еще в ноябре 1917 г. распустили городскую думу, что у нас был введен некоторый порядок, регулирована торговля, и я был поражен тем, что увидел в Царицыне. К полудню бульвары были наполнены

гуляющими, в витринах магазинов были разложены всякие яства, на улицах продавалась масса белого хлеба. Дума распущена не была.

В тот же день я и Артем в беседе с Мининым установили, что он действительно проявляет большую осторожность к пропуску украинских частей, что у царицынцев уже были столкновения с отрядом анархиста Черняка. Тут мы решили, что на другой день я, Артем, Серго Орджоникидзе и братья Трифоновы, совместно с Мининым, выедем на ст. Чир (куда мы вызвали из Морозовской и Ворошилова), где должен быть выработан дальнейший план действий против казаков. В дороге нас ждал сюрприз. Оказалось, что в ночь перед нашим приездом гарнизон ст. Чир был захвачен врасплох. Мост через Чир был взорван. Заполучить Ворошилова мы не смогли. Начали поступать сведения, что какой-то поезд захвачен казаками. Мы послали на паровозе разведку. Никакой вооруженной силы с нами не было. Мы ничего не добились, кроме того, что действительно узнали об ужасном, зверском избиении персонала санитарного поезда, захваченного на станции Суровикино. Дело с захватом поезда произошло так: вслед за нашим эшелоном, на котором уехали я с Артемом, в Царицын был пущен санитарный поезд с очень слабой охраной. До прихода его на ст. Суровикино, после того как прошел наш эшелон под прикрытием броневиков, ночью Суровикино было занято казаками, куда вскоре прибыл и санитарный эшелон с большим количеством раненых. На него набросились казаки; поднялась перестрелка, поезд был захвачен. Выехавшие в это время по нашему вызову Ворошилов и Пархоменко, увидев обстрел поезда, открыли стрельбу по казакам; подоспевшими силами казаки были отогнаны. Пархоменко был ранен в руку. К этому времени поезд был уже разграблен, многие убиты и взяты в плен; когда подоспела подмога, казаков уже не было.

Мост около станции Суровикино был взорван. С получением сведений о делах в Суровикино, к нам стали поступать сообщения, что наши оставили Калач и казаки занимают Воропоново (в тылу у нас). Явилась опасность, что мы можем не попасть в Царицын или, вернее, попасть в руки казаков.

С тяжелым настроением, ничего не добившись, мы решили возвратиться в Царицын. Подъехав к ст. Воропоново, мы узнали, что действительно, нет уверенности в том, что Калач долго продержится в наших руках. Итак, части Ворошилова от Царицына отрезаны, ремонтные поезда находятся с нами, следовательно, Ворошилову теперь мостов чинить нечем. Царицынский гарнизон ничего собой не представляет. Нет уверенности, что он удержит Калач, Воропоново, а это уже в 15 *км* от Царицына. Мы возвратились в Царицын. В Царицыне организовался штаб Революционного Военного

Совета Сев.-Кавказского округа. Во главе штаба, как военспец, находился т. Снесарев, ныне профессор Военной академии. Помощниками у него были Носович и Ковалевский. Оба последних оказались предателями; Носович убежал к казакам на нашем же автомобиле со ст. Таловая, Ковалевский, без конца нас предававший и путавший все наши карты, был расстрелян.

Возвратясь в Царицын, мы приняли меры к подкреплению Калача. Туда был послан бронепоезд и кое-какие силы, которые,

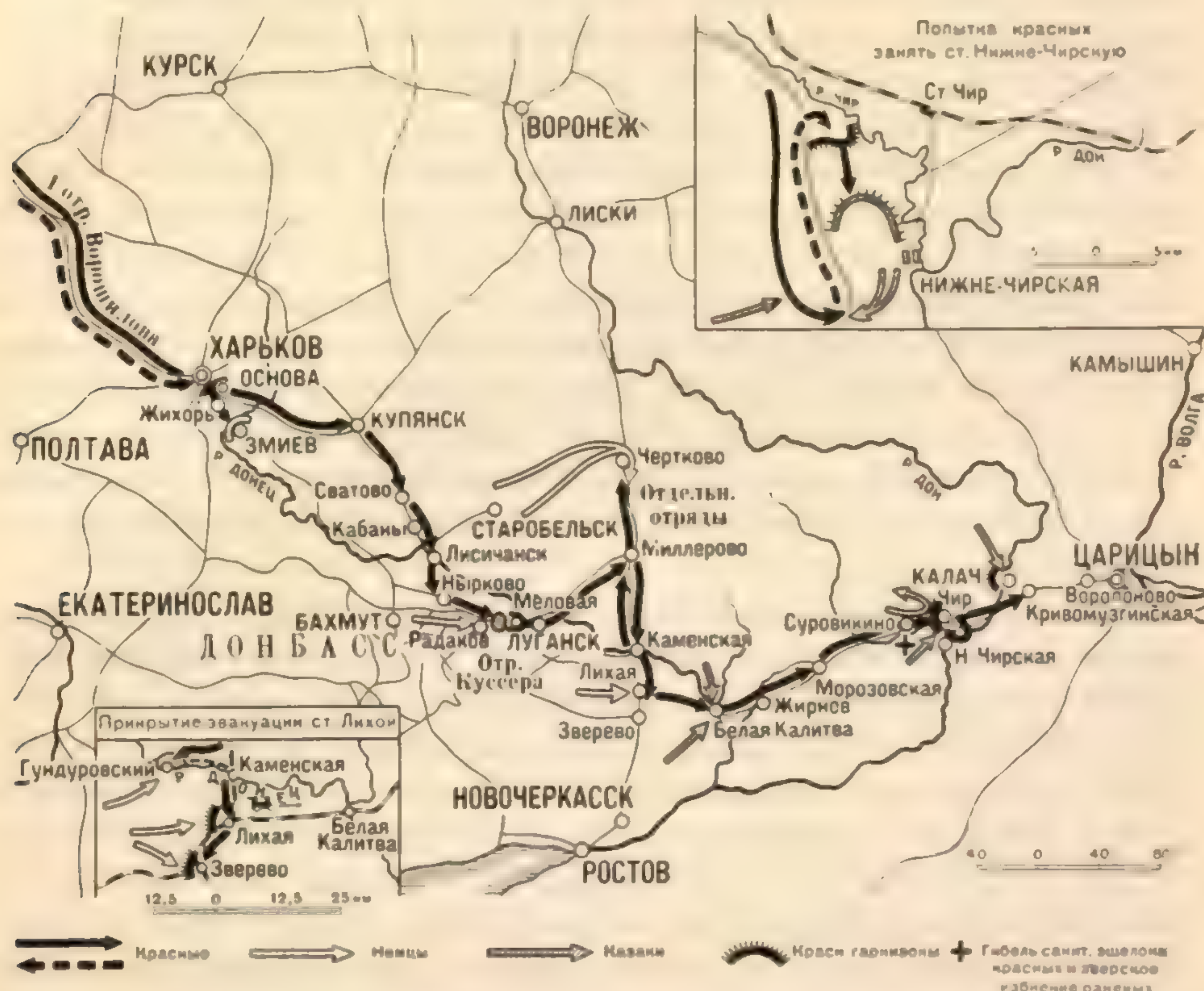

Схема похода Красной гвардии Донбасса во главе с тов. Ворошиловым от Харькова к Царицыну весной 1918 г.

правду сказать, дела не улучшили. Я с Артемом стали всячески доказывать и добиваться необходимости соединения с Ворошиловым. Хотели послать аэроплан, судили, рядили, а толку не получалось. Единственное, что мы могли сделать, это рискнуть каким-либо окружным путем пробраться к Морозовской, но это значило проделать путь более чем в 200 *км* по незнакомой местности, наполненной контр-революционными элементами.

Вскоре из Москвы приехал тов. Сталин. Имея задание направлять из районов Царицына и Кавказа хлеб для Севера, он понял, что не только о хлебе для Севера, но и об удержании Царицына при

том положении, в каком находился он в то время, не могло быть и речи, и вскоре т. Сталин встал во главе военного руководства знаменитой царицынской обороны, что предопределило вопрос об удержании Царицына во что бы то ни стало. Я не могу подробно останавливаться на исторических исследованиях, но не могу не высказать мысли, в которой я глубоко убежден, и, что впоследствии, наверное, историками будет подтверждено, что подход в то время наших украинских частей к Царицину сыграл крупную историческую роль в нашей гражданской войне. Совершенно случайно, благодаря тому, что неожиданно немцами было занято Чертково, мы вынуждены были направиться к Царицыну. Так же неожиданно мы ввязались в бой с казаками, которые не хотели нас пропустить. Не взорви они мостов, мы, несомненно, проехали бы, не вмешиваясь в их дела, ибо только своими нападениями казаки невольно сплотили наши части, которые были весьма дезорганизованы и которые в громадном большинстве, если бы свободно были пропущены к Царицыну, разбрелись бы.

В то время, как мы выдерживали натиск казаков, чехо-словаки наступали на Волгу. Если бы нас не оказалось в Царицыне, Краснов, несомненно, занял бы его и мог соединиться с чехо-словаками. Возможно, все это было бы тоже подавлено, как были подавлены и чехо-словаки, но трудностей и осложнений для Республики было бы несравненно больше.

Итак, Царицын не только не мог притти на помощь Ворошилову, но он даже не смог помочь связаться с ним. Но Ворошилов и группа товарищей, с ним находившихся, могли сами за себя постоять. Спустя 10 -12 дней, не получая от нас сведений, т. Ворошилов решает вновь попытаться связаться с нами. В Царицын был послан Пархоменко, который туда явился окружным путем. Со Сталиным было решено, что я направлюсь к Ворошилову. Помню, что в эту же ночь царицынскими частями был покинут Калач. Пробраться к Ворошилову стало еще труднее, но, несмотря ни на что, мы с Пархоменко к нему пробрались.

Что же за время моего отсутствия произошло с нашими частями?-- Мост на ст. Чирской был настолько испорчен, что даже при помощи Царицына (на который все еще надеялся Ворошилов), по уверениям инженера дистанции, мог быть исправлен не ранее, как через полтора месяца. Ворошилов понял, что если нужно будет провести такое время в эшелонах, при бесконечных казачьих нападениях, части наши в конец обессилеют и разложатся. И всѐ, что с таким трудом было налажено, быстро сойдет на-нет; погибнет все эвакуированное нами имущество, растает людская сила, казачество вооружится нашим же оружием. Опасения Ворошилова были основательны. Очень скоро стали поступать всякого рода письма, воззвания со стороны казачьих офицеров с предложениями мирно сдать оружие,

с указанием на то, что советская власть не существует, что все находящиеся в нашей армии обмануты «комиссарами и жидами».

Надо было действовать. И Ворошилов решил от обороны перейти в наступление. Основным гнездом и центром казачьих сил этого района являлась станица Нижне-Чирская, лежавшая как-раз на полупути между Морозовской и Царицыном. Было решено, что в Морозовской, для отражения нападающих на нее казачьих частей, будет оставлено достаточное количество вооружения и часть бойцов, а все остальные походным порядком направятся в сторону Нижне-Чирской. Туда же будут продвинуты и эшелоны. Одновременно с этим приступят и к починке моста через Дон. Это знаменитое восстановление Донского моста под руководством тов. Рухимовича необходимо отметить. Как только выяснилось, что ожидание возвращения ремонтных поездов со стороны Царицына тщетно и что, по заявлению инженеров, находящихся на ст. Чир, мост быстро восстановить нельзя,—за это дело взялся Рухимович, которым было отдано распоряжение «бутить» Дон. Несколько тысяч человек таскало камни и бросало их в Дон. Прошло несколько дней, публика ругалась и возмущалась; по их мнению, это было несбыточной затеей. Но в этом героическом походе сбывалось и невозможное,—прошло несколько дней, и Дон начал «бутиться». Далее были возведены быки, и приблизительно в месяц «кустарным» способом, небывалыми приемами мост был восстановлен. Надо при этом сказать, что казаки были осведомлены о нашем положении. Они не допускали мысли, что мост будет восстановлен; но, на всякий случай, в течение всего этого месяца возведения моста они не переставали обстреливать нас. И все же, при таких условиях обстрела, отсутствия всяких технических приспособлений, мост был восстановлен, что называется, голыми руками. После некоторых споров с морозовцами о количестве оставляемого им оружия наши части двинулись из Морозовской. Частям было дано понять, что перед нами задача—продержаться до восстановления моста, а поэтому мы должны отбить у казаков охоту делать на нас нападения. В это время, по нашим данным, к казакам начало поступать подкрепление как людьми, так и немецким вооружением.

За этот месяц стоянки было много боев, отдельных заметных эпизодов, от описания коих мы воздержимся, но, чтобы показать, что наши бойцы окрепли и научились воевать, я приведу 1—2 примера. Вот один из них со слов тов. Локотоша:

«После неудачного с нашей стороны глубокого обхода для занятия Нижне-Чирской станицы, представлявшей в то время главное гнездо белогвардейщины, мы, будучи полуокруженными, ночью достигли последней высоты от Дона и закрепились, вырыв окопы. На рассвете оказалось, что часть наших сил остановилась на левом

фланге противника. Казаки подняли белый флаг. Не задумываясь долго, я, тов. Кулик и мой ординарец, тов. Терехов, быстро поскакали на лошадях к их окопам. С их стороны к нам подошли три офицера и несколько казаков и вступили с нами в переговоры. Я от имени своих войск предложил им сдать оружие, они же, в свою очередь, предложили мне воззвание полковника,—кажется, Чибисова,—и, указывая на то, что у нас нет никакого иного выхода, как быть потопленными в Дону, предложили нам в трехдневный срок сдать оружие, гарантируя сохранность нашей жизни и благополучную отправку в Царицын. Я ответил, что через два часа, по возвращении к своим и обсуждении предложения, я дам ответ, но еще по дороге мы с тов. Куликом решили перейти немедленно в наступление. Тов. Кулик еще по дороге определил глазомером прицел, и, как только мы подъехали к себе, немедленно приступили к артиллерийскому обстрелу; в то же время повели и наступление. Вскоре штыковой атакой, с большими потерями, казаки были выбиты из окопов, и господствующие высоты были заняты нами».

Морозовцы недолго продержались у себя и, теснимые казаками, очень скоро появились в расположении наших частей. С прибытием морозовцев, сильно потрепанных казаками, увеличился вблизи нас и численный состав казаков. С одной стороны, часть из них была из тех, которые пришли по пятам морозовцев, а часть—из новомобилизованных. Ободренные успехом над морозовцами, они решили дать генеральное сражение. Вот как описывает этот бой тов. Локотош:

«На утро мы заметили среди белых большую суетливость и увеличение численности. К полудню к нам на участок прибыли тт. Ворошилов и Руднев. Я заметил прибывшим, что их появление на боевом участке почти всегда ознаменовывается со стороны казаков переходом в наступление и что уже сейчас заметно оживление в лагере противника. И действительно, вскоре казаки повели наступление. Мы установили, что наступает, по крайней мере, 7 цепей. Нужно заметить, что к этому времени наши части уже закалились. Вначале при появлении казаков, даже за 4—5 *км*, наши цепи поднимали неимоверную пулеметную и ружейную стрельбу. В последнее же время наши части приобрели выдержку и стойко выдерживали приближение неприятельских частей, сохраняя спокойствие. Мною было отдано распоряжение—не стрелять до открытия пулеметного огня с командного кургана, на котором находились мы с т. Ворошиловым. Тов. Кулику был отдан приказ открыть артиллерийский огонь, который меткостью попадания произвел замешательство в рядах казаков, но наступление не остановилось. Подпустив казаков шагов на 400 к нашим цепям, когда у них раздалась команда: «вперед, в атаку», с нашей стороны был открыт

Высший командный состав 10-й Красной армии с командармом тов. Ворошиловым
(Царицын, ноябрь 1918 г.).

губительный пулеметный огонь, от которого, точно снопы, валились их цепи; но следующие цепи с обнаженными саблями мчались на нас, и тогда мы перешли в контр-атаку. Я уже расстрелял все свои патроны. В это время возле меня мчится на коне казачий полковник. Я крикнул Ворошилову, последний выстрелил вдогонку и сшиб офицера с лошади. После мы установили, что казаки наступали так остервенело и рискованно потому, что были абсолютно пьяны и, кроме того, их уверили, что это последнее решительное наступление, после которого с нами будет покончено».

Этот бой имел для нас решающее значение, так как казаки изрядно были потрепаны. Тем не менее затяжка с восстановлением моста все же действовала на бойцов отрицательно, а самое главное давала повод различным демагогам для разложения частей. Когда, уже после возвращения из Царицына, я вновь находился в расположении наших частей, к нам стали приходить «делегации» с позиций с требованием объяснений, почему так долго чинится мост, требовали указания срока починки моста и угрожали, что снимутся с позиций и уйдут. Но восстановление моста было уже близко, да и дисциплина отдельных частей давала нам уверенность, что в случае нужды мы сможем сломить «бузотеров».

Приехав к Ворошилову из Царицына и нарисовав ему положение в Царицыне, по поручению Сталина я предложил ему выехать в Царицын. По приезде в Царицын было решено, что Революционный Военный Совет будет составлен из Сталина, Минина и Ворошилова; я был назначен управляющим делами. Было решено также в Царицын частей не вводить, а приступить к реорганизации их: свести в полки, произвести дополнительную мобилизацию и проч. Там же было решено, что командовать всеми частями, оперирующими на Царицынском фронте, будет тов. Ворошилов.

Нужно было объединить все части, оперирующие в этом районе. Еще до поездки в Царицын мы установили связь с частями, расположенными вдоль линии Владикавказской ж. д. и в свое время отступившими из Ростова. Задача предстояла нелегкая. Общее положение Республики тоже вызывало опасения. На Волгу наступали чехо-словаки. С Северного Кавказа поступали сведения о нашей неустойчивости. На Севере надвигался голод. Сообщение с Москвой по железной дороге часто прерывалось казаками. Надо было действовать. Работы было непочатый край. Под руководством Сталина, при громадной энергии Ворошилова, оборона Царицына становилась, несмотря на все трудности, все более устойчивой. Царицын стоял, как гранитная скала, отражая бесчисленные нападения врага, мешая соединиться красновскому фронту с чехословацким.

Несмотря на все препятствия, тяжелые испытания и поражения, нам все же «везло». Везло и тов. Ворошилову, который в числе

первых пошел на фронт, был на самых рискованных местах, всегда на передовых позициях и ни разу не был даже серьезно ранен.

Итак, после бесконечных боев мы, по восстановлении Донского моста, двинулись к Царицыну. Было необычайно торжественно, когда после долгих мучительных дней через мост, созданный руками бойцов, прошел первый эшелон. Казаки наблюдали ќа мостом и свое ожесточение выразили усиленнейшим орудийным обстрелом. Но прочная связь с Царицыным была уже установлена.

На ст. Кривомузгинская, в 40—50 *км* от Царицына, мы устроили расширенное совещание из представителей всех частей: на него из Царицына приехал и Минин. Было обрисовано фактическое положение дел, была дана всесторонняя информация, и это совещание вынесло резолюцию, что делегаты частей приложат все усилия для введения в своих отрядах надлежащей дисциплины.

И наши части, ценою своей жизни сохранившие Республике около 3 тысяч вагонов всякого имущества, свыше сотни паровозов, массу вооружения,—мало-по-малу стали настоящей регулярной силой.

Прошло десять лет. К сожалению, дневник мой, который я вел, и материалы, которые у меня накопились, в бесконечных передвижениях погибли. Мои воспоминания, не могут претендовать на точность. Многое, конечно, забыто и упущено. Недостаточно освещены заслуги отдельных товарищей и, главным образом, заслуги ныне погибших Артема, Пархоменко, Руднева, Круссера, Алябьева. Эти товарищи многое сделали для революции и после Царицына. В Царицыне погиб только Коля Руднев. Круссер и Алябьев погибли уже на Украине, а Пархоменко погиб, когда были ликвидированы все фронты, от бандитских рук банды Махно. Артем погиб на аэропоезде с группой членов Коминтерна вблизи Москвы.

Славная память незабвенным друзьям и товарищам...

ЖЛОБА

ОТ НЕВИННОМЫССКОЙ ДО ЦАРИЦЫНА ОСЕНЬЮ 1918 ГОДА

(ПОХОД СТАЛЬНОЙ ДИВИЗИИ)

МАЕ 1918 г., по окончании боев с остатками банд Корнилова, 2-му Революционному Сев.-Кавказскому полку, которым я командовал, было приказано следовать на отдых в ст. Уманскую и Кущевку. В это время появились банды Краснова, которые вели наступление на Гуляй-Борисовку, Донской области, и вместо предполагаемого отдыха пришлось выступить против Краснова. Объединившись с крестьянами, полк перешел в решительное наступление и занял ст. Мечетинскую и Кагальницкую. Банды Краснова отступили в сторону Егорлыцкой. Связь у нас как справа, так и слева была потеряна. Впоследствии я узнал, что Ростов занят германцами и наши части, находившиеся в Ростове, беспорядочно отступали по Черноморской жел. дор. в сторону Екатеринодара. Мы оказались в треугольнике: у ст. Крыловской—части Алексеева, у Батайска—германцы, а со стороны Егорлыцкой—банды Краснова. Учтя своевременно создавшееся положение, я решил отступить от Егорлыцкой и наступать на Крыловскую, дабы спасти пути отступления и эвакуации у Ростова. Выдвинув сильный заслон на Батайск для удержания последнего и поддержки настроения отступающих красных частей, я главными силами повел наступление на Крыловскую. Белогвардейские части Алексеева были разбиты и отступили через ст. Роговскую на Егорлыцкую. Таким образом, жел. дор. была освобождена. Отходившие было от Ростова наши части, узнав о разгроме белых частей Алексеева, перешли в наступление на Батайск.

10-го мая 2-й Революционный Северо-Кавказский полк был развернут в конно-пешую бригаду, а 15-го мая 1918 г. бригада развернулась

в 1-ю дивизию, доходившую численностью до 22.000 штыков и сабель.

Дивизия находилась на правом фланге войск главкома Сорокина и вела беспрерывные бои против ст. Егорлыцкой и Белой Глины. Все усилия противника сбить дивизию были тщетны; несмотря на то, что соседи справа и слева отступали, дивизия не отходила ни на шаг назад и нередко поддерживала соседей, восстанавливая положение на их участках. За стойкость и закаленность в боях дивизия получила наименование «Стальной».

Но запасы огнеприпасов истощились; на мои просьбы и категорические требования получался один ответ: «огнеприпасов не имеем». В это время банды Алексеева заняли ст. Торговую, чем было отрезано железнодорожное сообщение с г. Царицыным; генерал Краснов вел наступление от Торговой в сторону Великокняжеской, занимал Котельниково; полковник Шкуро—Ставрополь—Батайск; а германцы занимали Ростов. Таким образом, Северный Кавказ был совершенно отрезан от Советской России и не имел с ней никакой связи. Положение было тяжелое, так как не знали, откуда получить огнеприпасы и что происходит в центре страны.

Комсостав потребовал от главкома Сорокина собрать срочное совещание комсостава всех частей, отрезанных на Северном Кавказе. Вскоре оно было созвано на ст. Тихорецкой. Целью совещания было—найти выход из создавшегося положения в виду того, что наши части оказались отрезанными от Сов. России. На этом совещании я предложил: 1) послать делегатов через фронт противника в Царицын для выяснения положения на Царицынском фронте и 2) просить центр повести наступление в сторону Торговой, чтобы соединиться с отрезанными частями и снабдить их огнеприпасами. Предложение было принято единогласно, и совещанием мне было поручено немедленно выехать в г. Царицын. Получив инструкции и документы о состоянии войск Северного Кавказа, я тремя автомобилями с пулеметами, использовав темные ночи, пробрался через расположение противника и в течение 6 дней добрался до Царицына. Мой рейд шел восточнее Ставрополя, где через фронт противника вышел в сторону Незлобинской, Терской области, далее—на Георгиевск и Святой Крест, на Аразгир, Астраханской губернии, через калмыцкие песчаные степи—в г. Астрахань и Царицын. Это был первый автомобильный рейд через калмыцкие песчаные степи, никем еще на автомобилях не пройденный.

Со всеми документами и полномочиями я прибыл в РВС 10-й армии к командующему т. Ворошилову, народному комиссару т. Сталину и председателю РВС т. Минину. После доклада о положении войск Северного Кавказа я получил от упомянутых лиц приказ немедленно взять с собой на 13 грузо-автомобилях 200.000 патронов

и отвезти отрезанным частям Сев. Кавказа, а также приказ за подписями тт. Ворошилова, Сталина и Минина—немедленно по прибытии на Сев. Кавказ с 1-й Стальной дивизией пробраться через расположение противника на Царицынский фронт.

С приказом и патронами я немедленно отправился в обратный путь и за 6 дней достиг Армавира, Кубанской обл., при чем в пути имел перестрелку с разъездами противника. Патроны и автомобили были в целости сданы; переданный же мной главкому Сорокину приказ РВС 10-й армии последним был порван, и мне было запрещено двигаться с дивизией к Царицыну; я же, несмотря на запрещение, подготавливался к выполнению приказа. Главком Сорокин, чтобы воспрепятствовать этому, назначил меня командующим 3-й колонной (мандат № 499 от 2/IX—18 г.). Очутившись в безвыходном положении, я сделал доклад в ЦК Кубано-Черноморско-Терской республики о создавшемся положении: о близком падении Царицына, о необходимости выслать туда как можно скорее поддержку, так как с падением Царицына гибнет Северный Кавказ, и тогда Краснов может соединиться с Дутовым. После доклада я категорически заявил, что выполню приказ РВС 10-й армии и выступлю с вверенной мне дивизией в сторону Царицына, так как замедление, происходящее не по моей вине, может повлечь для меня суровое наказание. Сорокин, зная о моей готовности выполнить приказ РВС, дал моей дивизии из доставленных мною патронов только 8.000 шт. и приказал немедленно выступить для занятия Ставрополя, при чем приказал сосредоточиться дивизии в Невинномысской. Одновременно с этим он дал секретный приказ о разоружении 1-й Стальной дивизии и о расстреле ее командного состава.

Во время перегруппировки дивизии противник повел наступление на Невинномысскую, где я в это время находился с одним батальоном пехоты и сотней кавалерии; остальные части дивизии были еще на ст. Куршавка и оказались отрезанными наступающим противником, численность которого была около 3.000 штыков, исключительно из офицеров (1-й Ставропольский офицерский и 1-й Корниловский офицерский полки) и до 800 сабель—кавполк под командой полковника Шкуро.

Я получил задание во что бы то ни стало разбить противника и не дать ему занять Невинномысскую. В батальоне при мне было 453 штыка и 380 сабель. В приказе Сорокина было, между прочим, указано, что в случае занятия Невинномысской и моего отступления подлежат расстрелу поголовно все находящиеся со мной, начиная с меня и кончая бойцами. У Сорокина в резерве оставалось до 8.000 штыков и 1.600 сабель, которые он вывел из Невинномысской на запад и построил за рекой Кубанью— в сторону гор. Армавира.

Штаб грозненской группы красных войск с тт. Орджоникидзе и Левандовским (в центре) в борьбе с белыми терскими казаками (г. Грозный, 22 ноября 1918 г.).

На митингах Сорокин, с целью подготовки почвы для успешного выполнения его приказа о разоружении Стальной дивизии, натравливал на нас части, заявляя, что якобы «части Стальной дивизии, совместно с бандами Шкуро, ведут наступление со ст. Куршавка и якобы я, совместно с Шкуро, руковожу наступлением и что при подходе его к Невинномысской войду с ним в связь и выступлю авангардом, а Шкуро пойдет резервом». Противник был уже в двух верстах от Невинномысской, открыл сильный артиллерийский огонь и перешел в атаку; положение наше было ужасно. Я приказал частям, находившимся со мной в Невинномысской, быть готовыми к решительной контр-атаке.

Противник, видя, что в западном направлении отходят в сторону Армавира части красных (это был резерв Сорокина), считал, что в Невинномысской никого из красных нет, и входил смело, как в оставленное нами селение. Мы же, подпустив его до передних дворов, встретили его яростной атакой. От неожиданности противник дрогнул и стал панически отступать, а мы бросились преследовать и рубить. Результат боя: несколько сотен убитых белых, взято 13 пулеметов, 2 орудия и 50.000 патронов.

Сорокин, не имея больше возможности меня провоцировать, назначил меня главнокомандующим Владикавказским фронтом и предложил мне выехать с двумя полками Стальной дивизии через Пятигорск на Владикавказ. Я же, погрузив полки в эшелоны, а часть направив походным порядком, указал маршрут на Святой Крест, откуда и приступил к выполнению приказа РВС 10-й армии. Сорокин, узнав об этом, в приказе по войскам Северного Кавказа объявил меня и Стальную дивизию изменниками революции, вменяя в обязанность каждому красноармейцу при первой встрече со мной расстрелять меня на месте; дивизию же было приказано разоружить. Назначенные для разоружения отряды должны были, подойдя к месту расквартирования дивизии, открыть ураганный огонь без предупреждения. К населению было послано воззвание, в котором говорилось о моей измене советской власти совместно со Стальной дивизией и призывалось не выдавать фуража, продовольствия и подвод с предупреждением, что в случае, если таковые будут выданы, население объявляется вне закона и будут высланы карательные отряды для беспощадной расправы за содействие изменникам. Угрозы Сорокина подействовали. Стальная дивизия осталась без фуража, продовольствия и обмундирования. В некоторых частях дивизии поднимались недовольство и ропот. Не имея в дивизии политработников, мне самому приходилось убеждать красноармейцев и работать среди них в невероятно трудных условиях.

Дойдя до сел. Благодаренского, Ставропольской губ., где в то время находился исполком Ставропольской губернии, я, со слезами на глазах,

умолял его не обращать внимания на приказ Сорокина и отпустить для нужд дивизии фуража и продовольствия, так как не я, а он является изменником. Я доказывал, что выполняю приказ РВС 10-й армии и иду на Царицынский фронт, на котором в неравной борьбе истекают кровью красные войска, и что, быть-может, если не успею вовремя, Царицын будет сдан Краснову и все находящиеся на Северном Кавказе войска и советские работники надолго будут отрезаны от центра. Но, несмотря на мои мольбы, в фураже и продовольствии мне было отказано. Положение для дивизии становилось ужасным и безвыходным, грабежи стали учащаться. Видя гибель дивизии и ее разложение, я вынужден был предложить исполкому частями дивизии выбить белых из занимаемых ими селений Александрии, Благодаренского уезда, и Петровского, Ставропольской губернии, но чтобы за это исполком отпустил для дивизии фуража и продовольствия на 15 суток. Исполком согласился и выдал на одни сутки продфуража, что хватило только для продвижения к передней цепи противника. Через сутки дивизия достигла указанных селений и вступила в бой с бандами белых. В результате селения были взяты. В Петровском взято 800 с лишним белогвардейцев (около 200 убитых), взят также в плен начальник гарнизона, полковник Яковлев, и захвачены трофеи: один вагон сахара и около 40 пулеметов разных систем. Закончив операцию, мы забрали из имения 45.000 пудов пшеницы и продолжали пробираться к Царицыну, уничтожая на пути полки и отряды противника. Дойдя до селения Заветного, Астраханской губернии, мы узнали по прямому проводу от тт. Ворошилова, Минина и Сталина, что положение Царицына безвыходно и что, если мы не подоспеем дней через 5—6 на поддержку, Царицын будет взят. Не будучи уверен, что противник не подслушивает нашего разговора, и не имея шифра, я ответил, что раньше 15—16 дней прибыть не можем, в виду отсутствия фуража, продовольствия и сильного переутомления людей и лошадей. Но, понимая всю важность своевременной поддержки, я тотчас же с дивизией на рысях двинулся (пехота была посажена на подводы) по тракту с конным авангардом, выдвинув конницу на один переход вперед, чтобы охватить каждое селение, дабы никто из белогвардейцев не мог выйти и предупредить главные силы Краснова о нашем походе. Задание конницей было выполнено блестяще, почему части Краснова, наступавшие на Сарепту, не заметили нашего подхода.

Не доходя до станции Чепурники, части дивизии перестроились в боевой порядок и в 13 цепях, имея на флангах по 3.000 сабель кавалерии, перешли в наступление на офицерскую группу, состоявшую из 1-го Астраханского и 1-го Украинского добровольческих полков и многих других частей. Несмотря на сильный огонь офицерских полков и бронепоездов противника, Стальная дивизия огнем

отвечала слабо, за отсутствием патронов и снарядов, а шла быстро и смело вперед и, подойдя к цепи противника на расстояние 150 шагов, с дружными криками «ура» бросилась в штыковую атаку; начался ожесточенный рукопашный бой; кавалерия на флангах также кинулась в атаку, беспощадно рубя офицерские цепи, которые до последней минуты не сдавались. Бой длился $^3/_4$ часа; на поле сражения осталось большое количество раненых и 140 трупов белогвардейцев, взято около 49 пулеметов, 6 орудий, 125.000 патронов.

Потери дивизии: 13 убито, около 153 тяжело и легко раненых. Разгромленная группа белых по взятии гор. Царицына должна была развернуться в Астраханскую белую армию, что видно было из захваченного приказа. Благодаря успешному для нас бою, правый фланг Краснова от ст. Тундутова до Луки по р. Волге, около 60 *км*, был окончательно очищен, и на следующий день Стальная дивизия выступила на поддержку окруженных противником частей Думенко, Шевкоплясова. Задача и здесь была выполнена; дивизия, наступая на фронте в 6 *км*, взяла в бою у противника бронепоезд, много пленных и трофеи, достигла ст. Абганерово, где соединилась с частями Думенко.

Неожиданность появления Стальной дивизии с Северного Кавказа, быстрота ее движения (от Святого Креста до Царицына в $16^1/_2$ суток походным порядком) заставили противника попятиться. Появление дивизии не мало содействовало наступившему вскоре благоприятному для нас перелому под Царицыным.

А. Б.

ИСТОРИЯ ОДНОГО ПАРТИЗАНСКОГО ШТАБА

О ВТОРОЙ половине августа 1918 г. в городе Нежине и почти во всех селах и деревнях Нежинского уезда время от времени расклеивались объявления, подписанные германской районной комендатурой. В начале этих объявлений «майор Гот» доводил до всеобщего сведения, что такого-то числа «в городе Нежине по обычаям войны расстреляны в качестве бандитов» такие-то крестьяне таких-то деревень или сел, а в конце объявлений неизменно стояло: «За поимку предводителя банд Крапивянского назначена награда», и указывался размер этой награды.

Товарищ Крапивянский, на подлом языке германской разбойной комендатуры именовавшийся «предводителем банд», в течение более чем двух месяцев стоял во главе военного штаба района Черниговской и части Полтавской губерний. Работа этого партизанского штаба представляет собою типичнейшую картину условий и методов партизанской работы, ознакомиться с которыми—значит получить общее представление о характере партизанской работы на Украине вообще в течение июня—сентября 1918 года.

В район деятельности Черниговского штаба входили уезды Нежинский, Козелецкий, Остерский, Черниговский, Городнянский, Конотопский и Борзенский. Непосредственная связь у штаба имелась с Прилукским уездом, постоянная «разведка для связи» велась в направлении Золотоноша—Черкасы. Центром являлся Нежинский уезд, а точнее—район м. Веркеевка, лесисто-болотистые места, так называемые Смолянки, и направление по р. Остру, от Нежина до Мрина и далее до Козар. Границы этого района, в котором главным образом и развертывались боевые партизанские действия,

можно наметить следующим образом: в Черниговском направлении (северо-запад)—Салтыкова-Девица, в Прилукском направлении (юго-восток)—Мокеевка (30 *км* южнее Володьковой Девицы), в Нежинском направлении (восток)—Заньки, Веркеевка и Нежин и в Козелецком направлении (запад)—Држановка, Носовка. Схема на стр. 43 дает важнейшие пункты направления и границы района.

Кроме районного штаба, который постоянно менял свое местопребывание, в указанном районе действовали еще четыре местных штаба (в Веркеевке, Мыльниках, в хут. Каблукове и Носовке). Деятельность центрального штаба началась в половине июня, и всю ее можно разбить на три периода: первый (с половины июня до половины июля)—широкая организационная работа, работа по налаживанию повстанческого аппарата, формированию отрядов, учету оружия и проч.; второй (с половины июля по начало августа)—массовый террор партизан против представителей гетманской власти, «державной варты», офицерских карательных отрядов, постепенный переход к открытым вооруженным схваткам, и третий (первая половина августа)—период открытой вооруженной борьбы против германо-гетманских войск.

В приказе № 1 (от 19-го июня) уполномоченный по организации центрального военного штаба Черниговской части Полтавской губернии прежде всего обращался ко всем военно-революционным организациям района со следующим предложением:

> «Властью, мне данной Советским правительством Украины, как организатору и руководителю по созданию центрального военного штаба на территории Черниговской и части Полтавской губерний, предлагаю всем военно-революционным организациям, стоящим на платформе Советской власти на Украине, войти в тесный контакт со мной. Прислать по два делегата от каждого уезда для связи при штабе района. Делегатам дать точные данные а) о количестве имеющегося в распоряжении организации оружия и снаряжения, б) о денежных средствах, в) о количестве повстанцев, готовых по первому зову выступить, и г) чего недостает».

Далее в приказе дается ряд практических организационных указаний:

> «Каждый уезд губернии должен иметь свою военно-революционную организацию. Собирать вокруг этой организации надежные силы, на которые необходимо нужно будет опереться при взятии власти в свои руки. Каждая уездная организация должна мобилизовать свои силы чтобы к определенному времени выступить всем районам организованно и одновременно».

> «Каждая уездная организация должна создать уездный штаб (примерно, как штаб полка военного времени), т.-е. каждая организация волости, мобилизовав свои силы, должна дать роту военного времени, а уезд—полк военного времени. Название—по месту существования».

Здесь же имеется указание на «необходимость создать строгую дисциплину, что,—подчеркивается в приказе,—крайне необходимо при нашей нелегальной работе».

До половины июля штаб выпустил еще три приказа (25-го июня—№ 2, 2-го июля—№ 3 и 9-го июля—№ 4). Все они продолжают развивать план военно-организационной работы, конкретизируя и детализируя общие указания приказа № 1. С развитием практической работы, в приказах ставятся и разрешаются вопросы о формировании отрядов, обучении их, о способах установления строгой дисциплины—«товарищеской спайки», о полном учете всех военных материалов, о командном составе и, наконец, о производстве мобилизаций.

Члены повстанческого центра на Украине.

Стоят справа—налево: тт. А. С. Бубнов, Ю. М. Коцюбинский; сидят: В. А. Аусем, В. А. Скрыпник, Ю. Л. Пятаков, В. П. Затонский (Харьков, март 1919 г.).

Приказы постоянно напоминают всем военно-революционным организациям о необходимости «строгой дисциплины», «поддержания дисциплины», «поднятия дисциплины» и проч. На ряду с постановкой перед военными органами задачи формирования «войсковых частей», «летучих отрядов», «обозов и хозяйственных учреждений», рекомендуется производство мобилизаций. При этом подчеркивается, что необходимо «число повстанцев соразмерять с количеством средств» (приказ № 2 § 5).

С отрядами должны производиться занятия: «все повстанцы должны быть обучены уменью обращаться с оружием и стрельбе из винтовок, пулеметов и револьверов и, особенно, уменью обращаться с ручными гранатами, с которыми придется иметь дело» (приказ № 4). Кроме того, к повстанцам предъявляются еще следующие

требования: «повстанцы,—читаем мы в § 7, № 4,—должны разбираться во всякой обстановке боя», для чего рекомендуется им изучение условий и приемов боя «в лесу, в городе» и проч.

Карта района действий партизанского штаба на Украине (июнь—сентябрь 1918 г.)

Неоднократно приказы останавливаются на «строгом учете», «полном учете» и т. д. «наличия всех имеющихся в нашем распоряжении средств». При этом «всем организациям и командному составу» предлагается «вести сильную, строгую экономию при распределении всех средств, памятуя, что мы ими не богаты и достать их трудно, что относится к боевым припасам в особенности» (приказ № 2).

Большое внимание уделялось в приказах вопросу о командном составе. Приказ № 2 «вменяет в обязанность» всем военно-революционным организациям уезда «контроль, чтобы в ротах, батальонах и полку был всегда на своем месте авторитетный командный состав в достаточном количестве и вполне соответствующий своему назначению», а в приказе № 4 уже прямо предписывается всем военно-революционным организациям «набрать командный состав», «поставить в известность и представить списки или устные доклады о командном составе». Лица командного состава, «не соответствующие своему назначению», согласно приказа № 3, могут быть смещаемы уездной военно-революционной организацией. И, наконец, тот же приказ № 2 весьма определенно декретирует: «Всякая распущенность командного состава,—его халатность, небрежное отношение к делу, к военному хозяйству, обзаведение разными приживалками женского пола при нем,—будет жестоко караться, и все это также подлежит контролю уездных и волостных военно-революционных организаций». Все цитированные указания из приказов Черниговского штаба намечают общие контуры того военно-организационного плана, который и осуществлялся революционными организациями Нежинского уезда и прилежащих к нему районов в течение времени с половины июня до половины июля.

Во главе всей этой работы стоял, как я уже и отмечал, центральный районный военный штаб, основной частью которого была группа из пяти товарищей (все—бывшие офицеры). Штаб находился в теснейшей связи с Нежинским уездным ревкомом. В результате дружной организационной работы «не было деревни, где не имелось бы ревкома».

17-го июня был созван Нежинский уездный селянский съезд в составе 22 человек от волостей уезда. Этот съезд в своей резолюции, между прочим, отмечал, что «везде идет энергичная работа по организации повстанческих сил», «везде люди в уезде организованы или организуются, только недостача в оружии, а в некоторых случаях и в средствах, мешает быть готовыми». Два постановления свидетельствуют о тесной совместной работе военного штаба и военно-революционных организаций уезда: первое—по вопросу о том, какую волость признать за центр, съезд постановляет: «признать за центр место, где находится центральный военный штаб», и второе—«придерживаться приказа центрального военного штаба района в отношении дисциплины и подчиненности низших организаций высшим». Таким образом, военный штаб в своей работе мог опереться на широкую сеть политических организаций, а эти последние, в которых влияние нашей партии было чрезвычайно велико, могли оказывать организованное воздействие на основную линию деятельности штаба.

Вся работа штаба по формированию отрядов, созданию ополчения, учету оружия и снаряжения, организации снабжения повстанцев продовольствием и проч. велась через уездную сеть военно-революционных организаций. Этим совместным усилиям штабов и ревкомов и удалось в основной части района деятельности центрального штаба добиться серьезных результатов, организовать довольно сильную повстанческую группу отрядов. В Нежинском уезде на учет было взято более 5.000 крестьян и рабочих. Кроме этого, до 1.000 повстанцев было сведено в отряды и вооружено. Артиллерии у этой повстанческой группы не было,—были винтовки, три пулемета и гранаты, в патронах ощущался большой недостаток. Командный состав состоял из 14 офицеров (кроме 5 в центральном штабе) и до 200 унтер-офицеров. Общее число повстанцев (более 6.000 чел.) представляло из себя значительную группу. Количество мужского населения в этом районе (см. схему на стр. 38) достигало 200.000; из них группа от 18 до 35 лет составляла тысяч до сорока, т.-е. штабу удалось мобилизовать свыше $^{1}/_{5}$ этой группы мужского населения, при чем следует отметить, что это отношение значительно повысится, если из общей группы 18—35-летних выкинуть буржуазные и кулацкие элементы.

Повторяю, штабу удалось создать крупную массу повстанцев, и силу этой массы ослабляло, и ослабляло, конечно, очень значительно, плохое вооружение: артиллерии не было, пулеметов было недостаточно, военных припасов вообще, трехлинейных винтовочных патронов было тоже мало. Но события нарастали своим чередом, движение развертывалось, и со второй половины июля штаб перешел к активным партизанским действиям. К этому периоду относится приказ № 5, изданный 15-го июля. Он чрезвычайно рельефно отражает то обстоятельство, что нарастание стихии, рост организационных сил и возрастание сплоченности организации в районе неизбежно направляло деятельность военного штаба в русло организации активных боевых выступлений. Первые же параграфы приказа говорят о том, что штаб, тесно связанный с рабоче-крестьянской массой района и организациями этой массы, подошел вплотную к задаче организации «выступления». § 1 «приказывает» всем военно-революционным организациям «немедленно прислать в центральный штаб командиров частей и надежных инструкторов с целью учесть всю обстановку для принятия определенного решения». § 2 напоминает организациям о срочной необходимости «поспешить присылкой делегатов для связи». «Чем скорее,—говорится здесь,—мы свяжем наши организации, тем одновременнее и организованнее можем уловить удобный для нас момент выступления. Связь должна быть постоянна». Далее, в следующих параграфах приказа идет речь о командном

составе, о создании «могучей силы, вполне достаточной для успешной борьбы с врагом»; указывается на крайнюю необходимость доставить сведения «о состоянии организации», предлагается «принять все возможные меры, чтобы наше выступление на местах не выливалось в поголовное избиение, а также в погромы» и т. д.

«С врагами народа,—говорится в § 5,—мы должны жестоко расправиться, но всюду должен нами руководить разум, всюду мы должны учитывать обстановку, считаться со всеми фактами». Упоминая о «грабежах и разбоях отдельных личностей», уполномоченный по организации центрального штаба района говорит: «Я строго приказываю всем организациям и командному составу района жестоко расправляться с преступными элементами и ничего не иметь с ними общего».

В предпоследнем параграфе приказа даются некоторые указания о действиях «при выступлении», а последний параграф призывает все революционные организации «строго придерживаться программы нашей партии (большевиков-коммунистов)» и предостерегает от попыток соглашения с буржуазией и соглашательскими партиями,— «их не должно быть, так как это преступно и безумно и никогда не даст хороших результатов».

В то же время, т.-е. в половине июля, точнее—17-го числа, был изготовлен приказ № 6, призывающий к выступлению, приказывающий начать его.

«Приказываю,—читаем мы в первых же строках,—всем военно-революционным организациям района выступить на защиту прав народа. Час выступления настал. К нам поступают сведения, что всюду на Украине происходят восстания, что всюду идет борьба за советскую власть и уже начинают раздаваться упреки, что мы в своем районе сидим и спокойно смотрим на героическую борьбу наших братьев. Упреки эти преждевременны. Мы выжидаем удобный момент и все это время вели организацию по собиранию повстанческих сил. Момент настал. И я призываю все население Черниговской и части Полтавской губерний встать, как один, на защиту своих прав».

Заканчивается приказ лозунгами: «Да здравствует советская власть на Украине! Да здравствует Социалистическая Федеративная Российская Советская Республика! Да здравствует социализм!».

Но в июле месяце приказ этот не был издан: выступление «с целью взять власть в свои руки» было признано преждевременным. Всю свою энергию и лучшие свои вооруженные кадры штаб направил на организацию массового террора.

В 20-х числах июля начались «действия» против активных контрреволюционеров, представителей гетманской власти, доносчиков, шпионов и проч. в Веркеевке, Носовке, Володьковой Девице и других селах. Все намечаемые лица похищались и доставлялись в штаб. Эти выступления привели к тому, что на ноги была

поставлена вся «державная варта», все повитовые власти, все гетманские ищейки. Их усилиями главнейшие военно-революционные органы (штабы, ревкомы) были раскрыты. Начались облавы, для чего в уезды были вызваны карательные офицерские отряды, немецкие части и проч. Штабам приходилось затрачивать массу усилий, обнаруживать колоссальную изворотливость, чтобы не попасться в лапы гетманских жандармов. И для того, чтобы не дать возможности раздробить повстанческие силы, чтобы не дать полицейскими налетами, арестами и т. д. нанести им серьезный удар, штаб принужден был перейти в наступление—начать действительно массовый террор против гетманских властей и «державной варты».

В последних числах июля повстанцами один за другим были произведены три нападения: на Носовку, где было уничтожено более 30 человек (пристав, урядники, милиция 2-го стана, офицеры из местного карательного отряда и проч.); на Дроздовку, где были убиты шесть полицейских, и на Веркеевку, где количество убитых равнялось 113, и в числе их находились офицеры карательного отряда, «кадеты», т.-е. члены отрядов, составившихся из сыновей помещиков и кулаков, стражники и пристав. Крестьянская беднота, с сжатыми кулаками переносившая издевательства и насилия гетманщины, удесятерила размах массового террора,—в громадном количестве сел и деревень началось поголовное истребление всех агентов гетманской власти, и в течение очень краткого времени Нежинский уезд был очищен от больших и малых насильников. Немедленно крестьянская масса начала восстанавливать свои органы власти. Первыми мерами этих советских властей были меры в отношении уборки хлеба, правильного распределения его, мобилизации населения и проч. Такое положение не могло быть устойчивым. Ясно было, что в уезд будут брошены для наведения «порядка» немецкие войска, с ними надо было принять и выдержать бой.

Таким образом, непрерывно усиливавшийся массовый террор неизбежно должен был перейти в открытое вооруженное столкновение между повстанцами и немецкими отрядами.

Германские войска были двинуты в Нежинский уезд из Киева, Чернигова, Бахмача и Сосницкого уезда. Широкое развитие партизанщины в Нежинском районе вынудило немецкие силы рассыпаться по всему уезду. Районный штаб находился в это время в лесах около с. Мыльники. Немецкое командование, решив устроить облаву на штаб и находившийся при нем отряд, заняло своими частями Мыльники, Колесники, Плоское, Мрин, Носовку, Володькову Девицу и Синяки. Штаб с повстанческим отрядом удачным ударом на Мыльники уничтожил штаб противника и заставил все немецкие силы стянуться к Нежину. И снова уезд

оказался без вооруженной силы, на которую могли бы опереться гетманские власти. В это время, приблизительно 5—6-го августа, штабом было объявлено, что приказ № 6 входит в силу. Почти

Схема района действий партизанского штаба.

вслед за этим был выпущен приказ № 7, в котором рабочие и крестьяне призывались восстановить на местах органы советской власти, встать под ружье, взять на учет весь хлеб, а немецким солдатам предлагалось «во избежание поголовного истребления» положить оружие.

Крестьянская беднота Веркеевки, Носовки и других сел района опять «начала действовать»: в Веркеевке, например, было немедленно мобилизовано до 1.000 крестьян, взяли хлеб (до 3.000 копен) из имения Терещенко и проч. Немецкие отряды снова расползлись по уезду. В Нежине осталось не более 600 немецких штыков. С 7-го на 8-е августа районный штаб предпринял нападение на гор. Нежин Веркеевскому отряду (300 вооруженных и 500 невооруженных) была дана задача не терять связи с «немцем» и «держать его» в этом месте. К Нежину были двинуты два отряда: первый—на ст. Нежин (100 вооруженных и 50 невооруженных) и второй—на предместье Авдеевку (200 вооруженных и 400 невооруженных). Отряд Нежинской военно-революционной организации должен был действовать внутри города (250 вооруженных). Оба первых отряда должны были занять южную половину города. Данные им боевые задачи они выполнили, но выступление повстанцев в самом Нежине запоздало; поэтому оба отряда штаба, израсходовав патроны, вынуждены были отступить к Мыльникам. С этого момента повстанцы лишь обороняются, так как в погоню за отрядами была брошена значительная сила в 2.000 штыков.

Штаб немедленно же распустил оба отряда, оставив при себе группу в 50 надежнейших партизан, и решил пробиться с ними в Козарские леса. При выполнении этого плана, между Мрином и Носовкой отряд попал под сильный пулеметный и ружейный огонь, натиска не мог выдержать и отступил в лесисто-болотистую местность р. Остер, просидев в тростниках полтора дня.

10—11-го августа штаб, распустив свой небольшой отряд, решил перебраться к повстанцам, находившимся в Веркеевских лесах в количестве 300 вооруженных с двумя пулеметами. Это ему удалось выполнить. Но положение Веркеевского отряда было чрезвычайно тяжелым, так как Веркеевка была окружена немецкими отрядами, расположившимися в самой Веркеевке, Заньках, Кошелевке, Дремайловке, Вересочи, Дроздовке, Орловке, Переходовке, Стодолах, Кукшине и хут. Вруб (см. схему на стр. 43). Повстанцы решили «переждать облаву» в Веркеевских лесах, но во время отдыха в лесу, приблизительно 13—14-го августа, немцы неожиданно напали на отряд и отбили обоз. Серьезные партизанские действия после этого стали невозможными, и штаб объявил отряд распущенным. Сам он тоже принужден был временно уйти из пределов этого района.

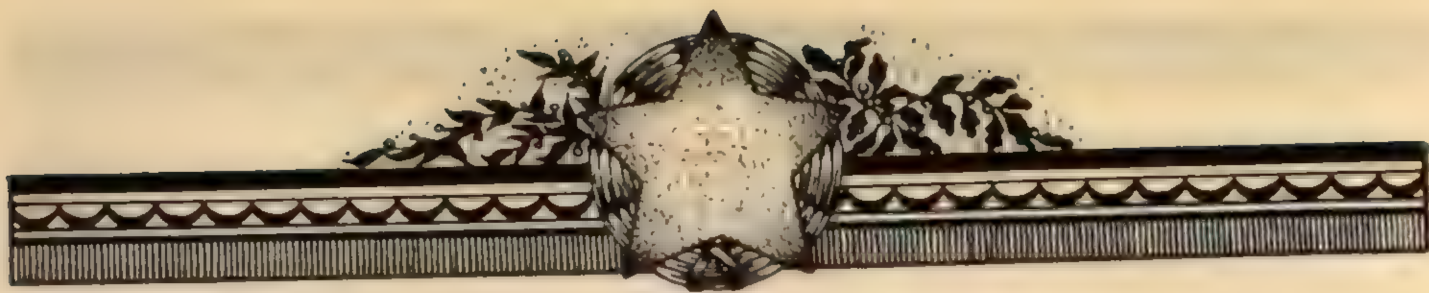
История Черниговского штаба и организованной им партизанщины чрезвычайно поучительна. Языком фактов она говорит о том, как постепенно задача открытого вооруженного наступления выдвигалась ходом развития партизанской борьбы. После внимательного рассмотрения всех этапов этой героической борьбы ясно, что все

решения районного штаба находились в строжайшем соответствии с объективной обстановкой. Штаб не измышлял своих приказов, а они диктовались ему сами развитием массового движения. Массовый террор в условиях назревшего восстания неизбежно должен был перейти в открытую вооруженную схватку между восставшими и главнейшими силами противника, т.-е. немецкими империалистическими отрядами. Такова неумолимая логика нарастающего движения. Мне остается лишь очень коротко остановиться на событиях, развернувшихся в Нежинском районе после того, как партизаны были разбиты.

Половина августа и начало сентября для рабочих и крестьян этого района были нестерпимо тяжелым временем. Белый террор, террор гетманских ищеек, кулаков, офицерских отрядов, остервенелых банд кулацких и помещичьих сынков обнаружил всю степень невероятной злобы насильников против восставших масс трудового народа. Было расстреляно свыше 150 человек крестьян за участие в партизанской борьбе. Семейства повстанцев, их жены, дети буквально вырезывались. Применялись невероятные надругательства, на которые способен лишь разбойник-империалист и злобствующий, остервенелый кулак. Так, в с. Володькова Девица сожжен был двор отца т. Крапивянского. Приговоренных к расстрелу приводили на это пепелище, после надругательств и пыток убивали и здесь же закапывали. Товарищ Лука Кожуховский был четвертован, братья Шевченко убиты после истязаний.

Но ни тяжелая борьба, ни зверская расправа не сломили революционной воли масс, их твердого стремления продолжать до конца борьбу с империалистами и гетманщиной. По словам всех оставшихся в живых партизан Нежинского района, настроение крестьянских масс остается революционным и доныне.

Н. КОТОВ

ОДНО ИЗ ВОССТАНИЙ НА УКРАИНЕ В 1918 ГОДУ

ЕВОЛЮЦИОННОМУ восстанию, одним из организаторов которого на бывшей Екатеринославщине пришлось быть автору этих строк, посвящаем мы настоящий очерк и на примере этого восстания постараемся последовательно ознакомить читателя с характером организации и проведения самого восстания.

Для проведения подпольной работы и организации восстания в тылу оккупировавших Украину немцев, нами была избрана бывшая Екатеринославская губерния с ее уездами: Александровским, Павлоградским, Мариупольским и Новомосковским.

Для того, чтобы стало ясным, почему был избран именно этот район, нужно остановиться на кратком описании характерных особенностей этого края. Весь район, входящий в состав Украины, являлся юго-восточным углом последней, гранича на востоке с Доном, где хозяйничали в это время организовавшиеся офицерско-монархические группы, на юге—с «демократическим» Крымом; на западе естественной границей этого района была река Днепр, с возможными переправами только в районе г. Екатеринослава и южнее—у города Александровска. Вся местность —слегка всхолмленная равнина, изрезанная в разных направлениях массой небольших реченок, густо поросших камышами («очеретом»), с общей покатостью в западном и юго-западном направлениях. Изредка, и то вблизи населенных пунктов, встречаются небольшие перелески-рощицы, и только в северной части имеются довольно большие леса, всюду удобопроходимые. Весь район густо населен; села замечательны своей величиной, и самое малое из них насчитывает не менее одной—двух тысяч жителей. Материальное благосостояние населения

следующее: от 50 до 75% земли принадлежало помещикам и немцам колонистам, остальная, в недостаточном количестве,—крестьянству. Лучшая земля принадлежала колонистам, эксплоатировавшим крестьян и за это невидимым последними. Благодаря введению отрубного (Столыпинского) хозяйства, крестьянство быстро начинало беднеть, земля концентрировалась в руках кулаков-хозяйчиков скупавших, а затем отдававших ее за баснословно дорогую цену

Карта Екатеринославской губернии.
(Заштрихованы уезды, избранные для подпольной работы и организации восстания в тылу немцев в 1918 г.).

в аренду тем же крестьянам. Несмотря на малоземельность, население, благодаря естественному плодородию почвы, жило довольно зажиточно, состав его - почти исключительно украинцы. Первая русская революция 1905 г. прошла бурно в этом крае: здесь прокатилась волна помещичьих погромов. Сменившая затем революцию реакция тяжкими репрессиями лишь наружно потушила пламя социальной борьбы и заставила крестьянство с вожделением мечтать о реванше,— о том дне, когда оно снова сможет развернуться и уничтожить всю насильно посаженную ему на шею клику помещиков и колонистов. 1917 год ознаменовался здесь разгромом помещичьих имений, при

чем не забыты были сыгравшие роль предателей в прошлом многочисленные кулачки-хозяйчики.

Приход оккупационных австро-германских войск связан был с целым рядом репрессий со стороны начавшей организовываться украинско-добровольческой власти. Власть фактически сосредоточилась в руках крупных земельных собственников (помещиков), немедленно принявшихся восстанавливать свои имения и в своих политических симпатиях больше ориентировавшихся на добровольческий Дон, чем на «германский Киев». Карательные мероприятия проводились при посредстве не только отрядов новосформированной полиции («варты») и полевых жандармов австро-германцев, но и, главным образом, офицерских отрядов, прибывших с Дона и открывших по всем городам вербовочные пункты в добровольческую армию.

Карательные офицерские отряды проявляли бешеную жестокость к беззащитному селянству. Не располагая материальными средствами, эти отряды особенно охотно нанимались к тому или иному помещику с целью насильственного взимания контрибуции с какого-либо села, при чем контрибуция взималась с излишком, шедшим в кассу отряда, и сопровождалась неслыханными издевательствами (насилование женщин, порка детей и стариков, сжигание жилищ вместе с жителями, пытки, массовые расстрелы).

КАК ВЕЛАСЬ РАБОТА ПО ПОДГОТОВКЕ ВОССТАНИЯ

Весь период работы по подготовке и проведению восстания можно разбить на два периода: первый—скрытый, подпольный и второй—открытой борьбы. Чем замечателен был первый период? Прежде всего, была установлена связь с незначительной группой недовольных одного из сел (села Межирич), затем при посредстве этой группы были завязаны связи с недовольными соседних сел. В укромном месте (овраг, камыши, старое заброшенное кладбище) устраивались конспиративные собрания, на которые приглашались представители от целого ряда сел. Здесь объявлялась задача организации, и избирался временный повстанческий комитет, для работы в котором были привлечены наиболее авторитетные из числа прибывших с мест делегатов. Эта первая работа была самой трудной и неблагодарной; необходимо было колоссальное напряжение воли, терпение и выдержка. Приходилось тщательнейшим образом ознакамливаться с характерными особенностями каждого отдельного человека, пожелавшего принять участие в организации восстания, особенно сильно бояться провокации, с большим трудом вселять уверенность среди желавших работать в конечном торжестве, разбить лед взаимного недоверия и, наконец, заставить начать активно работать. После устройства повстанкома начался период усиленной работы по расширению организации и увеличению захваченного района.

При посредстве родственных связей и знакомств в каждом селе начали организовываться ячейки; представители группы вместе с новыми членами повстанкома кочевали из одного села в другое, проводя в каждом организационную работу, намечая ответственных руководителей, проводя массовки-митинги, следя за подбором людей в ядре организации каждого села, намечая кандидатов для будущих волостных повстанкомов. Все собрания проводились конспиративно, в большинстве случаев ночью и где-нибудь на окраине села.

По мере расширения района начинали конструироваться волостные повстанкомы, при чем они, во избежание провала, всегда были удалены от волостных административных центров, так как в последних обычно группировались элементы, сочувствующие власти, имелась новосформированная полиция—«варта» и чаще появлялись всякие карательные отряды и экспедиции. Местопребыванием волостного повстанкома обыкновенно избиралось захолустное село, стоящее в стороне от большой дороги,—однако расположенное не только в центре всей волости, но и вблизи такого места, где удобнее было бы устраивать волостные съезды и периодически, для текущей работы, собирать отряды. Связь между отдельными ячейками, в целях предупреждения массовых провалов, поддерживалась цепочкой; ячейки одного села, зная, что по всему району ведется работа, что все близлежащие села имеют свои организации, личного состава последних, однако, не знали, и только ответственные руководители одного села знали, кто руководит в другом, руководители другого—кто в третьем, и т. д. Каждое ядро ячейки в этот период вело не только пропагандистскую работу, но и чисто боевую организационную и разведывательную, широко пропагандируя идею восстания, вовлекая в работу не только активную молодежь, но и вообще всех недовольных, формируя отряды из наиболее боеспособных, добывая вооружение и патроны, выдвигая кандидатов на командные посты из числа верных и подготовленных людей, беря на учет все ненадежные элементы села с целью предотвратить возможность предательства с их стороны. В этот момент организации приходилось обращать внимание на необходимость создания ячеек по возможности во всех селах намеченного района, для чего иногда приходилось прибегать к весьма неприятным мерам: искусственно создавать благоприятную обстановку для работы, в чем большую помощь оказывали карательные отряды гетманцев и офицеров, поровшие правых и виноватых и легко поддававшиеся на провокацию.

Уже с первого дня организации началась чисто боевая работа, которая являлась средством терроризирования всего ненадежного элемента, борьбы с карательными отрядами, и тем самым—средством поддержания ненависти и жажды борьбы, и, наконец,—что самое важное,—лучшей популяризацией идеи восстания.

ПАРТИЗАНСКИЕ ДЕЙСТВИЯ В ПЕРИОД ПОДГОТОВКИ ВОССТАНИЯ

Боевые отрядики, сформированные сельскими ячейками, объединялись в один волостной отряд; из числа кандидатов самый лучший назначался командиром: отрядики один-два раза скрыто собирались при волостном повстанкоме, где производилась разбивка на взводы и отделения. Одно-два пробных учения, и отряд, годный для боевой работы, распускался по своим селам, готовый по первому требованию начальника собраться в указанном на каждый отдельный случай месте. Была налажена связь и взаимная информация между отрядами и районным повстанкомом, при чем она поддерживалась при посредстве конных посыльных следующим образом: немедленно по получении в каком-нибудь селе важного сведения на лошадь усаживается снабженный донесением мальчишка, который ближайшими путями летит в соседнее село, где передает записку доверенному лицу; последний немедленно таким же образом передает донесение в следующее село и т. д. Распоряжениями повстанкома была налажена агентурная разведка, для каковой цели во все необходимые пункты высылались разведчики, а из числа жителей, сочувствующих восстанию, вербовались информаторы. Когда намечался объект для боевых действий, указывалось время и место сборного пункта, в котором должен был собираться весь отряд для совершения налета. По окончании последнего все участники быстро, заметая следы, расходились по своим селам, прятали оружие и снова продолжали либо скрываться, либо заниматься мирным трудом.

Каждый налет был замечателен своей внезапностью. Производился он или с наступлением темноты, или на рассвете; начинался демонстрацией на более неуязвимое место противника и продолжался затем одновременным нападением извне и изнутри. Стремительность натиска бывала так велика, что бой сразу же начинал носить характер рукопашной схватки и кончался, конечно, поголовным уничтожением объекта нападения. Для большего уяснения техники этих налетов мы приведем наиболее характерные бои у м. Петропавловка и с. Межирич (оба пункта—б. Павлоградского уезда).

В местечко Петропавловка (схема на стр. 51) 22-го июня 1918 года из города Павлограда был направлен сводный карательный отряд немцев и офицеров, общей численностью около 250—300 человек при 6 пулеметах.

Время выступления отряда из города, а также задача, ему поставленная, были известны повстанкому, благодаря своевременному донесению. К м. Петропавловка отряд должен был прибыть к 18 часам для взыскания контрибуции в виде хлеба и скота и, переночевав в местечке, отправиться далее—в соседнюю Троицкую волость

с такой же целью. М. Петропавловка расположено в 45 *км* юго-восточнее г. Павлограда, на большой трактовой дороге из Украины на Дон. К самому местечку вплотную прилегала река Бык, образующая здесь плавни, густо поросшие высоким камышом и лесом; на юге и востоке от этого местечка была открытая и ровная, как стол, местность с редкими холмиками—бывшими казацкими могилами.

Повстанкомом решено было уничтожить карательный отряд по приходе его в м. Петропавловка. Временем для налета был назначен рассвет следующего по приходе сюда немцев дня. Еще до прихода карательного отряда в местечко, под видом едущих за углем в Донецкий бассейн крестьян было введено около 25—30 самых боевых партизан с автоматом, винтовками, седлами и ручными гранатами, спрятанными в повозках. Партизаны разместились по прилегающим к местечковой площади заезжим дворам группами по 4—5 человек. К вечеру прибыл карательный отряд и расположился в земской школе (большое 2-этажное здание, стоящее на площади), заняв к ночи караулами и пулеметами все выходы из местечка и выставив особенно сильный караул на юго-восточную окраину, так как в этом направлении с наступлением темноты партизанами было зажжено небольшое именьице, находящееся километрах в 4 от местечка. Ночью к местечку прибыл собранный отряд партизан числом около 120—130 человек, который расположился в леске, что у северо-западной окраины.

Схема налета красных партизан на м. Петропавловка 22 июня 1918 г.

На рассвете 23-го июня, лишь только показалась утренняя зорька, группой партизан в 12—15 человек, пробравшихся задворками на юго-восточную окраину, был произведен налет на караул,

преспокойно спавший в хатах; был захвачен пулемет, караул перебит, заняты крайние хаты, произведен обстрел местечка из ручного пулемета и зажжено несколько отдельно стоявших сараев. В местечке началась паника, немцы бросились в восточном направлении на выстрелы; завязалась перестрелка с партизанами, засевшими на юго-восточной окраине за заборами-«тынами». Спустя несколько минут, когда перестрелка начала усиливаться, бывшие в местечке партизаны начали обстреливать из автомата и винтовок мечущихся по площади и в школе немцев, и в это время со стороны леска (с северо-западной стороны) с гиком, улюлюканьем и стрельбой на ходу ворвались остальные партизаны. Бой,—вернее, избиение,—длился несколько минут, и все,—даже сдавшаяся, бросившая оружие большая группа немцев,—были перебиты. Когда уже окончательно рассвело, отряд партизан быстро ушел в южном направлении, забрав трофеи и унося с собой своих убитых и раненых; затем, отойдя 7—8 *км* от местечка, партизаны рассыпались, разбившись на малые группы, и разошлись в разных направлениях. Вся операция длилась 2—3 часа. В результате—весь карательный отряд был уничтожен, все оружие, обмундирование и лошади взяты, как трофеи. Уцелела только незначительная часть офицеров, спрятавшихся своевременно по чердакам, погребам и сеновалам. Потери партизан: 1 убитый и 6 раненых.

Другая характерная операция—налет—была произведена 25 октября 1918 года в районе сс. Межирич—Маврино, что в 10—14 *км* к северо-западу от того же г. Павлограда (схема на стр. 53). В мастерских села Межирич производился ремонт оружия партизан; в лесу, около села, были устроены склады оружия и огнеприпасов. Повстанческая организация здесь была одной из самых мощных. Протекавшая у самого села, сильно поросшая камышами река Волчья и вплотную прилегавший большой лес делали это село удобным для постоянного сбора отрядов. В середине октября из г. Павлограда, где, неизвестно по чьей вине, стало известно о Межиричской организации, был выделен офицерский карательный отряд, общей численностью в 150—200 человек, которому приказано было произвести в селе повальные обыски, изъять все оружие и, спалив село, вернуться к вечеру в г. Павлоград. Отряд выступил из города в начале 12 часа, а к 12 час. об этом стало известно в Межириче. Собранного отряда не было; карательный же отряд до вечера нельзя было пустить в село, так как только к этому времени можно было собрать партизан и вывезти мастерские. Постанкомом решено было на линии селения Маврино, что на дороге из г. Павлограда в Межирич, задержать возможно дольше офицеров, пустив их в Межирич только к вечеру, после чего, воспользовавшись тем, что карательный отряд останется ночевать в селе, ночью его уничтожить. Для проведения

ночного нападения должны были быть собраны в лесу, северо-западнее с. Межирич, отряды партизан из соседних сел и волостей.

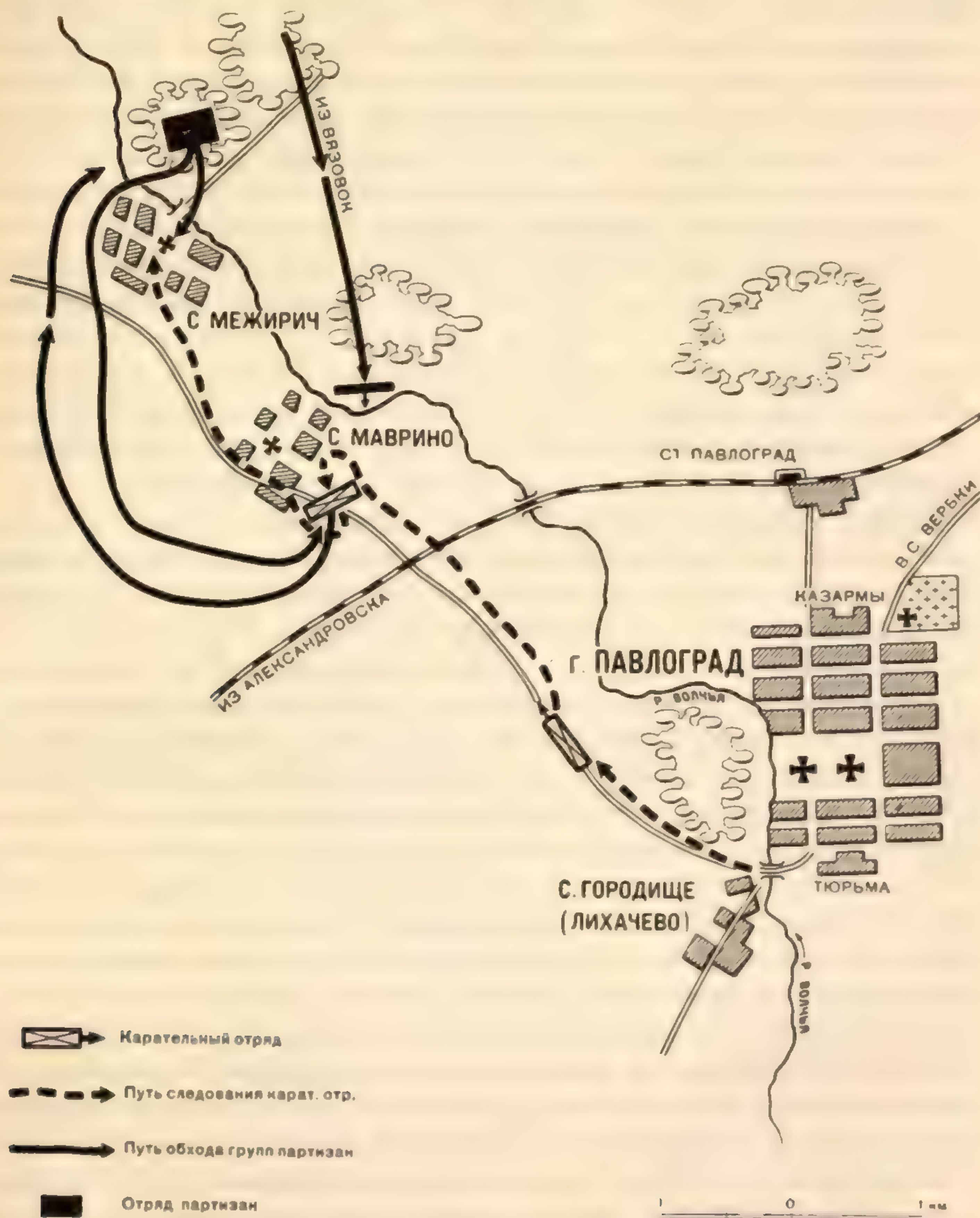

Схема налета красных партизан на германский отряд в районе сс. Межирич и Маврино 25 октября 1918 г.

Межиричский отряд, численностью в 30 40 партизан, получил задачу,—обойдя на рысях с западной стороны движущихся в северо-западном направлении офицеров, напасть на таковых с юга при втягивании их в село Маврино и, заставив развернуться и слезть с тачанок, отходить к юго-западу, не сходясь на близкие дистанции,

но и не отходя слишком быстро. Прибывший к $12^1/_2$ -1 час. отрядик в 20—30 чел. из с. Вязовок брошен был вдоль правого берега реки Волчья с задачей—обстреливать с тыла офицеров, развернувшихся против межиричского отряда. Маневр удался; офицеры, с песнями ехавшие на тачанках, будучи внезапно обстреляны с тыла при втягивании в село Маврино, сначала спешились, а затем, рассыпавшись в цепь по окраине села фронтом на юго-восток, начали вести перестрелку с межиричским отрядом, а немного спустя, перешли в наступление; подоспевший на выстрелы к самому разгару боя вязовковский отряд обстрелом офицеров во фланг и в тыл внес большое замешательство в их ряды и чуть не вызвал паники. Бой затянулся до 16—17 ч. и кончился, как только партизаны, выполнив свою задачу, скрылись с горизонта. Кружными путями они ушли на сборный пункт в лесу, у с. Межирич. Время было выиграно, и, примерно, к 19 часам в лесу собрался отряд партизан около 150 чел., ожидая наступления темноты и прихода в село офицеров.

Придя, примерно, к 19 часам в село, офицерский карательный отряд расположился в центре его, выставив охранение на окраине; было выделено несколько групп, которые бросились по «хатам», производя обыски и устраивая порку старикам, женщинам и детям, оставшимся в селе. Никто не оказывал сопротивления. Утомленные и перепившиеся самогоном офицеры с наступлением темноты разбрелись по хатам, прилегающим к площади, успокоенные заверениями крестьян о полном отсутствии партизан не только в самом селе, но и в его окрестностях. Село в это время постепенно наполнялось пробиравшимися в темноте по задворкам партизанами. Часа в 2—3 ночи в село карьером, изрубив пост на окраине, ворвалась группа конных партизан, которая сейчас же бросилась к дому священника, где остановился штаб офицерского отряда. Ударили в набат; кое-где запылали хаты; послышались отдельные выстрелы; в селе началось вылавливание и резня по хатам, сараям, дворам и переулкам обезумевших от неожиданности офицеров. К рассвету все было кончено. Редкие одиночки из карательного отряда остались в живых. Двух престарелых полковников в отставке, бывших тоже в отряде и захваченных спящими, предварительно раздев и выпоров, отпустили домой, взяв клятвенное обещание—никогда больше не заниматься такими делами.

Вот какой характер носили боевые операции этого периода организации сил и скрытой ожесточенной борьбы. Постоянного отряда не было, и, в случае появления карательного отряда большой мощности, таковой мог свободно двигаться по всему району, не встречая сопротивления, но отдельные, оторвавшиеся от него группы немедленно уничтожались; узнать же, кто, из каких сел, в каком числе производит налеты, не было никакой возможности, так как быть

предателем, даже при пытке и порке, никто из крестьян не хотел, ненавидя, с одной стороны, офицерскую власть, а с другой—боясь возмездия со стороны партизан. Возмездие было ужасно и распространялось не только на предателя, но и на его семью, родственников и имущество; все же материальные убытки, понесенные каждым в защиту интересов повстанческого движения, оплачивались с избытком. К концу первого периода каждый партизан свободно мог искать убежище и рассчитывать быть спрятанным даже у крупного кулака, завзятого контр-революционера, зная, что его больше боятся, чем существующей власти, и будучи уверенным в том, что он всегда будет отомщен.

ВОССТАНИЕ

Постепенно, с увеличением и ростом повстанческого движения, функции организующего ядра сельской ячейки расширились. Когда почва в селе настолько была подготовлена, что повстанком уже являлся в нем органом власти, тогда он начинал выполнять и функции мобилизационного аппарата. В этот момент все способное носить оружие крестьянство каждого села было разбито на роты первой, второй и третьей очередей, составлены списки, назначен командный состав. На роты первой очереди была возложена обязанность явиться в указанный повстанкомом пункт немедленно с объявлением восстания; роты второй очереди должны были приступить к несению местной гарнизонной службы, являясь территориальными отрядами самообороны местного назначения на случай переноса широких боевых действий в отдаленные районы; роты же третьей очереди являлись резервом для первых двух.

Постепенно, с ростом организации, начинал шириться и район, захваченный ею; начинал наступать момент, когда напряжение борьбы и недовольства достигало апогея своего развития, когда начала появляться уверенность в том, что немедленно с объявлением восстания все подымется, все пойдет от мала до велика на открытую борьбу. Пришло время, когда трудно было уже сдерживать свои партизанские отряды от бесцельных разрозненных выпадов, когда умы всех уже свыклись с мыслью о необходимости объявления восстания и с нетерпением ждали его начала.

В этот период организаторам пришлось делать колоссальные усилия, чтобы не дать вспыхнуть восстанию стихийно, раньше времени, так как впереди предстояла большая работа по окончательной подготовке района к восстанию.

Состояние организации к этому времени было следующим: 1) был окончательно намечен тот район, который должно было охватить восстание; 2) произведен учет сил своих и противника; 3) существующие отряды сведены в более крупные соединения—батальоны

и полки; 4) отдел агентурной разведки районного повстанкома усиленно работал по собиранию сведений о том, какие части противника имеются в районах, соседних с намеченным к восстанию; 5) все села волостей, вошедших в состав намеченного района, через посредство своих повстанкомов были поставлены в известность о степени их участия в восстании; 6) объявлено всем селам, какие, куда, в какую очередь и в какой срок должны будут выслать роты первой очереди; 7) указано, в каких волостях роты второй очереди должны быть сведены в более крупные соединения, какие на них возлагаются задания, какое направление и когда они должны будут прикрывать, взорвав железнодорожные сооружения и испортив телеграфные и телефонные линии; 8) указано, в каком количестве, когда, какие и в какую очередь села должны будут присылать продовольствие, фураж и лошадей для общерайонных повстанческих войсковых частей; 9) намечен объект для первых боевых операций, каковым, обыкновенно, являлся крупный административный центр—уездный город с группирующимися в нем правительственными войсками, штабом и учреждениями, и, наконец, 10) назначен день, когда должен быть захвачен административный центр и объявлено восстание, что всегда должно совпадать одно с другим.

К моменту захвата уездного города (а таковым оказался в данном случае г. Павлоград) к последнему скрытно были стянуты из всего подготовленного района отряды повстанцев, распределены функции, дано каждому задание, назначен час общей атаки-нападения, указан условный сигнал, в город заблаговременно введена, для одновременного нападения изнутри на штабы, группа отлично переодетых партизан, со спрятанным на себе и в повозках оружием. В условный час и по условному сигналу начался налет, который был произведен внезапно на рассвете в тот момент, когда все спали мирным сном. Во время операции по захвату административного центра последний был изолирован от всего окружающего мира: телефонные и телеграфные провода были отрезаны, железнодорожные пути на границах района взорваны против тех пунктов, откуда могла притти помощь атакованному и осажденному городу, выдвинуты заслоны из рот 2-й очереди. Поскольку было все обдумано, предусмотрено, учтены все возможности, постольку успех операции заранее был обеспечен.

Несколько выстрелов внутри города при нападении на штабы, небольшая перестрелка на окраинах, а также в районе расположения правительственных войск,—и город был занят. Отдельная группа партизан-повстанцев по заранее намеченному плану и расписанию производила выемку из квартир наиболее завзятых и преданных сторонников павшей власти. Как только был занят административный центр, об этом сейчас же были поставлены в известность

волостные повстанкомы всего намеченного района. Согласно прежним указаниям, из рот 2-й очереди был немедленно образован кордон на границах всего восставшего района. Прежний районный повстанком начал выполнять функции штаба, выделив из своего состава уездный революционный комитет, для участия в работе которого широко были привлечены представители от волостей и местного пролетариата.

Во всех волостях и селах из бывших повстанкомов были созданы ревкомы, которым вменялись в обязанность: широкая пропаганда идеи продолжения непримиримой борьбы, наблюдение за немедленным и неукоснительным проведением в жизнь всех распоряжений нового аппарата уездной власти, организация подвоза фуража и продовольствия для воюющих, наблюдение за быстротой мобилизации и, наконец, изоляция, а частью—и уничтожение всего ненужного контр-революционного элемента села. Новосоздавшийся штаб руководил главным образом всей боевой организационной работой и одновременно направлял в правильное русло работу всех революционных комитетов.

С прибытием из сел рот первой очереди отделом формирований штаба были сформированы по принципу территориальности полки регулярного типа, в которые в качестве кадра влиты работавшие еще в подпольный период партизаны, и из числа наиболее годных и подготовленных назначен командный состав. Отдел агентурной разведки еще шире развил свою работу, охватывая своей деятельностью все новые и новые районы. Отдел пропаганды вел лихорадочную работу по установлению связи и налаживанию организаций во всех соседних районах, бросая туда большое количество агитаторов и главное внимание обращая на направления, могущие расширить восставший район, создавая обстановку, благоприятную для развития боевых операций.

Первые дни начала восстания были тяжелы, так как на восставший район со всех сторон устремились правительственные войска. Приходилось одновремено с проведением организационной работы вести бои на всех направлениях, делать колоссальные усилия, чтобы восстание не было загнано снова в подполье, так как это означало бы почти совершенный срыв всей предыдущей работы, разгром всех повстанческих организаций и вырождение восстания в партизанщину, ложащуюся тяжелым бременем на крестьянство и не дающую больших положительных выгод для дела революции. Работа по углублению восстания и расширению восставшего района велась лихорадочным темпом; новосформированные и наспех сколоченные части были выброшены на границы в заранее намеченном направлении и, опираясь на результат работы отдела пропаганды штаба— с одной стороны, и на сведения агентурной разведки--с другой, вели бои и завоевывали все новые и новые районы. Для того, чтобы

ясны были особенности методов ведения боевых операций повстанцами, необходимо привести несколько характерных примеров, а именно: 1) бой за занятие административного центра—города Павлограда, 16 ноября 1918 г., для начала восстания, 2) и 3) два связанных между собой и непосредственно вытекающих один из другого боя в районе г. Павлограда и селения Богуслав—9-го, 10-го и 11-го декабря того же года.

Административным центром, который необходимо было занять к моменту объявления восстания и в котором в это время группировались правительственные войска, был уездный город Павлоград (схема на стр. 59). В городе гарнизоном стояли: 1) полк германцев в составе около 2.500 штыков при 16 тяжелых и 12 ручных пулеметах, 8 минометах, 12 бомбометах и 4 легких орудиях, 2) сводный донской офицерский отряд—около 250 штыков при 4 тяж. пулеметах, 3) конная и пешая уездная полиция («варта»)—около 100 штыков и 60 сабель при 2 тяжелых и 1 ручном пулемете и 4) городская, сформированная из буржуазных и помещичьих сынков самооборона общей численностью в 150 человек при 2 ручных пулеметах,—итого около 3.000 штыков при 22 пулеметах станковых, 15 ручных, 8 минометах, 12 бомбометах и 4 орудиях. Немцы стояли в войсковых двухэтажных казармах на окраине города со штабом в центре города; офицерский отряд был расквартирован казарменно в центре города, остальные—по частным квартирам. Повстанкомом решено было взять город, атаковав его на рассвете 16-го ноября 1918 г.

С этой целью разработан был следующий план: 1) еще с вечера 15-го, под видом крестьян, приехавших на рынок [1]), было введено в город и размещено по заезжим дворам около 100 человек отлично вооруженных повстанцев с задачей—на рассвете, после того как часы на соборе пробьют 6 часов, напасть на немецкий штаб и офицерский отряд, расположенные один против другого в центре города; 2) группе в 20 человек повстанцев, тоже введенных в город, приказано было, действуя самостоятельно, к 6 часам занять городские телефонную и электрическую станции и выключить весь город, заставив его потонуть в темноте и остаться без связи; 3) повстанческим отрядам всех восточных волостей уезда, сведенным в один батальон, с числом бойцов около 350 человек при четырех пулеметах, приказано было ко «вторым петухам» (около 3 час. ночи) занять северную окраину города и с первыми выстрелами в центре города быстро атаковать казармы со стороны лагерей и кладбища, установив

---

[1]) 16-го ноября был четверг, базарный день, когда в город съезжаются крестьяне со всей округи, при чем приезжают с вечера предыдущего дня, так как базар начинается с утра и к 12—13 часам прекращается. К этому дню и был приурочен захват города.

на кладбищенской стене, для обстрела окон верхних этажей казармы, пулеметы; всем отрядам южных и западных волостей, сведенным также в один батальон, с общим числом до 400 бойцов,— сосредоточившись на северной окраине села Лихачево, повести

Схема захвата красными партизанами гор. Павлограда, занятого германцами, 16 ноября 1918 г.

дальнейшее наступление в северо-восточном направлении для занятия города; право-фланговый отряд, в количестве 70 человек, должен был занять тюрьму, освободить из нее до 300 арестованных крестьян и направить их для вооружения в село Лихачево; отрядам всех северных волостей, сведенным в две роты, общим

числом в 200 человек, при двух тяжелых и двух ручных пулеметах, приказано было «ко вторым петухам» занять южную опушку леса (что севернее вокзала) и с началом стрельбы в городе завладеть вокзалом, захватив стоявшие там приспособленные под бронеплощадки, с 2 пулеметами и одним орудием на каждом, два угольных пульмана с бронированным паровозом. Штаб повстанкома ко «вторым петухам» должен был прибыть на северную окраину села Лихачево, вместе со всей повстанческой конницей, чтобы с первыми выстрелами в центре города ворваться в него через мост, что у села Лихачево, и, наконец, роты 2-й очереди крайних северо-восточных и юго-западных волостей к «третьим петухам» (за $1^1/_2$ часа до рассвета) должны были занять ст. Самойловка и ст. Зайцево: первая—в 22 *км* к северо-востоку от ст. Павлоград, вторая—в 18 *км* к юго-западу,—перерезав железнодорожные провода и разрушив пути.

Около 5 часов утра 16-го ноября в штабе повстанкома были получены донесения о том, что все отряды заняли свое исходное положение. Из города донесли, что все обстоит благополучно,—никто ничего не ожидает, и почти все, вплоть до часовых у штабов и караулов на местах, на окраинах города и у тюрьмы, спят мирным сном.

Стояла темная морозная ноябрьская ночь. Город был ярко освещен электричеством. Оставалось два с половиной - три часа до рассвета и $1—1^1/_2$ часа до начала боя. Штаб расположился в крайней хате села Лихачево, в нескольких сотнях шагов от моста через реку Волчью и мирно спящего на нем, сидящего в будке с городской стороны моста германского часового. У штаба, выстроенная в колонну по-шесть, стояла конница повстанцев с надетыми на головы лошадей. для предупреждения ржания, торбами с овсом. Стояла мертвая тишина, не слышно было даже лая собак, загнанных с вечера крестьянами по хатам. Повстанцы молча жались к лошадям, держа в руках обнаженные шашки, намотав покрепче на-руку темляки, с нетерпением ожидая сигнала к бою. Из хаты, занимаемой повстанкомом, изредка, при открывании дверей, нарушая тишину, на улицу вырывались страстные слова кого-нибудь из членов повстанкома, говорившего о наступающем дне и планах на тяжелое, но тем не менее красочное и светлое будущее. Через несколько минут, после того как на городском соборе пробило шесть часов, потухло электричество и город погрузился в темноту, раздались тихие, но в то же время режущие ухо команды «по коням», «садись», и не успели еще конники как следует усесться в седла, как из города послышались первые далеко прокатившиеся эхом по вблизи находившемуся лесу, подобно орудийным, ружейные выстрелы, и, захлебываясь, затакал пулемет-автомат. Команда: «за мной, в карьер

марш-марш», подобно электрическому току, бросила на мост всю конницу, которая, растоптав выскочившего из будки и не успевшего выстрелить немца, ворвалась в город.

Все вышло так, как предполагал штаб. Забившийся в подушки, испуганный обыватель утром уже был в столице повстанческого района. Немцы, пытавшиеся было вначале оказать сопротивление, лишенные и отрезанные от своих спавших в городе офицеров, к 8 часам сдали все оружие и были интернированы в казармах. Офицеры, до 8 часов отчаянно дравшиеся в одиночку, частью были перебиты, частью покончили жизнь самоубийством. Только один «броневик» долго, до 9 час., продолжал упорствовать, обстреливая орудийным огнем город. Выскочив из района вокзала, но затем свалившись с насыпи у железнодорожного моста через реку Волчью, он тоже замолчал. Занятием административного центра начался первый день восстания.

Наши трофеи: все имущество, вооружение и снаряжение противника и около 2.400 пленных немцев; наши потери: около 30 убитых и раненых плюс несколько лошадей.

Весь последовавший затем период на разных, диаметрально противоположных направлениях велись бои, и так как гетманская власть на Украине в это время уже пошатнулась, то все они были успешны для повстанцев. В начале декабря города Харьков и Екатеринослав были заняты петлюровцами, в ряды которых, переменив только погоны и нашивки на воротниках, пошли почти все ранее служившие верой и правдой гетману офицеры, жандармы и буржуазная интеллигенция.

В первых числах декабря Павлоградскому районному повстанкому петлюровцы предъявили ультиматум: либо примкнуть к их движению, либо, сдав оружие, очистить весь район и разойтись по домам.

В ответ на ультиматум был произведен налет на ст. Лозовую, прочно занятую большими силами петлюровцев при нескольких броневиках,—налет, окончившийся, правда, только занятием прилегающего к станции местечка и скорым оставлением его. Заключив 8-го декабря соглашение с немцами на предмет совместной ликвидации повстанческого района, петлюровцы 9-го утром приступили к активным действиям (схема на стр. 63), при чем со стороны Лозовой (северо-восточное направление) наступали гайдамаки петлюровцев, с юга (со стороны ст. Фаплино) два батальона немцев при 4-орудийной батарее, 18 возимых пулеметах, большом количестве (учесть которое потом не удалось, так как большая часть потонула в реке) ручных пулеметов, бомбометов и минометов. Так как в это время в распоряжении штаба имелся только один полк общей численностью около тысячи бойцов при двух орудиях

и 12 пулеметах, а все остальные части (партизанский отряд под командой Махно—около полуторы тысячи штыков, 1-й Павлоградский сводный полк под командой т. Будинского и другие) вели бои в районе станции Синельниково (юго-западное направление в 40 *км* от гор. Павлограда) и в районе ст. Гришино (восточное направление в 60 *км* от города), то положение было довольно критическим и угрожающим.

Повстанческим штабом решено было разбить противника по частям теми силами, которые оставались в качестве общего резерва, ударив сначала по немцам, как более сильным, а от петлюровцев прикрывшись слабым, медленно отходящим заслоном, затем разбить петлюровцев, дав им даже возможность занять на несколько часов город Павлоград. Силы противника были следующие: у петлюровцев—около 2 тысяч бойцов при 6 орудиях, большом количестве пулеметов и двух бронепоездах; у немцев—одних бойцов пехоты, без пулеметчиков и артиллеристов, около двух тысяч и, кроме того, батальоны отличного 2-го Саксонского полка, петлюровцы же—слабо сколоченный сброд из офицеров, студентов, гимназистов и бывших полицейских.

9-го декабря к вечеру буферные отряды (роты 2-й очереди Лозовского направления) откатились на линию села Вербки, что в 7—8 *км* к северу от города Павлограда; отряды Чаплинского направления оставили село Александровку, что в 20 *км* к югу от города.

Петлюровцы расположились на ночлег в районе Вербские хутора, немцы—в селе Александровке. Выбросив на подкрепление из состава полка в село Вербки две роты общей численностью в 300 человек при четырех пулеметах и приказав им, в случае нажима со стороны петлюровцев, медленно отходя в юго-восточном направлении, правым флангом придерживаясь железной дороги, вокзала, железнодорожного моста через реку Волчью и линии левого берега реки Волчьей, во что бы то ни стало задержаться до утра 11-го декабря,—повстанком с остальными частями бросился навстречу немцам, решив уничтожить их в районе сел Александровка—Гнилокушские хутора в течение 10-го того же месяца. Все правительственные учреждения были вывезены в течение ночи с 9-го на 10-е на юго-восточную окраину Павлоградских хуторов.

Для прикрытия города оставлен сведенный с этой целью из разных штабных, комендантских и местной охраны отряд общей численностью около 200 бойцов при 3 ручных пулеметах, который должен был, дав бой петлюровцам на северо-восточной окраине города, отойти на линию северо-западной окраины Павлоградских хуторов, где, закрепившись, во что бы то ни стало продержаться

Схема военных действий красных партизан в районе Павлограда против наступавших германцев и петлюровцев 8—11 декабря 1918 г.

до ночи 10-го числа, обеспечивая тыл полка, оперирующего в районе с. Александровка. Отряду самоохраны села Лихачево приказано было занять мост через реку Волчью у самого села, не давая петлюровцам до утра 11-го переправиться на левый берег и обеспечивая тем самым правый фланг отряда, отходящего под нажимом петлюровцев за реку Волчью в район железнодорожного моста и севернее его. Таким образом, отступление велось в разные стороны от города Павлограда, децентрически, и петлюровцам, поставившим себе целью занятие города во что бы то ни стало, готовилась, в случае успешного окончания боя с немцами, ловушка в самом городе.

Разбить немцев решено было следующим образом. Заманив их в мешок, образуемый рекой Волчьей с западной стороны, притоком ее и камышами—с северной и озерами Лиман Гнилокуш и Лиман Великий—с восточной, юго-восточной и южной сторон, напасть на них внезапным ударом во фланг и тыл.

Зима стояла гнилая, все время шли дожди, по льду на реке можно было переправиться с большим риском только отдельным людям, знающим течение, так как там бьют подземные ключи, образующие во многих местах слегка замерзающие прогалины; камыш, вдоль озер достигающий роста человека, вырезывается только в конце января—начале февраля каждого года, да и то не регулярно.

К рассвету 10-го декабря все повстанцы были на своих местах. Буферная рота, отошедшая и кочевавшая в Гнилокушских хуторах, еще задолго до рассвета ушла из них, распространив слух и обязав крестьян говорить, что она уходит в западном направлении—за реку Волчью, так как город уже заняли петлюровцы, а все повстанцы отошли к станции Синельниково. В 9 часов утра немцы со всеми мерами походно-сторожевого охранения выступили, двигаясь на подводах, из села Александровка по дороге через селение Гнилокушские хутора на город Павлоград, так как по другой дороге, вследствие большой грязи, не было возможности двигаться. Около 11 часов головные подводы-дозоры начали втягиваться в «мешок», и вскоре за ними показалась колонна из подвод с едущими на них по 5—6 человек немцами, с тянущимися, запряженными крестьянскими лошадьми, орудиями и колоссальным обозом награбленных продуктов в хвосте колонны. Когда передние подводы подошли почти вплотную к притоку р. Волчьей и камышам, что на северной окраине «мешка», взвод артиллерии повстанцев, стоявший немного севернее за небольшим бугорком, беглым огнем на шрапнель почти без промаха начал обстреливать в глубину всю колонну, одновременно с трех сторон заработали пулеметы, а выскочившие почти у самого селения Гнилокушские хутора

из камышей конные повстанцы бросились рубить немцев-обозников.

Началось что-то не поддающееся описанию. Задние бросались на передних, передние на задних, повозка полезла на повозку; все поле покрылось в панике бегущими людьми и повозками, мчащимися к реке Волчьей, где почти всех бросившихся на лед постигла еще более печальная участь.

К 12 часам все было кончено; только бедные, потерявшие нескольких человек убитыми крестьяне-подводчики собирали по полю остатки своих повозок, да кое-где раздавались отдельные выстрелы: это пристреливали захваченных живыми немецких офицеров и унтер-офицеров. С нашей стороны—ни одного убитого и раненого; со стороны немцев—свыше 400 пленными, остальные убитые или дострелянные раненые; большинство же потонуло в реке. Все имущество, снаряжение и вооружение стало трофеями. Только к 15 часам можно было закончить сбор повстанцев и трофеев, после чего, отправив в село Богуслав, что в 10 *км* северо-восточнее места боя, всех пленных и трофеи, отряд с песнями двинулся выполнять вторую задачу и только к 18 часам присоединился к отошедшим уже на линию Павлоградских хуторов товарищам.

В то время, как происходила ликвидация группы немцев, на другом участке происходили следующие события. К 10 часам 10-го же петлюровцы перешли в наступление и, сбив арьергарды, к 12 часам подошли к селению Вербки, где встретили довольно сильное сопротивление.

Около 14 часов петлюровцам удалось обойти правый фланг, и обороняющиеся повстанцы начали медленно отходить на правый берег реки Самары—к полотну железной дороги. Петлюровцы начали было продвигаться в сторону города своим левым флангом, но, обстрелянные артогнем нашего захваченного ранее у немцев бронепоезда, замедлили движение, ожидая подхода своих двух бронепоездов, исправлявших повреждения пути. К 16 часам петлюровцы своими правофланговыми частями начали подходить к вокзалу, левым же флангом и центром устремились к городу, где были встречены сильным ружейным и пулеметным огнем с близких дистанций; понеся большие потери, они откатились назад.

Около 17 часов бронепоезда петлюровцев, подойдя вплотную к мосту через реку Самара и не имея возможности через него переправиться, так как он был поврежден, начали с дальних дистанций обстреливать северную окраину города, не имея в то же время возможности заставить замолчать бронепоезд повстанцев, метким огнем мешавший продвижению пехоты противника. Около $17^1/_2$ часов, когда стали надвигаться сумерки, повстанцы быстро

отошли в указанном им направлении, а петлюровцы, опьяненные успехом, заняли город и, не найдя в нем ни одного повстанца, почили на лаврах, ожидая прихода немцев.

Собрав донесения от всех отошедших частей, штаб повстанкома решил с рассветом 11-го атаковать петлюровцев тем же порядком, как и немцев. С рассветом 11-го начался бой, и к 9 часам отряд петлюровцев прекратил свое существование.

Такой характер носили боевые операции второго периода восстания; таковы замечательные и характерные особенности работы по углублению восстания и постепенному расширению района, им охваченного; так было организовано восстание без всякой поддержки со стороны центральной власти,—местными людьми и на местные средства.

Отсутствие предварительной подготовки, заранее подготовленных складов оружия, патронов и снаряжения являлось тормозом и мешало быстроте организации; малое число организаторов мешало правильному налаживанию организации; отсутствие же подготовленного командного состава не давало возможности широко развернуть планы формирования войсковых единиц и придать большой размах боевым операциям; тем не менее восстание принесло колоссальную пользу делу социальной революции, явившись большой помощью Красной армии при ее победоносном шествии в начале 1919 года.

Восстание, охватившее сначала незначительный по площади район, быстро затем распространилось по радиусам. В начале ноября 1918 г. были захвачены уездные города Павлоград и Новомосковск. В конце ноября восстание охватило полностью Павлоградский, Новомосковский, Александровский (без города Александровска), Мариупольский (без города Мариуполя), северную часть Бердянского и Мелитопольского уездов. Отдельные отряды проникли в северную часть Крыма и в район Донбасса. В середине декабря был взят город Екатеринослав. В первых числах января 1919 года части восставшего района торжественно встречали части Красной армии, подошедшие со стороны Харькова.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Так было организовано и проведено восстание. Если подвести итоги проделанной работе и подсчитать те реальные результаты, которые принесло оно делу освобождения Украины от контр-революционных банд гетманщины, добровольцев и петлюровцев, то можно констатировать следующее:

1) В самый критический момент, когда гетманщина пыталась связаться с добровольческим Доном и уйти туда, попытки в этом

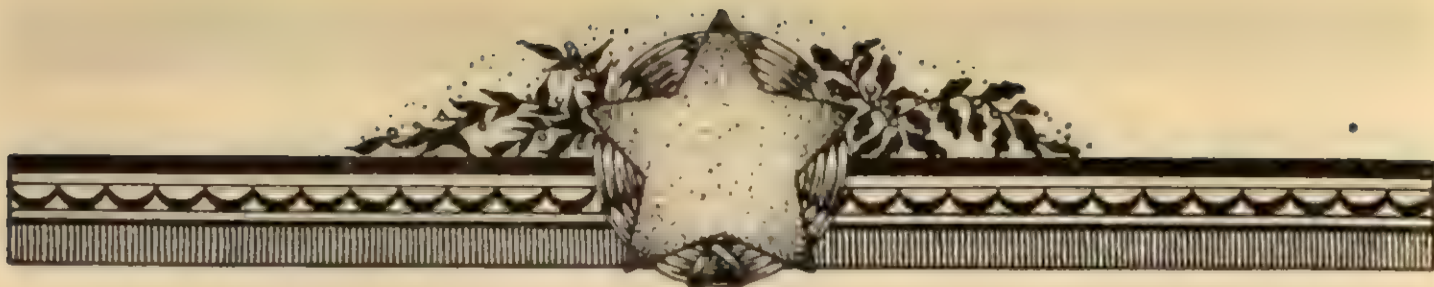
духе оказались невыполнимыми, так как восставший район разобщил Дон и Украину.

2) Тыл гетманщины был разложен, пути эвакуации из Харькова на юг—перерезаны.

3) Сорвана попытка оккупантов (Австрия и Германия) ограбить край—вывезти продовольствие и сырье из богатейших районов Украины и Донбасса.

4) Крестьянство вовлечено в ожесточеннейшую классовую борьбу. Бедняк и середняк, увидав подлинную политическую физиономию кулака, поняли, что возврат к старому повлечет за собой для них полное удушение, материальное обнищание и жесточайшую эксплоатацию.

Е. А. ЩАДЕНКО

ГРИГОРЬЕВЩИНА

КОРОПАДСКИЙ Павло скоро падет,—пророчествовала «Украинска Революционна Мова», глядя, как леса немецких штыков спешно убираются.

— Ну, а шож, — шож теперь буде?—взволнованно спрашивала щира украинска интеллигенция.

И боротьбысты, и укопысты, и ти, що сало мусять исты, уверенно отвечали:

— Шо-набудь буде демократычна з родянскимы и селянскимы преставныкамы громодянска рада.

— Ну, а хто ж буде головным атаманом? — добивались любопытные.

— Та хиба ж вы не чулы? Набудь Петлюра, кому же больше — бишь никому.

— Эге, ну, як шо так, так живе. Хай живе вилька Украина. Хай живе...—кричали уже по улицам городов мелкобуржуазные демонстрации, неся жовтоблакитные прапора[1]).

Петлюра, сев на белого коня, подведенного «революционной» демократией, и продемонстрировав по городу Киеву, быстро стал распространять свою «владу» по городам и селам Украины.

— Хай живе! Хай живе, атаман самостийной Украины!—кричали боротьбысты, укопысты и ти, що сало мусили исты.

Было шумно, празднично, нарядно. И вдруг — красные знамена, крики, лозунги: «Долой Петлюру! Хай живут большевики! Да здравствуют Советы!».

Атаманы кошевые, куренные, повитовые и прочие, обвесив себя кривыми саблями средневековья и всякой сбруей, принимали позу

Желто-голубые знамена.

Тарасов Бульб, Дорошенок, Сагайдачных и прочих героев Запорожской Сечи.

В водовороте этой анархии и неразберихи всплыл дотоле никому неизвестный пьяница и взяточник, акцизный чиновник Григорьев, и стал командовать сичевыми стрельцами, гайдамаками и запорожцами новой формации.

А так как операций других, кроме грабежей, не было, то он скоро стал достойным их руководителем.

Через несколько дней он, как энергичный, предприимчивый и инициативный «командир», был утвержден «головным атаманом» Петлюрой в должности атамана Запорожья, а Тютюник назначен к нему начальником штаба.

— Як вы к большевикам относитесь? -спросил его Петлюра при первом свидании.

— Я, Григорьев... Резать эту сволочь, и больше ничего.

— Эге, ну, як шо так, це гарно, як шо так, це ладно. Тилька будьте ласкав. Вам придется на украинском мове балакать с сичевымы стрельцамы, козакамы и з селянамы, бо вы же то разумите, шо це не Московия, а Украина.

— Так это мне плевать, миг и я обстригу всю шпанку под оселедец.

— Ну, значит, у нас розмовы нема не по яким вопросам. Теперь с богом, а то кажуть, шо большевики уже наряжають красне выйско.

Петлюровцы под Дарницей, потерпев поражение, решили Киев сдать без боя. В Киеве быстро, как из-под земли, вырос Ревком во главе с тов. Бубновым; рабочие, вооружившись, дружно несли охрану в городе.

Завтра должны войти в Киев полки Красной украинской армии. Напряженное ожидание. Все к чему-то готовятся, все ждут чего-то грандиозного, большого.

Громко, вполголоса, шопотом, но все говорят: большевики, большевики, большевики...

Командующий фронтом Антонов-Овсеенко и член РВС Щаденко, прежде чем пустить части в большой город, осматривают их, проверяют, предупреждают.

Арсенальный рабочий, старый большевик, батько Боженко, несмотря на свои 54 года, бодро шагает по единственной Дарницкой улице во главе своих любимых таращанцев.

Гордая поступь и смелый взгляд бойцов показывают, что это — не рабы палочного строя, а сознательные революционеры.

— Да здравствуют славные таращанцы! – бросает комфронт.

— Ура-а-а-а-а...—дружно отвечают бойцы.

Прошли таращанцы, за ними нежинцы и новгород-северцы Черняка и, наконец, Щорсовские богунцы.

— Ах, чорт возьми,—восклицает инспектор пехоты, бывший генерал Иванов, — да ведь это же прямо настоящая старая русская армия.

— Украинская, украинская, да еще красная, — поправляет его комфронт.

Богунцы действительно производили исключительное впечатление, так как были все одеты в новые шинели под поясок, в новых сапогах, и, сверх серых лихо одетых папах были наискось нашиты красные ленты шириной в вершок.

На вопрос комфронта: «Где вы взяли столько и такого великолепного обмундирования?» — комбриг Щорс ответил, что нашли немного в сумских складах, которые не успели разграбить белые.

Ранним утром бесконечной лентой через Днепр, по Цепному мосту, проходили красные полки революции, чтобы демонстрировать перед киевским пролетариатом и буржуазией мощь диктатуры рабочего класса.

Давно улицы Киева не видели такого грандиозного зрелища, и давно не выходил так полно на улицу народ.

Через несколько дней пушки и пулеметы далеко ушли от Киева. Сводки доносили: Фастов, Белая Церковь, Житомир, Бердичев, Казатин и Новоград-Волынск в руках красных.

Перебравшееся в Винницу правительство Петлюры чувствовало себя, очевидно, не совсем хорошо, так как богунцы, таращанцы, нежинцы, новгород-северцы и другие части 1-й Украинской армии стремились их выбить и оттуда.

Винница—Жмеринка—Староконстантинов—Здолбуново—Дубно—Ровно...

Вот направления, куда непосредственно метили красные украинские партизаны.

Командарм 1-й Украинской Мацилецкий и начштаба Дубовый, получив такую директиву, разработали план и уже проводили его энергично в жизнь.

А сводки сообщали: в Виннице, Жмеринке, Вапнярке власть Петлюры взорвана.

Акцизный чиновник атаман Григорьев, хотя до него и не дошла еще очередь, чувствовал, что опасно дальше тянуть. Надо действовать, пока не поздно. Ему важно, чтобы у него были салоны, эшелоны, вино, женщины, Тютюник, а все остальное — наплевать. Гиблое дело дальше держаться за Петлюру, — предложим услуги большевикам. Авось стабилизируемся в должности атамана Запорожья, а там видно будет.

— Вызывай Киев, главкома Антонова,—приказал Григорьев.

— Есть.

— У аппарата атаман Александрии, Запорожья и прочее и проч.

Схема района действий партизанских отрядов Григорьева и Махно.
Флажками обозначены части войск: черными — красные, белыми — белые.

— Так, что угодно?

– Обсудив вопрос со своим начальником штаба и прочими высшими командными чинами «армии», мы решили предложить вам переговоры о присоединении к Красной армии на следующих основаниях. Первое: оставить в неприкосновенности нашу организацию. Второе: все оружие, снабжение и снаряжение также оставить в полном нашем распоряжении. Третье: оставить за нами должности и титулы. Четвертое: в случае принятия наших условий, дальнейшая наша борьба на стороне Советов против интервентов должна также быть ограждена от всякого вмешательства во внутренние дела наших территорий, войск и захваченных нами в боях трофеев.

Согласие было дано.

Кто первый выговорил такие условия у командующего красным фронтом — Махно или Григорьев, — не важно, но они были совершенно идентичны.

Бандиты и авантюристы, чувствуя, что скоро их безответственным грабежам, насилиям и пьянству придет конец, стремились приспособиться к новой обстановке.

Банды батьки Махно, атамана Григорьева и другие «регулярные» войска такой же системы, на своих повстанческих съездах и пьяных собраниях, стали выбирать комфронта почетным батькой-атаманом.

Влившиеся в Красную армию анархо-бандитские отряды, переименованные в дивизии и даже армии, но не охваченные коммунистическим и пролетарским влиянием и руководством, делали свое подлое, гнусное дело подрыва авторитета советской власти. Разъезжали по городам и весям, грабили, насиловали, разлагали, издевательски горланили.

Между тем, развернувшись с головокружительной быстротой, напор на интервентов рабочих масс изнутри и крестьянских масс извне был так силен, что греки и французы, пытавшиеся задержать его, были опрокинуты, бросили пять танков, шесть орудий, все военное имущество, привезенное в Николаев и Херсон, спешно погрузились на пароходы и удрали в Одессу.

Григорьев, в дополнение ко всем титулам, носил новое звание «Херсонского». Он двинул свое воинство к Одессе. «Одесса-мама», натерпевшись «цивилизованных» издевательств от империалистов, была рада всем, кто бы ни подал ей руку помощи.

Перепуганные бандиты империализма стали просить время на эвакуацию. Штаб фронта дал им 48 часов на сбор монаток.

Но много им не удалось увезти, так как вылезший из подполья, во главе с тов. Клименко, Ревком сильно мешал осуществлению эвакуации.

По истечении 48 часов, с черными, жевто-блакитными и немногими «красными» прапорами вступил в город Григорьев.

Экипажи и команды затопленных в 1918 г. кораблей Черноморского флота, портовые и фартовые ребята, основательно разложившиеся, приняли эту пестроту, очевидно, за «нормальный порядок» в частях Красной армии и, как бы беря с нее пример, стали формировать под такими же знаменами новые батальоны из деклассированной матросни, анархически настроенных элементов и даже уголовных.

Французский и греческий часовые в Одессе весной 1919 года.

Ловкий проходимец Домбровский [1]) сумел под шумок стать комендантом города; Мишка Япончик [2]), ухитрившись получить мандат, набирал себе по национальному признаку команду своевольных абреков-«реквизистов», не считавшихся ни с какими законными распоряжениями местной власти...

Весь этот махровый букет самочинной «культуры» начинал издавать определенный уголовно-бандитский аромат.

---

[1]) Он, как потом выяснилось, был белым офицером, впоследствии расстрелянным крымской ЧК в том же 1919 г.

[2]) Мишка Япончик, объединявший одесских воров, хотя и не имел своих представителей в Ревкоме, но пользовался покровительством его членов, и ему, так же как и имевшимся в Ревкоме анархистам, было разрешено под «черными знаменами анархизма» формировать свою силу.

Это начинали понимать не только большевики, но и такие анархисты, как тт. Фельдман, Красный и Железняк.

Прибывшие в Одессу член РВС Укрфронта тов. Щаденко и председатель высшей военной инспекции тов. Юдовский, введенные в Ревком, вскоре круто повернули линию на изжитие анархо-кулацкого самочинства.

Прежде всего необходимо было распустить и разоружить отряды и батальоны, имеющие партийные ярлыки и соответствующие их убеждению цвета знамен. Вышеназванные анархисты после переговоров с ними скоро согласились с точкой зрения большевиков, что у Красной армии должно быть не только единое командование и цели, но и единое знамя.

После того как Григорьев, при помощи пролетариата и других частей Красной армии, занял Николаев, Херсон, а затем и «Одессу-маму», после того как эту «маму» основательно разгрузил от «лишнего», по его мнению, барахла,—он ее бросил.

Подержавшись недели три за ее портовые и городские склады, составив эшелонов с тридцать «трохвеев», он решил дать подержаться и другим.

— На-те, берите, мы не такие, как большевики,— возьмуть, да и держуть, гады, без конца.

Все эти «трохвеи» двигались в Александрию и знаменитую Верблюжку, именем которой назывался самый большой и самый грабительский полк Григорьевской банды. Вся эта деклассированная анархо-кулацкая масса тащила с собой и к себе столько и такого добра, какое ей понравилось в Херсонщине и Одессщине, и сколько в состоянии были поднять обозный, автомобильный и железнодорожный транспорты.

По свидетельству членов Одесского исполкома, анархистов Фельдмана и Красного, в момент пребывания белых интервентов воры и налетчики так усилились, что чуть ли не каждый день задавали на улицах целые сражения не только полиции и белогвардейцам, которые тоже мало чем отличались от ватаги Мишки Япончика, но и французским войскам.

Так вот этот «Япончик», по занятии Григорьевым Одессы, присмотревшись, что это своя бражка, выразил лойяльность по отношению к новой власти и заверил ее, что он при таких условиях больше не будет заниматься эксами и все свои силы будет отдавать на служение «делу революции».

Он понял и воспринял идею советов так, как ее представляли себе атаманы Таврии, Херсонщины, Одессщины и пр. пр., и решил, что теперь в эксах нет никакой нужды, потому что собственности больше нет,—бери, что хочешь и сколько хочешь. «Все—наше, обчее, трофейное».

Вооруженные еще при белых студенческие дружины, домовые комитеты и прочая белогвардейщина и уголовщина представляли страшную опасность для Советов. Рабочим же Пересыпи и железнодорожникам не хватало винтовок, ни тем более другого снаряжения. Да это и понятно: хозяевами положения в значительной степени были пока проходимцы—Домбровский и Япончик и тот, кому они давали в руки винтовку.

На совещании с исполкомом решено было разоружить темные и ненадежные элементы и вооружить рабочих.

Но это была не такая легкая задача. Тем более, что Одесса действительно имела немало вооруженных тысяч деклассированной «шпаны и липы», по выражению Железняка, которые теперь, прикрывшись черным знаменем анархизма, чувствовали себя довольно недурно. Знаменитый матрос Железняк, очевидно, не случайно оказавшийся в Одессе и, как анархист, возглавлявший в первое время это движение, скоро должен был убедиться, что это—не анархисты.

Из большого количества околачивавшихся в Одессе матросов «шпаны и липы», как выражался Железняк, он сумел впоследствии сформировать только одну команду для бронепоезда «имени Худякова», командуя которым впоследствии и погиб геройски под красным знаменем, защищая советскую власть.

Он долго не соглашался, но потом понял, что надо или защищать или бороться против революции, и, поняв это, остался защитником революции до конца своих дней.

Большевики не могли не чувствовать, что сидят на пороховом погребе бело-черного, разбойно-уголовного бандитизма. Нужны были срочные и решительные меры, чтобы очистить город от этой скверны.

Тт. Юдовский, Щаденко, Кривошеев, Казанов, Мизикевич, Голубенко, Анулов и другие дружно взялись за дело искоренения бандитизма, и к первому мая Одесса могла демонстрировать не только окрепшую рабочую власть, но и рабочую вооруженную руку, самоотверженно защищавшую эту власть.

Стало немного свободнее и легче дышать, несмотря на то, что французская эскадра ежедневно продолжала демонстрировать у самого нашего носа бронированный кулак империализма.

Но не так «чорт страшен, как его малюют». Скоро эскадра стала становиться на ночь дальше и не так стала пялить глаза своих вымпелов днем. Мы скоро узнали, что наши каждодневные после работы рабочие демонстрации по набережной соответственно действовали на матросов французской эскадры. А спустя некоторое время французы так заинтересовались революционным подъемом одесских рабочих, что создалась реальная опасность не для революции, друзьями которой становились французские матросы, а для

контр-революции. И не поспеши империалисты с уводом эскадры, они могли рисковать присоединением этой эскадры, под командою т. Марти, к пролетарской революции.

Понимая серьезность положения и всю ответственность за могущие произойти события, французский адмирал поспешил увести эскадру подальше от красной Одессы.

С первых же дней своего приезда в Одессу тт. Юдовский, Щаденко, Кривошеев и др. поставили диагноз болезни 3-й красной армии и стали предостерегать вместе с советско-партийными организациями и комфронта и правительство Украины в целом от увлеченья григорьевщиной и махновщиной.

На основании многих фактов и наблюдений они доказывали, что Григорьев готовится к восстанию, что вся затея с переформированием его частей в дивизию вдали от штаба армии и ее политических глаз есть ничто иное, как подготовка к предъявлению ультиматумов или открытому бунту против Советов.

С таким определением положения был согласен и РВС 3-й армии в целом.

Но комфронт т. Антонов-Овсеенко пока не соглашался с этими доводами.

Однако, упомянутые товарищи и организации настаивали на своем, и это дало основание правительству и ЦК требовать от комфронта, чтобы он все же был осторожнее с этими «батьками-атаманами» и не слишком им доверял.

— Я вынужден буду поставить вопрос перед ЦК о том, что я с вами не могу сработаться, так как у нас резко противоположные взгляды на вопросы оперативного и политического использования попутных нашей революции сил,—заявлял не раз комфронт.

— Что ж, пожалуйста,—отвечали ему,—по крайней мере, мы будем знать ясную линию ЦК Украины, но мы категорически утверждаем, что Григорьев восстанет, и восстанет очень скоро.

— Вздор, чушь, паникерство, и больше ничего,—горячился комфронт. Я сейчас от Григорьева,—он великолепно настроен и скоро будет прекрасно драться со своими верблюжцами.

— Драться-то он будет, но с кем?..—сомневались многие.

— Бросьте вы заниматься паникерством,—говорил комфронт, и на этом разговор обычно оканчивался.

Мы были в штабе армии, помещавшемся в здании судебных установлений близ Одесского вокзала, и обсуждали оперативные возможности ближайшего будущего.

Дежурный по телеграфу сообщает, что атаман Григорьев просит комфронта к Юзу. Мы быстро встали и все вместе направились к аппарату.

— Здравствуйте,—печатал Юз.

И после нескольких слов приветствия аппарат замолк. Потом торопливо застучал снова. Из его рта стала падать бешеная пена,— пена зловещей осатанелости, которой отчетливо выводилось: «универсал». Острая, жгучая ненависть хватала за сердце с каждым новым словом белобандита. Даже слепым становилось ясно, что Григорьев восстал.

К началу восстания Григорьев набрал значительную по тем временам реальную силу [1]); кроме того, он рассчитывал купить доверие черносотенных бандитов к своей личности путем снисходительного отношения к их методам организации, способам завоевания авторитета у масс [2]). А методы и способы эти были просты и несложны, как и самая мысль черносотенного атамана—поднять темные, звериные инстинкты кулацко-босяцких масс и затопить в волнах погромов города и созданную революцией рабоче-крестьянскую власть.

Разграбленные Александрия, Николаев, Херсон, Одесса шли на кулацко-бандитскую потребу и служили стимулом, приманкой для темного люда, жаждущего легко и свободно, разбогатеть за счет ненавистных городов, где живут «жиды, буржуи, чиновники и пролетарии, которые стремятся утвердить свою диктатуру и жить за счет бедной деревни». А потому—набирай ватагу, громи города, сметай с лица земли всякую власть, кроме разбойно-атаманской.

Этой песнью, этим стихийным ревом плодородных степей Таврии, Херсонщины, Одессщины и правобережной Украины неосторожно увлекся комфронт, с мыслью использовать эту враждебную, необузданную силу для пролетарской мельницы, долженствующей своими жерновами перемолоть мелко-буржуазные злаки в социалистическую муку.

Наконец, Юз выбил и последние буквы бандитских фамилий: Григорьева, Тютюника, Терещенко и др.

Комфронт Антонов-Овсеенко, пристально вглядываясь в неумолимое лицо Юза, задал несколько вопросов и получил ответ:

— Да, если бы все были такие честные и настоящие коммунисты, как вы, Владимир Александрович, то дело было бы другое.

— Но почему же вы не сказали мне, когда я был у вас вчера?

— Да так просто, неловко было говорить в глаза правду,—отвечали бандиты.

---

[1]) Григорьев имел к моменту восстания свыше 50 орудий, 700 пулеметов, 30.000 винтовок, 3 бронепоезда, танки и грузовой транспорт.

[2]) Григорьев собирал целые округа, своего рода крестьянские съезды, раскрывал перед ними эшелоны с награбленным в городе добром и швырял в тысячные толпы кусками мануфактуры, галантереей, ботинками, чулками и т. д. Этот способ укрепления доверия в массах к личности атамана заимствован был Григорьевым у своего соседа и друга—батьки Махно.

Бандит Григорьев своим «универсалом» бросил вызов рабоче-крестьянской Украине.

Посланный в последний момент к нему комиссаром старый большевик, бесстрашный боец Антонов-Чалый, был, как и другие большевики, зверски убит.

Шафроновскому, представителю Антонова-Овсеенко, каким-то чудом удалось спастись.

Бандитский атаман, наделенный титулами Херсонщины, Таврии и Одессщины, захотел не на словах, а на деле реализовать свое звание.

С этой целью он двинул мохнатую, погромно-черносотенную стихию для занятия Херсона, Николаева, Елисаветграда и Одессы— в первую очередь, а там дело покажет.

Во всяком случае, насчет узости плана и ограниченности масштаба действий истории его упрекать не придется. Он думал хлынуть со своими ватагами и на Екатеринослав, и на Киев, и даже на Харьков, если ему удастся сговориться и поделить сферы влияния с Махно.

Во всяком случае, махновцы не были против григорьевских погромов,—они только хотели иметь в своих руках левобережную Украину с Екатеринославом во главе, в который 12-го мая и ворвался махновец Максюта, сверг там советскую власть и стал чинить кроваво-погромный разгул по методу Григорьева. Комфронт того же 12-го мая слал телеграмму из Киева:

Одесса. Командарм 3 всем ЗК:

Настоящий приказ шестой дивизии передайте, всеми доступными вам средствами, части Григорьева, печатайте его во всех газетах, листках, широко распространяйте в районе погромного восстания.

Приказ частям шестой дивизии.

Ваш бывший начальник атаман Григорьев за неисполнение боевого приказа, за предательство Красной армии, за бунт против советской власти, избранной III Всеукраинским съездом советов, объявлен вне закона. Атаман Григорьев и все его пособники должны быть истреблены, как бешеные псы.

Приказываю шестую дивизию вычеркнуть из списков Красной армии. Ее пятый полк, отказавшийся итти за Григорьевым, включить в пятую дивизию. Ее третий полк, отказавшийся итти за Григорьевым, включить в Крымскую армию. Остальным частям дивизии, какие не подчиняются и не подчинятся подлой измене и не пойдут за Григорьевым, войти в подчинение командующего Вознесенской бригадой тов. Ткаченко.

Комфронта *Антонов-Овсеенко.*

Член Реввоенсовета *А. Бубнов.*

Несомненно боевой, но политически не окрепший еще командарм 3-й Худяков растерялся при неожиданно надвинувшихся на него столь грандиозных событиях. Каждый день приносил известия, одно

тяжелей другого, а ресурсы были так бедны и ненадежны, что это действительно могло сбить с толку даже крепких и опытных людей.

Николаев, Херсон, Елисаветград и Екатеринослав, не говоря об Александрии, Кременчуге и Пятихатке, пали под ударами бандитского разгула. Шел грабеж, пьянство, погром и пляс под неизменное «Яблочко».

«Яблочко», столь милое сердцу бандитов, было чем-то вроде гимна, торжествующего победу анархо-бандитского, кулацко-монархического хама.

Выросший вследствие непредусмотрительности красного командования, он, пьяный, разгульный и лохматый зверь, широко раскрывший теперь анархо-кулацкую пасть, дико изрыгал угрозу— смести диктатуру пролетариата.

Над Одессой нависла реальная угроза анархо-бандитской расправы.

Ушедшая было в подполье и притаившаяся белогвардейщина всех мастей стала поднимать голову.

Агитация григорьевщины открыто стала вестись в местах деклассированного скопа.

Заработали все провода и пружины, соединяющие черносотенных белобандитов с французской эскадрой.

Как хищные коршуны, учуявшие кровавую добычу, шныряли у самого берега миноносцы, крейсера и моторки.

Нужна была чертовская выдержка, чтобы не дать себя спровоцировать.

Губисполком, слившись теперь воедино с РВС, твердо держал руль бешено развивающихся событий, направляя их в необходимую для пролетариата сторону.

С бригадой стойких коммунаров, крепких рабочих и преданных крестьян, член РВС 3-й армии т. Голубенко направляется в Николаев и Херсон, чтобы при помощи местных рабочих восстановить революционный порядок.

Матросня, присоединившись к григорьевцам, грабит и громит уже улицы этих городов.

Рабочие Пересыпи и железнодорожники Мизикевича крепко держат в мозолистых руках винтовки, зорко следя за каждым новым движением контр-революционной гидры.

3-й крестьянский, б. Григорьевский, полк, расположенный в городе и сначала вынесший резолюцию против Григорьева, проявляет тенденцию к пьянству и погромам. В полк посылаются люди, полку приказано выйти из города и расположиться в южной части прилегающих деревень. С разговорами и уговорами, но это удается сделать. За двое суток, прошедших после восстания Григорьева, был раскрыт большой белогвардейский заговор барона Бема. Белобандиты вместе с их главарями были выловлены, обезоружены

и по приговорам тт. Учителя и Меликова (Революционный трибунал) были беспощадно расстреляны. Положение напряжено до крайности, и вдруг получены сведения, что вышедший вчера из города полк сегодня, переарестовав коммунистов, под командой Григорьева наступает на Одессу. В полку—около 3.000 людей, два эскадрона кавалерии и полевая батарея.

К вечеру того же дня получены сведения, что из Елисаветграда также возможно завтра наступление на Одессу. Бывшие две григорьевские бригады, под командой Живодерова[1]) и Ткаченко, расположенные на линиях Балта—Помощная—Адобаш—Новомиргород—Помощная—Одесса, не могут считаться надежными, можно ожидать присоединения их к Григорьеву.

Положение становилось исключительно серьезным,—можно сказать, угрожающим. От городской комендатуры, авантюриста Домбровского, можно было каждую минуту ждать «сюрприза». Героические железнодорожники т. Мизикевича, как и он сам, целые сутки проводили на ногах, без сна, охраняя революционный порядок огромного портового города. Все, что было в нем надежного, сочувствующего и приемлющего советскую власть, было вооружено. Но этих сил все же было далеко не достаточно, чтобы бороться с внутренней и внешней контр-революцией.

Ануловские батальоны рабочей Пересыпи, полк коммунаров имени Старостина[2]), кавалерийский полк т. Беспалова и 3 автоброневика были двинуты навстречу восставшему и наступающему полку. Мизикевич оставался в резерве и охранял порядок города.

Полк Беспалова, как наиболее надежную в боевом отношении часть, и броневики мы держали в кулаке на случай какого-либо прорыва весьма условного фронта.

Нужно было искать выхода и решения оперативной задачи не в боевой схватке с врагом силами наших основательно поредевших за ночь рядов, а в смелом и отважном использовании его политических и психологических настроений.

По его наступательной «энергии» предыдущего дня было видно, что у него не все обстоит благополучно в смысле порывистых стремлений вперед. Как-никак, а им приходилось наступать на советскую власть, которой они только-что служили.

Посоветовавшись с Кривошеевым и другими командирами, мы вызвали охотников отправиться в качестве делегатов к полку и завести с ним переговоры. Человек 8 отозвались итти для переговоров.

---

[1]) Живодеров после перешел к Махно и был его правой рукой, один из самых отъявленных, свирепых и смелых бандитов.

[2]) Тов. Старостин, самоотверженный большевик, подпольщик, был зверски казнен французской контр-разведкой на одном из кораблей вместе с другими товарищами в феврале 1919 года.

Двух евреев-охотников мы отвели из чисто политических соображений, чтобы не дразнить черносотенных юдофобов, а шестерых послали к окопавшемуся против нас полку.

Наш маневр удался как нельзя лучше. Через 15-20 минут мы получили сведения, что переговоры успешно начаты и для обсуждения наших условий собрался чуть ли не весь полк.

Момент решающий, волнует своим риском. Я сажусь на лошадь и с делегатами и несколькими ординарцами стрелой лечу к полку. Наше смелое появление перед полком ошеломляет его своей неожиданностью.

Я с коня обращаюсь с горячей речью к солдатам, спрашивая их: на кого вы поднимаете свою каинову руку, кто мог внушить в ваши головы столь гнусную и преступную мысль—проливать братскую кровь между рабочими и крестьянами?..

— Да здравствует советская власть! Ура-а-а-а!—довольно дружно отвечает видимо, не особенно желавший, драться полк.

Кучка человек в 60—70 бандитов, преимущественно сидящих на конях и тачанках, боясь выдачи их голов, отделяются с двумя пулеметами от полка и начинают удирать.

Заметив это с наблюдательного пункта и получив приказание, тов. Беспалов бросается с полком за ними в догонку.

3-й полк, построенный в ротные колонны, с музыкой и оружием идет в город; ближайший фронт ликвидирован.

На другой день, вместе с известиями об успешных действиях т. Голубенко под Херсоном, мы получили также сведения, что в 15—18 *км* от Одессы вчера бежавшими от полка бандитами вырезаны сторожа, будочники и ремонтные рабочие в количестве около 15 человек. Тов. Беспалову удалось отбить обратно два пулемета, но не удалось поймать всех бандитов, так как у многих из них оказались лучшие лошади.

9—10-го мая правительственная комиссия РСФСР, в составе Л. Каменева, Муранова, Зорина (Питерского), Свидерского, Ворошилова и др., побывав у Махно, возвращалась из Крыма, где «примирила» Дыбенко с Говеном, создав нечто в роде триумвирата во главе с Николаем Ильичем Ульяновым. Из Александровска дали знать Григорьеву, что комиссия намерена встретиться также и с ним—для выяснения некоторых вопросов.

Елисаветград в это время уже занимался григорьевскими бандами, и в нем происходил погромный разгул под «Яблочко».

Григорьев со своим штабом был занят обсуждением важных политических вопросов, выработкой «универсала» и ультиматума советскому правительству Украины.

Неожиданное для бандитов известие о том, что к ним едут столь важные советские представители, всполошило их до крайности.

Начались обсуждения, рассуждения, предложения и решения.

Одни предлагали принять их и повесить; другие—взять заложниками, а третьи,—очевидно, самые трусливые,—просто боялись встречи и предлагали не принимать никаких комиссий.

Последнее предложение явно брало верх, но вопрос оставался еще нерешенным; в ту же ночь по аппарату каким-то верным сыном советской власти было передано в Екатеринослав, чтобы комиссия не ездила, так как они могут быть убиты.

Верная рука безвестного труженика телеграфа не дала осуществить черные замыслы бандитов.

После Херсона перед отрезанной от центра Одессой на очередь становился вопрос о ликвидации Елисаветградского фронта. Начдив 5-й Пешехонов доносил, что части ненадежны и требуют срочно белья и обмундирования, указывая на то, что григорьевцы одеты, а мы голые и босые. Неудовлетворение этих насущных потребностей грозит переходом частей на сторону Григорьева.

Положение было тяжелое. В армейском снабжении—хоть шаром покати. Мы обсуждали, рассуждали, ругались, но обмундирования от этого не прибавлялось. Надо было решиться на героическую меру, или Одесса может попасть снова в руки бандитов.

После долгого обсуждения исполком и Реввоенсовет с представителем Украинского правительства тов. Юдовским и окрвоенкомом решили произвести в городе так-называемый «день мирного восстания».

Почему дана была такая формулировка вопросу принудительного отобрания у буржуазии белья, сапог, ботинок и верхнего платья,—сейчас трудно объяснить, но в выпущенных после тщательной подготовки к этой операции летучках говорилось:

> «Сегодня—день «мирного восстания», который должен дать армии белье, обувь, верхнее платье и простыни раненым. Этот отбор—реквизиция вещей—будет произведен организованным пролетариатом, чтобы не дать Одессу в руки разнузданного, пьяного, грязного, погромно грабительского бандитизма черносотенной григорьевщины.

Это «мирное восстание», которое произвел организованный в профсоюзы, советы и партию пролетариат, дал достаточные результаты, из-за которых стоило подымать кутерьму. 30 тысяч пар белья, 18 тысяч пар сапог и ботинок, 10 тысяч простынь и около 15 тысяч верхнего платья [1]) -таков был финал трехчасовой дружной и, несомненно, похвальной работы.

Это белье, сапоги, ботинки и т. д. безусловно явились потом одной из главных причин перелома настроений красноармейских масс и спасения Одессы от бандитов.

---

[1]) Преимущественно летнего (гимнастерки, френчи, брюки, пиджаки).

Погрузив в вагоны необходимое количество добытого обмундирования для Красной армии, мы выехали на станцию Вознесенск.

Туда же вызвали потом для личных переговоров комбрига Живодерова, комполка Филиппова, Попова и др. Пешехонов и Ткаченко находились здесь же на станции со своими штабами.

Из разговоров с начдивом Пешехоновым мы сразу поняли, что оставлять этого человека дальше руководить дивизией ни в коем случае нельзя, так как его настроение и взгляды не могут не внушать серьезных опасений за сдачу дивизии Григорьеву.

Тов. Щаденко подошел к аппарату, посадил своего телеграфиста и передал тов. Худякову требование о немедленном вызове начдива в Одессу на «совещание» и задержании его до своего приезда.

Командарм т. Худяков охотно исполнил это требование, и Пешехонов срочно выехал в Одессу, где и был взят под домашний арест. Живодеров с самого начала заявил, что он и его бригада, если получат немного верхотурного барахла, пойдут драться без особых разговоров.

Ткаченко за свою бригаду не особенно ручался, Попов вилял,—видно было, что он крутит, но все же соглашался с тем, что ребята пойдут.

Мы сразу поняли, что вся сила—в Ткаченке.

Оставшись с ним вдвоем, тов. Щаденко стал вызывать его на откровенность.

-- Скажи по-братски, прямо, искренно и открыто,—говорил он.

Вместо ответа на прямой вопрос, Ткаченко вытащил из кармана телеграмму и подал ее Щаденко. В телеграмме, переданной по Морзе, было сказано следующее:

> «Комбригу Ткаченко из Александрии, № 719.
>
> Братику, да чи ты не сдурив...
>
> Що це ты узявся горбоносых комиссаров защищать. Брось дурака ломать, визьми хочь раз Одессу, та грабани так, щоб з ней пух и пирья посыпались.
>
> Щиро приветаю. Твий братику Григорьев.
> 13 мая 1919».

Щаденко быстро пробежал глазами по желтому полю телеграммы, а затем, направив их в упор на Ткаченко, спросил:

— Ну, а ты как думаешь?

— Та, я еще не як,—меланхолично ответил крестьянин-хитрец ни в малейшей степени не смутившись.

Да и трудно было смутить Ткаченко чем-либо. Это—человек, видавший виды, и его, как говорят бандиты, на бога, мат, бас и прочие страхи не возьмешь. С ним надо иное обращение и иной подход: искренно, по-дружески доказать преимущество твоего предложения, а иначе лучше не берись.

Добрых два часа Щаденко потратил именно на то, чтобы доказать ему выгоды и преимущества власти рабочей диктатуры, а не анархо-кулацкого бандитизма, который совершенно враждебен и крестьянской бедноте и рабочему классу.

— Советский строй,—убеждал Щаденко,—фактор дальнейшего экономического и политического развития, дальнейшего движения вперед, по сравнению с буржуазным строем, по пути к действительному социальному равенству людей.

А ведь они—григорьевцы—куда тянут историю?—Назад, в допотопные экономические и политические дебри. Ты же вышел из рабочих, должен же ты понимать все это [1]),—горячился Щаденко.

Ткаченко посмотрел на него пристальным взглядом, как бы испытывая, не врет ли, не заливает ли пушку. Потом стал во весь свой богатырский рост и, решительно протянув железную лапу, сказал:

— На оцю руку и дывись: як вона крипка, так и мое слово; завтра будем быть Григорьева, тильке Пышехонця убыры,—вин круте туды.

Чувствовалось, что эта огромная глыба железных мускулов, загоревшись решительностью, способна опрокинуть локомотив на полном ходу.

Сразу стало легко,—мы были друзьями с Ткаченко, быстро составили листовку, обращенную к частям, и отпечатали на бывшей при штабе бостонке. На другой день, собрав митинг, объяснили красноармейцам сущность событий.

Выкрики и недовольство заставили Ткаченко призвать некоторых к порядку. Став на тачанку вместо трибуны, он грубым голосом заявил:

— Сюды... Товарищи... Ось слухайте. Вы знаете менэ, старого партизана, вашего командира. Я увесь перед вами; я, як кремень, як жализо, як закрементованная сталь. Менэ можно поломать, но загнуть николы. Григорьев зминнык и бандит, и тим часом, як бы вы уси ушли до его, так я застався б одын и все-ж тикы дрався и з вами и з им до смэрти, як с заклятыми ворогами работничей и крестьянской влады. Хиба-ж вы не бачытэ, шо наша быдна, работнича влада усих буржуев раздягла, а нам дае и сорочек, и штаны, и чеботья, и усе. Да дэ-ж вы в свити найдетэ другу таку владу народну, окримь радянской.

И огромным кулаком поставив в воздухе такую же точку, продолжал:

— Ну, так хто зо мной, поднимить руки.

Лес закорузлых крестьянских рук поднялся к голубому небу.

— Хто не хоче, поднимить.

---

[1]) Ткаченко был сельским кузнецом и довольно развитым человеком, долгое время даже учительствовал; после героем погиб в борьбе за Советы.

— Ну, шо-ж, угомонылись, никого нема. Кажить зараз, кажить открыто, а то тоди буде поздно, коли пидым драться. Хто туде пиде, на наизаклятущий зминных-ворог, и мы з имы тоди расправэмось,—так што и нибу жарко буде.

— Ну, ще раз, хто зо мной, поднимать.

Снова лес рук тянется к небу.

— Хто з Григорьевым?..

— Эге, нема, вси зо мной, товарищи, гарно! А ну, хто воздержався, хто ни туды, ни суды, у кого гайка не держе?..

— Нема. Ну, так глядить-же, товарищи, ваше голосування все одно, шо присяга, шо клятьба: «усими за одного и одному за усих».

Со стороны Елисаветграда все отчетливее, все яснее была слышна артиллерийская стрельба.

— Он, чуете,—обратился Ткаченко к своим частям,—це нас клычут. По мистам и зараз грузыця!—скомандовал он.

Огромный митинг, точно от дрожжей поднявшееся тесто, быстро расползался, образовывая стройные колонны рот. Стрельба вскоре прекратилась. Через час прибежали ординарцы и доложили, что одесские матросы [1]) и отряд Попова у станции Шестаковка перешли на сторону Григорьева. Стоявшие около нас на станции несколько матросов с бронепоезда «Республиканец» возмущенно кричали: «Это—не матросы, а шпана, липа!».

Перебросившись несколькими фразами, отдав на ходу последние распоряжения штабу, мы быстро вместе с бронепоездом ринулись вперед.

— Швыдче, швыдче!—кричал Ткаченко.

Выехав вперед, мы без труда скоро увидели огромные толпы верблюжцев, в пьяном возбуждении братавшихся с только-что перешедшими на их сторону бандитами. Командир бронепоезда тов. Чеплов, быстро вскочив на бронированную башню, как коршун, стал всматриваться в синеющую даль.

Через минуту он бросил орудиям команду, корректируя их стрельбу. Один, другой, пятый снаряд, и они уже в клочья рвут тела скученных бандитов. Шум, гвалт, жестикуляция сотен рук, и бандиты начинают принимать боевой порядок.

Подходят и быстро разворачиваются в цепи наши полки. Слева от полотна дороги слышны разрозненные выстрелы,—это живодеровцы стреляют в белый свет, как в копейку. Они не особенно рвутся в бой, но пока и не сдавались.

Бандиту Попову не только удалось внести замешательство в Днестровско-Вознесенский пеший и Вознесенский конный полки, но и увести с собою часть Днестровского полка.

---

[1]) Из Одессы был прислан батальон человек в 400 анархо-бандитской матросни.

Схема ликвидации восстания Григорьева.

Катастрофа дальнейшей сдачи была предотвращена во-время появившимся на станции Шестаковка комгруппы Ткаченко.

Днестровский полк был отведен на станцию Новоукраинка для приведения в порядок. У станции Капустино и местечка Плетеный Ташлык стал заслоном Знаменский полк, Вознесенский имени Шевченко стрелковый полк тов. Филиппова сосредоточился на станции Помощная в групповом резерве.

На другой день, 22-го мая, подчинив тов. Филиппову Вознесенский конный полк, 18-й артдивизион и бронепоезд, было приказано решительно двинуться на Елисаветград. Другой колонне, под общей командой тов. Гебеля, было приказано наступать с линии Адабаш—Плетеный Ташлык—Шестаковка на Малую Виску и Ново-Миргород.

Розданное на руки буржуйское обмундирование, белье, ботинки и сапоги подняли дух бойцов и сулили несомненный успех следующего дня.

Заняв исходное положение и подтянув резервы на ночь, мы вместе с зарей 23-го двинулись на Елисаветград.

Несмотря на явно благоприятствующую нам рань, мы все же не застали бандитов врасплох. Утро встретило нас ревом изрыгающих огонь пушек.

Стрельба все усиливается.

Трещат максимки. Напряжение все сильнее и сильнее охватывает весь фронт; дружно идет в бой под командой Филиппова бригада Ткаченко.

— Ура-а-а!

Еще и еще дружный удар, и поле начинает кружиться в дикой панике бегства.

— Швыдче, швыдче!—кричит, размахивая огромными руками, Ткаченко.

Люди переходят в дикую, шумную, страшно волнующую пляску, именуемую наступательным порывом.

Бандиты, кое-где пытавшиеся вести контр-атаки, теперь уже ошалело бегут по всему фронту, бросая винтовки, пулеметы, обозы, кухни и даже орудия.

Недавно перешедшая к ним банда матросов и кавалерия Попова удирает на всех парах, так как они-то знают, что им пощады не будет.

Еще удар, еще нажим—и мы врываемся в Елисаветград. Быстрое и смелое движение застает врасплох бандитских главарей-атаманов. Они не успевают даже порвать связь со своим головою Григорьевым. Пьяными погромами еврейских квартир и мелких лавок зияют перед нашими глазами свежие раны насмерть перепуганного города. Черносотенцы-погромщики не замечают, что город заняли

красные советские войска; осатанев от самогона, крови и насилий, продолжают они свое гнусное дело. Беспощадной рукой революции мы быстро наводим порядок в городе.

Мог оставаться живым только тот, кто не был пьян и при ком не было найдено награбленного барахла. Липовых матросов расстреливали, независимо даже от того, трезвый он или пьяный попал в руки карающих за измену Советам.

Попали также и главари погрома, сподвижники Григорьева, офицеры Горбенко, Мосенко и недавно перешедший с бандой Попова Коваленко.

Больше пятисот погромщиков было уничтожено карающей рукой революции.

Елисаветград быстро был очищен от бандитов, учинивших в нем кровавое месиво черносотенных погромов.

Связь Одессы с Киевом через Помощную — Бобринскую была восстановлена. Григорьевцы бежали по направлению к Александрии.

В тот же день мы получили сведения, что Николаев и Херсон товарищем Голубенко также были очищены от григорьевских бандитов.

Но это было только начало ликвидации с такой быстротой разросшейся в огромный кроваво-погромный кошмар григорьевщины.

Григорьевщина со своими единомышленниками—батькой Махно, атаманами Зелеными, Струками, Богунами, Ангелами и др.—представляла теперь действительно большую силу и серьезную угрозу советскому строю Украины.

Для ликвидации ее нужна была железная рука и решительные действия, а не перманентные уговоры, разговоры и переговоры с бандитами.

Старому большевику, луганскому металлисту, члену правительства Украины тов. Ворошилову компартия, и правительство Украины РСФСР комиссия доверили ликвидацию черносотенного бандитизма.

Назначенный командующим Харьковским военным округом, он в несколько дней создал из мобилизованных коммунаров и рабочих крепкие части, взял две-три сотни курсантов, броневики и бронепоезда и с пролетарской беспощадностью стал громить григорьевщину.

Григорьевщина была страшна не своей организованностью, не упорным стремлением к борьбе за «идею»,—ибо какая идея была в этом движении,—а дезорганизующим влиянием на крестьянские массы, которые могла увлечь эта развращающая идея легкой наживы, грабежа и погрома. Недаром Деникин, разбирая григорьевщину далеко не в смутной памяти V тома своих мемуаров, приходит к выводу, что «Григорьева нельзя смешивать с другими бандитами; ведь, как-никак, он был офицер»; значит — «свой паря».

Григорьев, опираясь на развращенное им и махновщиной крестьянство, шел громить города, и первые удачи легкой наживы сразу же могли увеличить число охотников и дать невероятную силу босяцко-кулацкому разгулу. Григорьевский ураган, поднявший из черноземных степей погромно-грабительские инстинкты, имел в городах не менее огромные кадры пополнения из деклассированного отребья.

Лозунг «Бей жидов и грабь буржуев!» мог поднять все отбросы сел и городов и через страшные черносотенные погромы привести к реставрации старого режима. Испытанное средство черносотенных бар, не раз топившее в кровавом смерче погромов революцию, было пущено в ход после тщательной подготовки, в которой невольно объективно принимали участие и боротьбисты и укописты.

Григорьев с Тютюником и другими офицерами решили, что их черное дело расправы с революцией путем погромов—дело верное.

Революции надо было спешить, надо было с первых же шагов наносить сокрушительные удары анархо-бандитскому движению.

Надо бить смело и решительно, а главное—сразу по черепу, по храпу, и это должно быть сделано стальным кулаком Клима.

Неудачи бандитов сразу сократят шансы на рост погромной волны.

Клим собрал вокруг себя старых товарищей, закаленных в огне царицынских боев командиров.

Наметив с ними план действий, коротко и решительно напутствовал:

— Ты только смотри, действовать нужно с величайшей осторожностью и еще большей решительностью,—говорил он Пархоменко. Лучше всего так: пробраться в город под видом бандитов,—ведь, у них там пьянство, хаос и неразбериха; этим и нужно воспользоваться. Высмотреть, выведать, наметить более чувствительные места и затем обрушиться, может-быть, ночью или на рассвете,—словом, в зависимости от обстоятельств,—на месте тебе будет виднее. Только главное—не выдавай себя раньше времени; делай так, чтобы твои действия были неожиданны не для твоих людей, а для врага.

Пархоменко стоя слушал и терпеливо поглядывал на часы, висящие в вагоне-микст. Ему ли не знать, как действовать; ведь он старый дружинник, подпольщик, организатор Луганской красной гвардии.

В это время гор. Екатеринослав оказался в руках махновца Максюты, который, ловко воспользовавшись заминками в снабжении гарнизона города, стал снабжать его за счет разгромленных лавок, складов и квартир Екатеринослава. Коммунары, накануне выведенные из города на фронт к станции Верховцево, оказались отрезанными от семей и окруженными со всех сторон провокацией и паникой.

— Вы понимаете, товарищи,—начал Пархоменко,—момент—опасный; в нашем распоряжении нет больше сил и средств; все, что есть, это вот мы сами, но победа должна быть за нами во что бы то ни стало,—объясняет Пархоменко задачу своей маленькой армии. Нет на свете ничего трусливее, шкурнее и подлее, чем армия, лозунгами которой начинает быть—грабить и громить. Григорьевская армия, это—армия грабителей и громил; такая армия никогда не ведет правильной разведки, не держит охранения в походах и ночлегах; такая армия не несет гарнизонной службы; у такой армии нет секретов и дозоров. Такая армия—слепая, грабительская стихия, лишенная идейного смысла и политической зрячести. Такую армию может разгромить смелый, осторожный, решительный и искусный отряд; надо только воспользоваться отрицательными свойствами характера врага. Наш небольшой отряд должен выполнить большую и сложную задачу, но я верю, что он будет тем, чем он должен быть, раз ему доверили столь серьезное дело. Перед нами кулацко-бедняцкий сброд, который прикрылся черным знаменем анархизма, и под командой Максюты сейчас вершит со своими молодцами в Екатеринославе черное дело Дубровинских дружин 1905 г. Мы должны вырвать из бандитских когтей терзаемую ими жертву—пролетарский Екатеринослав.

— Умрем или смоем кровью преступников позорное пятно еврейских погромов,—закончил разгоряченный Пархоменко.

Бойцы, как и их командиры, были полны решимости во что бы то ни стало победить.

Их не страшила перспектива лишений, бессонных ночей, сугубой напряженности нервов. Их перестала смущать незначительность собственного количества, недостатки технических, продовольственных и пр. средств. Они прекрасно поняли, что дело не в количестве, а в качестве, в той внутренней классовой спайке, в сознании необходимости борьбы, которая сцементировала их за время гражданской войны.

Они прекрасно знали своего друга и товарища-командира, верили в него так же, как и он верил в них, и с чувством особенного подъема спешили выполнить его распоряжения.

Вечером 18-го мая, без крика и шума, они подъехали со стороны Новомосковска в Нижний Екатеринослав под видом крестьян из окрестных деревень.

Ночью, проникнув в город, они уже многое разведали, узнали и были готовы по первому знаку атаковать логово банд, но Пархоменко медлил с отдачей такого распоряжения. Он считал, что для решительных действий у него не было еще достаточно полных данных о нахождении самого уязвимого места—штаба Максюты.

План заключался в том, чтобы напасть на штаб, и в этом направлении велась осторожная, но усиленная разведка. Все шло великолепно, и даже больше того—сам Максюта, не предчувствуя своей гибели, шел навстречу этому плану.

Он захотел проехаться со своим штабом на автомобиле по городу и полюбоваться успехами своей преступной и кровавой пропаганды, не подозревая, что он едет в расставленные по улицам вооруженные сети.

Вот они выехали на главную улицу, где с несколькими бойцами стоял сам Пархоменко.

Выйдя на середину улицы, Пархоменко властным жестом руки остановил автомобиль.

— Я—Максюта,—злобно сверкнув глазами, рявкнул недовольный бандит.

— Мне именно вас и надо,—спокойно проговорил Пархоменко, и Кольт в его твердой руке стал посылать в черепа погромщиков свои неумолимые, коротко звенящие пули.

Призывным сигналом к решительной атаке на главные пункты прозвучали эти выстрелы.

Как тигры, выскочившие из камышей, бросились верные сыны революции на хулиганствующих бандитов и стали уничтожать их целыми пачками.

Шум, гвалт, пьяная ругань заглушались ружейным и пулеметным огнем. Через несколько часов Екатеринослав был очищен от погромщиков.

Железный порядок, революционная дисциплина скоро были восстановлены и в городе.

Остатки недобитых банд ринулись в «Махнатую республику» к своему бандитскому президенту жаловаться на несправедливое отношение к ним большевиков.

Махно больно чувствовал, что ему Пархоменко отхватил правую руку, и при первой возможности он по-разбойничьи отомстил ему за это.

Через два года, когда тов. Пархоменко попал в лапы Махно, последний грозно спросил его:

— Ты кто такой?

— Я—начальник 14-й дивизии 1-й конной армии,—твердо ответил луганский металлист.

— Помнишь Максюту?—злобно заревел батько погромщиков.

— Как же, я до сих пор жалею, что с ним не было тебя,—насмешливо ответил Пархоменко.

— На, получай,—зарычал Махно и выстрелом из Маузера повалил могучую фигуру революционера-большевика на пол кулацкой хаты.

Б... со своей группой тылового направления, бросив Кременчуг, вместе с потопившим в Днепре харьковских курсантов Казюрой по старому обычаю собирался удирать от паники и из Полтавы.

Чтобы не уронить начальствующего авторитета среди плывущей по всем направлениям бражки, он в таких случаях вооружался костылями и принимал вид сурового мстителя шкурников.

Тов. Ворошилов, остановив вечно гарнизонившую по тылам «кавалерию», приказал ей двигаться обратно на Кременчуг.

— У меня не доформированы части,—козыряя каждые две секунды, докладывает храбрый комгруппы.

— Так точно, товарищ командующий,—подтверждает Циунчик, вытянувшись во весь свой огромный рост.

— Никаких разговоров,—точно бомбой бросает в них Ворошилов.—Извольте отправиться для исполнения приказа и через каждые два часа доносить на бронепоезд, с которым я буду впереди.

— Слушаюсь,—ковыляет ногой Б.—Но, может-быть, вы нам разрешите покормить людей и лошадей и пополнить кое-чем обозы?

— Если через два часа у вас со мной не будет связи и вы не будете наступать вместе с отправившимися по своей собственной инициативе кременчугскими пролетариями, у меня с вами разговор будет короток,—ставит точку Клим.

Подумали немного, посмотрели друг на друга, потом — на часы: другого выхода не было, а для выхода на фронт оставалось уже не больше часа.

— Сколько и что есть, с тем и надо ехать немедленно,- заревел Циунчик на командира бывшего Чертова, а теперь Троцкого полка, когда тот осмелился доложить о неимении запасных частей к пулеметам.

Герой Царицынского фронта бронепоезд «Коля Руднев» и командир его «Илюса» (Ротштейн) уже, вместе с харьковскими курсантами, кременчугскими коммунарами и батареей Кулика, громил целую бронеколонну врага, двигавшуюся к Кобелякам.

Ворошилов, стоя на открытой площадке бронепоезда, заметил, что среди редких групп рабочих, двигающихся к Кременчугу, вскинув на свой горб винтовку, идет член ЦИК'а тов. М. Богуславский в качестве рядового бойца; партком и исполком тоже вместе с остальными пролетариями стремились скорее отбить у бандитов город.

— Смелее вперед!..—вскрикнул недовольный Ворошилов, делая машинистам бронепоезда решительный знак.

Бронепоезд вздрогнул, точно слон, от удара бича и двинулся могучей грудью вперед.

Через два часа жаркого боя Кременчуг был взят, бандиты бежали за Днепр, посылая оттуда снаряды легкой артиллерии.

Красная армия быстро и упорно подвигалась вперед. Вот уже показалась станция Користовка.

Озверелое кулачье, с погромным ревом поднявшееся против «жидов» и «коммунии» городов, видя, что красные части бронированным кулаком мозжат черепа их черным сотням, стало бросать и закапывать в собственную землю полученную от атамана сбрую.

Они делали глуповатые, подслеповатые рожи, корчили фарисейские руки на груди и клялись, что,—боже упаси, —и не помышляли о свержении советской власти и что волисполкомы и большевистская голытьба вырезаны налетевшей, как ураган, григорьевщиной, но это их не спасало.

Преступная банда, чувствуя, что напор со стороны Кременчуга, как кратчайшего направления до ее Александрийской резиденции, все усиливается, бросает сюда три бронепоезда и трехтысячную гвардию верблюжских громил под командой самого Тютюника.

«Коля Руднев» с артиллерией Кулика, удачно взявшей в огненные клещи линию, отрезает лучший бронепоезд бандитов. Бандиты пытаются исправить путь, бешено отбиваются и, во всяком случае, не думают сдаваться.

Кулик, у которого от бешеной артиллерийской стрельбы течет из ушей кровь, не падая духом, уверяет Ворошилова, что бронепоезд мы возьмем, как только стемнеет.

— Когда?—недовольно сверкает глазами Клим.

— Як тильке трошки примеркне,—повторяет Кулик.

Два бронепоезда вместе с бандитской гвардией, видя, что им не выручить основательно увязшего собрата, сочли за благо ретироваться в Александрию за «горючим».

Григорьев отдал приказ о свертывании своего аппарата, так как не был уверен, что напирающие со стороны Крыма: на Пятихатку—Дыбенко, от Користовки — Ворошилов и на Знаменку — Ткаченко дадут ему время на спокойную эвакуацию.

А эвакуировать было что. Помимо благоприобретенного, так сказать, по городам и линиям жел. дорог, он имел не мало военного и проч. имущества.

Ночь прошла в обдумывании и подготовке плана стремительного захвата бандитской столицы.

Ворошилов требовал от всех сугубой бдительности, осмысленной осторожности и максимально-решительного удара. Он великолепно знал, что бандиты любят по ночам гулять, а на рассвете спать,— вот в этот «мертвый час» пьяных ватаг и нужно было осторожно подкрасться к их логову.

Прохлада майской ночи быстро прогнала короткую дрему бойцов,—все готовились к серьезной и упорной схватке.

Сторожевые пулеметы противника давно прекратили свой треск. Нашим было приказано не открывать без нужды ртов.

Бандиты поверили в нашу привычку к 8-часовому рабочему дню и успокоились.

Они не приняли только во внимание, что в нужные моменты пролетариат может работать в три, две, а то и без смены.

Забрезжил рассвет.

Еще миг—и все двинулось вперед по заранее намеченному маршруту.

Кровь стучала в виски бойцов, напоминая об осторожности, но они и так были осторожнее крадущихся к своей добыче тигров.

Вот уже видна станция и сонно шипящие бронепоезда.

Отчетливо выделяются на синем фоне белые хаты Александрии.

Бойцы начинают сгибаться перед лучами восходящего солнца.

Еще одно мгновение, и они, выпрямившись, покажут, на какой героизм способны верные сыны революции.

— Вперед!—раздается команда.

— Вперед!—и еще сильнее надавливает рука Ворошилова, и группки курсантов и коммунаров, точно поставленные на четвертую скорость моторы, стремительно бросаются на станцию. Еще пара минут—и стальными струнами разливается по городу огненная энергия бойцов.

— Урра-а-а-а!—несется навстречу румяно улыбающемуся утру.

Обалделый от паники и пьяного угара бандитский зверь дико начинает метаться. Сатанинский рев лохматого чудовища в отчаянии изрыгает хулиганскую брань.

Правильная дробь пулеметов, верные удары стальных штыков,— и бандиты, подхлестываемые губительным огнем артиллерии, в панике бегут из города.

Тупо, дико, осатанело смотрят оставшиеся вместе с бронепоездами и салонным штабом несколько сотен пленных. Сердито огрызаются на вопросы любопытных.

Тов. Круссер чинит короткий допрос и разбивает их на три партии: злостных, обманутых и тупоголовых.

Григорьев, окруженный со всех сторон, вскоре вынужден был бросить линии железных дорог и двигался по проселочным дорогам с черными, желтоблакитными и сине-бело-красными знаменами, на которых были написаны разные черносотенные лозунги.

Монархист Григорьев, потерпев крушение в своем выступлении против пролетарских советов, ищет защиты, поддержки и координации действий у анархиста Махно.

Махно приглашает его на совещание, и он, нисколько не сомневаясь в искренней дружбе Махно, едет к нему, так как совершенно очевидно, что его затея и план действий были обсуждены совместно и что разграничительные линии их анархо-монархического движения

были согласованы раньше, но теперь Махно надо было замести следы совместных намерений и действий, и он их стал заметать.

Не первый раз они собирались, не первый раз они совещались, спорили, ругались, но на этот раз, в момент инсценированного спора, батько Махно застрелил атамана Григорьева.

О чем спорили бандиты?—это не существенно.

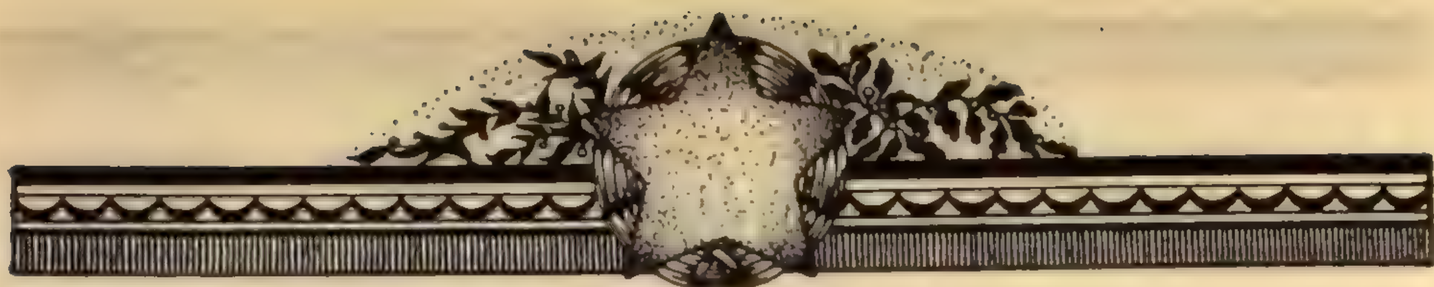
Важно одно: бандиты были спаяны общей ненавистью к пролетарской диктатуре, и это определяет все.

А генерал Деникин, на глазах которого происходило григорьевско-махновское восстание против Советов, не мог не учесть благоприятно сложившейся для него обстановки. Он бросает своего кубанского белобандита Шкуро, который бьет по самостийной республике Махно; тот отскакивает в сторону, не оказав почти никакого сопротивления, открывает ворота шкуровским и мамонтовским головорезам, которые быстро распространяются по Херсонщине и Донбассу, направляя удары на Екатеринослав, Одессу, Харьков, Киев, Луганск, Воронеж, Курск, Орел.

Разросшийся на обильных кормах доверия бандитизм и хлынувшая по его следам бешеной волной белогвардейщина требовали для своей ликвидации исключительных мер и соответствующих людей.

И партия и рабочий класс нашли их.

С. УРИЦКИЙ

МЕЖДУ ОДЕССОЙ И НИКОЛАЕВЫМ

(БОИ 1919 ГОДА)

ИЮЛЕ 1919 г. 58-я дивизия (Крымская) отходила под натиском белых. Ее длинный фронт по Днепру, с правым флангом у Херсона и левым у Екатеринослава (ныне Днепропетровска), подвергался усиленным атакам врага. Махно со своей бригадой, которая входила в состав дивизии, сначала занял неясную позицию, а затем, оголив фронт в районе Никополя, ушел в знаменские леса. Настойчивые атаки конницы Шкуро заставили 58-ю дивизию отступить на ст. Пятихатка, а обход противником ее левого фланга вынудил продолжать дальнейшее отступление на юг, к ст. Долинской. Части противника вклинились между 58-й дивизией и 60-й, отходившей, в свою очередь, на Полтаву. В это же время дивизия Слащева нажимала на правый фланг 58-й дивизии у Херсона, где происходили ожесточенные бои.

Связь со штабом 14-й армии была прервана, при чем противник, включившийся в провода, все время мистифицировал нас, выдавая себя то за наштарма 14-й Мармузова, то за его помощника Бойцова, и предлагал нам для выполнения всевозможные боевые задачи. Следует сознаться, что однажды ему удалось нас поймать на удочку, и по указанию мнимого штарма нами был брошен на север батальон, который, повидимому, попал в ловушку и был уничтожен.

В дальнейшем мы искали случая отплатить врагу той же монетой, и, хотя в меньшем масштабе, нам удалось ввести его в заблуждение: от имени казачьего полковника мы затребовали эскадрон для связи. Противником был выслан разъезд, который и попал в наши руки. За время гражданской войны такие случаи использования проводов для введения в заблуждение противника

случались весьма часто. Как видно из приведенного примера, легковерие оплачивалось очень тяжелыми потерями.

У начальника 58-й дивизии т. Федько возникла мысль,—стянуть части дивизии в кулак и ударить на север, во фланг и тыл белых,

Схема боев 58-й дивизии под Херсоном и Николаевым.

наступающих в треугольнике Полтава—Киев—Харьков. Но это проявление инициативы не получило дальнейшего развития. В то время шла борьба с партизанщиной, с игнорированием директив высших инстанций, и начальник дивизии, находясь под давлением

7

этой борьбы и предполагая определенный замысел в ранее отданных указаниях штарма, вынужден был, базируясь на указанной штармом коммуникации, отходить левым флангом к Черному морю.

Таким образом, к началу августа 58-я дивизия очутилась одной бригадой в районе Херсона, другой—в районе ст. Долинской и третьей—в Николаеве. На севере были белые. Связи со штармом 14-й, как уже отмечалось, не было. В Одессе находилась 47-я дивизия, а на Днестре—45-я дивизия тов. Якира. С этими дивизиями устанавливалась связь. Позднее, после занятия Одессы белыми, 47-я дивизия, не будучи достаточно боеспособной, была сведена в бригаду под командой тов. Лагофета и влилась в 58-ю дивизию; 28-я и 45-я дивизии составили Южную группу, которая под командой тов. Якира в течение месяца, окруженная со всех сторон врагами, совершала свой знаменитый южный поход на соединение с частями армии. Поход этот по своей организации и выполнению составляет одну из славных страниц боевой деятельности Красной армии и ждет своего достойного историка...

В настоящем кратком очерке мы коснемся только одного эпизода, предшествовавшего этому походу. Речь будет итти о боевых операциях 58-й дивизии в районе Николаева—Одессы и о сопровождавшем эти операции махновском восстании, которое охватило некоторые части 58-й дивизии. Это последнее, не будучи ликвидированным, могло бы совершенно вывести из строя 58-ю дивизию и еще более осложнило бы и без того тяжелую для отрезанных советских частей обстановку.

Итак, начало августа 1919 г. застает 58-ю дивизию на Буге с одной бригадой, выдвинутой вперед к Днепру. В это же время была получена принятая радиостанцией г. Николаева директива РВС— во что бы то ни стало удерживаться на берегу Черного моря. Во исполнение этой директивы была намечена некоторая перегруппировка сил дивизии, в силу которой расположенная в районе ст. Долинской бригада тов. Кочергина должна была обеспечивать боевые действия дивизии с тыла и фланга.

Когда командира бригады Кочергина вызвали для сообщения приказа по прямому проводу, то совершенно неожиданно из Долинской получился ответ: «Бригады Кочергина нет,—она вся в полном составе перешла в распоряжение главнокомандующего революции товарища батьки Махно. Скоро доберемся до вас». События последующих же дней оправдали угрозу бандитов. Нас в штадиве волновали причины и обстоятельства происшедшей измены, особенно был важен вопрос о роли в этом предательском деле самого Кочергина, проявлявшего себя ранее с самой лучшей стороны. Спустя несколько дней выяснилось, что душой измены явился

командир полка Полонский, бывший махновец. Среди бойцов бригады, в связи с разрывом связи с частями Красной армии и развивавшимся наступлением Деникина, была проведена бешеная агитация на тему: «Большевики продали Украину генералам. Кто хочет бороться за кровь своих братьев и землю—присоединяйтесь к Махно». Штаб бригады был окружен главарями мятежа, и в их руки попал Кочергин, его жена и весь штаб. Как подобает мужественному революционеру, тов. Кочергин пытался оказать сопротивление и был ранен. Впоследствии преданные своему командиру бойцы, волей-неволей надевшие волчью шкуру махновцев, организовали побег Кочергину, военкому бригады и всем командирам.

Когда к нам в штадив докатились известия об этой драме в Долинской, мы поняли, что отныне нам придется иметь против себя, кроме золотопогонников, еще и кулацкие банды Махно. Действительность же оказалась еще более грозной, чем предположения. В нашем тылу между Одессой и Николаевым вспыхнули восстания немцев-колонистов. Севернее и западнее г. Вознесенска появились петлюровские банды. Со всех сторон были враги, и лишь узкая лента побережья связывала нас с Одессой и 45-й дивизией.

Слащев, развивая наступление, занял Херсон, и наша бригада (Федотова) с большим трудом сдерживала его движение к Николаеву. Было необходимо выбросить на восток от Буга новые части для отпора белым. Для этой цели были намечены два полка, находившиеся в Николаеве. В то же время получились известия, что казаки севернее Николаева захватили Вознесенск. Становилось ясным, что в таких условиях задержка на Буге может окончиться для нас ловушкой, и необходимость обороняться диктовала организацию спешной эвакуации всех тылов дивизии, состоящих из бесчисленных эшелонов, забивших ж.-д. пути Николаева. В Николаеве же были сосредоточены 5—6 бронепоездов,—частью русских, частью захваченных у немцев,—представлявших большую боевую ценность.

Единственным ж.-д. путем для эвакуации являлась железная дорога Николаев—Новая Одесса с мостом через Буг у д. Гурьевка. Так как в этом районе бушевал мятеж немецких колонистов, то было необходимо сильным отрядом обеспечить за собой движение по мосту. Потом выяснилось, что решение это запоздало, так как колонисты мост успели сжечь, восстановить же его можно было при наших средствах только в течение недели, и поэтому мысль об эвакуации была оставлена. Но обо всем этом мы узнали лишь спустя несколько дней, пока же решено было выслать к д. Гурьевке латышский батальон. Для передачи приказа батальону был отправлен с вокзала (где в вагонах размещался штадив) на автомобиле помощник начальника штаба дивизии.

У ворот вокзала автомобиль был задержан группой вооруженных людей, среди которых были и штатские и военные. На требование помощника начальника штаба пропустить его, так как он имеет срочное поручение, было заявлено: «Революционный штаб нам велел никого не выпускать». Одновременно поезд штаба, стоявший у перрона, был окружен пулеметами и вооруженными людьми. Сомнений не было: мы оказались, как и Кочергин, во власти мятежа. Махновская природа этого мятежа сразу же себя проявила.

Начальник дивизии и военком были арестованы и доставлены на один из бронепоездов («Память Урицкого»), поставлены на пушечную башню, и здесь одним из субъектов, до сего времени нам совершенно неизвестным, но, повидимому, уже кое-кому в собравшейся тысячной вооруженной толпе, знакомым было объявлено об открытии митинга.

В своем вступительном слове он сказал приблизительно следующее:

„Товарищи, с дивизии был нам приказ итти с Николаева на фронт. Наша рабочая кровь льется напрасно. Федько[1]) продал всех нас Деникину за десять миллионов колокольчиками[2]). Батько Махно—главнокомандующий всеми вооруженными силами юга России—принимает нас в свою армию. Как мы все разутые, раздетые и голодные, то разрешается взять с эшелонов, которые приготовлены нашим „дорогим" начальством для белых, все, что нужно каждому по его революционной нужде—как сказать, все добро принадлежит трудящим. Они же (жест в сторону Федько и военкомдива Михеловича) есть предатели, то народный суд их должен казнить".

Хотя эта речь и нашла сочувственный отклик у части собравшихся, благодаря своей выразительности, но авторитет начальника дивизии даже у этой разнузданной массы скопившихся в Николаеве и распропагандированных махновцами тыловиков был настолько велик, что для очистки своей совести они пожелали услышать последнее слово «подсудимого».

— Слово Федько! Пусть скажет нам за свою измену!

Много голосов—правда, робко,—но все же выкрикивали:

— Федько не продался, он наш...

Выступление Федько было коротко: он указал на великую борьбу, которую ведут большевики, упомянул о предательской роли Махно, оголившего наш фронт, о необходимости единства перед лицом врага и т. д.

Простая речь начальника дивизии, популярность среди бойцов, которые видели его на самых опасных участках боя, заставили

---

[1]) Федько И. Ф. рабочий-столяр. Во время войны был в старой армии, произведен в прапорщики, красногвардеец, участник многих походов РККА, командир дивизии, командир корпуса.

[2]) «Колокольчики» —тысячерублевые деникинские кредитки, на которых был изображен царь-колокол.

руководителей мятежа, во избежание конфликта с массой, несколько смягчить постановку вопроса.

Мы,—заявил тот же председатель митинга,—пока их не расстреляем, но повезем на суд к батьке Махно.

Неизвестно, как сложились бы обстоятельства в дальнейшем, но в это время послышался характерный стук пулеметных станков, появились конные, и с мостиков, висевших над путями, были направлены на бронепоезда и на собравшихся дула пулеметов.

Командир батальона связи, погибший впоследствии в боях с поляками, Левенсон, въехавший в толпу на своем вороном жеребце, скомандовал:

— Разойтись!

И толпа в каких-нибудь десять секунд рассыпалась, оставив бронепоезд с несколькими людьми на башне чернеть среди опустевших путей.

Позади стоял в полном составе батальон связи дивизии. Связисты—московские слесари по преимуществу,—узнав о пленении своего начальника дивизии, сами взялись за оружие и двинулись к месту митинга на выручку. Организованные и стойкие, они спасли положение.

При их помощи были арестованы все инициаторы «бузы»—в большинстве гастролеры-агитаторы, присланные «политотделом» Махно. Но среди арестованных оказалось также немало переодетых офицеров.

Попытка мятежа была ликвидирована, но лозунг: «Эшелоны ваши!» сыграл свою роль: начался разгром эшелонов, цейхгаузов, цистерн со спиртом. Весь вокзал и пути были объяты огнем пожаров. Начали взрываться вагоны с боеприпасами. Предательство сделало свое дело: в условиях разложенного тыла организовать сопротивление подходившим к Николаеву белым не было никакой возможности. Было принято решение отойти за Буг. Ночью были стянуты находящиеся на фронте части, которые без задержки в Николаеве перешли Буг и были сосредоточены в д. Варваровка.

После больших пожаров, вызванных злоумышленниками, все же в эшелонах осталось богатейшее имущество. В меру возможности был мобилизован конный и автотранспорт, и, таким образом, довольно большое количество продовольствия и огнеприпасов было вывезено. Оставшееся—преимущественно огнеприпасы—было уничтожено. Особенно тяжело было смотреть, как подрывались наши бронепоезда.

Противник (Керчь-Еникальский и Феодосийский полки дивизии Слащева) пытался на наших плечах переправиться через р. Буг и ворваться в д. Варваровку. В случае успеха этого намерения противника намеченное приведение в порядок беспрерывно отходящих частей 58-й дивизии было бы исключено навсегда.

Командованием дивизии поэтому было принято решение во что бы то ни стало удерживать противника на левом берегу реки Буг. Задача эта была важнейшей и потому, что белые, переправившись через р. Буг, уже безостановочно двигались бы к Одессе и, таким образом, ударили бы в тыл 47-й и 45-й дивизий. Для организации отпора на Буге был выдвинут интернациональный полк (состав—поляки, венгерцы, латыши, китайцы и др.). Здесь же у Варваровской дамбы, принимая участие в боевых действиях и руководя ими, находились начдив Федько, комбриг Федотов, наштабриг Попов, комполка Таран, комполка Бенда, Кривошеев, Ряппо и другие лица начальствующего состава двизии.

4-го августа нами была сделана попытка продвинуться вперед по бетонной дамбе и поджечь деревянный (понтонный) мост через реку Буг. Но эта попытка была встречена огнем белых и не имела успеха. Белые перешли в контр-атаку. По мере продвижения белых к мосту, цепи их несли тяжелые потери от нашего огня, но шедшая сзади офицерская рота все же добралась почти до середины моста и здесь вступила в рукопашный бой с польской ротой нашего интерполка. Нет слов, чтобы описать эту битву на мосту. Продолжалась она несколько минут, и вскоре место столкновения опустело: противники почти поголовно истребили друг друга, и только потом доползали к нам уцелевшие окровавленные участники этого боя. Славная польская рота коммунаров перестала существовать. Ее командир—по великой нашей невнимательности, мы не узнали его имени—погиб в этом бою одним из первых.

Вслед за тем в Бугский фарватер вошел английский дредноут (кажется, «Королева Елизавета») и стал обстреливать наши части из морских орудий большого калибра. Но нам удалось уже привести в порядок перемешанные и деморализованные отступлениями и махновскими мятежами части дивизии. Среди частей усиленно велась разъяснительная политическая работа. Из остатков дивизии были сформированы две бригады. Бо́льшая часть уцелевших сил дивизии, после того как она была отведена в тыл, успела отдохнуть под прикрытием оборонявших линию Буга войск. Таким образом, удачно выполненная оборона Буга позволила нам вновь вернуть дивизии ее боеспособность.

Теперь вставал вопрос о плане дальнейших действий. Дальнейшее удержание р. Буг становилось затруднительным: противник не прекращал своих попыток переправиться, все время усиливая свои атаки и подкрепляя их судовой артиллерией английских и своих кораблей. Кроме того, стало известно, что казаки форсировали р. Буг у г. Вознесенска и, таким образом, угрожали опять нашему тылу. Не менее ощутительной была угроза обнаглевших мятежных немецких колонистов, нападавших на наши обозы и

зверски расправлявшихся с нашими бойцами. Но куда было отходить? Положение на севере—в частности судьба Киева—было неизвестно. Дальнейший же отход на запад ставил под угрозу занятия белыми Одессу и, вместе с тем, не давал нам никакого выхода, так как прижимал нас к Днестру и ставил под удар румын и петлюровцев, наступавших с линии Днестра на 45-ю дивизию.

Командование 58-й дивизии обменялось мнениями с командованием 45-й дивизии (тт. Якир и Гамарник); было решено перенести штадив 58 в д. Березовку (на северо-запад) и продолжать оборону

Совет обороны УССР.
Стоят справа налево: т.т. Г. И. Петровский и А. С. Бубнов. Сидят: т.т. К. Е. Ворошилов, А. И. Иоффе и Х. Г. Раковский (Чернигов, сентябрь 1919 г.).

р. Буг и Черноморского побережья до г. Очакова. Неизвестно, как долго удалось бы нам держаться в дальнейшем, но белые, убедившись в невозможности прорвать наш фронт на р. Буг и повести наступление на Одессу с востока, вечером 12-го августа, под прикрытием судовой артиллерии, при поддержке англичан и французов, высадили десант в Одессе и заняли ее. Одновременно нами была перехвачена радио-телеграмма ген. Драгомирова уже назначенному одесскому губернатору ген. Шиллингу: «Киев—мать городов русских—взят доблестными войсками Добровольческой армии».

В тот же день нам удалось принять на украинском языке телеграмму петлюровцев, возвещавшую победу самостийных войск над красными и тоже занятие Киева. Это казалось нелепостью, и мы

были уверены, что, как это часто бывает, какой-нибудь генерал белой или петлюровской стороны несколько опередил события, спеша себя поздравить с еще незавоеванным трофеем. В самом же деле, как потом выяснилось, деникинцы и петлюровцы, наступая с противоположных сторон, вошли в Киев почти одновременно. Так или иначе, нам было ясно, что за нами сомкнулось враждебное кольцо с занятием Киёва и Одессы.

По переданному из 12-й армии приказу, из частей 45-й, 58-й и остатков 47-й дивизий была создана южная группа с командующим тов. Якиром и членом РВС т. Гамарником. По директиве РВС южной группы части группы начали движение на север с целью соединения с северными частями Красной армии.

Месячный свой поход части проделали с тяжелыми боями, отбиваясь от следующих противников: с юго-востока и востока—от белых; с юга—от махновцев, петлюровских и колонистских банд; с севера—от банд всевозможных оттенков, белых и петлюровцев; с запада—от петлюровцев. Поход этот спаял и закалил обе дивизии и выковал отличных бойцов и командиров, проявивших себя впоследствии на всех фронтах гражданской войны, и, повторяем, заслуживает подробного военно-исторического исследования.

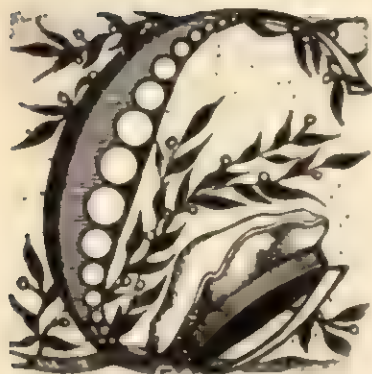
Закончился поход успешно—соединением с 44-й дивизией у Житомира, и в то время, как Юденич атаковал Петроград, а Деникин подходил к Туле, части 58-й дивизии, при поддержке частей 45-й и 44-й дивизий, ворвались в гор. Киев и овладели им.

С. БУДЕННЫЙ

ИЗ ИСТОРИИ КРАСНОЙ КОННИЦЫ

ОВСЕМ не случайным является развертывание контр-революционных армий на юге России: казачьи области искони являлись поставщиком контингентов живой силы—опоры царской реакции; широкие просторы степей, зажиточность казаков и их своеобразный быт способствовали широкому развитию здесь коневодства. У контрреволюционных генералов не было времени на подготовку армии; им нужен был готовый материал, который они и нашли на Дону, Кубани и Тереке, демагогическими лозунгами втянув казачество в борьбу с Советами.

Однако, белой конницы хватило ненадолго. Сквозь прозрачность «слов» ясно видны были «дела»; с первым же захватом территории наблюдается возврат помещиков, репрессии по отношению к крестьянам, спекуляция и прочие прелести белого режима, которые заставили трудовое казачество отвернуться от контр-революции. Уже конец рейда Мамонтова знаменуется массовым дезертирством казаков, как по причинам политического характера, так и в силу того, что рейдирующая конница, занявшись мародерством и перегрузив себя «трофеями», стремилась награбленное развезти по домам.

Наоборот, Красная конница рождается заново, маленькими отрядиками; с глубоким пониманием целей борьбы, влекомые одной идеей, тянущиеся к лучшему светлому будущему, эти отрядики сливались в отряды, создавали те красные конные массы, которые сыграли исключительную роль в гражданской войне.

Одной из первых крупных операций конницы белых является рейд казаков ген. Секретева, единственный в своем роде рейд с военно-политической целью. В апреле - марте 1919 г., когда Красная армия подходила к Новочеркасску, казачество Вешенской и Мигулинской

станиц подняло в тылу восстание, совпадавшее с моментом переформирования Деникиным Донской и Добровольческой армий. Поставив себе первой задачей занятие Донской области и положив в основу своего плана использование Вешенского восстания, Деникин, связавшись с повстанцами при помощи самолетов, уже в мае бросает в рейд казачью конницу ген. Секретева. Первый прорыв ее на участке нашей 16-й дивизии не удается. Тогда конница белых переходит на участок 23-й дивизии, прорывается там, форсирует Сев. Донец и идет на присоединение к повстанцам. 7-го июня происходит это соединение, и восстание разгорается с новой силой, что ставит нашу 9-ю армию в очень тяжелые условия. Ее правофланговые части отрезаются от центра и оттесняются от ст. Митякинской к северу. 9-я армия, сдав Миллерово, откатывается километров на 150 назад. Наши экспедиционные части, достигшие было уже успехов в подавлении восстания, зажимаются между наступающим белым фронтом и повстанцами и еле вывертываются из положения, еще более трудного, чем то, в которое попала армия.

Конечно, не будь конницы Секретева, очаг восстания был бы затушен, 9-я армия, не угрожаемая повстанцами с тыла, удержала бы за собой водный рубеж р. Сев. Донец, и операция развернулась бы совершенно иначе. Однако, эти события не вызывают еще со стороны нашего главного командования должной оценки оперативной роли конницы. Осознать эту ошибку помогли новые успехи конницы со стороны белых. Деникин решил рейдом конницы по тылу нашего Южного фронта нарушить готовившееся наступление. 10-го августа 1919 г. отряд Мамонтова, в составе 3 кавалерийских дивизий, пешего отряда при бронемашинах и артиллерии, прорвался на стыке наших 8-й и 9-й армий Южного фронта и устремился на Тамбов. До 29-го августа Мамонтов, двигаясь широким фронтом, проделывает огромный путь, предавая мечу и огню встречаемые на пути склады, штабы, обозы и т. д.

Стратегическое значение этого рейда сразу же дало себя почувствовать, так как Мамонтов привлек на себя значительные силы, выхваченные из собиравшегося ударного кулака группы Шорина, из состава коей для борьбы с Мамонтовым и прикрытия жел.-дор. узлов Тамбова и Козлова выделяются 56-я стр. див. и кавбригада 36-й стр. див. Но последняя нарывается на главные силы Мамонтова, получает от них сильный удар и рассеивается. Мамонтову удается нарушить связь между ударной группой Шорина и штабом Южного фронта; последнему уже небезопасно дольше оставаться в Козлове, и он переходит в Орел. Во всех пунктах создаются импровизированные отряды. 21-я дивизия, следовавшая с Восточного фронта на Южный, вместо получения прямой боевой задачи по развитию наступления, переназначается для борьбы с Мамонтовым.

Несмотря на наличие в тылу неприятельской конницы, красное командование все же твердо решило начать наступление в назначенный срок. Группа Селивачева выдвигается к Волчанску и Купянску, но обессиленная на две дивизии группа Шорина остается пока на месте. Согласованность в действиях между обеими группами не может быть достигнута из-за нарушения связи между Шориным и штабом Южного фронта. Группа Селивачева, врезавшаяся клином во фронт противника, выдвигается 1-го сентября на фронт Волчанск—ст. Подгорная, создавая, таким образом, непосредственную угрозу Белгороду и Харькову, но, будучи изолированной в своих действиях, она получает от противника удар, которым эта угроза легко устраняется. Но политические ошибки, допущенные Мамонтовым, довольно быстро положили предел его успехам. Весь его путь усеян следами грабежей и насилий. Даже самый реакционный элемент от него отвернулся. Его демагогическим обещаниям уже никто не верит. К тому же, красному командованию удается, наконец, собрать против него достаточные силы.

29-го августа Мамонтов резко меняет направление движения на юг и идет к фронту. В дальнейшем он уже перестает влиять на стратегический ход событий. С большими потерями он добирается до Осадчино, где соединяется с отрядом Шкуро и выходит из рейда.

В результате деятельности конницы Мамонтова группа Шорина, готовившая главный удар, рассасывается; внимание командования раздвоено; силы частично распыляются, в самый критический момент, перед началом наступления, прерывается связь между высшими штабами, и нарушается согласованность в действиях. Селивачев наносит изолированный удар, легко парированный противником. Этот сам по себе немалый результат достигнут при допущенных Мамонтовым (неизбежных, как вытекающих из природы белого командования) политических ошибках.

Ближайшим последствием рейда Мамонтова явилась должная оценка роли конницы в маневренных операциях, положившая начало организованным формированиям.

После рейда у Мамонтова от 9.000 осталось только 2.000 человек, тем не менее он скоро оправился и уже через неделю получает от ген. Сидорина новую задачу, аналогичную первой. Она заключалась в следующем. После неудачного наступления нашего Южного фронта белые сами перешли в наступление и достигли значительных успехов, оттеснив 9-ю и 13-ю армии, оголив фланги 8-й армии. На территории Донской области назревали серьезные события. 9-я красная армия готовила удар правым флангом на Богучар с целью форсирования Дона, а группа ген. Сидорина получила задачу очистить Новохоперский район от красных войск.

Прелюдией к этой операции и должен был послужить новый рейд Мамонтова и Шкуро, которым ставилась задача вновь внести расстройство в наши тылы.

Мамонтову удается занятием ст. Таловой нарушить связь штарма 9-й с концентрирующимся на нашем правом фланге ударным кулаком. Это ставило под угрозу успех задуманной операции. Однако, наше командование уже успело к этому времени сделать нужные выводы из первого рейда Мамонтова. На арене появляется новый оперативный фактор- Красная конница, 1-й конный корпус под

Бойцы 1-го конного корпуса под Воронежем в 1919 г.

моим командованием, имевший уже к этому времени боевые успехи: еще во время первого рейда Мамонтова этот корпус был брошен для его ликвидации, но не успел догнать Мамонтова, будучи задержан по пути боями с отрядами изменника Миронова, который был корпусом окружен и разоружен.

К 3-му октября второй рейд Мамонтова начинает проявлять симптомы ослабления. Мамонтов отказывается от решительной задачи— разгрома наших тылов—и предпочитает паллиатив: он идет к Воронежу на соединение со Шкуро, чтобы общими силами создать угрозу флангу 8-й армии. Его преследует тот же 1-й конный корпус, усиленный конной группой 8-й армии. В это время белые заняли Орел, а 8-я армия была взята в клещи со стороны Воронежа соединившейся конницей Шкуро и Мамонтова, а со стороны Боброва—3-м кон. корпусом белых.

1-й кон. корпус двинулся на Воронеж, с целью разгрома конницы Мамонтова и Шкуро. До 12-го октября ведется разведка. 13-го октября 1-й конный корпус входит в соприкосновение с противником и уже 14-го октября наносит ему первый чувствительный удар на линии Бобровая—Собакино—Усмань. 15-го октября успешно отражается наступление значительных сил противника.

До 19-го октября конница обеих сторон усиленно разведывает. Назревал один из знаменательнейших моментов гражданской войны: лицом к лицу столкнулись на поединке 2 конницы: белая—с боевыми традициями прошлого, под руководством способных генералов с солидным теоретическим и практическим багажом, и красная—молодая, революционная, без традиций еще, но с непоколебимой верой в победу, под руководством рабоче-крестьянских командиров, мало знакомых с теорией, но получивших практику в боях гражданской войны и вышедших из рядов младшего командного состава царской армии.

Командование 1-го конного корпуса было озабочено не только предстоящим боевым испытанием: перед ним во весь рост стояло оперативное значение Воронежа. Воронеж в руках белых явился бы, во-первых, угрозой правому флангу 8-й армии; во-вторых, 1-й конный корпус имел в дальнейшем задачу, овладев ст. Касторной, наступать на Курск, с целью отрезать противника, зарвавшегося к северу от ж.-д. линии Курск—Воронеж, и тем облегчить наступление 13-й и 14-й армиям. Ключом к выполнению этой задачи являлся опять-таки Воронеж.

Поставив себе целью не только занять Воронеж, но и разгромить белую конницу, 1-й конный корпус 19-го октября могучим контрударом бьет наступавшие-было на него конные части противника и почти уничтожает кубанскую дивизию из корпуса Шкуро, захватывая огромное количество трофеев. Это был пролог к атаке Воронежа, который оборонялся соединенными силами Мамонтова и Шкуро под командой последнего.

К вечеру 23-го октября город охватывается с трех сторон, и белые, не выдержав, бегут, оставляя богатую добычу, вплоть до поезда ген. Шкуро. Какое же влияние на стратегическое положение сторон оказало взятие Воронежа?

Взятием Воронежа, во-первых, устранена была угроза правому флангу 8-й армии, во-вторых, развязаны были руки для развития операции под ст. Касторной, что привело к выходу нашей конницы на сообщения белой армии, дравшейся под Орлом. Кроме того, взятием Воронежа впервые наносится чувствительное поражение сильнейшей коннице противника.

До 28-го октября ведутся бои за переправы через Дон, к каковым стремились обе стороны. 28-го октября корпус форсирует Дон и

29-го октября бьет белую конницу в районе Землянска. Противник несколько раз переходит в контр-атаку, но всякий раз с потерями отлетает еще далее назад.

До 9-го ноября бои идут с переменным успехом. По всему Южному фронту в эти дни чувствуется наступающий кризис, как под Орлом, так и под Касторной. Момент требовал решительного удара для разгрома белых под Касторной, ибо стратегическое положение белой армии не исключало возможности нажима ее на Воронеж. Стимулируемые этим сознанием, части корпуса делают решительные попытки к занятию ст. Касторной. В дело вмешивается белая пехота. Корпус попадает в угрожающее положение, но удачным маневром ускользает от удара.

Отдохнув 12-го ноября, корпус с 13-го ноября возобновляет наступление. 15-го ноября обходом с юга, с одновременной лобовой атакой, 1-й конный корпус разбивает Касторненскую группу ген. Постовского и занимает ст. Касторную. Операция завершается 1-го декабря занятием нашей конницей Н.-Оскола.

Парируя второй рейд белой конницы, устраняя угрозу флангу 8-й армии и нависая грозою над сообщениями Орловской группы белых, конница обеспечивает успех наступления всего нашего Южного фронта.

Участь операции в значительной мере решается на стыке 8-й и 9-й армий, на участке 1-го конного корпуса.

Следует здесь же остановиться на действиях другой конной группы, имевшей оперативное значение в орловской операции. Это—рейд червонных казаков.

На занятие белыми Орла красное командование отвечает контрнаступлением, сосредоточивая в районе Карачева ударную группу, в составе Латышской дивизии и бригад Павлова и Примакова, которая наносит удар в направлении на Кромы и создает угрозу тылу Орловской группы. Белые, под влиянием этого удара, спешно оставляют Орел. Однако, развить удар не удалось вследствие больших потерь. В 14-й армии резервы иссякли, а у противника они еще были; он их спешно подвозил к фронту, выигрывая время упорным сопротивлением дроздовцев и корниловцев. В этот переломный момент обстановка складывалась опять в благоприятную для противника сторону. Тогда создается сводная кавалерийская группа Примакова, которая получает задачу—ударить в тыл противника в районе Поныри и г. Фатеж и разрушить железно-дорожную линию Орел—Курск.

3-го ноября конница Примакова врывается в щель, образованную Латышской дивизией, и уже 4-го ноября производит налет на ст. Поныри и г. Фатеж, уничтожая обозы, склады и мелкие отряды противника. Единственная жел.-дор. линия Орел—Курск подрывается,

и станции Поныри и Возы разрушаются. Противник успевает 3-го ноября закрыть брешь и оттесняет Латышскую дивизию. Однако, встревоженный появлением у себя в тылу конницы и теснимый с фронта, он уже 4-го ноября вечером свертывается в колонны и начинает отходить, преследуемый латышами. Под влиянием поражения белое командование проявляет признаки сильной впечатлительности: оно оценивает силы конницы в «10.000 казаков»,

РВС 1-й конной армии в 1919 г. после разгрома Деникина. Сидят: член РВС т. Ворошилов, командарм т. Буденный, наштарм т. Зотов. Стоят справа налево: начдив 4-ой кав. т. Городовиков, военкомдив т. Детистов и наштадив т. Косогов.

хотя Примаков располагал только 700 саблями. У с. Сабурова красная конница дает блестящий бой и разбивает лучший пехотный полк Добровольческой армии—1-й Корниловский офицерский полк. Противник всем фронтом отходит на р. Сванна, где ему удалось было задержаться. Продолжая наступать, наши части теснят противника дальше до р. Усож. В результате рейда червонцев и успехов конницы под Касторной, противник, перешедший 3-го ноября в наступление, откатывается перед более слабыми нашими силами назад, очищая территорию глубиною до 100 *км*; белые, торжествовавшие победу от Дона до Орла, терпят здесь поражение, несмотря на наличие у них резервов, и безостановочно катятся с этого момента назад вплоть до полного их разгрома.

Бойцы конной армии в 1919 г.

Моральное значение успеха Орловской операции в том, что он поднял упавший-было дух наших войск и вселил в них новую веру в победу.

Следующий образец правильного оперативного использования конницы и значения ее в операциях дает преследование катящихся к югу Донской и Добровольческой армий. До самого Ростова быв. 1-й конный корпус, ныне уже 1-я конная армия, все время угрожает глубоким вклинением между армиями противника, откат которых принимает губительные для них размеры.

Основная задача ударной группы, составленной из 1-й кон. армии и 2-х пех. дивизий,—захватить Донецкий бассейн и отрезать пути отступления Добровольческой армии в Донскую область. Красная конница, нанеся 20—21-го ноября еще один сокрушительный удар корпусам Мамонтова и Шкуро, занимает 27-го декабря Бахмут. Противник делает отчаянные попытки сдержать наступление конницы, угрожающей фланговому движению Добровольческой армии из Украины в Донскую область, но тщетно. До 6-го января 1920 г. конница победоносно продвигается вперед, уничтожая остатки живой силы противника, и только у самого Ростова натыкается на организованное сопротивление белых.

Мне ставится задача—стремительно преследовать разбитого противника и овладеть Ростовом и Таганрогом. 6-го января занимается

Таганрог, чем облегчается выход 13-й армии на Азовское побережье. 7-го января правый фланг 8-й армии (15-я и 16-я дивизии) подвергается поражению со стороны конницы противника. Части 1-й конной армии задерживают конницу противника и, таким образом, облегчают положение правого фланга 8-й армии. 9-го января, после кровопролитного уличного боя, берется Ростов, чем Красная конница успешно завершает операцию по разъединению фронта,—только часть сил Добровольческой армии успевает уйти за Дон.

Оперативная роль конницы в этот период исключительна по богатству результатов; противник обладал еще достаточными силами для сопротивления, но постоянная угроза и стремительность натиска Красной конницы не давали ему сорганизоваться. Попытка его задержаться в районе Александров-Грушевск с занятием Ростова сводилась на-нет.

В этот же период мы можем наблюдать пример отрицательного использования противником конницы, приведший к развалу прекрасной по своим боевым качествам его конной группы и к срыву правильно задуманной операции.

Задержавшись в феврале на р. Маныч, белое командование предполагало перейти в наступление. Одновременно красное командование замышляло глубоким ударом 1-й конной армии на ст. Тихорецкую отрезать главные силы «вооруженных сил юга России». Этот удар

Комбриг 4-й кав. т. Селиванов с пулеметчицей т. Павшиной на тачанке в марте 1920 г.

начался 13-го февраля. Для парирования его белое командование направляет на ст. Торговая сводную группу конницы под командованием ген. Павлова, силою 10—12 тыс. сабель. Павлов, желая выиграть время, решается, несмотря на суровые зимние условия, итти по кратчайшему пути—по необитаемому левому берегу Маныча. 17-го февраля Павлов атакует под Торговой 1-ю конную армию, но получает встречный удар и откатывается к станице Егорлыцкой. Движение обратно он производит по тому же левому берегу Маныча, двигаясь по безлюдным степям, по компасу. Страшная метель, сопровождаемая усилившимся морозом, 4-дневное блуждание в этих условиях вне населенных пунктов привели к тому, что 60% участников похода замерзло, а оставшиеся были малобоеспособны. Сам Павлов оказался в числе обмороженных. События тем временем развивались своим чередом. Противник осуществляет свой план и 22-го февраля вновь овладевает даже Ростовом. Но это—кульминационная точка кривой его временных успехов. Крайне обеспокоенный появлением Красной конницы на своих путях отхода, Деникин усиливает остатки конницы Павлова за счет конных частей фронта и ставит ему задачу разбить 1-ю конную армию. 25-го февраля у ст. Егорлыцкой происходит решающая встреча двух конниц, в результате которой белые разбиты и отброшены.

Оставив Ростов, остатки «вооруженных сил юга России» отходят быстрыми шагами, двигаясь навстречу своему окончательному разложению и гибели.

Мы видим здесь, как хорошая конница, получив правильную задачу, гибнет из-за неучета обстановки ее командиром, вырывая этим крупный оперативный козырь из рук своего командования и развязывая руки противнику в критический момент операции.

Закончив свой славный путь на Южном фронте, Красная конница перебрасывается на Польский фронт. На смену широким степным просторам Украины и Дона приходят лесисто-болотистые районы Полесья и Западного края; противник, более сильный в техническом отношении, широко применяет фортификацию и опутывается проволокой; в своем составе он имеет значительное число познанских частей отличной немецкой школы; в руководстве операциями принимают живейшее и непосредственное участие видные представители французского генерального штаба. Тем не менее, успехи Красной конницы в первый период войны столь же ошеломительны. В частности, момент прибытия 1-й конной армии на Польский фронт является переломным. Командование фронтом требует от нее решительного перехода в наступление между Киевской и Одесской группами противника и занятия стремительным натиском не позднее 1-го июня района Казатин—Бердичев. Удачный выбор оперативного направления дает себя сразу почувствовать. Приступая

РВС конной армии с группой высшего начсостава армии по взятии Майкопа на Кубани в марте 1920 г.
В центре т.т. К. Е. Ворошилов и С. М. Буденный.

к выполнению директивы 26-го мая, конная армия уже 4-го июня развивает широкие действия, оказывая существенную поддержку правому флангу 14-й армии в овладении районом Гайсин — Брацлав.

Стремясь скорейшим ударом захватить Казатин и Бердичев, дабы нарушить сообщения и связь двух групп противника, 1-я конная армия 5-го июня ударом трех дивизий у Озерна сбивает противника, прорывается в его тыл и добирается до жел. дороги на участке Попельня—Чернорудка, где рвет полотно и мосты. В целях широкого расстройства сообщений и средств связи противника предпринимается одновременный налет на Житомир и Бердичев, успешно выполняемый 7-го июня.

Здесь захвачено огромное количество материальной части, освобождено из плена 5.000 наших красноармейцев и 2.000 содержавшихся в тюрьме командиров и политработников; произведены большие разрушения, среди которых можно особенно отметить разрушения на ст. Житомир и взрыв артиллерийского склада с миллионом снарядов в Бердичеве.

Блестяще начатая операция получает, однако, очень посредственное развитие в части, касающейся использования конницы, уже прорвавшейся в тыл противника. Конная армия направляется на Фастов для разрушения Фастовского жел.-дорожного узла. Два дня (9-го и 10-го) тратится на это движение, однако, в районе Фастова противника уже не оказалось. Части конной армии вошли там в связь с 45-й стр. дивизией. 10-го июня армия получает директиву фронта:

1-я конная армия на походе при переброске с Сев. Кавказа на Польский фронт летом 1920 г.

Тов. М. И. Калинин в 1-й конной армии в 1920 г.

«Ваша помощь на восток отпадает. Безотлагательно поверните на запад и займите район Житомир—Казатин». Наконец, 11-го июня командующий фронтом ставит конной армии новую задачу: «Двумя дивизиями безотлагательно занять район Радомысль—Житомир, ведя усиленную разведку в сторону Бердичева, и выделить отряд для захвата Коростеня; остальными силами армии спешно двигаться на г. Киев, чтобы совместно с 12-й армией окружить и взять в плен Киевскую группу противника».

Эта последняя директива, требовавшая по существу своему разброски сил, весьма усложняла решения командования 1-й конной армии; если к этому добавить, что 12-я и 14-я армии продвигались в сущности почти исключительно в результате успехов конной армии, то станет понятным, как важно было сохранить силы в кулаке для действий в важнейшем направлении, каковым было Коростеньское, ибо еще 9-го июня командование 3-й польской армии отдало приказ об отходе Киевской группы на Коростень. Будь в Коростеньском направлении вся конная армия, 3-я польская армия безусловно была бы разгромлена на-голову. Однако, этого не последовало; потеряв значительное количество материальной части, поляки все же пробились на Коростень и Овруч. Дожди помешали дальнейшим действиям конной армии, части которой уже соединились с наступавшими с фронта пехотными частями.

Противник поспешно отходил, сохранив бо́льшую часть своей живой силы.

Главной причиной таких половинчатых результатов при удачном начале операции следует считать недооценку командованием фронта той обстановки, в которой очутилась 3-я польская армия после прорыва 1-й конной армии на Житомир. Отход поляков на Коростень

Ответ военкомдива 11-й т. Озолина т. Калинину.

был установлен фронтом лишь 11-го, и то случайно, благодаря перехваченному приказу противника. Однако, это не повлияло на директиву фронта от того же числа в смысле четкости решения: на важнейшее направление на Коростень—бросается лишь «отряд». Часть сил тянется, неизвестно для чего, опять на Киев. Между тем, переход армии сразу же после захвата Житомира и Бердичева в такой район, откуда она могла бы одинаково легко переброситься, смотря по обстановке, как к Коростеню, так и на пути отхода поляков к Житомиру и усиленная разведка легко позволили бы выяснить, куда направить дальнейший удар. Это и намечалось командованием 1-й конной армии, которое намеревалось перейти после занятия Житомира в район Брусиловка, чему помешали, однако, получение упомянутых уже указаний о движении на Фастов и последующие переброски армии с востока на запад и обратно. Но, даже и при наличии всех этих минусов управления свыше, оперативная роль конной армии оказалась огромной. В конечном итоге прорыв конной армии у Озерно можно считать началом потрясения всего Польского фронта и отхода его, приведшего нас в дальнейшем к берегам Вислы.

Через пару недель после описанной операции можно наблюдать работу уже знакомой нам 8-й червонной каз. дивизии на участке 14-й армии, с весьма значительными оперативными результатами.

Конная армия втянулась в Ровненскую операцию. Противник собрал в районе Староконстантинова сильный кулак с целью обрушиться на левый фланг конной армии. Для ликвидации этой угрозы была брошена 8-я червон. каз. дивизия с задачей разгромить штаб и тылы 6-й польской армии в районе Проскуров—Черный Остров и атаковать затем с тыла Староконстантиновскую группу.

3-го июля червонные казаки прорываются и 6-го июля захватывают Проскуров и Черный Остров. В Проскурове уничтожается штаб 6-й польской армии, а на ст. Черный Остров захватывается большое количество имущества. Из 300 захваченных вагонов 30 оказалось с обмундированием и 100—с патронами и снарядами. Все это сжигается и взрывается. Попутно уничтожаются обозы и ряд отдельных частей противника. Под Сорокодубами «червонцы» уничтожают целиком петлюровскую пехотную бригаду. Весть о захвате Проскурова доходит до фронта и потрясает его. Фронт отходит.

Польская ударная группа, нацеленная против 1-й конной армии и уже начавшая действовать на ее левом фланге, спешно отходит на Волочиск за р. Збруч. 9-го июля Черный Остров занимается нашей пехотой, а 10-го 1-я конная армия занимает Ровно.

Роль конницы в этой операции огромна: нарушено управление войсками 6-й польской армии, захвачено много имущества, развязана свобода действий 1-й конной армии. Фронт противника откатился на 100 *км* так стремительно, что было утеряно соприкосновение с его пехотой, при чем части ударной Староконстантиновской группы даже опередили при отходе пехотные неприятельские части других участков Польского фронта.

Добровольцы конной армии за чтением газеты.

Мы видим, таким образом, что конница неизменно сохраняет свое решающее значение в самой разнообразной обстановке, если только она

сама на высоте своих задач и правильно используется; ошибки в этом отношении оказываются обычно трудно исправимыми и влекут за собой незаконченность оперативных результатов, а иногда и более тяжелые последствия. Такой пример дают операции Южного фронта в 1920 г.

Выдвинувшиеся из Крыма в июне этого года корпуса генералов Слащева, Писарева и Кутепова оттеснили нашу 13-ю армию. Командарм 13-й создает две ударных группы, из коих левая составляется из кон. корпуса Жлобы с задачей—пользуясь тем, что корпус Кутепова связан с другой группой (около 5 дивизий под командой Федько), сбить Донской корпус Абрамова, овладеть Мелитополем, выйти в тыл Кутепову и уничтожить его совместно с ударом с фронта сев. группы Федько. Сосредоточение конницы производится довольно искусно и противником не обнаруживается. 29-го июля Жлоба прорывается, но вытесняется обратно наскоро собранными белым командованием конными, броневыми и авиационными частями.

Та же участь постигает и вторую попытку прорыва, произведенную 2-го августа. После шестидневных упорных боев, прошедших под знаком больших потерь, Жлобе удается, наконец, неглубоко вклиниться, но сразу же по вклинении действия корпуса характеризуются своей разрозненностью, а в результате—крупными потерями.

Все это в совокупности с усталостью влечет за собою в частях корпуса резкий упадок морального состояния. Только небольшой части корпуса удается прорваться в разных местах, главная же масса частью попадает в плен, частью уничтожена.

Характернее всего, что в ликвидации конницы Жлобы главную роль сыграла пехота, закрывшая ему все выходы из тыла и неотступно, совместно с конницей и авиацией, преследовавшая его на подводах до полного разгрома. Армейскому командованию следует поставить в вину, что оно не обеспечило коннице прорыва и не охранило его с воздуха. Под Орлом фронт противника прорывался латышами, а в Проскуровском рейде—60-й пех. дивизией. Здесь же конницу заставили самой прокладывать себе дорогу в весьма неблагоприятных условиях равнинной местности. Обессиленный при прорыве, к тому же переобремененный артиллерией и обозами, без необходимых мер охранения и разведки, корпус Жлобы попадает в безвыходное положение и, не будучи в состоянии быстро и решительно пройти по тылам противника, гибнет без всяких оперативных результатов. Печальный финал этой операции способствовал тому моральному подъему, который наблюдался затем в армии Врангеля, извлекшей из нее солидные материальные выгоды в виде трофея до 6.000 лошадей.

Наконец, можно указать на неудачное использование конницы и при ликвидации Врангеля в 1920 г. На узком участке было собрано огромное количество конницы--1-я и 2-я конные армии, 3-й кон. корпус и отдельные дивизии и кавбригады. 2-я конная армия неудачно направлена была с фронта против корпуса Кутепова, что не позволяет ей проявить должную стремительность: это дает противнику возможность разобраться в обстановке и своевременно начать организованный отход к перешейкам. Между тем, 2-я конная армия определенно тяготела к югу, к большему контакту с 1-й конной армией.

Последняя, нацеленная на главные силы Врангеля, вследствие раздвоения задач Каховской группы обрекается на изолированное единоборство с главными силами белых. Ослабив себя еще выделением сил для захвата перешейков, 1-я конная армия не может сдержать устремившиеся в Крым белые части, и последние прорываются к побережью.

В данном случае явно напрашивались снижение 2-й конной армии к югу, создание из обеих конных армий одной ударной группы и действия на Агайман, что и предлагалось РВС 1-й конной армии, возложив закупорку перешейков на 6-ю армию (Перекоп) и конные части 13-й армии (Чонгарское направление), на участке которой почти бездействуют три кавалерийских дивизии (5-я, 7-я и 9-я). Ударом на Мелитополь, а затем параллельным преследованием на Геническ эти части безусловно опередили бы скованных с фронта донцов и прочно закрыли бы Чонгарский перешеек. Командование не сумело в данном случае извлечь из наличия такого большого количества конницы в одной операции нужного результата--отрезать все проходы из Таврии в Крым и разгромить главные силы армии Врангеля, не дав им эвакуироваться.

Здесь мы за недостатком места подробно не останавливаемся на использовании конницы т. Гая на правом фланге Западного фронта в 1920 г., где было много положительных, но были и отрицательные моменты.

Таким образом, мы видим, что блестящие страницы деятельности конных масс за время с 1918 г. по 1920 г. насчитывают в ряде случаев и неудачи. Было бы ошибкой это замалчивать.

Красная конница немало потрудилась в минувшие дни боевой страды; не меньшие труды предстоят ей и в будущем. Оперативные неудачи конницы следует, конечно, подчеркнуть, но резко подчеркнув заодно и те выводы, к которым приводит их объективное изучение. Это тем более необходимо сделать, что эти выводы поразительно схожи между собой во всех без исключения случаях и говорят отнюдь не о неспособности конницы к оперативной работе, а о неудачных распоряжениях тех начальников, которые ее

использовали или непосредственно ею руководили. Там же, где высшее общевойсковое командование знало свойства конницы, правильно оценивало пределы ее оперативных возможностей и отводило ей в операциях надлежащее место, достижения конных частей неизменно заставляют говорить о себе своей яркостью и значимостью и притом в самых разнообразных условиях обстановки, не исключая и таких, которые характеризовались, в частности, на Польском фронте, широким участием в операциях самолетов, различных автобронесредств и других современных способов борьбы. Это обстоятельство служит лучшим ответом тем «шептунам», которые видят в развитии техники угрозу самому существованию конницы, как рода войск. Правильный учет свойств этой техники и ее влияния, умелое использование этих средств самой конницей вот тот путь, идя по которому последняя всегда останется таким же грозным для врага фактором оперативного воздействия, каким она была в славные дни гражданской войны 1918—1921 гг.

И. КУТЯКОВ

ПЕРВЫЙ ПОХОД НА УРАЛЬСК

РАЛЬСКИЙ совет рабочих, киргизских и крестьянских депутатов был разогнан белогвардейцами 29-го марта 1918 г. Члены Совета были частично арестованы и посажены в тюрьму.

Вместо советской власти в Уральске было создано войсковое правительство, во главе которого стали помещики и генералы, прикрывавшиеся эсерами—Кирпичниковым, Михеевым и Фомичевым. Этот политический переворот, сущность которого была ясна даже рядовым бойцам Красной гвардии, рабочим и крестьянской бедноте этого района, вынудил Саратовский совет немедленно послать новому правительству ультиматум со следующими требованиями:

1. Уральское войсковое правительство должно в письменной форме подтвердить, что оно признает власть Совета Народных Комиссаров верховной властью Российской Федеративной Советской Республики.

2. Немедленно восстановить разогнанный и частью арестованный Уральский совет.

3. Изгнать весь пришлый элемент из Уральской области, как-то: контрреволюционное офицерство, буржуазию и помещиков.

Войсковое правительство в то время не имело достаточной вооруженной силы для внешней борьбы с Советами; поэтому оно стремилось как можно больше выиграть времени путем ведения бесконечных переговоров по прямому проводу в течение всего апреля месяца, а также посылкой в Саратов от войскового съезда делегации в составе сотника Мусатова и казака Борзикова. Последние по приезде в Саратов больше занимались шпионажем, чем стремились ликвидировать конфликт мирным путем, за что Саратовским военным советом и были арестованы.

Оренбургские отряды Красной гвардии тт. Блюхера, Зиновьева, Данберга, братьев Кашириных и др. вели успешные бои под

Верхне-Уральском и Оренбургом против казачьих полков ген. Дутова. Астраханское казачество, после февральского восстания и обезоружения, оставалось нейтрально. Уральское казачество свои вооруженные силы группировало по границе Самарской губернии в двух направлениях: Уральск - Саратов и ст. Сломихинская — Новоузенск. Из этих районов казачьи отряды производили налеты на территорию Николаевского (Пугачевского) и Новоузенского уездов и имели небольшие столкновения с пограничными красногвардейскими отрядами крестьян (см. схему на стр. 127).

К этому времени тыл Уральской белой армии, очищенный от революционного элемента, который был или арестован, или расстрелян, являлся надежным для ведения боевых действий против нас. Отряды Красной гвардии т. Загуменного, переименованные в «Особую армию», были расположены в районе Озинки в следующем составе:

Название отрядов	Штыков	Сабель	Орудий	Пулеметов	Бронемашин	Бронепоездов	Аэропланов
Сапожкова	1000	100	4	20	—	—	—
Саратовский	700	—	6	30	1	1	5
Тамбовский	500	—	2	12	—	—	—
Чапаева	600	100	4	20	—	—	—
Шевелева	500	100	2	20	—	—	—
Саратовский кав. полк	—	275	—	3	—	—	—
Демидкина	300	—	—	5	—	—	—
Бердихина [1]	—	—	—	—	—	—	—
Итого	3600	575	18	110	1	1	5

Состояние нашего тыла было далеко неустойчивое. В разных местах вспыхивали восстания кулаков, которые сильно нервировали красное командование, а местные советы, в связи с подавлением повстанческого движения, не могли выделить свою наличную вооруженную силу на борьбу с уральским казачеством и направляли на фронт весьма слабые силы; поэтому из 15—20 тысяч вооруженных

[1]) Бывший офицер гусарского полка, сбежал к белым на автомобиле 29-го августа 1918 г., так как подлежал аресту за свою шпионскую деятельность в пользу войскового правительства.

красногвардейцев непосредственно на фронте участвовало не более 5 тысяч человек.

Наступившая весенняя распутица не останавливала бойцов от предстоящего похода, политико-моральное состояние было отличным, и красногвардейцы надеялись к пасхе вернуться домой и поспеть на полевые работы.

Принятый план военных действий заключался в захвате железной дороги Саратов—Уральск, в обеспечении ее путем занятия станций гарнизонами и быстром затем натиске на город Уральск, как адми-

Тов. Чапаев и его сподвижники: т. Бубенец (слева) и т. Кутяков (справа)— одни из первых организаторов отрядов Красной гвардии в Поволжье.

нистративный центр; по взятии Уральска предполагалось вооружить рабочих и иногороднее население, в частности—переселенцев с Украины и Зауралья, при помощи которых заняться разоружением станиц, т.-е. применить методы астраханского похода. На проведение намеченной операции рассчитывалось потратить только один май месяц.

В 13 час. 2-го мая «Особая армия» перешла в наступление на ст. Семиглавый Мар. Для охраны жел. дороги остались два эскадрона Саратовского кав. полка—на ст. Алтата и Хвалынская рота пехоты—на ст. Чалыкла и Демьяс. Остальные отряды, раскинувшись длинной цепью вдоль линии железной дороги, двигались в следующем порядке: на правом фланге шел отряд Сапожкова, за ним—отряды Шевелева и Демидкина; на левом двигался отряд Чапаева;

в резерве, на расстоянии 4—6 *км*, раскинувшись такой же цепью, шли Саратовский и Тамбовский отряды. Артиллерия и пулеметы двигались в центре при своих отрядах.

Такой порядок движения в виде карре был принят сообразно тактике казачьей конницы, способной быстро маневрировать на поле боя, внезапно появляться там, где ее не ждут, активно действовать разведывательными отрядами с их неизменными атаками с тыла и во фланг. Положительные стороны карре заключались уже в том, что давали возможность без промедления, а самое главное—без всяких перестроений, вступать в бой с конницей противника; отрицательные—в медленности движения, так как скорость не превышала 2—3 *км* в час.

Отряды двигались без привалов. Темнота ночи и редкая стрельба казачьих разъездов со всех сторон нервировали и беспокоили уставших бойцов; карре часто останавливалось; движение замедлялось. Все это заставило Чапаева отделить свой отряд от общего карре и двинуться по горной местности через хутор Коровин в тыл расположения казаков на Семиглавый Мар. Отряд Сапожкова, последовав примеру Чапаева и взяв направление несколько на юг, также ускорил свое движение (см. схему на стр. 131).

Отряд Чапаева без особого труда совершил свой маневр и был обнаружен только тогда, когда спускался с гор на Семиглавый Мар. Казаки не приняли боя и поспешно начали отступать в направлении ст. Шипово, не успев взорвать железнодорожный «американский» мост, захваченный отрядом Сапожкова. После небольшого отдыха Чапаев двинулся преследовать казаков и в 18 часов, после небольшого боя, занял хутор Карепанов, что в 11 *км* северо-восточнее ст. Семиглавый Мар. Такое проявление Чапаевым и Сапожковым инициативы дало возможность остальным отрядам ускорить свое движение и занять Семиглавый Мар. Штаб армии и поезд снабжения оставался на ст. Озинки. Потери с нашей стороны—5 человек убитыми; со стороны противника—36 раненых.

Бойцы приступили к рытью круговых окопов, что давало возможность встречать конные атаки казаков как с фланга, так и с тыла. В 13 часов окопы (лежа) были готовы. Атака казаков 1-го и 3-го учебных полков под командой полковника Курина на Семиглавый Мар была отбита артиллерийским и пулеметным огнем. С нашей стороны потерь не было.

Перед закатом солнца со стороны ст. Шипово появилась цепь противника до 600 шт., на левом фланге замаячила конница до 500 сабель, а по отряду Сапожкова был открыт артиллерийский огонь; казаки под прикрытием огня из 2 орудий вновь бросились в атаку на Семиглавый Мар. Пока было светло, атаки противника отбивались огнем, и успех был на нашей стороне. Наступившая

темнота резко изменила положение. Отряд Сапожкова был окружен, у нас началась неустойка, и коннице противника удалось прорваться сквозь нашу цепь. В центре окопного круга не было спасения; бойцы стреляли по всем направлениям, и пули летели в нашу артиллерию. Положение становилось критическим.

В это время Чапаев, находившийся в 5 *км* от отряда Сапожкова, оставив небольшой отряд против 1—2 сотен казаков, которые демонстрировали против него, с остальными бойцами двинулся в промежуток между ст. Семиглавый Мар и «американским» мостом,

Карта района действий Саратовской Красной гвардии между Саратовым и Уральском.

прорвал линию расположения казаков и соединился с Сапожковым. Пулеметы Чапаев бросил на защиту Семиглавого Мара, а пехота вступила в бой с казаками. Противник, не выдержав натиска, почти в панике начал отступать: конницей по направлению форпоста Чижинский, пехотой на ст. Шипово. Поздно ночью бой затих. В этом бою мы потеряли 50 убитыми и 20 ранеными; со стороны противника было убито 20 человек и около 200 лошадей.

На следующее утро на всех возвышенностях вокруг расположения «Особой армии» маячили казачьи пикеты, но какие силы скрывались за возвышенностями,—оставалось неизвестным, так как наша конница не принимала казачьих атак, а разведка велась на расстоянии не более 5—8 *км* от расположения своих частей, при

чем бои наших разведывательных партий как конных, так и пеших, почти всегда оканчивались победой противника.

В 10 часов утра, согласно приказа т. Загуменного, отряды перешли в наступление на ст. Шипово. На правом фланге двигался Сапожков, на левом—Чапаев; в центре двигался отряд Демидкина, за ним, на расстоянии 4—6 *км*, прикрывая тыл, шел Саратовский отряд. Отряд Шевелева в качестве гарнизона был оставлен на ст. Семиглавый Мар. Движение было медленным, так как казачьи разъезды все время производили атаки на фланги и на тыл. Около 14 час. на линии горы Б. Ичка, в 10 *км* от ст. Шипово, центральные отряды были встречены артиллерийским огнем с бронепоезда противника. Отряды остановились, залегли в цепь; завязался упорный огневой бой с офицерской дружиной. Так как красные бойцы не охраняли своих флангов, то они были открыты для ударов коннице противника. Левый фланг нашего расположения, занятый отрядом Чапаева, был защищен рекой Деркул, а правый фланг, занятый отрядом Сапожкова и открытый со стороны хутора Беленького, подвергался атакам казаков и был вынужден отступать, загибая вправо. Чапаеву приходилось не раз часть своих сил бросать на выручку отряда Сапожкова, что в значительной степени замедляло наступление на офицерскую дружину, защищавшую ст. Шипово.

По приказанию т. Загуменного на правый фланг была переброшена вся артиллерия и бóльшая часть пулеметов. Отряду Сапожкова приказано было удерживаться, а отрядам Чапаева, Демидкина и Тамбовскому—атаковать позицию офицерской дружины. Офицерская дружина не приняла атаки и отступила через ст. Шипово на Деркул. Преследуя противника, наши части заняли ст. Шипово, но в это время с фланга показалась лава казаков, несущаяся на Тамбовский отряд. Навстречу казакам было брошено 26 пулеметов на тачанках, и атака была отбита. До наступления темноты, кроме ст. Шипово, была занята и ст. Каменная. Бойцы, окопавшись, расположились цепью на окраинах занятых пунктов. В этом бою мы потеряли 30 человек убитыми и 50 ранеными; противник—10 человек убитыми и 50 лошадей.

Казачье население занятой станицы, в связи с контр-революционной агитацией, что большевики вырезают всех от старого до малого, поголовно все ушло в сторону Уральска, оставив на произвол судьбы свое имущество.

3-го мая отрядам была дана дневка. Высылавшаяся по направлению ст. Деркул и хут. Чижинского конная разведка не могла продвинуться вглубь и возвращалась каждый раз без всяких результатов. Утром 4-го мая части выступили для занятия ст. Деркул и форпоста Зеленовский. Чапаевский отряд совместно с отрядом Демидкина двигался в авангарде, на правом фланге шел Сапожков;

Саратовский отряд двигался в резерве; гарнизоном на ст. Шипово был оставлен Тамбовский отряд. Через два часа после выступления отряд Сапожкова попал под артиллерийский огонь противника, открытый с горы Сундуки, что в 10 *км* юго-западнее ст. Деркул, а затем подвергся внезапной атаке конницы противника, численностью около 2.000 человек. Отряд Демидкина взял вправо и соединился с левым флангом Сапожкова, и огнем обоих отрядов атака была отбита.

В это же время Чапаев вел наступление на пехоту противника, расположившуюся на выгодной позиции, на левом фланге которой группировалась конница до 1.500 сабель. Когда Чапаевская пехота подошла на расстояние 800 метров к позиции противника и казачья масса бросилась в атаку на тыл Чапаевского отряда, имея в руках лишь пики и нагайки (шашек было немного, не говоря уже о винтовках), отряд Чапаева прекратил свою атаку, залег и опять начал огневую борьбу. Артиллерия и часть пулеметов перенесли свой огонь с окопов казаков на атакующих партизан. Последние не выдержали и бросились обратно в горы. Тов. Загуменный приказал Сапожкову во что бы то ни стало взять гору Сундуки; во время этого наступления появляется конница и вторично бросается в атаку; атака вновь была отбита, и бойцы Сапожкова захватили высоты горы Сундуки.

Чапаев, видя успешные действия Сапожкова, переходит в атаку на офицерскую дружину, которая не выдержала атаки и отступила через ст. Деркул на Переметную, а конница противника отошла в южном направлении на хутор Лагашкин и Астраханский, вероятно, с целью держать наш правый фланг и тыл под угрозой удара. К вечеру наши части заняли ст. Деркул и форпост Зеленовский; жители и здесь, оставив все свое имущество, ушли с отступающими белыми войсками.

В этом бою, длившемся в течение 8 часов, мы потеряли 60 человек убитыми, 40 ранеными; со стороны противника было убито 150 человек и до 200 лошадей. Противник не преследовался, и отряды расположились на ночлег: в форпосте Зеленовском—отряды Сапожкова, Демидкина и Саратовский, а на ст. Деркул—отряд Чапаева. В занятых пунктах было выставлено кольцевое охранение. Ночь 5-го мая прошла спокойно.

За это время в районе ст. Семиглавый Мар была исправлена линия железной дороги, по которой без особых затруднений, но при соответствующей охране, двигались поезда. Утром 5-го мая из Шипова прибыл поезд с огнеприпасами, прорвавшийся через фронт противника, при чем охрана, вместе с начальником движения тов. Камериным, была переранена. Прибывшие бойцы сообщили, что на рассвете казаки произвели одновременный налет на станции

Семиглавый Мар и Шипово и обе станции в настоящее время заняты противником. На основании этого сообщения, т. Загуменный созвал совещание всех командиров отрядов для обсуждения создавшегося положения. Совещание длилось около трех часов; начальник штаба т. Молдавский настаивал на продолжении наступления на г. Уральск, а т. Загуменный, к которому присоединилось большинство командиров, не соглашался вести наступление, потеряв связь с Саратовым, и совещание решило начать отступать. Коннице и бронированному поезду т. Богданова было отдано приказание двинуться на ст. Шипово. Однако конница и бронепоезд не успели пройти и 8 *км* от ст. Деркул, как были окружены казаками.

Весь день 5-го мая прошел относительно спокойно, но к вечеру с востока появилась пехота, а с юга—крупные конные массы. Всю ночь бойцы не спали, готовясь к нападению противника. В полдень 6-го мая отряды начали отход на ст. Шипово в следующем порядке: отряды Демидкина и Саратовский с бронепоездом шли в авангарде; на левом фланге уступом шел Сапожков, в арьергарде двигался Чапаев. Артиллерия—в центре карре при своих отрядах.

С большим трудом и выдерживая частые атаки казаков, пришлось отступать красным отрядам, и только к вечеру им удалось достигнуть ст. Шипово, где они соединились с двумя ротами Тамбовского отряда и заняли имевшиеся там окопы. Ночь прошла спокойно, хотя расположение отряда изредка обстреливалось казаками. В продолжение всего дня, во время отступления, на далеком расстоянии видно было зарево и густой дым над ст. Деркул. За время движения с нашей стороны было убито 30 человек и ранено 20. На ст. Шипово был выяснен характер произведенного на рассвете 5-го мая казачьего налета.

В этом налете принимали участие партизаны Чижинских станиц и ст. Каменной, численностью около 1.000 сабель, под командой полковника Горшкова. Партизаны были выбиты со станции с большими для них потерями, и на поле боя они оставили 200 человек убитыми и столько же лошадей.

Утром 7-го мая из Алтата в Шипово прилетел самолет. Летчик передал донесение, в котором сообщалось, что днем 4-го мая в окрестностях Семиглавого Мара появилась конница противника (1-й и 3-й учебные казачьи полки). Начальник гарнизона т. Шевелев потребовал из Шипова помощи, которая оказана была ему двумя ротами Тамбовского отряда.

Вечером того же дня казаки перешли в наступление на ст. Семиглавый Мар, но хотя и были отбиты, потеряв человек 30 убитыми, однако т. Шевелев отдал приказ об отступлении на ст. Озинки. Протест помощника начальника штаба т. Усанова, прибывшего из Саратова, успеха не имел. Казачьи полки энергичным образом

стали преследовать отступающих. По прибытии на ст. Озинки противник окружил отряд конными пикетами и, не переставая, вел по окопавшимся бойцам ружейную стрельбу. Весь отряд был настроен панически, и на совещании командиров было решено оставить ст. Озинки и продолжать отступать до ст. Алтата, там отдохнуть, привести себя в порядок, а затем перейти в наступление на ст. Семиглавый Мар.

Командующий войсками т. Загуменный, получив указанное донесение, решил прекратить дальнейшее отступление и укрепиться главными силами на ст. Шипово. Начальнику штаба т. Молдавскому было приказано вылететь на самолете в отряд Шевелева и заставить его вновь взять Семиглавый Мар.

Карта района действий Саратовской Красной гвардии на подступах к Уральску.

К вечеру 7-го мая тов. Молдавский прилетел на ст. Алтата, куда к этому времени прибыл отступивший отряд Шевелева. Здесь было устроено совещание командиров, на котором, при разборе причин отступления, обнаружилась виновность т. Шевелева, и он по приказанию начальника штаба был арестован, а на его место был назначен т. Баулин.

На следующий день, в 10 часов, был отдан приказ о наступлении на ст. Озинки и далее – на Семиглавый Мар. Однако в назначенный для выступления час красногвардейцами был устроен митинг, на котором было постановлено в наступление не итти, тт. Молдавского и Усанова арестовать и расстрелять, а т. Шевелева освободить. Только полученный из Саратова от т. Антонова приказ,

осуждающий действия красногвардейцев, остановил расстрел, и Молдавский с Усановым были освобождены, освобожден был и т. Шевелев, а красногвардейцы вновь разбились на два отряда, в зависимости от их происхождения из сел Духовницкого и Липовки.

Таким образом, образовалось два отряда: один под командой Баулина, другой—под командой Шевелева. 9-го мая эти отряды совместно с двумя ротами Тамбовского отряда двинулись по направлению ст. Озинки и к вечеру достигли ст. Демьяс и Чалыкла.

В это время главные силы «Особой армии» продолжали укрепляться на ст. Шипово. Противник подтягивал крупные силы и готовился перейти в наступление. Отдельные смельчаки-казаки вплотную подъезжали к нашим позициям и криками: «сдавайся, ваш Саратовский совет разогнан» и проч., старались повлиять на моральное состояние красногвардейцев; большинство этих казаков было убито.

С утра 9-го мая начались конные и пешие атаки казаков, успешно отбиваемые нашим огнем; эти атаки продолжались весь день и всю ночь. На рассвете следующего дня обнаружилось, что наши части располагают небольшим запасом патронов и снарядов. Сведений от начальника штаба и Шевелевского отряда не поступало. Тов. Загуменный отдает приказ об отступлении, и в 8 часов 10-го мая наши отряды с большим трудом, отбиваясь от противника и медленно отступая, к 17 часам достигли Семиглавого Мара, откуда, ввиду угрозы окружения, быстро отступили к ст. Озинки, куда и прибыли поздно ночью. Небольшому отряду конницы противника все же удалось во время отхода атаковать Сапожкова и Чапаева и зарубить около 100 наших бойцов; противник также потерял много людей убитыми.

Таким образом, 11-го мая ни одного отряда Красной гвардии не было уже больше на земле бывшего Уральского казачьего войска, и среди Красной гвардии, после беспрерывных боев и отступления, появилась усталость, и ей потребовался отдых.

В то время, когда отряды «Особой армии» еще вели бои под ст. Шипово, группа полковника Бородина перешла в наступление, на Сломихинском фронте, на Александров Гай и, выбив защищавшего этот пункт Винермана, угрожала наступлением через Новоузенск отрезать войска Загуменного от Саратова.

Бойцы из отряда Сапожкова, узнав об угрозе Новоузенску, собрались на митинг и решили немедленно двинуться на защиту своих сел и семейств. Остановить их было нельзя, и 11-го мая они покинули Озинки и ушли в Новоузенск. Одновременно было получено известие, что в Николаевском (Пугачевском) уезде, в селах Вязовка, Семеновка и других, вспыхнуло восстание кулаков, которые убили

членов совета, разбили отряд тов. Чекова, численностью до 800 штыков, отняли два орудия и вместе с партизанами-казаками вырезали в селе Семенихе 120 красногвардейских семей[1]).

Красногвардейцы Пугачевского уезда потребовали от своих командиров вести их для расправы с кулаками, но так как командование армии этого не разрешило, то отряды самовольно покинули в ночь на 12-е мая Озинки: Чапаев двинулся в Вязовку, Топорков и Баулин — в Любицкое, Шевелев ушел в Семениху, а отряд Демидкина самовольно разошелся частью по домам, частью влился в другие отряды.

В распоряжении штаба армии на ст. Озинки остались Саратовский и Тамбовский отряды.

Белому командованию было известно о разложении Красной гвардии и о кулацких восстаниях в тылу. По всем направлениям были посланы партизанские отряды для оказания помощи повстанцам и свержения власти Советов. Наше командование переживало тяжелые дни.

Когда на рассвете 12-го мая под ст. Озинки появилась конница противника, то оставшиеся отряды покинули Озинки и отступили в Алтату, преследуемые казачьей конницей. По прибытии в Алтату было приступлено к укреплению этого пункта; отряды были реорганизованы в роты, батальоны и полки, объявлен был добровольный набор красногвардейцев среди местного населения; но среди командования начались разногласия, и тов. Загуменный выехал в Саратов с докладом Совету.

Отряд Сапожкова быстро двигался к Новоузенску, и казаки захватить его не успели; остальные отряды начали подавлять повстанческое движение в селах. Но кулаки, участвовавшие в восстании, сорганизовав так-называемую «семеновскую дружину», численностью в 1.000 человек, успели уйти с казаками; до ликвидации Уральского фронта эта дружина упорно и стойко дралась на белой стороне, при чем применяла особую жестокость как по отношению к пленным красногвардейцам, так и вообще к лицам, сочувствующим советской власти.

Кулаки Новоузенского уезда также организовали свою боевую дружину, называвшуюся «краснореченской», которая насчитывала в своих рядах около 700 человек[2]).

Уральские казаки, захватив бóльшую часть территории Николаевского и Новоузенского уездов, по линии Б. Глушицы—Новоузенск, приступили вместе с кулаками к избиению и расстрелу бедняков и членов советов; особенное ожесточение проявляли

---

[1]) Кулаки настолько озверели, что убивали не только мужчин, но и женщин и детей.

[2]) Ядро этой дружины было создано из кулаков хутора Красной Речки.

вооруженные дрекольем и самодельными пиками кулацкие дружины, мстившие за раздел имущества.

Поражение Красной армии в ее походе на Уральск всколыхнуло все антисоветские элементы не только в селах, но и в городах. В Саратове вспыхнуло восстание в гарнизоне, к которому примкнуло много контр-революционных сил; во главе восставших встали бывшие офицеры.

Повстанцы вступили в бой с рабочими и артиллерийским огнем громили здание совета. Тов. Молдавский, получив о восстании телеграмму от тов. Антонова, с шестью ротами пехоты, пулеметной командой, броневиком и шестью орудиями погрузился в жел.-дор. эшелоны и 18-го мая прибыл на ст. Увек. Выгрузившись, отряд в боевом порядке подошел к городу, и повстанцам было послано предложение—в течение часа сдать свое оружие. Ввиду отказа был открыт артиллерийский огонь по площадям, занятым восставшими, и через час красногвардейцы перешли в наступление. До наступления темноты в разных местах города шла беспорядочная стрельба из ружей, пулеметов и артиллерии. Наш отряд с присоединившимися к нему рабочими успешно подвигался вперед, и поздно ночью повстанцы были разбиты, потеряв много убитых, в плен было взято 800 человек, направленных затем в распоряжение Чека.

В связи с этим восстанием из центральных городов Советской республики было отправлено несколько отрядов Красной гвардии на помощь саратовским рабочим. Так, 19-го мая из Москвы прибыл Сокольнический батальон в 600 штыков; из Пензы — отряд в 800 штыков[1]) и из Балашова—700 штыков[2]).

Распад «Особой армии» и повсеместное восстание кулаков и буржуазии заставило не только коммунистическую партию, но и все бедняцкое население тверже стать на защиту октябрьских завоеваний.

Во всех волостях и уездах начались чрезвычайные съезды, на повестке дня которых стоял важный вопрос: создание мощной вооруженной силы.

Вскоре была объявлена мобилизация рабочих, организованных в профсоюзы, а партия в качестве рядовых бойцов направила в отряды лучших своих представителей.

Во время этой напряженной работы эсеры продолжали свою деятельность. Так, в Николаевске (ныне Пугачев), где происходил

---

[1]) Впоследствии из этого отряда был создан 190-й стрелковый Пензенский полк 22-й стрелковой дивизии.

[2]) Из Балашевского отряда был развернут 191-й стрелковый Балашевский полк 22-й стрелковой дивизии.

5-й чрезвычайный съезд советов, ими была брошена бомба, которая, к счастью, не разорвалась и не причинила никому вреда; в то же время они работали по организации из зажиточных крестьян белых отрядов, с которыми переходили на сторону казаков. Вообще, весь этот период являлся разгаром классовой борьбы между рабочими и бедняками деревни — с одной стороны, казаками и кулаками—с другой.

В такую трудную минуту эсеры и большинство интеллигенции перешли на сторону противников советской власти.

Поражение Красной гвардии в первом походе на Уральск заставило как участников этого похода, так и партийный и советский аппарат принять срочные меры, во-первых, к поднятию дисциплины в красногвардейских отрядах, путем влития туда в качестве рядовых бойцов ответственных партийных и профессиональных работников; во-вторых, для борьбы с сепаратными и партизанскими действиями некоторых командиров отрядов к ним были назначены политические комиссары, а также было приступлено к реорганизации отрядной системы: отряды переименовывались в роты, батальоны и сводились в полки и бригады.

В. ШОРИН

БОРЬБА ЗА УРАЛ

(ИЗ БОЕВОЙ ЖИЗНИ 2-Й АРМИИ)

ОБСТАНОВКА, ПРЕДШЕСТВОВАВШАЯ СОЗДАНИЮ 2-И АРМИИ

НАЧАЛА лета 1918 года стала усиливаться контр-революционная деятельность врагов Советской России. Сорганизовавшееся под защитой чехо-словаков Временное сибирское правительство в Омске и Комитет учредительного собрания в Поволжьи начали формировать силы для борьбы с советской властью.

К указанному времени главные силы чехо-словаков и белогвардейщины концентрировались на линии Симбирск—Самара, распространяя свою деятельность и далее—вверх по Волге. В августе им удается захватить Казань, но последняя вскоре очищается от белогвардейцев.

Стихийно сорганизовавшиеся небольшие красные отряды в Поволжьи в борьбе с хорошо вооруженными и обученными чехословацкими войсками неспособны были проявлять упорство и устойчивость, вследствие малочисленности и отсутствия руководства, и под напором чехов вынуждены были очищать важнейшие населенные центры. Единственное, что могли противопоставить отряды в этой борьбе, это—энтузиазм и понимание задач, стоявших перед советской властью..

В июне 1918 г. дружины Уфимского народного вооружения, не выдержав напора чехо-словаков, ушли из-под Самары, но задерживаются у Кинеля для обороны Самаро-Златоустовской железной дороги и здесь получают руководство над собою в лице Блохина. В Уфе в это время, под руководством партийных организаций, из рабочих с заводов, разбросанных по Уралу, формируются отряды, численность коих достигает 3.000 человек, и направляются

на станцию Чишму для защиты дорог Самаро-Златоустовской и Бугульминской, но сдержать напор чехов не могут, оставляют Уфу и спешно уходят на пароходах по р. Белой и далее по р. Каме в Николо-Березовку (40 *км* ю.-в. Сарапуля). Собравшиеся в Николо-Березовке отряды вновь повели наступление против чехов и белогвардейцев, в направлении Бугульмы, при чем им удается захватить город, но вскоре они были разбиты и вынуждены отойти в исходное положение.

В начале августа в Сарапуле сосредоточиваются: 1-й оперативный продовольственный полк 4-й Петроградской дивизии, часть отрядов, отошедших из-под Казани, и все те отряды, которые были в Николо-Березовке. Этими-то отрядами и кладется основание для создания будущей 2-й армии.

К этому времени чехо-словацкое и белогвардейское движение, успешно распространяясь, докатывается до р. Камы. Для удержания хлебных центров—Елабуги, Мензелинска и Чистополя—из Сарапуля направляется сильный отряд под командой Блохина, но до намемеченной цели ему дойти не удается, так как эти районы уже были охвачены восстанием.

В августе вспыхивает в г. Ижевске большое восстание, которое перебрасывается на соседний завод в Воткинске, и в эти районы начинают сосредоточиваться значительные белогвардейские силы. Для подавления восстания в Ижевске из Сарапуля направляется отряд, но дойти до очага восстания ему не удалось, и на станции Агрыз, Казань-Екатеринбургской железной дороги, отряд был окружен белогвардейскими силами (см. схему на стр. 154).

Оставшиеся в Сарапуле силы, к которым присоединились отступавшие от Елабуги, а также прорвавшиеся к Сарапулю отряды, не могли устоять против натиска чехо-словаков и вырвались из рук управления; часть этих отрядов бросилась к рр. Каме и Вятке, захватила пароходы и, грузя на них награбленное по дороге, стремительно поплыла вверх по реке Вятке, пьянствуя и распространяя по пути самые фантастические и нелепые слухи; те, кто не успел сесть на пароходы, продолжали в беспорядке отходить по берегам рек и по линии Казань-Екатеринбургской жел. дороги в направлении на Вятские Поляны, мобилизуя в свои отряды крестьян Елабужского, Чистопольского и Мамадышского уездов.

В первых числах сентября 1918 г. в Вятку из центра командируются тт. Григорий Яковлевич Сокольников, Сергей Иванович Гусев и ныне покойный уже Павел Карлович Штернберг, с мандатами членов Революционного военного совета 2-й армии и приказом восстановить армию. В Вятке новым составом Реввоенсовета приглашается бывший офицер старой армии т. Шорин, ранее добровольно изъявивший желание служить в рядах Красной армии.

Ко времени приезда в Вятку членов Реввоенсовета 2-й армии о последней стали доходить сведения, что она в полном развале, что армии, собственно говоря, никакой нет, а есть только обломки: отряд Азима где-то под Казанью, отряд Чевырева, окруженный под Агрызом (45 *км* зап. Сарапуля), какой-то Мензелинский отряд неустановленной численности, да еще мелкие отряды в районе Вятских Полян и южнее. О численности всех этих отрядов никто не знал. В Вятке находились первичные зародыши штаба армии, который связи с полевым штабом не имел, где этот полевой штаб находится,—известно не было; приблизительно местопребывание его намечалось в районе Вятских Полян.

Реввоенсовету становилось ясным, что в первую очередь необходимо как можно скорее восстановить связь с полевым штабом и его отрядами; сделать это можно было одним единственным способом—немедленной поездкой на фронт; одновременно с этим решено было для противодействия дальнейшему распространению белогвардейских банд безотлагательно принять меры по укреплению района г. Котельнича и обеспечению там железнодорожного моста от захвата и взрыва, а также построить окопы у сс. Медвецкого и Петровского по реке Вятке (южнее Волинска на 25 *км*), примерно, на батальон.

Реввоенсовет постановил: выехать на фронт тт. Шорину и Гусеву. Для приведения же в порядок и для налаживания работы тыла в Вятке остался тов. Штернберг. В Особую дивизию, которая вела борьбу юго-восточнее Вятки, но была крайне дезорганизована и была близка к полному развалу, был направлен тов. Сокольников.

СОСТОЯНИЕ ФРОНТА И ЕГО БЛИЖНЕГО ТЫЛА

8-го сентября тт. Шорин и Гусев с двумя-тремя сотрудниками и не значительным количеством военного имущества, без всякого конвоя, на небольшом пароходе отплыли вниз по р. Вятке—на линию фронта. По мере движения по реке, на попутных пристанях стали получаться непроверенные сведения о захвате белыми устья р. Вятки, об овладении ими г. Мамадышем, Сокольими Горами и об обстреле орудийным огнем ж.-д. моста через р. Вятку у Вятских Полян. Чем дальше пароход спускался вниз, тем чаще стали попадаться тянущиеся в кильватерных колоннах пассажирские пароходы, буксиры с баржами, госпитальные суда и даже остатки боевой речной флотилии. Все это панически отступало; находившиеся на этих пароходах красноармейцы и матросы представляли совершенно разложившийся элемент, держали себя вызывающе, никаких приказов исполнять не желали; на пути грабили селения, пьянствовали. Остановить этих панически настроенных людей никто не был в силах, хотя попытки

к этому и делались. Чтобы разыскать месторасположение полевого штаба и установить с ним связь, пароход делал остановки у тех селений, где имелись почтово-телеграфные конторы, но безуспешно, и только от одного из встреченных пароходов удалось узнать, что полевой штаб находится в Малмыже, куда мы и прибыли 12-го сентября.

Полевой штаб помещался на пассажирском пароходе; в нем находился временно командующий армией т. Максимов, политический комиссар т. Котомкин, начальник штаба т. Кольчевский, несколько сотрудников, один телеграфист с аппаратом Морзе и ряд политических работников.

Все эти лица произвели удручающее впечатление; вследствие целого ряда неудач и отступлений они были измучены, лишились всякой энергии и желания работать; настроение у всех было подавленное.

От временного командующего каких-либо ценных и подробных сведений о действиях его отрядов и о противнике получить не удалось. Связь была лишь с ближайшими к штабу отрядами, так как для связи с более удаленными средств не имелось. Все виденное приводило к заключению, что в сущности армии никакой не существует и что нужно заново строить 2-ю армию. Одновременно с этим принято было решение, по которому полевому штабу нужно не оставаться в Малмыже, а приблизить себя к своим отрядам, восстановить с ними связь, привести их в порядок, а затем уже приступать к боевым действиям.

Решение это было приведено в исполнение. Полевой штаб на пароходе переехал в Вятские Поляны.

НАЧАЛО СОЗДАНИЯ 2-Й АРМИИ

По прибытии 13-го сентября в сел. Вятские Поляны выяснилось, что никаких боевых действий в районе этого селения не происходило и не было признаков, которые бы указывали на непосредственную близость неприятеля.

Немедленно, рядом принятых мер, начала восстанавливаться связь с теми отрядами, которые были в районе Вятских Полян, и с отрядами, разбросанными по р. Вале (что в 70 *км* с.-в. селения Вятские Поляны). Все эти отряды не представляли каких-либо организационно-тактических единиц; то были разнообразные, малооформленные и весьма слабо сплоченные отряды; некоторые из них носили названия групп, полков, отрядов, были и маршевые роты продовольственных полков.

Вести борьбу с такими отрядами, ясно, было нельзя. Нужно было объединить все эти отряды, придать им организованную форму,

назначить начальников из опытных военных людей. Во исполнение этого решения и был дан следующий приказ [1]):

> 50-я, 51-я, 52-я маршевые роты Московского продовольственного отряда сводятся в батальон; отряды Елабужской и Мензелинской групп составляют 2-й батальон; отряды тт. Анисимова и Никулина составляют 3-й батальон. Все три батальона сводятся в 1-й сводный полк, командиром полка назначается тов. Крымкин.
>
> Артиллерия, состоящая в этих отрядах, со всей материальной частью, обозом и людьми передается в распоряжение командира Смоленского полка.
>
> 39-я, 40-я, 53-я маршевые роты составляют 1-й батальон; 37-я маршевая рота, 1-я и 2-я роты Вятско-Полянского полка и отряд Савинцева составляют 2-й батальон; отряды Елабужский и Ржевский составляют 3-й батальон. Все три батальона сводятся во 2-й сводный полк; командиром полка назначается тов. Горелов. Артиллерия при этом полку формируется из 2 орудий Московского продовольственного отряда и из 3 орудий морской батареи. Политическими комиссарами назначаются: в 1-й сводный полк—т. Световидов, во 2-й сводный полк—т. Гамин и в 1-й Смоленский полк—т. Озоль.

Вслед за отдачей организационного приказа отдается оперативный приказ, в котором 1-му сводному полку приказывается разбить мелкие группы противника в районе Лубяна (30 *км* ю.-в Вятских Полян) и двигаться на Мамадыш для овладения последним. Частям, расположенным на р. Вале, подкрепленным свежими частями, подтверждалась прежняя задача: удерживать силы белогвардейцев от дальнейшего распространения на сев.-запад и наблюдать за их действиями со стороны Ижевска и Воткинска.

Такое быстрое решение в отношении отдачи боевого приказа основывалось на том, что бездействие будет разлагать части. Даже самому опытному командному составу будет трудно поддерживать дисциплину; боевая же обстановка сплотит, разовьет товарищество и при успехе боевых действий вселит веру в себя и в свои силы.

Насколько все были панически настроены, измучены отступлениями, насколько потеряли всякую веру в успех борьбы,- можно судить по тому, что как только был отдан боевой приказ о наступлении, то со стороны некоторых частей выяснилось явно недоброжелательное отношение к нему, с попыткой его не исполнять; но рядом принятых чрезвычайных мер боевой приказ был принят к исполнению.

Одновременно с проведением организационных форм в сухопутных частях, было обращено особое внимание на личный состав речной боевой флотилии, который, во главе с начальником, Бабкиным, совершенно развратился, никого не слушался, занимался пьянством и дележом награбленного; пришлось изъять преступный элемент, предать его суду вместе с Бабкиным и назначить нового

---

[1]) Приказ по 2-й армии 1918 г. № 38.

начальника, т. Гольцова. В то же время приступлено было к разгрузке флотилии от лишних, ненужных судов, к отобранию неположенного имущества и к ставке в затоны судов, требующих ремонта; все прочие были привлечены к выполнению боевых задач.

Не менее внимания было уделено очистке ближнего тыла от всех преступных элементов. В особенности было обращено внимание на пароходные пристани и железнодорожные станции, где шпионы противника легко могли собирать необходимые для себя сведения. Эта работа была поручена чрезвычайно-следственной комиссии.

14-е сентября следует считать днем основания 2-й армии, и с этого дня началась действительная история армии, как правильно организованной силы.

ФОРМИРОВАНИЕ 2-Й АРМИИ

Полевой штаб продолжал оставаться в Вятских Полянах, куда начали прибывать сотрудники, присланные из центра для замещения должностей как в строевых частях, так и в административных учреждениях. Собрался и весь РВС, за исключением Сокольникова, который продолжал оставаться в Вятской дивизии, временно приданной 2-й армии; продолжительное его пребывание в дивизии вызывалось тем, что дивизия попрежнему представляла из себя крайне недисциплинированную и небоеспособную часть.

В первые дни и недели, ввиду быстрого роста армии, перед РВС весьма остро стал вопрос о ее снабжении всеми видами довольствия. Запасов никаких не имелось, если не считать сотни полторы комплектов обмундирования и около 400 пудов продовольственных припасов; первое время некоторые части были на иждивении крестьян, но такое положение не сулило ничего хорошего. Получить же в скором времени из центральных органов снабжения все нужное было очень затруднительно из-за отдаленности и неналаженности транспорта.

По сформировании отдела снабжения на него пала тяжелая работа по обеспечению частей всякого рода довольствием, в особенности обмундированием и бельем, так как надвигалась зима, а отряды, которые вошли в состав армии, были одеты весьма плохо и разнообразно, снаряжения же не имели почти никакого. Отделу снабжения не оставалось другого выхода, как прибегнуть к реквизиции. В это время в г. Вятке находились эвакуированные уездные исполкомы и продкомы, и с разрешения РВС все более или менее пригодное и подходящее для армии было у них изъято; в особенности был богат Чистопольский уезд, у которого был даже живой скот. Немедленно были открыты пошивочные мастерские, где и шилось из реквизированных материалов обмундирование и белье. Впоследствии эти мастерские были расширены, а по взятии г. Сарапуля,

где были большие кожевенные заводы и склады готовой кожи, была организована на этих заводах и пошивка сапог.

Очень тяжело было с артиллерийским довольствием; его можно было достать только из центра, и то в весьма ограниченном количестве; приходилось принимать героические меры, чтобы расход боеприпасов производился бережно и ограниченно; равным образом было обращено внимание на сохранение оружия; для исправления и починки его были немедленно организованы оружейно-пулеметные и пушечные мастерские. Вместе с тем отдел снабжения организовал своими силами закупку продовольствия и фуража у окрестных крестьян. Дело это развернулось, в конечном итоге, настолько успешно, что явилась возможность отправить несколько маршрутных поездов с хлебом и скотом в Петроград.

По прошествии нескольких недель снабжение стало заметно улучшаться; все заявки армии на обмундирование и снаряжение стали выполняться без задержки. А с улучшением обмундирования и питания повысилось и моральное состояние армии.

Во второй половине сентября 1918 г. в армию прибыл отряд Азина, действовавший до сего времени под Казанью. Отряд был встречен в Вятских Полянах Реввоенсоветом 2-й армии, который, отметив заслуги отряда, благодарил его за боевые действия. Этот отряд состоял из мелких отрядов, подобно описанным выше, и во главе со своим начальником был насыщен партизанщиной. Отряд по прибытии был переформирован во 2-ю сводную дивизию в составе двух полков, артиллерийской бригады и кавалерийского полка. В состав этой дивизии вошли [1]): Полтавский батальон, названный 1-м батальоном; отряды Мартьянова, Хохлова, Шайхутдинова сведены были во 2-й батальон (оба эти батальона составили 1-й Полтавский полк под командой Головко); 3-й батальон этого полка составил Мензелинский отряд по восстановлении с ним связи; 3-й сводный полк составлен был из отрядов Вятского и Бирского, сведенных в 1-й батальон, и из отрядов Чистопольского и тов. Мурасина, сведенных во 2-й батальон; командиром полка был назначен т. Северихин.

Три эскадрона конницы образуют 1-й сводный кавалерийский полк; командиром полка назначается Турчанинов.

Из орудий, входивших в состав отряда, была сформирована артиллерийская бригада из одной легкой батареи и гаубичного взвода; командиром бригады был временно назначен Гудорин.

Начальником дивизии был назначен т. Азин; политическим комиссаром при нем—т. Кузьмин.

Прибывшие вскоре еще две батареи были приданы: 5-я Орловская—1-му Смоленскому полку; Московского продовольственного отряда—1-му сводному полку.

[1]) Приказ по 2-й армии 1918 г. № 38-Д.

ПЕРВЫЕ ВОЕННЫЕ УСПЕХИ

1-й сводный полк, получив задачу уничтожить мелкие группы противника в районе с. Лубяна, в короткое время рассеял эти группы, достиг Мамадыша и около 20-го сентября взял его; преследуя противника, полк выдвинулся к устью р. Вятки, в Сокольи Горы.

Хотя успех этот, по его масштабу, и был ничтожным, но значение его было велико: это была первая победа после ряда панических отходов,—она подняла моральное состояние духа среди формируемых частей, рассеяла все страхи и зародила веру в себя и в успех борьбы.

По взятии Мамадыша, на помощь 1-му сводному полку, для овладения Елабугой, куда стали уходить белогвардейские силы, были выдвинуты: 1-й Смоленский полк, кавалерийский полк дивизии Азина, шедший походным порядком из Казани (с задачей 1-му эскадрону, оставаясь в селе Благовещенске, что в 20 *км* южнее г. Мамадыша, освещать район Камы от г. Чистополя до устья р. Вятки, а двум другим эскадронам, направленным по тракту Малмыж—Елабуга, освещать этот район), и речная флотилия в составе двух вооруженных судов—для разведки устья р. Вятки и низовьев Камы и содействия огнем овладению Елабугой.

Ко времени прибытия из Казани отряда Азина уже с достаточной точностью выяснилось, что учредиловские войска сорганизовались в довольно крупные отряды по линии Казань-Екатеринбургской жел. дороги, со штабом в Ижевске. Сюда же докатилась часть белых отрядов, разбитых под Казанью; установлено было и присутствие чехо-словаков. Белогвардейское командование силою мобилизовало рабочих Ижевских и Воткинских заводов в свои отряды, а небольшая часть, по-обывательски настроенная, и добровольно вошла в их состав.

Вся местность вокруг Ижевска представляет большие лесные массивы со множеством рек и речушек, по берегам которых расселилось вотяцкое племя. Народ крайне некультурный, темный по своим воззрениям и верованию, совершенно не разбирался в тех событиях, которые происходили непосредственно вокруг него, а тем более во всей стране; соседями у него были татары, недалеко ушедшие по своей культурности от вотяков; поэтому белогвардейскому командованию легко было как вотяков, так и татар завербовывать в свои отряды.

В районе Агрыз (50 *км* западнее Сарапуля) находился, как об этом уже упоминалось раньше, наш отряд, силой более 2.000 человек, под командой уфимского рабочего т. Чевырева, посланного для подавления восстания в Ижевске. Отряд этот распадался на ряд небольших отрядов, составленных почти сплошь из татар и башкир;

хотя отряды и были вооружены, но они не были обучены; сильны же они были своею внутренней спайкой и влиянием Чевырева. Отряд уже давно был в белогвардейском окружении и не мог вырваться из кольца, несмотря на все попытки и усилия. Но и белогвардейские силы не смогли сломить упорства отряда, несмотря на свое превосходство над ним. Все сведения об отряде Чевырева получались через перебежчиков.

Для связи с отрядом и выручки его из тяжелого положения и было решено направить вновь формируемую дивизию Азина. Дивизия сосредоточивалась на станции Сюшинская для дальнейшего наступления вдоль жел. дороги Казань—Екатеринбург; одновременно дивизии предписывалось войти в связь с частями, которые держатся по р. Вале.

В конце сентября Елабуга, после ряда настойчивых атак молодых красных полков, пала; отряды белых стали отходить вверх по р. Каме. К этому времени подошла военная Волжская флотилия под командой Раскольникова; флотилия была временно включена в состав 2-й армии и приняла участие в преследовании отрядов, разбитых под Елабугой.

Наступление по линии жел. дороги Казань--Екатеринбург развивалось весьма успешно, несмотря на то, что противник при своем отступлении сжигал или разрушал все мосты, перекинутые через реки, которые при осеннем своем разливе могли создать ряд весьма трудно проходимых препятствий; но из этого затруднительного положения части выходили благополучно благодаря тому, что бывший при армии головной эксплоатационно-строительный железнодорожный отряд Комиссариата Путей Сообщения, следуя непосредственно за частями, при помощи окрестных крестьян и приданных из армии сапер, весьма часто вел свою работу по восстановлению разрушенных и сожженных мостов под огнем противника. Работой этой руководил инженер Белоцерковец, один из строителей Казань-Екатеринбургской железной дороги. Постройка мостов шла круглые сутки--ночью при зареве огромных костров—и настолько успешно, что не задерживала наступления частей.

Части 2-й сводной дивизии, ведя беспрерывно бои, сумели преодолеть не только силы противника, но и все местные препятствия, и неудержимо шли вперед. К концу сентября дивизия достигла станции Агрыз, где и произошла встреча с отрядом Чевырева.

Силы, которые были под Елабугой, по овладении последней энергично продолжали двигаться вверх по реке Каме, очищая район по обе стороны реки от белогвардейских банд. Часть же войск 1-й сводной дивизии со штабом была посажена на суда и отправлена в район Николо-Березовки.

Волжская военная флотилия шла вверх по реке Каме.

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ РАБОТА 2-Й АРМИИ

С каждым днем после 14-го сентября силы армии росли: формировались полки и другие роды оружия из тех пополнений, которые прибывали из центра, или из отдельных полков и маршевых рот, а равно из того людского материала, который накоплялся по мобилизации.

Отряд т. Чевырева, после соединения со 2-й сводной дивизией, имел в своем составе: роты Чевыревского отряда; 1-ю роту Петербургской продовольственной образцовой дружины; 1-ю и 2-ю роты Латышского батальона, 8-ю роту 4-го продовольственного полка; 9-ю и 10-ю роты Московского продовольственного полка. Все эти части были переформированы в 4-й сводный полк, который и вошел в состав 2-й сводной дивизии. Командиром полка был назначен т. Чевырев. Легкая батарея и взвод гаубичной батареи вошли в состав дивизии.

Одновременно со строевыми частями формировались или переформировывались и те отделы и учреждения, которые необходимы были для обслуживания армии.

Надо сказать, что большая и сложная организационная работа по созданию 2-й армии проходила с поразительной скоростью, с особым энтузиазмом и с особым желанием создать из 2-й армии такую силу, которая была бы способна во всех отношениях с успехом бороться с врагами, которые протянули руки к завоеваниям Октября.

С первых дней формирования армии большой заботой для РВС было создание политического отдела с опытными работниками, чтобы последний направлял всю свою деятельность на воспитание масс и внедрение в них сознательной дисциплины. Вскоре политический отдел начал издавать газету «Известия Второй Армии», где, главным образом, проводилась идея расширения и углубления переломного настроения в красноармейских массах, сообщение массам правильного понимания революционных событий, умение разбираться в политической обстановке и явлениях и т. д. Учреждены были чрезвычайно-следственная комиссия и военный трибунал; оба отдела с ревнивой настойчивостью стали очищать армию от всех вредных элементов как среди красноармейских масс, так и среди командного состава и оберегать моральное состояние армии.

К 1-му октября 2-я армия уже представляла реальную силу, вместе с тем продолжая стремительно расти во всех отношениях, внутренно крепнуть, а в своих первых боевых действиях закаляться, приобретать знание и умение бить врага. 28-го сентября командующим 2-й армией был утвержден т. Шорин.

ВЗЯТИЕ САРАПУЛЯ

По взятии станции Агрыз части 2-й сводной дивизии, оставив заслон на Ижевском направлении, повели наступление против Сарапуля, где засели учредиловские войска. Операция эта увенчалась полным успехом, и Сарапуль соединенными усилиями 2-й и 1-й сводных дивизий внезапным ударом 4 октября был взят. Противник

РВС 2-й Красной армии с сотрудниками штаба 2-й армии.
В центре: В. И. Шорин (командующий армией) и С. И. Гусев (член РВС).

спешно стал уходить частью на Воткинск, а частью на пароходах вверх по р. Каме.

Со стороны Ижевска противник сам перешел в наступление и потеснил заслон на ст. Агрыз, но дальнейшего развития успеха он не имел, благодаря принятым мерам.

Незадолго перед взятием Сарапуля было предупреждено исполнение крайне коварного и злодейского замысла, который по своей жестокости затмил бы времена Нерона. Через агентуру стали доходить сведения, что белогвардейское командование, арестовав

несколько сот рабочих и прочих трудящихся за сочувствие коммунистической партии и советской власти и посадив их в трюмы баржей, морило их голодом и подвергало всяким жестоким истязаниям. Когда же стало видно, что Сарапуль не удержится, то было решено баржу с заключенными сжечь, предварительно выведя ее на середину реки, а заключенных замуравив в трюмах. Чтобы спасти заключенных от этой страшной и кошмарной смерти, командование флотом, не задумываясь, решается на крайне рискованный поступок. Т. Раскольников с частью судов из флотилии, под белогвардейским флагом, подплывает к судам белых, стоящим у Гальян (30 *км* севернее Сарапуля), и здесь отдает приказание, как бы от имени белогвардейского командования, немедленно забуксирить баржу с заключенными для исполнения над ними приговора. Белогвардейцы, ничего не подозревая, беспрекословно подчиняются приказу и прицепляют баржу, которая благополучно уводится. Радость спасенных не поддается описанию. Сами же заключенные представляли собой ужасный вид: они были измождены от голода, едва держались на ногах, среди них много избитых и изувеченных; было большое количество полузамерзших, так как лишь немногие имели возможность воспользоваться старыми рваными рогожами и дырявыми мешками, чтобы укрыть себя от холода, который давал себя чувствовать, потому, что уже стояла глубокая осень.

При отходе из Сарапуля противник взорвал один пролет жел.-дор. моста через р. Каму. Так как эта дорога, при развитии дальнейших боевых операций в будущем, должна была играть для армии большую роль, то было решено немедленно начать восстанавливать разрушенную ферму моста; для этих работ был привлечен тот же головной строительный железно-дорожный отряд и инженер Белоцерковец. Ферма для этого моста была сооружена Воткинским заводом. Несмотря на зимнюю стужу, работы по восстановлению двигались весьма успешно, что нужно отнести к сознательности рабочих.

Взятие Сарапуля, одного из центров белогвардейского и чехословацкого засилия, значительно ободрило войска; по настроению чувствовалось, что они готовы продолжать борьбу до конца.

ВЗЯТИЕ ИЖЕВСКА

После взятия Сарапуля армия начала усиленно и серьезно готовиться к Ижевской операции, так как агентурная и войсковая разведка доносила, что здесь со стороны противника нужно ожидать сильного отпора, что к Ижевску стягиваются силы и собираются технические средства борьбы, а вся местность вокруг города укрепляется окопами и проволочными заграждениями. Становилось ясным, что тех сил, которыми располагала армия, недостаточно, что она

нуждается в пополнении, что и произошло в ближайшее время; части 1-й и 2-й сводных дивизий увеличиваются в своем составе. В середине октября прибывают в армию роты чрезвычайных комиссий: Московской, Тамбовской, Смоленско-Рязанской, Саратовской и Нижегородской. Из этих частей формируется 6-й сводный полк (приказ № 99) и зачисляется в состав 1-й сводной дивизии. Помимо вышеуказанных частей, в армию прибыли уже сформированные полки: Карельский, Пензенский и Мусульманский.

Но, не дожидаясь еще прибытия подкреплений, армия приступила к выполнению намечаемой операции, постепенно охватывая Ижевск со всех сторон, оттесняя противника к заводу и с боем занимая одну за другой деревни, лежавшие на юго-запад и юго-восток от Ижевска. С севера части Особой дивизии вели наступление на Воткинск.

Для обеспечения Ижевской операции от всяких случайностей и для предупреждения возможного контр-наступления со стороны противника, группировавшегося на левом берегу р. Камы, был выдвинут в район южнее г. Сарапуля Карельский полк, на который была возложена задача охранять устье р. Белой и не позволять неприятельским судам вытраливать мины, заложенные военной Волжской флотилией, до ухода ее с р. Камы в Нижегородский затон вследствие наступавших заморозков; вместе с тем полк должен был препятствовать неприятельской флотилии, уклонившейся от боя с Волжской флотилией и укрывшейся в р. Белой, прорваться к г. Перми для подачи помощи своим войскам, оперировавшим как против названного города, так и против сосредоточившихся в районе Ижевска частей, и вообще не допускать переправы через р. Каму неприятельских банд на линии Чеганда--Сарапуль.

Большое внимание было также уделено и истреблению тех мелких группировок белых, которые действовали к западу от Ижевска, а равно и ликвидации развившейся партизанщины со стороны стихийно сорганизовавшихся отрядов, которые под девизом борьбы с белыми, в сущности, творили всякие насилия, вымогательства и грабежи над крестьянами богатых сел, расположенных на реке Вале и ее притоках.

Опасность от действий всех этих отрядов становилась весьма большой и уже угрожала тылу войск, оперировавших против Ижевска, ввиду чего пришлось назначить Пензенский полк для борьбы, конфискации оружия и восстановления порядка в этом районе.

Бои под Ижевском 5-го, 6-го и 7-го ноября достигли большого напряжения; та и другая сторона дрались с большим упорством, неся большие потери. Этими боями подтвердились сведения агентуры, что вокруг всей территории завода противником вырыты окопы

с ходами сообщений в тыл и усилены проволочные заграждения. Войскам отдается приказ взять Ижевск 7-го ноября во что бы то ни стало.

7-го ноября, с утра, началась усиленная артиллерийская подготовка атаки и устройство проходов в проволочных заграждениях. Вера в успех настолько велика, что было приказано держать прямой провод с Московским Кремлем для немедленной передачи сообщения о падении Ижевска в день, когда праздновалась годовщина Октябрьской революции.

К 17 часам войска были уже у проволочных заграждений и готовились к штурму. Противник вел бешеный огонь из орудий, пулеметов и ружей. Но на фронте, незадолго перед этим решающим моментом, происходит позорный случай, едва не сорвавший успешность начатой операции. На правом фланге боевой линии в числе прочих частей был 2-й Мусульманский полк, который не выдержал огня, дрогнул и позорно бежал с поля сражения, оставив противнику батарею, пулеметы и другую материальную часть. На пути бегства людьми полка был разграблен полковой обоз, похищены вещи командного состава. Весь же командный состав в этом полку держал себя образцово. 2-й Мусульманский полк за свое позорное и преступное поведение был расформирован.

Позорное бегство полка, однако, не поколебало духа соседних полков, и паника не передалась, а полки еще удесятерили свою настойчивость по овладению Ижевском. В 19 час. 40 мин. Ижевск был взят штурмом; главный удар был нанесен 3-м и 4-м сводными полками 2-й сводной дивизии, которые героическим порывом прорвались через несколько рядов хорошо оборудованных окопов и проволочных заграждений. Бронированный поезд «Свободная Россия» ворвался на станцию Ижевск и своим огнем внес в ряды белогвардейцев сильнейшее расстройство. Кавалерия вслед за пехотой ворвалась в город, на улицах которого завязались ожесточенные бои.

Белые в панике отступили на Воткинск. Удар был настолько ошеломляющим, что противник не успел даже повредить оружейный завод и взорвать знаменитую плотину.

Вслед за взятием Ижевска пал и Воткинск; здесь армия сильного сопротивления не встретила. Белогвардейцы при оставлении города проявили большие зверства по отношению к рабочим и тем, кто выражал сочувствие Красной армии, зверски замучив до 80 человек.

Как только Ижевск был взят, немедленно по прямому проводу от Реввоенсовета армии была дана на имя председателя Совета Народных Комиссаров Владимира Ильича Ленина телеграмма:

> «Доблестные войска 2-й армии шлют горячее поздравление с великим праздником и подносят город Ижевск. Сего числа в 19 часов 40 минут город Ижевск взят штурмом».

В ответ на эту телеграмму от тов. Ленина получена была в 22 часа 7-го ноября следующая телеграмма:

> «Командующему 2-й армией. Приветствую доблестные красноармейские войска со взятием Ижевска. Поздравляю с годовщиною революции. Да здравствует социалистическая Красная армия».

Взятие Ижевска и Воткинска и нанесение серьезного поражения войскам белых является первой большой победой в истории 2-й армии. Этой победой она безусловно могла гордиться, и значение ее ни в коем случае нельзя умалять, особенно, приняв во внимание, что одержала эту победу армия, только что рожденная в огне, молодая, не совсем еще окрепшая в смысле организационном и не имевшая еще достаточного боевого опыта, технически слабо снабженная, но зато спаянная одной волей и желанием защищать завоевания Октября до последнего вздоха.

Взятие Ижевска имело еще огромное значение и потому, что в районе его находился большой оружейный завод, который, к счастью, не был разрушен белыми при отходе (до этого не допустили лучшие и сознательные рабочие), почему и производство винтовок было немедленно налажено, а это, в свою очередь, отразилось на улучшении вооружения как 2-й армии, так в равной степени и других армий.

МЕРОПРИЯТИЯ ДЛЯ ПОДНЯТИЯ БОЕСПОСОБНОСТИ АРМИИ

Организационная работа по укреплению мощи армии безостановочно продолжалась. Очень большое внимание было обращено на создание учебных школ, где мог бы подготовляться младший командный состав. Обнаружившийся в частях некомплект командного состава этой категории давал чувствовать себя не только при выполнении боевых операций,—так как мелкие единицы оставались без управления,—но также и на внутренней жизни частей. Для замещения этих должностей, из прибывающих пополнений можно было использовать весьма небольшой процент. При этих учебных школах были открыты особые отделения для подготовки опытных пулеметчиков. Артиллерия, в свою очередь, нуждалась в орудийных начальниках, разведчиках и телефонистах; для подготовки этов категории были также открыты школы. Для поднятия уровнй знаний у среднего командного состава были сформированы повторные курсы.

Пополнение некомплекта в частях армии установлено было при помощи мобилизации населения, которое призывалось уже на справедливых и законных началах, между тем как до сего времени это совершалось без всякой системы, так как части, при движении

вперед, самостоятельно мобилизовали мужское население, не разбираясь нисколько в его правах, и ставили людей в ряды без всякой предварительной военной подготовки, вследствие чего части подчас теряли устойчивость, ибо мобилизованные таким порядком нередко создавали панику и вообще сильно обременяли части. Для обучения призванных военному делу и их политического воспитания были сформированы батальоны, число которых достигло 6.

Много было положено усилий на то, чтобы все учреждения армии уложились в установленные штаты, внесли в свою работу больше делового порядка и законности, утвердили внутри себя разумную и сознательную дисциплину.

Начальником штаба, вместо заболевшего т. Семенова, назначен был т. Афанасьев. Произошла также смена членов РВС, так как вместо т. Гусева, перемещенного в РВС Восточного фронта, был назначен т. Василий Иванович Соловьев, а тов. Сокольников был отозван в центр.

Ввиду того, что фронт армии окреп, штаб армии со всеми учреждениями переходит в Сарапуль. Армия за это время усиливается 1-м Тамбовским авиационным отрядом в составе 8 самолетов. В декабре 1918 г. происходит переорганизация армии на основании приказа командования Восточного фронта. Из всех строевых частей формируется одна дивизия, которой присваивается именование: «28-я стрелковая дивизия». Начальником дивизии назначается т. Азин, начальником штаба—тов. Контрим, политическими комиссарами дивизии и штаба—тт. Сергеев и Лице.

На усиление армии передается из 3-й армии действующая на правом фланге ее 5-я Уральская дивизия, под командой Г. И. Овчинникова. Дивизия эта, как и прочие, образовалась из целого ряда отрядов Бирского, Осинского и Красноуфимского уездов. Эти отряды быстро почувствовали тягу к организации, дисциплине и объединились в полки, а впоследствии—в дивизию.

ПРОИСКИ ИМПЕРИАЛИСТОВ. СОБЫТИЯ В СИБИРИ

Разраставшийся успех нашей революционной борьбы и рост Красной армии усиливали сплоченность империалистов всех стран и бешено развивали у них ненависть к нам. На дезорганизацию и разложение Красной армии они ассигнуют большие силы и средства, направив тысячи агентов, которые под видом солдат и командиров проникали в ряды армии и распространяли ложные слухи об отказе красноармейских полков от участия в войне против англо-французских хищников, с попыткой склонить к такому же отказу и вызвать смуту среди красноармейцев. Работа этих агентов коснулась и 2-й армии. Случаи неисполнения приказов и даже

переход во вражеский стан—правда, мелкими частями—происходили и в нашей армии; были и случаи измены командного состава.

В целях противодействия контр-революционной деятельности и ограждения армии от пагубного вл ияния со стороны шпионов быстро принимаются меры для поимки агитаторов: установление наблюдения наружного и внутреннего за всеми частями; доведение до наивысшего напряжения нашей агитации, в которой разоблачались все грязные и подлые цели иностранных душителей международной социалистической революции. К чести нашей армии надо сказать, зараза не нашла для себя в ее среде удобной почвы и не получила широкого распространения. Части, в главной своей массе, остались верными и надежными бойцами для продолжения борьбы за советскую власть.

В Сибири 18-го ноября 1918 года совершается колчаковский переворот. Момент для переворота был благоприятный, так как Временное правительство серьезным авторитетом не пользовалось и не чувствовало в себе сил для решительной борьбы. Вслед за переворотом начала создаваться новая белая армия, на смену действовавшей до сего времени народной армии, которая хотя и достигла значительной цифры, но не имела никакой спайки и предсталяла негодный материал.

В создании новой армии большое участие приняли западные империалисты, отпустив большие денежные средства и большое количество всякого вооружения, снаряжения и обмундирования. Армия эта по своему строению приближалась к армии царского режима, имела сильные офицерские кадры; на высших командных должностях стояли царские генералы, с большим боевым опытом. Новая белая армия скоро выступила на арену борьбы.

ПОХОД НА КУНГУР

После взятия Ижевска и Воткинска армия продолжала преследовать противника, переправившегося на левый берег р. Камы. В это время соседняя слева 3-я армия, наступавшая на Екатеринбург, первая почувствовала на себе силу новой белой армии и под ударами ее начала постепенный отход. 5-я армия, наступавшая правее 2-й армии в общем направлении на Уфу, имела успех. Чтобы облегчить положение 3-й армии и оказать содействие 5-й армии, решено было продолжать наступление в общем направлении на Кунгур и этим самым навлечь на себя часть полчищ Колчака; 28-й дивизии дается полоса наступления вдоль железной дороги Казань—Екатеринбург, с постепенным заходом правым плечом; 5-я Уральская дивизия должна была наступать в направлении г. Оса.

Наступление на Кунгур протекало в чрезвычайно трудной обстановке и при тяжелых условиях. Осенняя пора уже миновала, наступила зима, которая на востоке в том году протекала необычайно сурово; морозы доходили до 30°—35°, часто сменялись вьюгами и сильными снегопадами. Войскам приходилось бороться не только с живой силой противника, но и с природой. Но, несмотря на все перечисленные трудности и опасности, армия, по мере движения вперед, продолжала отбрасывать стоящего перед ней врага. Фланги армии с движением вперед все больше и больше обнажались, и угроза удара во фланги и тыл стала расти. Связь с частями 3-й и 5-й армий становится держать все труднее и труднее.

Переправа частей 5-й армии через р. Белую под Уфой летом 1919 г.

19-го декабря 3-я армия, под напором больших сил белых, оставляет Пермь, тогда как 5-я армия одерживает большой успех и 30-го декабря занимает Уфу.

К концу февраля 1919 г. армия уже почти достигла Кунгура, но здесь она встречает настолько сильное сопротивление, что преодолеть его она не в состоянии. Находясь у Кунгура, 2-я армия по отношению к 5-й и 3-й армиям занимала значительно выдвинутое вперед положение, что, как уже было указано выше, являлось для нее крайне опасным и даже больше—катастрофическим. Оба фланга прикрывать было нечем. Однако, ставя себя в такое угрожающее положение, она этим самым облегчала положение соседним армиям, навлекая на себя значительную часть полчищ Колчака. 3-я армия после сдачи Перми продолжала отходить и докатилась до г. Глазова.

В начале марта 1919 г. Колчак наносит удар на Бирск против левого фланга 5-й армии, что заставило ее начать отступление.

Противнику представлялась весьма легкая задача—окружить армию и уничтожить. 2-я армия, будучи ослаблена тяжелым зимним походом, а также вследствие наступившего перевеса сил на стороне противника, начала, в свою очередь, отход.

ОТСТУПЛЕНИЕ ОТ КУНГУРА НА Р. ВЯТКУ

Армия, сознавая свое крайне тяжелое положение, не дрогнула и не растерялась перед нараставшей угрозой быть обойденной со всех сторон, а еще больше почувствовала в себе силы и мужества бороться с противником, превосходящим ее числом и техникой.

Схема похода 2-й армии.

Шаг за шагом отходила армия, нанося врагу жестокий урон, и испытывала, в свою очередь, невероятно тяжелые лишения, идя по глубоким снегам, страдая от продолжавших еще стоять сильных морозов и затрачивая на все это огромную физическую энергию. Не раз части армии сами переходили в наступление, чтобы сдержать напор врага.

Больше всего опасность угрожала правому флангу армии, так как противник после удара в левый фланг 5-й армии стремительно развивал свой успех между флангами 5-й и 2-й армий. Чтобы не дать возможности противнику обойти фланг и ударить по тылам, было брошено все, что имелось под рукой: и запасные батальоны, и школы, и два прибывшие из Казани батальона, наскоро сформированные. Как и следовало ожидать, батальоны эти, не будучи обучены, со слабой организацией, существенной пользы принести не могли, после первого артиллерийского боя разбежались, и восстановить среди них порядок возможности уже не было. На левый же фланг была направлена бригада 7-й стр. дивизии, которая прибыла в армию в начале года еще не совсем сформированной и требовала еще работы над собой как в организационном отношении, так и в смысле обучения и политического воспитания. Части этой бригады упорства в боях не проявляли, а подавались назад. Когда же противнику удалось совершить глубокий обход левого фланга и повести наступление в направлении на Воткинск, то части окончательно потеряли устойчивость, так как лишились руководства вследствие измены начальника дивизии Романова, перешедшего на сторону белых.

Ввиду ненадежности частей 7-й стрелковой дивизии были приняты самые энергичные меры по эвакуации Ижевского оружейного завода и паровозо-строительного Воткинского. С оружейного завода, благодаря распорядительности заводской администрации и сознательности самих рабочих, удалось вполне благополучно эвакуировать все оборудование завода в безопасное место, чего нельзя сказать про Воткинский завод, где бывшие на ходу паровозные цехи остались невывезенными вследствие измены некоторой части служащих и рабочих.

В дальнейшем своем отходе армия яростно отбивалась от наседавшего противника, которому лишь дорогой ценой удавалось овладевать каждым шагом пространства. При подходе к р. Каме положение для 28-й стрелковой дивизии создалось весьма тяжелое и опасное. Противник поставил себе целью во что бы то ни стало окружить дивизию и затем пленить; поэтому части, действовавшие на флангах дивизии, всемерно старались сомкнуться между собою. Для дивизии оставался уже лишь узкий коридор, через который она могла уходить. Надо было проявить много спокойствия и геройства, чтобы не дать врагу окончательно захлопнуть последнюю отдушину и не очутиться в кольце. Дивизия великолепно справилась с этой невероятно тяжелой и опасной задачей, не раз части ее бросались в штыки, чтобы прочистить себе проход.

Хотя для облегчения отхода 28-й дивизии и были заблаговременно построены окопы впереди Сарапуля, на левом берегу Камы,

и для занятия их был выдвинут батальон пехоты, чтобы принять на себя отходящие части, но вследствие создавшейся паники батальон разбежался, почему и не оказал никакого содействия. Паника на частях 28-й дивизии не отразилась. Все пространство от Кунгура до Камы в 150—170 *км* было преодолено в течение более месяца. Несмотря на тяжелые условия зимней кампании и настойчивое наседание противника, армия пока выходила из трудного положения с честью, потеряв незначительное количество обоза, а из материальной части артиллерии—не более 4 орудий.

В первых числах апреля армия оставила Сарапуль; жел.-дор. мост через Каму был взорван в последнюю минуту. Штаб армии оставался в Сарапуле до последней возможности, непосредственно руководил боевыми действиями и оставил город уже тогда, когда неприятельская артиллерия начала его обстрел. Штаб армии со всеми учреждениями переехал в Казань.

На правый берег р. Камы части армии перешли с ослабленными рядами; много бойцов выбыло из строя не только убитыми и ранеными, но и по болезни вследствие перенесенных холодов; однако армия в целом морально не была потрясена, а была попрежнему героически стойка.

На реке Каме сдержать натиск противника армия не смогла; фланги попрежнему висели в воздухе, а со стороны Ижевска и Воткинска нависал удар по тылам армии, и она вынуждена была продолжать отход, цепляясь за каждый местный предмет, порой переходя, в свою очередь, на некоторых участках в контратаки.

В дальнейшем отход осложнялся природными условиями: началось таяние снегов, дороги стали трудно проходимыми даже для людей; в особенности трудно было двигаться артиллерии, орудия то-и-дело застревали, приходилось прибегать к помощи людей. Противник же с большой настойчивостью вел наступление, стремясь во что бы то ни стало открыть себе широкий и свободный путь на Казань. Встречая упорное сопротивление, он не раз прибегал ко всевозможным хитростям и коварству, лишь бы только сломить ненавистную ему силу. Нельзя обойти молчанием один коварный и дерзкий случай, имевший место в начале апреля. Противнику удалось очень искусно перехватить боевой приказ, передававшийся по прямому проводу из штаба армии вызванному к телеграфному аппарату командиру дивизии, фактически оказавшемуся доверенным лицом белогвардейского командования. В перехваченном приказе командование белых изменило директиву в свою пользу настолько искусно, что не вызвало у наших командиров дивизий, по передаче искаженного приказа, никаких особых сомнений, и они, в свою очередь, в приказах по дивизиям развили даваемые указания.

В директиве, переданной от противника, предлагалось начать немедленно безостановочный отход, не задерживаясь даже на таком важном рубеже, как Вятка. Однако эта хитрость врагу не удалась, так как очень скоро было обнаружено, что дивизии выполняют не то, что им нужно, они были остановлены, и действия их были исправлены, согласно сложившейся обстановке.

По мере приближения к р. Вятке для армии усиливалась опасность быть смятой перед рекой, которая уже освободилась от зимних оков. Надо было проявить много геройства и упорства, чтобы обеспечить себе благоприятную обстановку для переправы через реку. Армия, ведя бои своими арьергардными частями, сдерживала натиск противника, давая возможность в это время обозам, артиллерии и главным силам совершать переход на правый берег реки. Переправа производилась самым примитивным способом; никаких паровых судов не было, под рукой имелись лишь в незначительном числе паромы и прочие мелкие плоскодонные суда. Вся переправа закончилась в последних числах апреля и весьма благополучно; противник не сумел нанести нам поражение перед рекой.

По переправе через Вятку фронт армии протянулся от Малмыжа до устья р. Вятки. Громадный жел.-дор. мост через Вятку не был подвергнут разрушению, дабы можно было в будущем использовать его как для движения поездов, так и для облегчения переправы. Для защиты его от захвата белыми, впереди моста было построено предмостное укрепление, которое было занято значительными силами армии.

Более двух месяцев продолжался примерный в гражданской войне отход от Кунгура до р. Вятки; армия с честью вышла из-под удара, чтобы за р. Вяткой собраться с силами и вновь обрушиться на врагов революции.

ПОДГОТОВКА К НАСТУПЛЕНИЮ. НОВАЯ РЕОРГАНИЗАЦИЯ АРМИИ. ПОЛОЖЕНИЕ НА ФРОНТЕ И В ТЫЛУ АРМИИ КОЛЧАКА

По занятии рубежа р. Вятки армия стала усиленно приводить себя в порядок. В это время был брошен в Советской России лозунг: «Все на восток!». Этот лозунг был подхвачен с большим энтузиазмом. Все внимание заострялось на Восточном фронте. Партия, советские центры в спешном порядке выделяли силы для помощи фронту. На фронт посылаются новые части, новые партийные силы, новые рабочие полки. В армию окончательно стянулись две бригады 5-й стрелковой дивизии. Помимо людского пополнения, армия пополнялась во всех отношениях и материально. Для переправы собирались пловучие средства, с зимовки подтягивались суда, из которых часть блиндировалась и вооружалась. Не забывалась и

боевая работа; разведывательные партии переправлялись на противоположный берег, с боем стараясь выяснить силы противника и его расположение. Противник, в свою очередь, неослабно вел атаки для овладения предмостным укреплением. Военная Волжская флотилия готовилась вступить в воды р. Камы. Одновременно армия готовила себя к ответному удару, производя усиленную военно-тактическую подготовку, стрельбу пехотой и артиллерией. Партийные же товарищи, ведя усиленную работу по подготовке масс к предстоящему наступлению, сумели вдохнуть свежие силы, с которыми армия победно пошла вперед и уже не дала Колчаку остановиться. Ко дню перехода в наступление армия реорганизовалась и была в составе четырех стрелковых дивизий (5-й, 7-й, 21-й и 28-й).

Во второй половине апреля 1919 г. наступление Колчака замирает, так как оно начато было без сосредоточения резервов. Возможность наступления ранней весны не была учтена; к разливу рек резервы запоздали, между тем части, ведшие наступление, первоначального успеха развить не могли, выдохлись, устали, нуждаясь в смене. Ранняя весна и разлив рек дали поэтому длительную задержку в боевых операциях, которая оказалась достаточной для того, чтобы дать возможность Красной армии получить перевес над противником. Очень сильно влияла на развитие успеха неорганизованность тыла у врага.

В Сибири, тем временем, крестьянские восстания не прекращались, они временно затихали там, где у администрации было достаточно сил для подавления, и снова вспыхивали, как пожар; это была упорная и организованная борьба. Настроение крестьян было против всяких мобилизаций; они отказывались платить налоги и вообще отказывались выполнять какие бы то ни было общественные повинности. При подавлении восстания применялись жестокие репрессии: сжигали деревни, топили людей в реках, пороли, без разбора расстреливали.

Весной 1919 года у всего сибирского населения нарастает сознание, что там, за фронтом, они имеют союзника в лице Красной армии, скорого появления которой нужно ожидать и которая явится спасительницей от всех насилий, творимых Колчаком, и даст возможность вернуться к миру и спокойному труду.

ПЕРЕХОД В НАСТУПЛЕНИЕ И РАЗГРОМ АРМИЙ КОЛЧАКА

Настал момент, когда армия, оправившись от тяжелого похода и боев, пополненная новыми силами, прибывшими с заводов и фабрик, и окрепшая духом, была готова по первому приказу ринуться на врага. Соседняя справа 5-я армия уже перешла в наступление и победоносно двигалась, давя противника и отбирая города.

Для перехода в наступление был выработан следующий план. Главный удар наносится в левый фланг противника. Для этого удара назначалась 28-я стрелковая дивизия, которая сосредоточилась в районе г. Мамадыша; содействовать этому удару должна была военная Волжская флотилия, под командой Раскольникова, а впоследствии—т. Смирнова, которая к началу наступления прибыла из Нижегородского затона. Центр армии должен сокрушительным ударом прорвать расположение противника и расколоть его. На левый фланг возлагалась задача противодействовать всяким случайностям и, в свою очередь, содействовать общему наступлению. Еще задолго до начала наступления с целью ввести противника в заблуждение усиленно подчеркивалось решение повести главную атаку—фронтальную против жел.-дор. моста через р. Вятку, для чего в центре сосредоточивались части 5-й и 7-й стр. дивизий, устанавливалась тяжелая артиллерия. С верховьев р. Вятки подтягивались вооруженные буксиры и прочие пловучие средства для переправы войск; беспрерывно велась усиленная боевая разведка крупными частями. Все время происходили усиленные занятия и всякие маневренные передвижения. Противник внимательно следил за всеми нашими приготовлениями и передвижениями и, в свою очередь, за своим центром стягивал силы для встречного удара.

В ночь с 24-го на 25-е мая армия перешла в наступление. 28-я стрелковая дивизия, несмотря на широкий разлив р. Вятки, весьма быстро совершила переправу при помощи баркасов и паромов и, сбив боевое охранение противника, повела стремительное наступление. Противник был ошеломлен внезапностью, так как не ожидал удара с этой стороны, будучи уверен, что фланг, припертый к непреодолимой преграде—реке Каме,—неуязвим, но, когда почувствовал натиск, стал отходить. Центр в своем наступлении первое время такой удачи не испытал, да и трудно было рассчитывать на успех, так как сразу большого количества войск переправить на левый берег было нельзя ввиду отсутствия достаточного числа судов; между тем, для противника наступление это не было неожиданным: он был подготовлен к встрече. Загорелся упорный бой. Левому флангу 21-й стр. дивизии пришлось всего труднее, так как дивизия имела перед собой весьма стойкие части, которые бросались в штыки на переправившиеся части и заставляли уходить обратно; в то же время артиллерийский и пулеметный огонь противника наносил урон переправляющимся.

В последующие дни 28-я стрелковая дивизия свое наступление развивала успешно и по овладении Елабугой приступила к захождению правым плечом, создавая этим самым угрозу тылу армии белых, а центру своему облегчая сломить упорство противника.

Военная Волжская флотилия, с первых дней наступления, дальним огнем с своих судов оказывала свое содействие дивизии, громя ближний тыл белых. Разведывательные суда, при подъеме вверх по реке Каме, перед Елабугой, потеряли два судна при чем одно из них взорвалось на мине. Бой этих судов показал, что река минирована, вследствие чего оказалось необходимым приступить к спешному вылавливанию мин. Левый фланг армии, после целого ряда настойчивых атак и после того, как центр белых стал сдавать, окончательно утвердился на левом берегу реки и повел успешное наступление вперед. Противник, несмотря на стремительный натиск 28-й дивизии, продолжал придерживаться сложившегося у него мнения, что главного удара ему нужно ожидать по его центру, что тот удар, который наносится 28-й дивизией, есть не что иное, как демонстративный удар, почему и не предпринимал никаких перегруппировок войск на своем фронте. Вся обстановка слагалась благоприятно, и она же повелительно требовала безостановочного наступления, чтобы помешать врагу привести себя в порядок и совершить нужные маневренные передвижения. Армия продолжала неудержимо двигаться вперед, ведя упорные и кровопролитные бои. Флот продолжал подниматься вверх по реке, но с большой осторожностью, имея впереди тральщиков для вылавливания мин. Чтобы не подвергнуть операцию случайностям со стороны левобережной полосы, были оставлены в селениях Тихие Горы, Пьяный Бор и Чеганда сильные заставы, в особенности в последнем пункте, где можно было ожидать выхода вражеских судов с р. Белой.

При своем движении вперед, армии пришлось столкнуться с целым рядом трудностей, которые усложняли наступление, и на преодоление их нужно было затрачивать немало физической энергии. Главные трудности при движении представляло множество разлившихся реченок и рек, которые зачастую приходилось переходить вплавь, так как мосты, в большинстве случаев, или были снесены половодьем, или сожжены при отходе противником.

В особенности много испытаний пришлось выдержать 21-й стрелк. дивизии, при вступлении ее в полосу лесов, окружавших Ижевский район; ее части, совершая переход по кочковатой местности, были настигнуты мириадами комаров и мошкары, которые тучами набрасывались и забивали рот, глаза и уши, причиняя невероятные страдания, приводя бойцов в бешенство. Выбравшись из этих смертоносных болот, дивизия попала на горящий торф, который ожигал ноги, а дымный смрад затруднял дыхание настолько, что многие впадали в обморочное состояние; но все эти муки и страдания дивизия быстро оставила позади, героически все преодолев.

По мере приближения к реке Каме армии приходилось чувствовать упорство и устойчивость противника, который, дабы не быть

сброшенным в реку, напрягал все усилия, чтобы сдержать натиск армии; цеплялся за каждый местный предмет и не раз переходил своими отборными частями в контр-наступление и имел успех. Сколько ни проявляла армия настойчивости и геройства, чтобы не дать врагу уйти за Каму, все же ему удалось благополучно переправить свои силы на левый берег. Успеху этой переправы помогло и то обстоятельство, что противник сумел собрать большое количество всяких пловучих средств. Положение армии начинало становиться тяжелым, так как обстановка вызывала необходимость продолжать безостановочное преследование разбитого и потрясенного противника, чтобы не дать ему привести себя в порядок и подтянуть резервы; а между тем, частям армии совершать переправу, можно сказать, было не на чем, -противник все угнал; если можно было найти пловучие средства, то только в виде небольшого числа лодок и паромов. Затребованные с Волги буксирные пароходы с баржами запоздали прибыть к нужному моменту,—они были задержаны продовольственными органами, спешно производившими перевозку хлеба для центра. Военная Волжская флотилия двигалась с большой осторожностью, так как сначала очищался фарватер от мин. Неприятельская флотилия, по выходе из реки Белой, уклонилась от боя с Волжской флотилией и ушла к Перми.

Войска 2-й армии, одухотворенные одержанной победой, не остановились перед такой большой преградой, как р. Кама; прекрасно сознавая, что дальнейшего поражения противника можно достичь с малой кровью, если в преследовании не будет перерыва, и, наоборот, придется затратить громадные усилия и принести неисчислимые жертвы, если задержаться у переправы, армия, не задумываясь перед опасностью, стала быстро переправляться на лодках и паромах на противоположный берег. Вскоре подошла Волжская флотилия и буксиры с Волги; при помощи их и были переброшены артиллерия и обозы.

По переправе через Каму наступление продолжалось с той же стремительностью, --противнику не удалось восстановить порядок в частях, и он продолжал отход. В этих и последующих боях армия берет уже значительное число пленных; происходит и добровольный переход белых частей. На линии заводов В. Артынский, Бисертский и Сылвинский противник пытался задержать наступление армии, но не смог и был опрокинут; зато на линии заводов Михайловский, Нижне-Сергиевский и Уткинский, где была заранее укрепленная полоса, ему удается задержать наступление, и армия выдерживает упорные бои в течение ряда дней. Тем временем бригада 28-й стрелковой дивизии прорвалась трудным горным проходом на завод Марьинский и далее—на завод Мраморский по линии железной дороги Челябинск --Екатеринбург, совершив глубокий обход; этим маневром

она создала угрозу тылу противника, и участь боя была решена. На линии упомянутых заводов полчищам Колчака наносится окончательное поражение. После этого сражения в тылу у белых создается паника. По линии железной дороги Пермь—Екатеринбург образовались целые толпы бегущих, которые смешались с частями отходивших войск; железнодорожные пути были все забиты эшелонами, которые были гружены военным имуществом или до предела набиты обезумевшими от страха беженцами. На заводах Билимбаевский и Шайтанский огромные склады с военным имуществом и продуктами не могли быть вывезены и достались в руки армии.

На линии указанных выше заводов, несмотря на неприступную местность, представляющую собой громады гор с целым рядом других местных предметов, как-то: большие реки, заводы, усиленные при помощи инженерного искусства,—армии Колчака наносится самое чувствительное, самое тяжелое и в то же время последнее поражение, деморализовавшее его части так, что остановить их и повернуть снова на борьбу никто не был в силах, и они должны были начать безостановочный отход, теряя материальную часть и людей вплоть до Тобола. При дальнейшем движении армии рабочие и крестьяне с восторгом встречали войска, заражаясь их бодростью и воодушевлением.

14-го июля 1919 г., в 23 часа 10 м., армия овладевает столицей Урала—Екатеринбургом; полки 21-й и 28-й дивизий вошли одновременно в город; при вступлении они были приветствованы рабочими, вышедшими навстречу с красными флагами и пением революционных песен. В городе было захвачено 3.500 пленных, склады и прочие трофеи. Армия ликовала, гордясь огромной победой; вместе с ней ликовало и население.

Начатое 25-го мая наступление в течение 7 недель продолжалось беспрерывно с боями днем и ночью, встречая при этом на пути трудно проходимые преграды и другие тяжелые невзгоды. В течение этого времени было покрыто пространство по прямому направлению в 700—800 *км*, были совершены высокие подъемы, переправы через огромные, разлившиеся реки—Вятку и Каму. За все время было захвачено до 20.000 человек пленных.

По взятии Екатеринбурга армия продолжала движение на восток, преследуя разбитые части противника.

РАСФОРМИРОВАНИЕ 2-Й АРМИИ

2-й армии не пришлось углубляться далеко в пределы Сибири для преследования противника и отпраздновать окончательную победу. Весь Восточный фронт гнал перед собой разбитые части

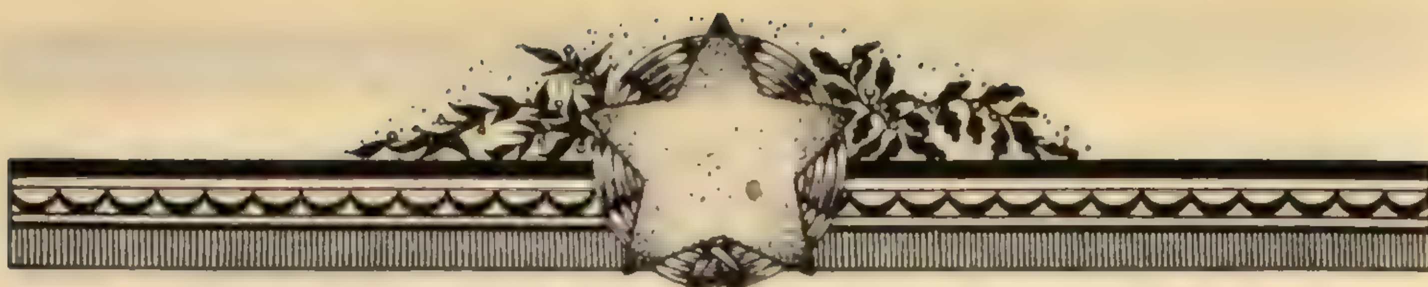
армий Колчака. Ни у кого больше не было сомнения, что опасность со стороны востока миновала. В то же время с юга надвигалась опасность для Советской России в лице армий Деникина, которые успешно двигались на север. Все внимание переносится на эту опасность, и все силы концентрируются для борьбы с ней.

В конце июля месяца, по решению РВСР, армейский аппарат управления, РВС 2-й армии и 28-я стрелковая дивизия перебрасываются на Южный фронт. 5-я и 21-я стрелковые дивизии перебрасываются: первая—в 5-ю армию и вторая—в 3-ю армию; 7-я стрелковая дивизия еще раньше вышла из состава армии. Этим самым кончилось существование 2-й армии, как самостоятельной единицы.

Недолгим было существование 2-й армии,- всего 10 месяцев, если считать началом ее создания 14-е сентября 1918 года. На этом коротком отрезке времени армия выдержала ряд тяжелых наступлений и отступлений, поражений и побед. Немногочисленными и слабыми были ее первые отряды. На рр. Вятке и Каме они научаются верить в свои силы и учатся воевать. В борьбе с Колчаком армия растет и крепнет, неудачи не угашают ее духа, а поднимают его на новую ступень; на долю армии выпадает честь раздавить полчища Колчака. Враги пытаются разрушить армию изнутри, создав в штабах и частях очаги для контр-революционной работы, но козни врагов разоблачаются, и армия очищается от белогвардейской заразы. Лучшие передовые пролетарии в качестве комиссаров, политических руководителей просвещают армию, сплачивают и вдохновляют ее в тяжелые часы. Армия без этой поддержки изнемогла бы в неравной борьбе.

Только одухотворенная силой коммунистической партии, армия творила чудеса.

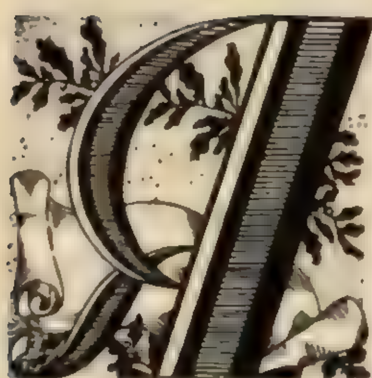

Ф. НОВИЦКИЙ

ПРОТИВ КОЛЧАКА И НА ПУТЯХ К ТУРКЕСТАНУ

(1918—1920 гг.)

ПРИБЫЛ 28-го июля 1918 г. в Иваново-Вознесенск на должность военного руководителя Ярославского Окружного Комиссариата по военным делам.

Вступление мое в должность военного руководителя округа совпало с началом интенсивнейшей работы по формированию регулярных частей Красной армии. Округ, включая в свои пределы огромную территорию 12 губерний, охватывавших всю северную треть Европейской России, получил наряд на формирование весьма значительного числа дивизий, являвшихся тогда высшими организационными войсковыми соединениями.

Колоссальная работа, стоявшая перед округом, невзирая на налаженный уже рабочий аппарат окружного управления, весьма затруднялась рядом обстоятельств: разрухой, внесенной спешной эвакуацией из Ярославля (вследствии восстания), сложными работами по расквартированию громоздких управлений в новых, не приспособленных для этой цели помещениях и отсутствием главного руководителя в округе после убийства в Ярославле окружного военного комиссара т. Нахимсона.

Но вот 7-го августа 1918 г. на эту должность прибыл М. В. Фрунзе. Этот удивительный во многих отношениях человек с первого же дня быстро ориентировался в совершенно новом для него деле, и работа буквально закипела. А работа была чрезвычайно сложная. Управление военным округом сосредоточивало в себе решительно все функции военного управления и мирного и военного времени. Но наиболее сложным вопросом явился вопрос мобилизации. Если учесть ту естественную усталость, которую проявляло население

после только-что закончившейся 4-летней мировой войны, а также разоренность страны вследствие бывших непрерывных мобилизаций для питания старой армии, то станет почти непонятным, как могло двигаться дело по созданию значительных вооруженных сил.

Вновь сформированные органы местного военного управления должны были в кратчайший срок совершенно заново выполнять все то, что в прежнее время являлось результатом длительной предварительной работы военных специалистов. Деятельность эта особенно осложнялась тем, что одни и те же органы и лица были ответственны как за формирование новых боевых частей столь крупного масштаба, как дивизии, так и за высылку многочисленных укомплектований в те части Красной армии, которые уже дрались на боевых фронтах. Если считать, что все вопросы, связанные с учетом людей, лошадей, повозок, запасов материального снабжения, сбором всего этого по специальным нарядам, перевозками, размещением, обучением, формированием и т. д. и т. п., являлись вопросами чрезвычайно сложными в условиях тогдашней обстановки, то все же неизмеримо сложнее была работа, связанная с политической подготовкой населения и особенно той ее части, которая непосредственно призывалась на военную службу. И вот здесь-то и развернулась во всю ширь работа политаппарата округа, руководимого М. В. Фрунзе. Он сам, отдавая массу времени военно-технической работе, изучая ее, так сказать, с фундамента, вникая во все мелочи, из коих складывалась тыловая работа округа, находил еще достаточно времени для личного участия в политработе.

Непрерывные митинги по фабрикам, заводам, связанные с беспрестанными поездками по округу, постоянные беседы с призываемыми и с красноармейцами и комполитсоставом частей, настойчиво и умело проводимая политкампания, все это давало исключительно благоприятные результаты. Все наряды, как бы тяжелы и велики они ни были, выполнялись аккуратно, невзирая на существенные подчас недочеты материального снабжения и условий быта. Настроение везде и всегда поддерживалось на должной высоте, и, за малым исключением, округу не приходилось слышать сетований боевых фронтов на несвоевременную высылку или на высылку несоответственных частей и укомплектований.

Однако, как ни захватывала кипучая работа по управлению военным округом, и я, и М. В. Фрунзе стали тем не менее тосковать по более живой, бывшей нам более по душе, боевой работе. Наше стремление заменить тыловую работу боевой стало занимать нас все настойчивее и облекаться в реальные формы. М. В. Фрунзе, человек кипучей энергии, отчасти спортсменской складки, искушенный в дальних и трудных путешествиях и поездках по Туркестану, где он провел детство и юность, мечтал переменить должность

окружного военного комиссара на роль кавалерийского начальника,— примерно, в масштабе не свыше полка. Соглашаясь, что к нему более подходит роль строевого командира, чем тылового работника, я, присмотревшись к нему в течение нескольких месяцев совместной

Схема обстановки и действий сторон на Востфронте от конца января до начала апреля 1919 г.

работы, полагал, однако, что, даже без учета тогдашней особой обстановки, когда большие командные роли выпадали на долю мало подготовленных в военном отношении товарищей, — М. В. Фрунзе является бесспорным кандидатом на крупный командный пост.

Решение ехать на фронт особенно утвердилось в нас во время одной поездки по округу, после которой мы оба вскоре выехали в Москву на съезд окружных военных комиссаров и военных руководителей округов. Воспользовавшись тем, что по нашему же предложению съездом было постановлено ходатайствовать о перенарезке границ военных округов, в результате чего Ярославский военный округ подлежал ликвидации,—мы решили проситься на фронт. Тов. Троцкий, узнав об этом по докладу начальника Всероссийского главного штаба, охотно пошел нам навстречу и на другой же день принял нас.

Тов. Фрунзе на приеме у тов. Троцкого высказывал желание, чтобы его послали на восток, более ему знакомый. Но нам была приуготована другая роль, чем мы мыслили себе, и совсем на другом фронте: мне было заявлено, что я назначаюсь начальником штаба Южного фронта, а М. В. Фрунзе назначается туда же членом РВС.

Такое назначение совершенно не соответствовало личным качествам М. В. Фрунзе. Необходимо было добиться отмены этого решения, чего и удалось достигнуть. Последовавшее новое решение оказалось весьма благоприятным. Фрунзе назначили командующим 4-й армией Восточного фронта, а меня—начальником штаба той же армии; таким образом, мы опять оказались вместе.

Согласившись на наше назначение на фронт, нас, однако, обязали выехать из округа не ранее выполнения нами всех возложенных на округ срочных заданий. Это обстоятельство вынудило нас, невзирая на состоявшийся еще 26-го декабря 1918 г. приказ о нашем новом назначении, выехать на фронт в конце января 1919 г. Ввиду этого мы лишь 31-го января прибыли в Самару, где размещался штаб 4-й армии.

Обстановка на Восточном фронте к тому времени, в общем, была такова: еще в декабре 1918 г. мы потеряли Пермь, уступая натиску белых на нашем левом фланге, но зато имели крупные успехи в центре, где в начале января 1919 г. 5-й армией была взята Уфа, а к 22-му и 24-му января усилиями 1-й, совместно с войсками Туркестана, и 4-й армий мы последовательно овладели Оренбургом и Уральском. Эти победы являлись чрезвычайно важными и, конечно, с лихвой возмещали неудачи на севере.

Целью действий Восточного фронта являлось, с одной стороны, нанесение решительного поражения вновь сформированным армиям Колчака путем обхода его левого фланга и выход на его тыл, а с другой—занятие Уральской и Оренбургской областей и установление связи с Туркестаном. Январские победы правофланговых армий фронта имели исключительное значение для решения этих задач. Кроме того, овладение обеими казачьими столицами в момент

борьбы с контр-революционным казачеством, помимо больших материальных выгод, производило чрезвычайный моральный эффект.

Но, на-ряду с этими военными успехами, в наших частях, в частности в 4-й армии, далеко не все обстояло благополучно. В состав армии, в виде основного боевого ядра, входили две дивизии: 30-я Николаевская (переименованная затем в 22-ю) и 25-я. Эти части, формировавшиеся в период боевых действий, в большинстве, за счет местных средств, в значительной доле были заражены духом партизанщины и отсутствием сознания необходимости беспрекословного подчинения боевым приказам. На этой почве еще до нашего приезда в армию разыгралась драма, в результате которой был убит член РВС армии тов. Линдов.

Это злодеяние, совершенное спровоцированными красноармейцами одного из бронепоездов перед лицом врага и, несомненно, тотчас ставшее ему известным, создало весьма напряженную атмосферу в армии вообще. Об этом, как и о других внутренних непорядках в армии, стало нам известно от Л. Д. Троцкого, с которым мы встретились в Рузаевке по пути в Самару. Нам предстояла большая работа и прежде всего— привести армию в должный вид и добиться во что бы то ни стало внедрения в нее начал твердой боевой организации и дисциплины. Учитывая это, М. В. Фрунзе, по прибытии в Самару, после поверхностного знакомства с управлением армии и с положением на фронте, решил немедленно отправиться туда лично. Через неделю, 7-го февраля, мы выехали в Уральск.

Здесь нам самим пришлось с первых же дней столкнуться с проявлением своевольства и полным непониманием дисциплины со стороны одной из бригад 25-й дивизии. Эта бригада при взятии Уральска сыграла большую роль, ввиду чего она, на правах победителя, считала себя полным хозяином города со всем его содержимым. В частности, начальство бригады санкционировало захват полками бригады обширного запаса кожи, в которой так нуждалась и вся Красная армия, да и вся страна в целом. Эти самочинные и незаконные действия бригады вызвали со стороны командующего армией принятие соответствующих мер, при чем командиру бригады был объявлен выговор.

Столь естественные и законные распоряжения командарма вызвали, однако, резкий протест со стороны командного состава бригады. Непонимание основ дисциплины доходило до того, что в протесте приняли участие и политработники, во главе с военным комиссаром бригады. Протест бригадного начальства выразился в требовании, предъявленном командарму: явиться на их собрание для объяснений по поводу выговора, объявленного комбригу.

Этот случай еще раз показал правильность той точки зрения, что во главе войсковых соединений армий должны стоять не спецы,

бывшие генералы, а видные политические деятели, партийцы, имевшие в своем багаже не генеральские послужные списки, а формуляры совсем другого характера, и близкие по интересам тем рабочим и крестьянам, коими надо было командовать.

В течение всей моей службы с М. В. Фрунзе на фронте мне неоднократно приходилось быть свидетелем того, как чутко красноармей-

М. В. Фрунзе произносит речь в татарской бригаде в 1919 г.

ская масса относилась к прошлому своего командующего. Особенно остро это сказалось однажды в одном из полков 22-й дивизии, когда в беседе с красноармейцами последние требовали от М. В. Фрунзе доказательства того, что он—не бывший генерал.

В приведенном случае с комсоставом бригады 25-й дивизии все кончилось не только благополучно, но имело последствием

моральное перерождение этих самых непокорных и недисциплинированных людей только потому, что командармом был человек с большим революционным прошлым и хорошо понимавший тогдашнюю обстановку.

В частности, командир этой «мятежной» бригады тов. Плясунков выявил себя затем, как один из самых дисциплинированных и исполнительных начальников.

Несомненно, весьма значительная доля в благополучном исходе инцидента должна быть отнесена и за счет того, что это был именно Фрунзе, с его умением подходить к людям, с его огромным политическим тактом и с его обаянием, которое так покоряло сердца всех, кто хоть мельком соприкасался с ним.

Помню, как сейчас, слова Фрунзе, когда он, вернувшись с этого злополучного собрания, сказал мне: «Да, действительно, хороши были бы вы в роли командарма...»

По прибытии в Уральск мы вскоре приняли боевое крещение во время начавшегося наступления 22-й дивизии, организованного при непосредственном руководстве М. В. Фрунзе в целях развить наши успехи на путях к югу от Уральска.

В общем, в районе 4-й армии, имевшей задачей ликвидацию контр-революционных банд Уральского казачества, в течение февраля и марта мы хотя и не имели решительного успеха, но сумели все же оттеснить казаков к югу, за Лбищенск, являвшийся важным пунктом на путях к Гурьеву.

Пока 4-я армия выполняла, и достаточно успешно, свою задачу, положение в центре Восточного фронта резко ухудшилось. Обеспокоенный нашими успехами на жизненно важных Уфимском и Оренбургском направлениях, Колчак решил, произведя перегруппировку своих сил и не ожидая полного сосредоточения всех подготавливавшихся для решительной операции формирований, начать наступление, дабы вырвать из наших рук инициативу. Примерно, в те же сроки, которые были назначены для наступления белых, должно было начаться и наше наступление, при чем 5-я армия должна была развивать свои первоначальные успехи в направлении от Уфы на Златоуст, а 1-я армия, наступая на фронт Троицк, Верхне-Уральск,—выходить в глубокий тыл на сообщения противника.

Обеспечение тыла 1-й армии в районе Оренбурга было возложено на вновь сформированную Туркестанскую армию в составе 31-й Оренбургской и 3-й кавалерийской дивизий. Эти дивизии прибыли со стороны Туркестана и содействовали 1-й армии при овладении Оренбургом в январе 1919 г. Эта армия в начале марта была подчинена тов. Фрунзе, образовав совместно с 4-й армией Южную группу. Однако противник предупредил нас и уже 6-го марта атаковал левую 27-ю—дивизию 5-й армии, прорвал ее растянутое расположение,

отбросив одну бригаду на Мензелинск, и стал быстро распространяться к югу—в тыл прочих частей 5-й армии.

Слабые силы этой армии, имея против себя вчетверо превосходящие силы противника, не смогли оказать достаточное сопротивление.

В результате—белые уже 14-го марта овладели весьма важным жел.-дор. узлом Чишма в тылу Уфы, внеся в 5-ю армию большое расстройство (см. схему на стр. 166).

М. В. Фрунзе с т.т. Барановым, Элиавой (справа) и Лазаревичем (слева) в оперативном отделе штаба южной группы Востфронта (в апреле 1919 г.).

Легко справившись с 5-й армией, противник, пользуясь превосходством сил, решил продолжать операцию по двум направлениям. Главная группа в составе II, III и VI корпусов должна была развивать успех в общем направлении на Самару. Вспомогательная группа генерала Белова в составе V и IV корпусов должна была через Стерлитамак снизиться на юг с целью отрезать нашу 1-ю армию от сообщений ее с Самарой и овладеть Оренбургом совместно с действовавшими против этого пункта с юга и юго-востока двумя конными Оренбургскими корпусами (см. схему на стр. 174).

Хотя общая группировка белых и была известна нашему высшему командованию, но внезапный и столь быстрый и решительный разгром нашей 5-й армии, естественно вытекавший из группировки

противника, все же, повидимому, оказался для нашего фронтового командования полной неожиданностью. Прорыв противника к Белебею и продвижение его к Стерлитамаку создало для 1-й армии чрезвычайно тяжелое положение. От прежней ее задачи—наступления на Троицк—пришлось немедленно отказаться и начать спешную переброску частей 24-й дивизии в район Стерлитамака. Но громадность расстояний и быстрое наступление противника, не встречавшего никакого сопротивления, привели к тому, что белые упредили части 24-й дивизии и 4-го апреля овладели Стерлитамаком. Таким образом, 1-я армия оказалась вынужденной начать отход с выполнением чрезвычайно сложной перегруппировки: под прикрытием 20-й дивизии спешно выводить 24-ю дивизию из района южных и юго-восточных предгорий Урала к западу для прикрытия Оренбурга (см. схему на стр. 174).

Под давлением противника, к 6-му апреля овладевшего Белебеем, расстроенные части 5-й армии безудержно отходили к Волге, при чем правое, большее по численности, крыло армии отходило вдоль железной дороги на Самару, а левое, меньшее,—на Симбирск.

Обстановка, создавшаяся в районе южных армий Восточного фронта к началу апреля 1919 года, наводила на мысль о необходимости оперативного объединения действовавших здесь армий. Возможность такого объединения мы предвидели и, учитывая вероятность подчинения всех южных армий персонально М. В. Фрунзе, понемногу стали готовиться к нашей будущей роли. И действительно, 7-го апреля командующий фронтом пригласил тов. Фрунзе к аппарату и предложил ему взять на себя тяжелую ответственность при создавшейся обстановке—возглавить группу из 4-х армий в целях ликвидации успехов Колчака.

Для нас это не было неожиданностью, и мы просили лишь согласиться на две поставленных нами просьбы: подчинить нам части, входившие в состав группы, немедленно и предоставить необходимую оперативную свободу.

Наши условия были приняты. Из аппаратной комнаты мы прошли в кабинет М. В. Фрунзе, где было устроено совещание. На этом совещании был выработан план предстоящей ближайшей операции, и были даны необходимые указания лицам управления будущей Группы для проведения подготовительных мероприятий.

План намеченной М. В. Фрунзе операции, получившей затем наименование Бугурусланской, по идее был чрезвычайно прост. Он сводился к следующему: удерживая противника с фронта минимальными силами, собрать все, что можно, в один мощный кулак где-либо в районе Бузулука, ударом по левому флангу и тылу главной группировки противника, наступавшей на путях к Самаре, уничтожить ее и, во всяком случае, отрезать от сообщений с Уфой.

При наличном соотношении сил обеих сторон такой план обещал решительный успех. Но главная трудность его выполнения заключалась в проволочке времени, необходимого для сосредоточения ударной группы. Вот почему, при первом же разговоре с командованием фронта 7-го апреля, М. В. Фрунзе настаивал на немедленной передаче ему власти. Ввиду слабой провозоспособности наших железных дорог и предстоящей распутицы, для успеха дела дорог был не только каждый день, но буквально каждый час.

Однако, время шло,—5-я армия продолжала откатываться. Положение под Оренбургом осложнялось. Перегруппировка 1-й армии, производившаяся без учета будущего плана операции, проходила

РВС южной группы Востфронта.
Сидят (слева направо) т.т. Элиава, Фрунзе, Баранов и секретарь т. Савин (стоит).

весьма болезненно под угрозой удара со стороны армейской группы генерала Белова, а обещанной директивы с подчинением нам армий не получалось. Наконец, 10-го апреля последовала директива, на основании которой четыре южных армии,—1-я, 4-я, 5-я и Туркестанская,—были объединены в Южную группу и подчинены М. В. Фрунзе. Одновременно две северных армии—2-я и 3-я—были объединены в Северную группу под начальством командарма 2-й тов. Шорина.

Создавая группу армий, фронтовое командование указало нам, что мы не должны формировать особое управление группой, а для оперативного руководства армиями обязаны использовать аппарат управления 4-й армии. Однако, такое разрешение вопроса оказалось весьма трудно осуществимым, ввиду чего пришлось создавать

совершенно особый аппарат управления Южной группы, а для командования 4-й армией сформировать новое управление. Это наше решение было санкционировано. На должность командарма 4-й был вызван представленный нами кандидат, заменивший тов. Фрунзе на должности Ярославского окружного военкома—К. А. Авксентьевский.

В тот же день, по получении директивы фронта, была отдана и директива армиям группы. Сущность этой директивы, имевшей целью нанести первый, но решительный удар победоносным до этого армиям Колчака, заключалась, как указано выше, в создании удар-

Схема контр-удара южной группы армии Востфронта (конец апреля—начало мая 1919 г.).

ного кулака в районе Бузулука, с тем чтобы наступлением с юга на север, примерно, в направлении на Бугуруслан, разбить главную группу белых, состоявшую из II, III и VI корпусов.

В целях создания такого ударного кулака было решено пожертвовать всем, чем можно. Расценив удельный вес прочих участков района Южной группы, было решено включить в состав ударного объединения: 31-ю Оренбургскую дивизию и бригаду 3-й кавдивизии, составлявшие Туркестанскую армию, затем 25-ю дивизию из состава 4-й армии и 24-ю дивизию из состава 1-й армии. Командование

этой ударной группой первоначально было вверено командарму 1-й— тов. Гаю. На Уральском и Оренбургском участках, против Уральской казачьей армии и Оренбургских корпусов Дутова, было решено временно ограничиться оборонительными действиями.

Не ставя себе задачей дать полное описание и исследование разыгравшихся операций, так ярко обрисовавших облик М. В. Фрунзе в роли выдающегося полководца, я ограничусь лишь некоторыми моментами боевых действий, которые в кратчайший срок перевернули вверх дном всю стратегическую обстановку на Восточном фронте и положили начало полному разгрому наиболее важного, опасного и организованного врага советской власти—вооруженных сил Колчака.

Прежде всего мне хочется указать на то, как расценивались обстановка и перспективы на будущее и как рисовалось наше положение в стане наших врагов. В этом отношении весьма любопытными являются два документа: приказ командующего Западной белой армией генерала Ханжина, отданный им после разгрома нашей 5-й армии, и директива командующего Южно-армейской группой генерала Белова, относящаяся, примерно, к тому же времени.

Ханжин в своем благодарственном приказе по армии, составленном сплошь в архи-оптимистических тонах, нисколько не сомневается в успехе белого оружия и в скором появлении «вверенных ему войск под стенами Москвы. Оценивая действия своих войск, он, между прочим, пишет: «Не знаешь, чему больше удивляться,— искусству ли вождей, или геройству командуемых ими войск».

Белов пишет: «Уже ясно обозначился полный разгром 5-й советской армии... Одновременно переживают тяжелые минуты 2-я и 3-я советские армии... Нам известно, что в такие минуты происходит в Советской России и в Красной армии... Развал в тылу Красной армии еще больше, чем во время декабрьского наступления Сибирской армии... Если иметь в виду полную разруху на железных дорогах в тылу красных... Положение 1-й красной армии таково, что дальнейшее ее упорное наступление... возможно только, как акт отчаяния... Население всюду пойдет за нами...» и проч. и проч.

Таким образом, противник был убежден, что дальнейшие действия для него выльются в триумфальное шествие. Красная армия уже не в состоянии оказать какое-либо серьезное сопротивление, а в тылу армии, во всей стране царит полный хаос и растерянность, и все это на фоне сплошного сочувствия населения к белым. Контр-революция к тому времени еще не осознала, какую энергию может проявить советская власть, какие силы и возможности таятся в глубине рабочего класса и его союзника — крестьянства и, наконец, каких военных вождей может выдвинуть революция.

Объективно расценивая общую обстановку, сложившуюся к апрелю, приходится, несомненно, установить чрезвычайно тяжелое

положение как для Советской страны в целом, так, в частности и в особенности, и для ее Восточного фронта. Однако мы к тому периоду, о котором идет речь, привыкли уже к временным, хотя бы и тяжелым, неудачам и, будучи окружены врагами, научились уже применять приемы, именуемые в стратегии действиями по внутренним операционным линиям.

Осознав опасность положения, создавшегося на Восточном фронте, советской властью был выброшен очередной лозунг: «Все на Восток для победы над наиболее опасным для данного времени врагом», и мы знаем, какие средства сумела дать страна для усиления наших вооруженных сил. Мы знаем, насколько искусно оказались использованными эти средства нашими военачальниками и какие в связи с этим получились конечные результаты. Мероприятия, намечавшиеся для создания исходного положения при производстве нашего контр-маневра, требовали значительного времени для сосредоточения назначенных в ударную группу войск. Единственная пригодная для этой цели железная дорога, соединявшая Самару и Оренбург, хотя и работала с полным напряжением, но провозоспособность ее к тому времени была невелика, а требования, предъявлявшиеся к ней, были колоссальны. Это обстоятельство, в связи с начавшейся распутицей, вынудило предположить, что решительные действия мы едва ли сможем начать раньше мая.

Пока шли наши приготовления, противник продолжал непрерывно продвигаться. На фронте Южной группы главная ударная масса белых к 25-му апреля вышла на линию Чистополь — Сергиевск, угрожая непосредственно как Симбирску, так и Самаре, а корпуса группы генерала Белова, спустившись к району Оренбурга, в это же время начали операцию в целях уничтожения частей 1-й красной армии, сосредоточенной за рекой Салмыш, к северовостоку от Оренбурга. Настало критическое время. Командование Южной группы чувствовало, что каждый день проволочки может иметь пагубные последствия. Обстановка требовала немедленных наших действий. Но, с одной стороны, не все части, предназначенные для удара, заняли исходное положение, а с другой — нам не совсем ясно рисовалась группировка противника, действовавшего на путях к Самаре, в отношении частей 6-го левофлангового корпуса белых. Но вот произошли два факта, которые чрезвычайно облегчили наше положение и дали сигнал к началу операций, не считаясь со степенью сосредоточения частей.

Первым фактом явился разгром 4-го корпуса белых на реке Салмыш. Здесь противник, подготовляя окружение частей нашей 1-й армии, неосмотрительно переправился через реку Салмыш и попал под сосредоточенный удар наших частей. Чрезвычайно искусными действиями 1-й армии противник был прижат к реке и почти целиком

уничтожен, оставив в наших руках значительные трофеи. Эта победа, поднявшая настроение наших войск, развязывала нам руки в отношении использования 24-й дивизии, которой была дана задача, наступая уступом за правым флангом нашей ударной группы, обеспечивать ее от всяких неожиданностей справа (с востока); а такие неожиданности могли быть, ибо мы уже знали о предполагаемом сосредоточении к Белебею последнего резерва Колчака—корпуса

М. В. Фрунзе в РВС южной группы (май 1919 г.).

Каппеля. Вторым счастливым для нас обстоятельством, ускорившим начало нашего контр-удара, явился захват красноармейцами 73-й бригады 25-й дивизии неприятельских ординарцев 11-й дивизии 6-го корпуса, везших приказ дивизии, выявивший нам всю группировку белых.

Намечая удар от Бузулука, мы сомневались в истинном расположении 6-го белого корпуса и, в частности, его правой, 11-й, дивизии, которая могла угрожать восточному флангу нашей ударной

группы. В зависимости от расположения этой дивизии требовалось нацелить наши правофланговые части так, чтобы, при оторванном от других частей своего корпуса расположении 11-й дивизии, не подставить нашего фланга под ее удары. В случае подхода этой дивизии вплотную к левому флангу 3-го корпуса противника, –сделать и ее объектом нашего глубокого охвата.

Из перехваченного приказа выяснилось, что все три наличных полка этой дивизии (4-й полк был под Оренбургом) находятся против фронта расположения нашей 73-й бригады 25-й дивизии. Воспользовавшись этим, 73-я бригада неожиданно для белых начала наступление, в результате какового 41-й полк белых, занимавший центральный участок, сдался нам целиком, перебив почти всех своих офицеров. Фланговые полки дивизии, узнав о происшедшей катастрофе в своем центре, частью отошли, частью рассеялись.

Таким образом, разгром 11-й дивизии противника явился первым звеном в цепи целого ряда дальнейших побед, столь искусно организованных под руководством М. В. Фрунзе.

Ход дальнейших военных действий выразился в следующем. Начав наступление 28-го апреля энергичным комбинированным ударом, с фронта 5-й армией и во фланг и тыл Бугурусланской группе противника нашей ударной группой со стороны Бузулука, –наши части в первые же дни достигли значительных успехов, и уже 4-го мая был взят Бугуруслан.

Громя отступающие части белых, невзирая на наступившую невероятную распутицу, чрезвычайно затруднявшую ведение операции, 17-го мая красные войска уже взяли Белебей. После упорного сопротивления, 9-го июня пала и Уфа, чем закончилась непрерывная шестинедельная боевая операция, нанесшая армиям Колчака настолько тяжкие, смертельные удары, что оправиться от них он уже не смог.

Дальнейшие операции на Восточном фронте имели по существу характер стратегического преследования, ведшегося с нашей стороны лишь одной 5-й армией, что позволило все остальные силы и средства перебросить на другие участки, в частности, на Южный фронт, потребовавший очередных усилий всей страны, ввиду начавшегося там генерального наступления контр-революционных сил, возглавляемых Деникиным.

Бугуруслано-Уфимская операция, разыгранная М. В. Фрунзе при личном его не только стратегическом, но и тактическом (как это было, например, под Уфой) руководстве, во всех отношениях является одной из самых блестящих операций, какие только знает военная история.

Трудно себе представить более неблагодарную исходную обстановку, чем та, которая была в наличности при подготовке нашего контр-удара. Достаточно беглого взгляда на группировку противных

сторон к концу апреля, чтобы понять всю тяжесть и опасность нашего стратегического положения.

Добиваясь решительных ударов в кратчайший срок,—ибо всякая проволочка времени при создавшейся тогда обстановке не только грозила срывом задуманной М. В. Фрунзе операции, но могла поставить наши силы в безвыходное положение, при котором никакой контр-маневр не стал бы возможным,—нам приходилось свою ударную группу сосредоточивать в районе, тыл которого был обращен к мятежному Уральскому казачеству, проявлявшему в то время чрезвычайную активность. Пути сообщения района сосредоточения с единственной нашей базой—Самарой—отходили от фланга вдоль единственной нашей артерии—ж. д. Бузулук—Самара. При такой обстановке соответственная подготовка операции и энергичное, упорное, не считаясь с возможными временными неудачами на второстепенных участках, проведение ее имели особо серьезное и важное значение.

И вот, в этом отношении необходимо особо отметить следующее:

1. Подготовляя удар, было решено осуществить как можно полнее принцип сосредоточения превосходных сил, собрав в пункте удара, как уже указывалось выше, максимум того, что было и что могло быть в распоряжении командования Южной группой. В этом отношении главные затруднения заключались в разрешении вопроса, сколько сил необходимо оставить для удержания нашего положения в районах Уральска и Оренбурга.

Что касается Уральска, то важность сохранения там занимаемого нами положения диктовалась необходимостью обеспечить непосредственный тыл Бузулукской ударной группы; тем не менее оттуда была снята лучшая половина армии—25-я дивизия. В отношении Оренбурга, менее важного в стратегическом отношении, не исключалось полное его очищение, в расчете, что решительная победа к северу от Бузулука над главной группировкой противника, несомненно, вновь вернет нам и Оренбургский район. Однако, к такой крайней мере, исходя главным образом, из громадного политического значения, которое имел Оренбург,—благодаря изумительным организаторским талантам М. В. Фрунзе и его тонкому военному чутью, прибегнуть не пришлось. Для обеспечения Оренбурга, из состава полевых войск там был оставлен всего лишь один полк 31-й Оренбургской дивизии. Этот полк явился ядром, вокруг которого развернулись в Оренбурге боевые рабочие формирования, о чем будет сказано дальше.

Таким образом, вся Туркестанская армия, на которую возлагалась борьба с Оренбургским казачеством, была снята и включена в ударную группу. Далее, невзирая на чрезвычайно тяжелое и разбросанное положение 1-й армии, и ее части были притянуты к району

удара. Одна бригада 24-й дивизии была непосредственно включена в состав ударной группы, а остальные две бригады работали в интересах группы, прикрывая наш ударный кулак справа. Наконец, в состав ударной группы было решено направлять и все те подкрепления, которые нам были даны или которые могли прибыть в наше распоряжение в процессе операции.

Однако в этом смысле нам не удалось провести намеченное решение в отношении частей 2-й дивизии, переброшенной в Самару из центра. Части этой дивизии к началу операции находились еще в Самаре и в ближайшие дни не могли быть переброшены в район ударной группы для участия в первом натиске, вследствие недочетов транспорта. Железная дорога не справлялась с массовыми перевозками, требовавшимися от нее для сосредоточения всего необходимого.

Одновременно с началом нашего наступления от Бузулука, противник, продолжая свой оперативный план, достиг максимальных тактических успехов. Овладев на левом фланге 5-й армии районом Сергиевска, он грозил выходом в тыл армии на Кротовку, где был расположен штарм и где пролегала железная дорога из Самары на Бузулук, бесперебойность работы коей имела для нас первостепенное значение.

Парировать тактический успех врага было нечем: 5-я армия не имела под рукой никаких свободных частей, и единственное, чем можно было воспользоваться для этой цели, были части 2-й дивизии. Однако они находились в таком удалении от критического района, что прибыть туда обычным походным порядком для ликвидации прорыва не могли.

И вот, для подачи подкреплений в район Сергиевска, части 2-й дивизии начали перевозиться на всем, на чем было можно: часть дивизии была подвезена до Кротовки по железной дороге, часть отправлена на судах вверх по разлившемуся притоку реки Самары (Самарки)—реке Соку,—и, наконец, часть была отправлена на грузовиках, собранных в одну ночь со всего армейского тыла. В результате, сергиевский успех противника был ликвидирован, но 2-я дивизия уже не могла попасть на главное направление нашего удара.

Надо признаться, что М. В. Фрунзе очень не сочувствовал направлению 2-й дивизии на Сергиевск, возлагая большие надежды если не для ее использования в районе первоначального удара, то при развитии нашего успеха, ожидавшегося под Бугурусланом, для осуществления основной мысли операции—отрезания противника от путей отхода к Уфе. Однако соображения психологического порядка склонили его к согласию на передачу 2-й дивизии в распоряжение 5-й армии. Дело в том, что, при нашем предполагавшемся успехе под Бугурусланом, конечно, сергиевский успех противника,

Командиры и комиссары 25-й стрелковой дивизии, взявшей Уфу 9-го июня 1919 г.
В центре—т. т. Чапаев и Фурманов.

успех местный, тактический, не мог иметь существенного материального значения, но морально он мог повлиять весьма пагубно на психику войск ударной группы, особенно если бы противнику хоть на короткое время удалось перехватить железную дорогу на Самару. Надо помнить, что, подготовляя удар от Бузулука в столь деликатной стратегической обстановке, следовало сделать все, чтобы не заставлять войска ударной группы оглядываться на Самару, непрерывная связь с которой имела столь жизненное значение.

В общем, осуществляя принцип сосредоточения в районе удара возможно большего количества сил, командование Южной группы добилось того, что на второстепенных, временно-пассивных участках осталась меньшая часть всех наличных сил, а около $^{2}/_{3}$ всех полевых войск, и в том числе вся наличная конница, были предназначены для решения операции на главном направлении.

2. Заботясь о сосредоточении в ударном районе возможно большего числа войск, командование Группы учитывало также и качество их, и в этом отношении, жертвуя интересами весьма важного Уральского района, М. В. Фрунзе в состав ударной группы в качестве наиболее крепкого ее ядра назначил 25-ю дивизию.

Эта дивизия была единственной на всем Восточном фронте, которая, при некоторых своих партизанских настроениях, всегда с полным успехом выполняла все возлагавшиеся на нее боевые задачи, как бы тяжелы они ни были.

Действительно, эта дивизия назначалась всюду, где требовался быстрый и решительный успех. Мы видели ее в январских боях, когда ее усилиями берется Уральск; она играет первую скрипку в Бугурусланской операции; она же включается в состав Туркестанской армии, как главная сила, при проведении Уфимской операции под личным начальством М. В. Фрунзе, и ее усилиями и доблестью, главным образом, достигается успех под Уфой; наконец, эту же дивизию ждут, не дождутся для освобождения осажденного Уральска. Будучи переброшенной туда после взятия Уфы, она решает участь мятежного Уральского казачества.

3. Далее, заслуживает исключительного внимания та непоколебимая твердость, с которой раз начатая решительная операция проводилась в жизнь. В этом отношении надо удивляться той выдержке, которую проявлял М. В. Фрунзе в течение всей операции— до падения Уфы включительно, не ослабляя ни внимания, ни тех средств, которые он считал необходимым дать для решения вопроса на главном направлении, как бы тяжелым ни рисовалось положение на других—для данного момента второстепенных—участках.

Чрезвычайно рельефным примером такой выдержки полководца, проявившего исключительное военное чутье, является отношение

М. В. Фрунзе к событиям под Уральском в самый разгар Бугуруслано-Уфимской операции.

Уральские казаки, получив подкрепления, воспользовались выводом из состава 4-й армии 25-й дивизии и, перейдя в решительное наступление против оставшейся в одиночестве 22-й дивизии, к середине мая достигли весьма существенных успехов. Они, оттеснив наши части в самый город, осадили Уральск, перерезали ж.-д. сообщение с Саратовом и не только стали хозяйничать в Уральском районе, но угрожали и ж.-д. сообщению Оренбурга с Самарой и даже самой Самаре. Все принимавшиеся паллиативные меры для ликвидации успеха казаков были безрезультатны. И несмотря на то что такое положение продолжалось свыше 2 месяцев, М. В. Фрунзе не поступился ни на иоту интересами главного направления. Путем разных мер, преимущественно морального порядка, он добился того, что части 22-й дивизии выдержали осаду Уральска до конца, а с возвращением в состав армии 25-й дивизии ликвидировали противника во всей Уральской области.

4. Среди мероприятий, которые проводило командование Южной группы по стратегическому обеспечению операции, должна быть особенно отмечена работа М. В. Фрунзе по созданию боевых рабочих и партийных формирований. Эти формирования использовались, с одной стороны, для укрепления полевых частей, являясь для них революционным цементом, а с другой—для нужд местной обороны важных стратегических и политических пунктов и районов.

Особенно значительная работа по формированию рабочих полков была проведена в Оренбурге. Вследствие вывода оттуда почти всех полевых войск на рабочие полки была целиком возложена оборона этого района. Действия командования и роль рабочих и партийных организаций в вопросе формирования таких рабочих и партийных боевых частей в общем ходе военных событий на Восточном фронте, и в частности в Южной группе его армий, представляются настолько важными, интересными и поучительными, что заслуживают отдельного самостоятельного исследования.

Оценивая работу по проведению этих боевых формирований, созданием коих почти целиком обязаны энергии и искусству М. В. Фрунзе, надо подчеркнуть, что только благодаря такой мере оказалось возможным так быстро и так полно осуществить победу над всей восточной контр-революцией, возглавляемой Колчаком, Дутовым и проч., и в кратчайший срок восстановить непосредственную связь с Туркестаном, имевшим для Советской страны такое огромное экономическое значение.

5. Среди мер, кои применялись для подготовки удара и обеспечения его решительного успеха, необходимо особо подчеркнуть колоссальную работу, развернутую по политической подготовке и

обработке своих частей, и агитационную работу среди населения и в частях противника.

Необходимо отметить личную работу М. В. Фрунзе в деле поднятия боевого настроения в войсках. При малейшей возможности он старался побывать на фронте в передовых частях, в самой красноармейской гуще, дабы лично ознакомиться и с настроением бойцов и с той обстановкой, в которой приходилось нашим частям нести тяжелую боевую работу.

Помимо таких поездок в перерывы боев или перед боями, М. В. Фрунзе в нужные минуты выезжал на поле сражения в самый разгар боя, чтобы на месте руководить действиями частей в наиболее важных и опасных местах. Такие выезды он производил и в первый период командования 4-й армией под Уральском, и в роли командующего Южной группой под Бугурусланом, и под Уфой, где едва избег гибели, отделавшись сильной контузией.

В числе мер побочного характера можно указать на некоторые распоряжения, клонившиеся к водворению морального успокоения в тылу, обычно всегда живущем более нервной жизнью, чем боевой фронт. Так, например, в самые тяжелые и опасные дни, когда противник почти вплотную подходил к Волге, грозя захватить железную дорогу и отрезать управление Южной группы от передовых войск, в Самаре было снято военное положение и поощрялись всякие общественные развлечения. Затем, не только было воспрещено вывозить (сверх планомерной эвакуации) какое-либо имущество, но воспрещалось разрешать выезды из Самары даже отдельным лицам. Наконец, необходимо отметить еще умышленное задерживание штаба 1-й армии в Оренбурге, хотя по оперативной обстановке командованию армией надлежало быть, примерно, в районе Сорочинской. При подготовке удара, из Оренбурга выводились все полевые части. И вот, дабы это не было истолковано в извращенном виде, М. В. Фрунзе потребовал оставления в городе и штаба армии и лично командарма 1-й тов. Гая.

В заключение, об описываемом периоде борьбы нужно сказать, что если в каждой войне бывали отдельные операции, исход которых являлся решающим для участи всей кампании, как, например первая операция на Марне в мировую войну на Французском фронте, то таковой для Советской России была Бугуруслано-Уфимская операция.

Она нанесла смертельные удары Колчаку и «колчаковщине», оказала решающее влияние на участь гражданской войны и послужила тем поворотным моментом, который предопределил исход борьбы Советской страны со всеми ее врагами.

После окончания Уфимской операции на Южную группу были возложены другие задачи, а добивать Колчака стало уделом трех

северных армий фронта. Персонально эта задача легла на М. В. Фрунзе, который в июне 1919 г. был назначен командующим Восточным фронтом. Командование Южной группой, впредь до переименования ее в Туркестанский фронт, т.-е. до середины августа, было возложено на меня.

Задачи, возложенные на группу, из состава которой еще 10-го мая была изъята 5-я армия и взамен ее включена Астраханская группа, переименованная затем в 11-ю армию, по существу являлись продолжением выполнения прежних. Они сводились к занятию Оренбург-

Схема ликвидации Оренбургского и Уральского казачеств (июль 1919—январь 1920 г.).

ской и Уральской областей и ликвидации казачьей контр-революции, имея конечной целью продвижение к Туркестану. Кроме того, на Южную группу возлагалось обеспечение Астраханского района и поддержание связи его с 4-й армией путем надежного прикрытия железной дороги Саратов—Красный Кут—Астрахань.

Последующие боевые действия свелись к борьбе тремя очагами: в одном из них, в районе Астрахани, велась борьба с крайними правофланговыми, преимущественно конными, частями армии Деникина, имевшими базой действий Царицын. Борьба эта по существу никакой связи с прочими частями Южной группы не имела, ввиду чего действовавшая в Астраханском районе 11-я красная армия вскоре была включена в состав Юго-восточного фронта.

Другим очагом являлась Уральская область, в которой 4-я армия, усиленная 25-й дивизией и другими частями, прибывшими из внутренних районов, возобновила активные действия против уральских казаков. Борьба эта велась с переменным успехом, носила затяжной характер и была, уже под руководством М. В. Фрунзе, как командующего Туркестанским фронтом, закончена лишь к январю 1920 г. Главнейшим моментом этой борьбы, обнаружившей большое упорство уральских казаков, их организованность и искусство вести подвижную, маневренную войну, явился налет противника 5-го сентября на Лбищенск, разгром части 25-й дивизии, захват штаба дивизии и гибель знаменитого самородка, начальника этой дивизии, тов. Чапаева. Под влиянием чрезвычайно тяжелого морального впечатления от этой неудачи наши войска в последующих схватках с казаками не выдерживали их натиска. Это привело в конце-концов в начале октября к новому хозяйничанию казаков в Уральской области, новой осаде Уральска, перехвату железной дороги Уральск - Саратов и угрозе железной дороге Оренбург—Самара.

Серьезность создавшегося положения привела к необходимости, после ликвидации противника в Оренбургском районе, значительно усилить войска, предназначенные для борьбы с Уральским казачеством. Против казаков начался концентрический нажим с запада, с севера и востока частями 4-й и 1-й армий, под непосредственным начальством вновь назначенного командарма 4-й тов. Васканова. В результате этого наступления, начавшегося в конце октября, невзирая на весьма тяжелые условия театра борьбы и наступившую суровую зиму,—уральская казачья контр-революция была, наконец, окончательно сломлена. Двадцатого ноября вновь был занят Лбищенск, а к 5-му января 1920 г. красные части вышли на берега Каспия и захватили последний казачий оплот—Гурьев (схема на стр. 185).

Продолжительная, длившаяся свыше года борьба с белым уральским казачеством была закончена героическим зимним походом, во время которого наши части в два зимних месяца, при невероятно тяжелых условиях, прошли 500 *км.* Попутно с вытеснением Уральского белого казачества, вдоль главного операционного направления по р. Уралу на Гурьев предприняты были степные экспедиции против отдельных казачьих контр-революционных гнезд: укр. Уильского и, Джамбентинской Ставки взятых 14-го и 21-го ноября.

Значительно успешнее для нас шла борьба в третьем очаге—в Оренбургской области и на путях к Туркестану. Здесь попрежнему мы имели дело с двумя группировками противника: с Южной армией генерала Белова, который, будучи отрезан от главной массы войск Колчака, стал снижаться к югу с целью пройти в Туркестан, и с группой Оренбургских казачьих войск, тщетно пытавшихся овладеть столицей края—Оренбургом.

Операция против группы Белова имела целью перехватить с юга пути его отхода на Туркестан и уничтожить эту группу путем окружения ее в районе севернее Орска. Действия эти свелись к так-называется Орской операции. Последняя хотя и кончилась нашей полной победой, но не привела к полному уничтожению противника, часть войск коего вместе с Беловым успела проскочить на юг.

25-я дивизия в пути, после взятия Уфы, на освобождение Уральска в июле 1919 г.

Главнейшие моменты борьбы на этом участке характеризовались переходом 25-го августа на нашу сторону Башкирской конной бригады Муртазина, в тот же день выступившей против белых заодно с нами, и затем двумя крупными успехами наших войск: 29-го августа при овладении Орском и 1-го сентября под Лаушенском, при чем, помимо других значительных трофеев, в бою под Орском нам добровольно сдалась в плен вся 5-я Оренбургская стрелковая дивизия белых.

Одновременно с попытками остатков Южной армии генерала Белова прорваться на юг к Туркестану, другая группа белых, в виде наиболее упорных казачьих частей, возглавляемых Дутовым, после

безуспешных попыток овладения Оренбургом стала, под давлением нашего Оренбургского отряда, также отходить на юг в общем направлении на Актюбинск. Преследование этой группы противника сопровождалось целым рядом наших побед, где главная роль принадлежала нашей 3-й кавдивизии, проявлявшей под командованием тов. Тимофеева необычайную активность, выносливость и лихость. 17-го августа нами был взят Илецк, а 27-го августа, под Вознесенском, 3-я кавдивизия на-голову разбила отборные части противника, захватив большие трофеи.

2-го сентября, после двухнедельного похода, пройдя с боями 250 *км*, наш Оренбургский отряд захватил Актюбинск, являвшийся весьма важным пунктом на путях к Туркестану. Сюда 8-го сентября явилась к нам делегация от частей Южной армии Колчака с предложением сложить оружие. Пока шли переговоры, наше наступление продолжалось, и после занятия нами 10-го сентября Темира и Джурума, 11-го сентября, почти вся армия Белова, в числе свыше 20.000 человек, с огромным имуществом безоговорочно сдалась нам в плен. Через два дня, 13-го сентября, в 13 часов, состоялась встреча наших передовых частей с красными войсками Туркестана на ст. Мугоджарской, и с этого момента открылся путь в Советский Туркестан. После восстановления жел.-дор. движения, прекратившегося вследствие порчи пути,—для реорганизации военного управления Туркестана и руководства борьбой с белыми фронтами в Закаспии и в Семиречьи и подавления в Фергане басмаческого движения, в конце октября из Самары выехала часть РВС Туркфронта и состоявшая из военных специалистов особая комиссия, возглавляемая мною. Ввиду невозможности руководства операциями, ведшимися в Туркестане, из Самары, в ноябре 1919 г. была учреждена должность командующего войсками Туркестана, на каковой должности я пробыл до 22-го февраля 1920 г., когда в Ташкент прибыл М. В. Фрунзе.

Оценивая этот второй период борьбы армий Южной группы, а затем Туркестанского фронта, период после вытеснения главных сил Колчака за Уральский хребет, надо вновь отметить необычайное искусство, которое было проявлено М. В. Фрунзе при проведении операций уже совсем другого рода и в совершенно иной боевой обстановке. Если можно считать, что борьба с Колчаком была борьбой с регулярной армией, то боевые действия против иррегулярных казачьих частей требовали применения совсем других методов. Другие методы требовались не только в вопросах высшего управления и в вопросах стратегии, но и в действиях самых войск, в их тактике, и нужно удивляться, как М. В. Фрунзе быстро приспособлялся к новой обстановке, как он улавливал и подмечал характерные особенности действий, требовавшихся для достижения успеха. В борьбе с конным, чрезвычайно подвижным, предприимчивым

и хитрым противником требовалась чрезвычайная выдержка, терпение и настойчивость. Все эти качества были выявлены М. В. Фрунзе в полной мере. Он, так же как и в предыдущей Бугурусланo-Уфимской операции, умел расценивать обстановку, улавливать важные моменты и важные участки. На них он сосредоточивал свое преимущественное внимание в ущерб всему остальному, мирясь с временными неудачами в тех районах, которые, так сказать, могли подождать. В этом отношении весьма показательна стратегия М. В. Фрунзе при ведении одновременной борьбы с двумя противниками в разных и мало непосредственно связанных районах—Оренбургской и Уральской областях.

По условиям обстановки Оренбургский район, имевший связь с Колчаком и закрывавший доступ к Туркестану, был важнейшим. И мы видим, как М. В. Фрунзе настойчиво,—в ущерб Уральскому району,—добивается решительных успехов против Белова и Дутова. Расправившись с ними в короткий срок, только тогда сосредоточивает он все свои силы на Уральском направлении и добивается и там полной победы.

Заканчивая на этом свои воспоминания о событиях, которые я лично переживал, считаю необходимым выразить пожелание, чтобы наследство, которое нам оставила Красная армия, вынесшая на своих плечах титаническую борьбу и отстоявшая своей грудью власть рабочих и крестьян, а также подвиги вождей этой армии,—явились предметом тщательного изучения. Особенно внимательно и пытливо надо изучать изумительную полководческую деятельность покойного М. В. Фрунзе, давшего нам классические образцы вождения к победам рабоче-крестьянской Красной армии над ее классовыми врагами.

ЭЙХЕ

5-Я АРМИЯ В БОРЬБЕ ЗА ЗАПАДНУЮ СИБИРЬ

ЛАН Колчака задержать и разбить красные войска в горных проходах Урала потерпел неудачу, и перед 5-й армией, занявшей 13-го июля 1919 г. Златоуст, открылся путь в Западную Сибирь, на необъятных равнинах которой в упорных боях в течение ближайших месяцев была окончательно решена судьба «верховного правителя России»—Колчака.

Ближайшей целью наших войск, переваливших через Урал, был Челябинск, имевший крупное военное и политическое значение. Прежде всего, Челябинск был узловым жел.-дор. пунктом, с потерей коего белые лишались возможности пользоваться железной дорогой Челябинск Екатеринбург, соединявшей по кратчайшему направлению вдоль их фронта Западную и Сибирскую армии и не только облегчавшей переброску резервов, но и обслуживавшей тылы этих армий. Крупные жел.-дор. мастерские, а также расположенные около Челябинска угольные копи увеличивали военно-экономическое значение этого района. Но не меньшее значение имел Челябинск и в политическом отношении: Челябинск, это ворота в Сибирь, и занятие Челябинска победоносной Красной армией должно было всколыхнуть массы враждебно настроенного к Колчаку сибирского крестьянства, ободрить и укрепить революционный дух затравленного и потерявшего многих из своих лучших сынов немногочисленного рабочего класса Сибири, поднять боевой дух и усилить энергию злейших врагов Колчака красных партизан Сибири.

Было очевидно, что белые не отдадут Челябинска без боя,—тем более, что военная обстановка казалась благоприятной для нанесения

контр-удара. На южном Урале 1-я Красная армия во второй половине июля находилась еще по ту сторону хребта; 5-я армия, перевалив через хребет и спустившись в равнину, выдвинулась вперед, вследствие чего ее правый фланг не был обеспечен; левее 5-й армии действовала наша 3-я армия, но главные силы ее наступали от Екатеринбурга на восток, имея перед собой Сибирскую армию белых, и, таким образом, непосредственного участия в боях в районе Челябинска принимать не могли.

План белых состоял в том, чтобы использовать выдвинутое и изолированное положение 5-й армии. Сосредоточив севернее Челябинска сильную ударную группу в составе 6 пехотных дивизий и кавалерийской бригады, белые решили в тот момент, когда наши войска займут г. Челябинск, обрушиться на них этой группой с севера, сбить их, отбросить на юг и, отрезав пути отступления к горным проходам, прижать нас к Уралу и уничтожить. Из глубокого тыла были брошены под г. Челябинск последние резервы белых три вновь сформированных сибирских дивизии.

Если теперь мы можем сказать, что маневр белых должен был потерпеть неудачу, так как при создании плана ими была допущена крупная основная ошибка, заключавшаяся в отсутствии подготовки пригодных для выполнения этого маневра войск и в недооценке боевых качеств красных войск,—то в те тяжелые семидневные бои конца июля 1919 г. мы лишь ценой полного напряжения всех наших нравственных и физических сил пришли к победе под Челябинском. 24-го июля 5-я армия заняла Челябинск, а 26-го июля белыми был уже нанесен удар по наступавшей севернее Челябинска 35-й стр. дивизии, которая стала отходить, открывая этим левый фланг 27-й дивизии, занимавшей район Челябинска. Для ликвидации этого маневра, командование 5-й армии, ввиду отсутствия армейского резерва, вынуждено было направить во фланг ударной группе белых соседние с 35-й 27-ю и 5-ю дивизии, одновременно увеличив участки тех войск, которые не принимали участия в этом контрманевре, и севернее Челябинска завязались упорные бои, при чем город оказался в сфере артиллерийского огня белых. В эти критические дни, когда решалась участь Челябинской операции, на помощь нашим войскам выступил отряд в несколько сот челябинских рабочих, что имело, прежде всего, большое моральное значение.

Южнее Челябинска действовала 26-я стр. дивизия, растянутая на 100 *км* по фронту и притом ослабленная выделением полка с батареей в район 27-й дивизии. На участке 26-й дивизии наступали 3-я пех. дивизия и 3 кав. бригады белых, которые, в случае прорыва фронта дивизии, могли ударом с юга на Челябинск, в тыл нашим войскам, действующим севернее города, решить исход завязавшихся боев (смотри схему на стр. 193).

Противостоять таким значительно превосходным силам дивизия могла, только действуя активно и сковывая силы белых на своем участке своим решительным наступлением. Однако, тяжелое положение дивизии осложнялось тем обстоятельством, что она испытывала острый недостаток в патронах и тем не менее понимала, что с 15–20 патронами на стрелка можно только наступать, нападать, удерживая тем самым инициативу в своих руках, но никак не обороняться. Дивизия так и действовала; ее части, наступая, занимали ряд ближайших деревень, но к вечеру вынуждались к отходу из-за недостатка патронов; на утро, пополнившись ничтожным запасом патронов, которые удавалось за ночь подвезти из ружейно-пулеметных складов или изъять у тыловых частей, дивизия стремительным наступлением вновь выбивала белых из деревень, которые накануне были оставлены, а затем к вечеру опять оказывалась в своем исходном положении.

Это был единственный способ сковывать значительные силы противника на своем фронте.

Можно было бы привести многочисленные примеры воли к победе и геройства не только отдельных бойцов, но даже целых частей. Так, несколько рот Карельского полка, известного противнику настолько, что за каждого взятого карельца была объявлена награда в 100 руб. деньгами, оказались отрезаны от полка и окружены белыми. Попытка выручить роты не увенчалась успехом, и их считали уже погибшими. Но карельцы до наступления темноты отбивались от окружавшего их противника, а ночью, без единого выстрела, ударом в штыки прорвались и на другой день присоединились к своему полку.

Пока шли бои южнее Челябинска, прорывающаяся ударная группа белых севернее города стала терпеть поражения. Уже через несколько дней было ясно, что операция белых не удалась. Но противник учел слабость и колебания фронта на участке южнее Челябинска. Поэтому, отступая с упорными боями на участке 35-й и 27-й дивизий, он решил прорвать фронт армии на участке 26-й стрелковой дивизии и ударить на Челябинск с юга. Производившаяся им с этой целью перегруппировка не ускользнула от внимания нашего командования, и 2-го августа 26-я стр. дивизия, получив, наконец, патроны, усилившись как возвращенным ей из 27-й стр. дивизии полком и батареей, так и сокращением своего участка за счет передачи его на левом фланге 27-й стр. дивизии,— перешла в наступление с задачей, не дав белым закончить сосредоточение сил, разбить их и отбросить на восток. Общими усилиями всех войск 5-й армии эта задача была выполнена, и уже 5-го августа белые на всем фронте армии начали поспешно отходить, оказывая лишь слабое сопротивление.

Челябинская операция была закончена. Контр-маневр белых потерпел непоправимую неудачу. Последние резервы глубокого тыла были брошены под Челябинск и там разбиты. Ожесточенные упорные бои истощили силы 3-й армии белых и надломили дух ее войск. Армия отходила на восток почти без сопротивления; причина была не только в том, что белые потерпели поражение,—она лежала гораздо глубже: армия потеряла способность сопротивления. Чтобы сохранить уцелевшие кадры армии, чтобы еще раз попытаться

Схема Челябинской и Петропавловской операций.

приостановить наше наступление,—необходимо было дать им возможность привести себя в порядок, передохнуть, пополниться. Но этой передышки им не давала быстро наступавшая Красная армия, план действий которой состоял именно в том, чтобы не дать белым остановиться, преследовать их безостановочно, усиливая этим процесс их разложения. Чтобы выиграть время, белым приходилось терять пространство. И в течение всего августа—от Челябинска и до Петропавловска—белые отступают, задерживаясь арьергардами лишь настолько, чтобы не превратить отхода тыла и основной группы войск в беспорядочное бегство.

Преследуя отступавших белых вдоль Великого сибирского пути, 5-я армия должна была обеспечить свой правый фланг от действовавших в районе Троицк—Кустанай казачьих партизан. Для этой цели 26-я дивизия заняла приданной ей кав. бригадой Троицк. При приближении наших войск к Троицку из города вышел навстречу отряд в 150 вооруженных рабочих, не побоявшихся возможных репрессий по отношению к своим семьям со стороны отступавших белых. Сюда же перебрасывалась и 35-я дивизия, занявшая Троицк и Кустанай, с занятием которых образовывался Троицкий укрепленный район для борьбы с казачьими отрядами, появлявшимися из степи.

Продолжая свое безостановочное отступление, белые не попытались задержать красные войска даже на линии р. Тобола, который хотя и не представлял серьезного водного препятствия, имея в этом районе ширину лишь в 40—60 *м*, а также броды, мостовые и паромные переправы, но все же мог бы послужить естественным рубежом, на котором можно было бы попытаться оказать сопротивление с целью выиграть время. 18—20-го августа части 5-й армии переправились через Тобол, не встретив серьезного сопротивления со стороны белых, которые даже не испортили некоторых мостов, и в конце августа главные силы армии были уже в двух переходах от г. Петропавловска, вновь выдвинувшись вперед, так как 1-я армия находилась в районе Орска, более 400 *км* юго-западнее Троицка.

Со времени боев под Челябинском прошло около месяца. Белые выиграли месяц времени, но 5-я армия подвинулась на 600 километров на восток, приближаясь к столице Колчака—к г. Омску. Сибирское крестьянство, не говоря уже о рабочих, встречало Красную армию сочувственно. Объявленная Колчаком в прифронтовой полосе мобилизация провалилась; 30-го августа в район 26-й стр. дивизии вышли 500 человек мобилизованных Колчаком крестьян, пригнавших с собой весь свой скот. И даже в политически наиболее неблагоприятных для нас районах лишь старики-казаки уходили с отступающими белыми, молодежь же была в большинстве с нами, пополняя наши ряды не одной сотней добровольцев. В тылу белых все ширились крестьянские восстания. Массы восставшего крестьянства, организованные в боевые части, представляли собой грозную силу, разрушая тыл белой армии. Они били по самому чувствительному месту противника тем, что рвали сообщения по сибирской ж.-д. магистрали, пускали под откос поезда с военными припасами, затрудняя этим подвоз закупленного за границей вооружения, обмундирования и т. д. по единственной и притом слабой провозоспособности железной дороге.

Вести успешную борьбу при наличии такого тыла было нельзя, и среди белых начались разговоры о необходимости бросить Сибирь

и итти на присоединение к Деникину; так, ген. Каппель, после отхода за р. Тобол, в речи к солдатам сказал, что, в крайнем случае, он прорвется в конном строю на юг к Деникину.

Представители иностранных держав, войска коих, в том числе и чехо-словаки, приняли на себя охрану железной дороги, помышляли уже о том, как бы целыми выбраться из Сибири. Престиж власти Омска падал, и чтобы его поднять, чтобы удержать иностранцев, заслужить их поддержку,—необходимо было показать, что отступление кончилось, что армия «верховного правителя» вновь перешла в победоносное наступление и громит своих врагов.

О том, что Колчак готовится дать нам решительный бой, было давно известно. Уже со времени нашей переправы через р. Тобол

Части 5-й Красной армии в Сибири, в районе Омска, зимой 1919 г.

стали поступать сведения, что в районе Петропавловска сосредоточиваются крупные силы белых, что здесь спешно сооружаются полевые укрепления. Со слов пленного офицера было известно, что Колчак на фронте в речи к солдатам сказал: «Я бросил сюда максимум пехоты при поддержке многочисленной артиллерии, чтобы сломить упорство красных. Знайте, что исход Петропавловской операции решит судьбу мою или красных».

Но красное командование недооценивало военную обстановку. Перейдя р. Тобол, 5-я армия наступала на восток широким фронтом, при чем правый фланг ее двигался южнее тракта на г. Петропавловск.

Между тем перед Петропавловском, в районе разъезда Матасы, завязались упорные бои с остановившимся противником.

Прежде чем перейти к описанию дальнейших событий, следует упомянуть об интересном боевом эпизоде на участке 27-й дивизии, наступавшей севернее железной дороги. При занятии

242-м стр. полком этой дивизии одной деревни в ней были захвачены два ординарца противника с донесением от командира батальона 46-го Исетского полка своему командиру полка об отступлении батальона и предполагаемом им ночлеге именно в этой деревне. Тогда командир 242-го стр. полка решил воспользоваться незнанием противника, что намеченная для ночлега деревня уже занята красными, и устроил в ней засаду. Подошедший батальон был впущен в деревню, здесь окружен и обезоружен, не успев оказать сопротивление. В результате этой смело и искусно проведенной засады в наши руки попало 12 офицеров, 150 солдат и несколько пулеметов. Здесь же необходимо упомянуть о предательском приеме белых на участке той же 27-й дивизии, когда одна часть белых при приближении наших наступающих цепей прекратила огонь и знаками стала показывать о своем желании сдаться. Так как настроение солдатской массы было нам известно и случаи сдачи в плен целых частей были не редкостью, то наши цепи прекратили огонь и подпустили к себе противника, чем тот воспользовался и открыл ожесточенный пулеметный и ружейный огонь.

В течение боев у разъезда Матасы 3-я бригада 26-й дивизии понесла тяжелый урон, потеряв за один день около 500 человек убитыми и ранеными. Начдив, опасаясь, что фронт дивизии будет прорван именно в районе железной дороги, вводит на этом участке в дело два полка резервной бригады. Вокруг этого малозначительного разъезда Матасы разгораются ожесточенные бои. Командование 5-й армии стремится содействовать разгрому в этом районе белых, направляя сюда удар 27-й стр. дивизии и прося о содействии правого фланга нашей 3-й армии. Здесь сосредоточивается внимание 5-й армии, здесь расходуются последние резервы 26-й стр. дивизии. Хотя разведывательная сводка штаба армии от 1-го сентября говорит, что 7-я, 11-я и 4-я дивизии противника выведены им в резерв и поэтому следует ожидать активности с его стороны,—общий вывод таков, что белые только пытаются задержаться, чтобы закончить подготовку укреплений у г. Петропавловска и реки Ишим, а затем уже отойти за эту реку. Войска и командование были рады, что, наконец, белые остановились, ибо этого, как все думали, будет достаточно, чтобы их разбить.

Правда, в последний момент, накануне разгрома фланга дивизии, начдив 26-й приказывает выделить боковой отряд силой в батальон пехоты с пулеметами, с целью охраны правого фланга дивизии, для чего батальон должен двигаться на полперехода южнее правофланговых частей дивизии.

Но было уже поздно. Батальон не мог задержать наступающую во фланг дивизии группу белых и уже на следующий день был отброшен ею к северу от тракта.

Обстановка была исключительно благоприятна для выполнения белыми ближайшей их задачи: задерживаясь на железной дороге, чтобы привлечь сюда наши силы и внимание,—обходной группой разбить наш правый фланг и отбросить его к северу.

Схема боевых действий с 2-го по 10-е сентября.

Но судьба была против белых. 2-го сентября нам удалось захватить боевой приказ по казачьей группе генерала Доможирова, раскрывавший нам как план белых, так и те силы, которые его выполняли. Из приказа было видно, что противник направляет в обход

нашего фланга для удара с юга 7-ю и 11-ю пехотные дивизии и что образовавшаяся группа казачьих частей генерала Доможирова (всего около 2.000 сабель) имеет задачу — одновременно с упомянутыми дивизиями ударить в наш тыл (см. схему на стр. 197).

Такие случаи, когда план крупной операции попадает в руки противника почти одновременно с началом операции, чрезвычайно редки. Нельзя было сомневаться в подлинности приказа, ибо оперативные донесения штаба 26-й дивизии подтверждали, что наступление уже началось: 7-я и 11-я дивизии белых, от которых штарм 5-й ожидал активности еще 1-го сентября, теперь выявились. Тогда командование 5-й армии решило, задерживая противника на фронте 27-й и 26-й дивизиями, сосредоточить за правым флангом армии, в районе п. Кабаний—п. Екатерининский, 5-ю стр. дивизию, которая находилась у ст. Варгаши, и четыре полка 35-й дивизии, из которых три полка должны были прибыть к месту сосредоточения форсированным маршем из Звериноголовской, а один полк перебрасывался из Троицка по железной дороге через Челябинск к ст. Макушино, откуда походным порядком должен был итти на соединение со своими полками. Однако это сосредоточение могло закончиться только к вечеру 6-го сентября, а ударная группа белых начала свои действия против правого фланга армии уже 2 сентября.

С переходом белых в контр-наступление начались ожесточенные встречные бои, при чем артиллерийский огонь противника достиг такой силы, что бывали случаи, когда наши части выбивались из занятых нами деревень одним только огнем. Уже 2 сентября командир 2-й бригады 26-й дивизии докладывал, что люди совершенно устали и что ротами командуют красноармейцы, так как весь младший комсостав уже выбыл из строя. Ощущался также недостаток патронов в дивизии. Но главным преимуществом белых была их многочисленная конница, которая, прорывая растянутый фронт наших дивизий, нападала на обозы, штабы, перехватывала ординарцев и создавала нервное настроение среди красных войск. 2-го же сентября казаки прорвались сквозь 2-ю бригаду 26-й дивизии и атаковали нашу 7-ю батарею, но были отбиты картечью.

К вечеру 3-го сентября обстановка на участке правофланговой 26-й дивизии была такова: 66-й кав. полк, прикрывавший ее фланг и тыл, ушел из п. Новорыбинской в неизвестном направлении, два полка 2-й бригады отброшены из района п. Кладбинский к северу, вся 3-я бригада и два полка 1-й бригады ведут упорные бои в районе разъезда Матасы, переходившего из рук в руки и, наконец, оставшегося за нами. Начальник дивизии решает тогда 4-го сентября восстановить положение ударом 2-й и 1-й бригад в районе Сенжарский; однако события, происшедшие 3-го сентября ночью на участке 2-й бригады, расстроили весь этот план.

Штаб 2-й бригады был расположен в д. Богатый, в непосредственной близости фронта. Под утро 4-го сентября д. Богатый подверглась внезапной атаке Ижевской бригады белых. Дороги, ведущие к нам в тыл, были перехвачены, при чем прилегающее озеро Пячное облегчало эту задачу. Сотрудники штаба, во главе с командиром бригады, уже под огнем белых проскочили по единственной еще свободной дороге в сторону фронта на д. Приютово. Весь обоз штаба бригады со средствами связи, оперативными материалами и всем прочим имуществом штаба остался в руках белых. Появление в тылу 2-й бригады столь крупных сил пехоты белых и разгром ими штабрига 2-й завершился тем, что полки бригады, оставшись без руководства, оказались глубоко охваченными и попали в тяжелое положение. Лишь на другой день они, сильно пострадавши,

Красная армия в зимних степях Сибири на подступах к Омску в ноябре 1919 г.

прорвались в район д. Степная, где приводились в порядок, чтобы снова занять боевую линию. Это был первый крупный успех белых. Правофланговая 2-я бригада 26-й стр. дивизии уже не представляла серьезной боевой силы, и поэтому начдив 26-й решает перебросить свою 1-ю бригаду из района железной дороги на тракт в районе д. Пресновская, чтобы выполнить приказ командарма и прикрывать сосредоточение 5-й и 35-й стр. дивизий. Но это решение запоздало. 66-й кавполк, отступивший 3-го сентября из д. Н.-Рыбинской, уже 5-го сентября был отброшен к д. Лопатинское и донес, что ряд деревень, километрах в 20—30 севернее тракта, уже занят белыми. Днем 5-го сентября 1-я и 2-я бригады вели бои в районе дд. Сливное—Сербовская, но уже к утру 6-го сентября 2-я бригада была вынуждена отойти через дер. Сетова в район д. Требушная, потеряв связь с 1-й бригадой дивизии. В течение всего дня

6-го сент. и ночи на 7-е сентября судьба 1-й бригады была неизвестна. Для восстановления связи с ней, наконец, послали роту с пулеметами кружным путем, через тыловой район 3-й бригады дивизии, и лишь утром 8-го сентября 1-я бригада нашлась в районе д. Золотое, где вела бой с противником.

Отход частей 2-й бригады из района д. Сливное утром 6-го сентября поставил 1-ю бригаду в тяжелое положение. Весь день, 6-го сентября, она мужественно дралась, ища связи со своими соседями; патроны были на исходе. К вечеру 6-го сентября стало очевидно, что бригада отрезана и что необходимо воспользоваться ночью, чтобы прорваться к своим. Бригаде удалось оторваться от своего противника, и, продвигаясь на запад, она вошла в связь с 234-м полком 3-й бригады, который тоже оказался в тылу у белых и теперь присоединился к бригаде. Но с присоединением полка увеличились не только силы бригады, но и тот небольшой запас патронов, который имел при себе 234-й полк. Дав людям отдохнуть и выбрав направление движения, бригада подошла под утро 7-го сентября к д. Чебакова, лежащей на пути ее движения. Головные дозоры донесли, что д. Чебакова занята противником, но силы, состав и расположение его еще не установлены.

Было решено внезапно атаковать противника в д. Чебакова, разбить его и этим не только освободить себе путь, но и нанести поражение белым. Тихо, без выстрела, в боевом порядке подошли полки 1-й бригады к самой деревне и бросились стремительно вперед. Появление с тыла атакующей бригады было настолько неожиданным для белых, удар был настолько стремительным, что занимавшая д. Чебаково 7-я дивизия белых не успела оказать сопротивление. Началась паника, беспорядочная стрельба, кое-где пытались сопротивляться, но через полчаса д. Чебакова была в руках наших войск. А еще через час бригада продолжала свой путь, захватив с собой около 500 чел. пленных, 15 пулеметов, 7 орудий, канцелярию штаба 7-й дивизии, все офицеры которого были перебиты при попытках сопротивляться. На месте осталось несколько сот убитых и раненых противника и 18 орудий, которые, из-за невозможности их вывезти, были приведены в негодность.

Успех бригады был тяжелым ударом для белых, и 7-го сентября они активности на участке 26-й стрелковой дивизии не проявляют. Между тем, сосредоточение 5-й дивизии и бригады 35-й стрелковой дивизии в районе п. Кабаний—п. Екатерининский было закончено. Командарм 5-й решает разбить обходную группу белых. Для этого начдиву 5-й, с подчиненной ему 2-й бригадой 35-й дивизии, приказано было нанести стремительный удар из занимаемого района в направлении д. Куреинское—д. Теплодубровное во фланг и тыл действующему против 26-й стрелковой дивизии противнику.

Одновременно 26-я стрелковая дивизия должна энергично атаковать белых с фронта д. Лопатинское, в направлении п. Новорыбинской.

Но, в то время, как 5-я и 26-я стрелковые дивизии, перейдя в наступление, начали одерживать некоторый успех, белые прорвали фронт 2-й бригады 27-й дивизии севернее железной дороги и, отбросив ее на ст. Лебяжье, начали теснить остальные части дивизии. Положение на железнодорожном направлении вызывает опасения командарма за фронт армии. 8-го сентября двумя директивами он окончательно бросает свой первоначальный план операции на правом фланге и резко меняет удар 26-й стр. дивизии, стремясь направлением ее на северо-восток, в район д. Головное, содействовать 27-й стр. дивизии.

5-я Красная армия в походе перед Омском зимой 1919 г.

5-я стр. дивизия и подчиненная ей 2-я бригада 35-й стр. дивизии, продолжая начатое наступление, продвигались с боями медленно и еще на третий день не достигли того рубежа, который был им указан на 7-е сентября. Полки 5-й стр. дивизии, имея все время дело с кавалерией белых, были 9-го сентября сбиты сильными пехотными частями в районе дд. Пресновская и Лопушной и, понеся значительные потери, к вечеру стали собираться в районе д. Лопатинское. От 3-й бригады 5-й дивизии осталось 300 человек, которые были сведены в батальон. 2-ю бригаду 35-й стр. дивизии постигла такая же участь. Она оказалась 10-го сентября окруженной казачьими частями в районе п. Екатерининский, при чем 308-й полк попал в плен. Остатки бригады, оставив в руках белых 8 орудий, стали на другой день собираться в районе п. Кабаний.

Итак, собранный за правым флангом армии кулак, с расчетом на удачные действия которого связывались надежды расстроить

план белых, оказался разбитым еще до того, как он успел проявить себя и нанести хоть какой-либо урон белым. В распоряжении командарма еще имелись 2-я бригада 21-й дивизии (4 полка) и 65-й кавалерийский полк. Эти части были переданы в 26-ю стр. дивизию, где, вместо того чтобы использовать приданную бригаду на одном участке, два ее полка ввели в дело на левом фланге дивизии, а два других полка перебросили на правый фланг дивизии. Все резервы армии были использованы с крайне незначительным боевым эффектом. В дальнейшем можно было рассчитывать лишь на силы тех дивизий, которые уже находились на линии фронта.

Начался период 3-недельных беспрерывных боев. Пехота белых не была нам страшна. Но эти относительно небольшие казачьи части, рыскающие вокруг наших войск и на походе и на отдыхе, нападающие в тылу на обозы, передовые склады, рвущие связь, — не столько причиняли нам материальный вред, сколько действовали на моральное состояние наших войск. В конце сентября имели место случаи, когда целые бригады отходили лишь вследствие обхода фланга и угрозы тылу со стороны прорвавшихся к нам в тыл казачьих частей.

В поисках реальной силы, которая должна была уничтожить Красную армию, Колчак остановился на казаках, как на своей последней надежде. В Омске создалось впечатление, что казачество поголовно настроено враждебно к нам и готово итти немедленно в бой. Прибывший с Дальнего Востока ген. Иванов-Ринов добился своего избрания атаманом Сибирского казачьего войска, и началось лихорадочное формирование казачьего корпуса. Его снабжали за счет тех запасов, что отнимались у действующей армии, которая, так или иначе, но все же дралась, а казаки, набрав по 2—3 комплекта обмундирования, разбегались по домам. Удалось собрать около 2.000 сабель. Наличие такой крупной, в условиях гражданской войны в Сибири, конной массы указывало на возможность использования ее для крупных операций в нашем тылу.

Имея в виду наш открытый правый фланг, отсутствие резервов, моральное состояние наших войск и нажим пехоты белых с фронта, командование белых, конечно, учитывало эту обстановку. Шесть раз получал Иванов-Ринов приказание совершить набег в наш тыл и захватить г. Курган. Два из этих приказаний были за подписью самого Колчака, но набег не был совершен. Севернее железной дороги 27-я дивизия еще держала прежний свой участок фронта. Но южнее железной дороги участки дивизии сократились как вследствие сильных потерь, так и вследствие стремления уплотнить фронт против прорывов и располагаться в глубину с этой же целью. Ночные действия применялись очень широко. На участке 26-й стр. дивизии нам удалось еще нанести несколько сильных ударов

белым (была разбита 1-я Самарская и 11-я Уральская дивизии, сильно пострадала 13-я Казанская дивизия белых), но эти частные победы не могли быть использованы вследствие отсутствия резервов и свежих войск.

Истратив все свои резервы, командование армией в дальнейшем, до самого отхода наших войск за р. Тобол, ограничивается тем, что стремится изменением направления ударов дивизий, координированием их действий добиться поражения белых, но наши войска устали, понесли большие потери, потеряли гибкость маневрирования, и это не могло не отражаться на своевременности выполнения приказов, не могло не влиять на упорство в достижении цели. Инициатива была в руках белых. При этих условиях стремление командарма руководить в быстро меняющейся обстановке своими тактическими указаниями приводило к бесконечному подталкиванию наших войск и еще большему изматыванию наших сил. Наше наступление переживало момент кризиса. Фронт армии колебался, и мы вынуждены были отойти на западный берег р. Тобол. Но эта временная стратегическая победа белых, этот выигрыш ими пространства между р. Тоболом и р. Ишимом обошелся им слишком дорого. Развивать свой успех, наступать дальше через р. Тобол на запад они уже не были в состоянии.

Наступая от р. Тобол в середине августа, мы уже через 12 дней были в двух переходах от р. Ишим, а белым понадобился месяц упорнейших боев, чтобы вынудить нас отдать этот район и отойти на западный берег р. Тобол. Но наши силы заметно поредели; 15-го августа, накануне форсирования р. Тобол, в армии насчитывалось около 22.000 бойцов, за сентябрь мы потеряли:

	Убитыми	Ранеными и контужен.	Пропавшими без вести	Больными	Итого
35-я стр. див. .	26 чел.	286 чел.	1115 чел.	948 чел.	2375 чел.
5-я » » .	20 »	296 »	814 »	500 »	1630 »
26-я » » .	258 »	2528 »	537 »	2502 »	5825 »
27-я » » .	214 »	1719 »	161 »	2795 »	4889 »
Итого . . .	518 чел.	4829 чел.	2627 чел.	6745 чел.	14719 чел.

Такие большие потери, подтверждающие интенсивность боев в течение сентября, не могли не подорвать боеспособности наших частей, и в начале октября обе армии оказались в отношении боеспособности в одинаковом положении.

С наличными силами ни та, ни другая сторона не могла начать серьезную операцию и рассчитывать на успех.

Очередь была за тылом, и тот, кто первый, восстановив свои силы, получив подкрепления, поддержку из тыла, сможет первым перейти в наступление,—тот должен иметь успех.

В этой постановке вопрос об исходе будущих боев был заранее предрешен. Объявленная в тыловом районе 5-й армии мобилизация дала нам в течение 2 недель 24.000 мобилизованных. Испытанные в боях ветераны дивизии возвращались из госпиталей, поправившись от ран и после болезней. Попавший в плен в районе п. Екатерининский 308-й полк 35-й стр. дивизии вернулся из плена и привел с собой 4 казачьих полка с 46 пулеметами. Это были те же казаки, которые месяц тому назад взяли наших бойцов в плен, а теперь, под влиянием их агитации, сами добровольно сложили оружие.

Колчак также объявлял мобилизации, но они давали ему немного. Он обращался с призывом к определенным слоям населения, но и это не могло дать ощутительного перевеса. В Омске формировались особые полки «крестоносцев», создавались отряды «черных гусар», «зеленого полумесяца». Колчак сам не верил в это войско. Он еще раз послал своего представителя к чехо-словакам звать их на помощь, обещая им землю в Сибири, денежные награды. Чехи не вернулись.

14-го октября мы перешли вновь в наступление. Через 2 недели, 29-го октября, был взят г. Петропавловск, 14-го ноября пал г. Омск— столица Белой Сибири.

Энергичное, неотступное преследование, которое мы вели после занятия Омска, восстания в армии белых, тиф—все это окончательно разложило ту все еще численно значительную массу белых, которая больше по инерции, чем с какой-либо боевой целью, откатывалась вдоль сибирской магистрали на восток, становясь легкой добычей суровой сибирской зимы и многочисленных отрядов красных партизан.

Н. КУЗЬМИН

БОРЬБА ЗА СЕВЕР

ПРИКАЗЕ Реввоенсовета СССР, после окончания борьбы на Северном фронте, 6-я северная армия была названа героической. И действительно, борьба Красной армии на Северном фронте в 1918—1920 гг. являет собою исключительную страницу в истории Красной армии, богатую примерами и героической борьбы, и энтузиазма, и упорной настойчивости, которые были продиктованы стремлением победить во что бы то ни стало.

УСЛОВИЯ БОРЬБЫ НА СЕВЕРЕ

В примерах войн, вообще говоря, не было таких, которые велись бы на 63-м градусе сев. широты. В крае, занимающем по ширине более тысячи километров, прорезанном только двумя железными дорогами и несколькими удобными для движения исключительно летом реками, сплошь покрытом лесами и болотами, в крае, чрезвычайно редко населенном, где деревня от деревни отстоит на 20—30 *км*, с суровой зимой и морозами, доходящими нередко до 40° по Реомюру,—рабочим и крестьянам пришлось вести войну, при чем войну организованную, с прекрасно снаряженным и хорошо вооруженным врагом.

6-я красная армия вела борьбу в чрезвычайно тяжелых условиях. Она редко получала пополнения из центра и все должна была находить у себя на месте. С первых же дней своей борьбы ей пришлось столкнуться с английскими, американскими, французскими, польскими войсками и хорошо слаженными белогвардейскими формированиями. Войска врагов получали прекрасное обмундирование, очень хорошо кормились, в то время как частям Красной армии на первых порах—до взятия Шенкурска, где были захвачены

крупные запасы продовольствия, приходилось питаться «мясорыбой» и хлебным пайком в полтора фунта, наполовину с овсом.

Но именно то обстоятельство, что основой войск 6-й армии были отряды петроградских рабочих и что пришлось вести борьбу сразу же с хорошо организованным европейским врагом, заставило красноармейцев очень быстро подтянуться, дисциплинироваться, вытравить в себе партизанские навыки и замашки и стать крепкими, способными к большим переходам в любую погоду, в любое время года частями. Постоянные стычки с противником привели к тому, что месяца через три после начала борьбы наши части стали способны к гибкому и победоносному маневру, научились делать переходы скрытно и скоро сбили спесь у противника, который стал значительно осторожнее, пытаясь поразить нас своим техническим превосходством.

Невольно приходят на память слова английского писателя Джером Джерома, который в 1920 г. писал: «Большевики без паровозов, без вагонов швыряют свои армии каким-то немыслимым способом с юга на север, с востока на запад и, когда нужно, ухитряются на любом фронте подавить неприятеля своей численностью. Большевики, лишенные технических средств, обороняют свои границы лучше, чем немцы, к услугам которых была чудовищно развитая техника».

Эти слова больше всего подходят к борьбе на Северном фронте, где все переброски и сосредоточение войск приходилось делать по грунтовым дорогам, при чем от войск требовалась такая точность, чтобы несколько отрядов, выйдя из разных, отстоящих на 300—400 *км* друг от друга мест в разное время и не имея между собой связи по фронту, пришли к определенному сроку в определенное место.

Это сильно поражало англичан и американцев, и не раз те или иные наши победы вызывали запросы в Лондонском и Вашингтонском парламентах.

Джером, далее, писал: «Надо сказать правду: мы своей идиотской политикой закалили русский народ,—он никогда не был упрямым. Мы привили ему это драгоценное свойство, которого до сих пор не хватало славянской натуре,—настойчивость, железную выдержку, уменье стоят до конца, стиснув зубы...».

Действительно, враг, напавший на нас, заставил всех встрепенуться и напрячь все силы, чтобы изгнать его вон. Но все-таки разгадка всех тех событий периода гражданской войны, которые поразили как белогвардейских, так и иностранных генералов, которые удивили весь мир,—заключается в том, что во главе всех действий стоял рабочий класс и его авангард— ленинская коммунистическая партия.

Особенно это заметно на Севере, где кадром всех будущих формирований послужили петроградские рабочие, где во главе армий с первых дней встали посланные Петроградом работники его Совета, сумевшие быстро сработаться, дать возможность работать военным специалистам и сами учившиеся у них военному делу.

Петроградские рабочие Наумов, Орехов, Миничев, Богданов, Алешин и ряд других, вместе с такими военными специалистами, как Петин, Самойло, Лисовский, смогли быстро организовать штаб, наладить в нем четкую работу, внушить доверие к нему и затем быстро спаять войска и направить все их внимание на выработку

Вступление десанта англичан в Архангельск, осенью 1918 г.

маневренности, выносливости и решимости во что бы то ни стало победить врага.

Борьба на Севере началась осенью 1918 г. Англичане и американцы, после белогвардейских переворотов в Архангельске и Мурманске, «по призыву» населения, от имени которого с ними говорили народный социалист Чайковский, кадетские деятели, изменивший советской власти генерал Мурузи и капитан 2-го ранга Чаплин, высадили свои войска в Архангельске и Мурманске и распространились на юг по течению рек Северной Двины, ее притоку Ваге, по Онеге и вдоль железных дорог Мурманск—Петрозаводск и Архангельск—Вологда.

Наши небольшие набранные из местного населения части не оказали сильного сопротивления и дали возможность противнику

захватить такие важные пункты, как станция Обозерская, устье реки Ваги на Двине, село Труфаногорское на реке Пинеге и Медвежья гора на жел. дороге Мурманск—Петрозаводск.

Основной целью наших противников было, двигаясь тремя колоннами, одной—от Мурманска и двумя—от Архангельска (первой на Вологду по железной дороге и второй—на Котлас по Сев. Двине, а оттуда по железной дороге на Вятку), угрожать Петрограду и Москве и, кроме того, тылу 3-й армии, которая вела борьбу с Колчаком в районе Перми.

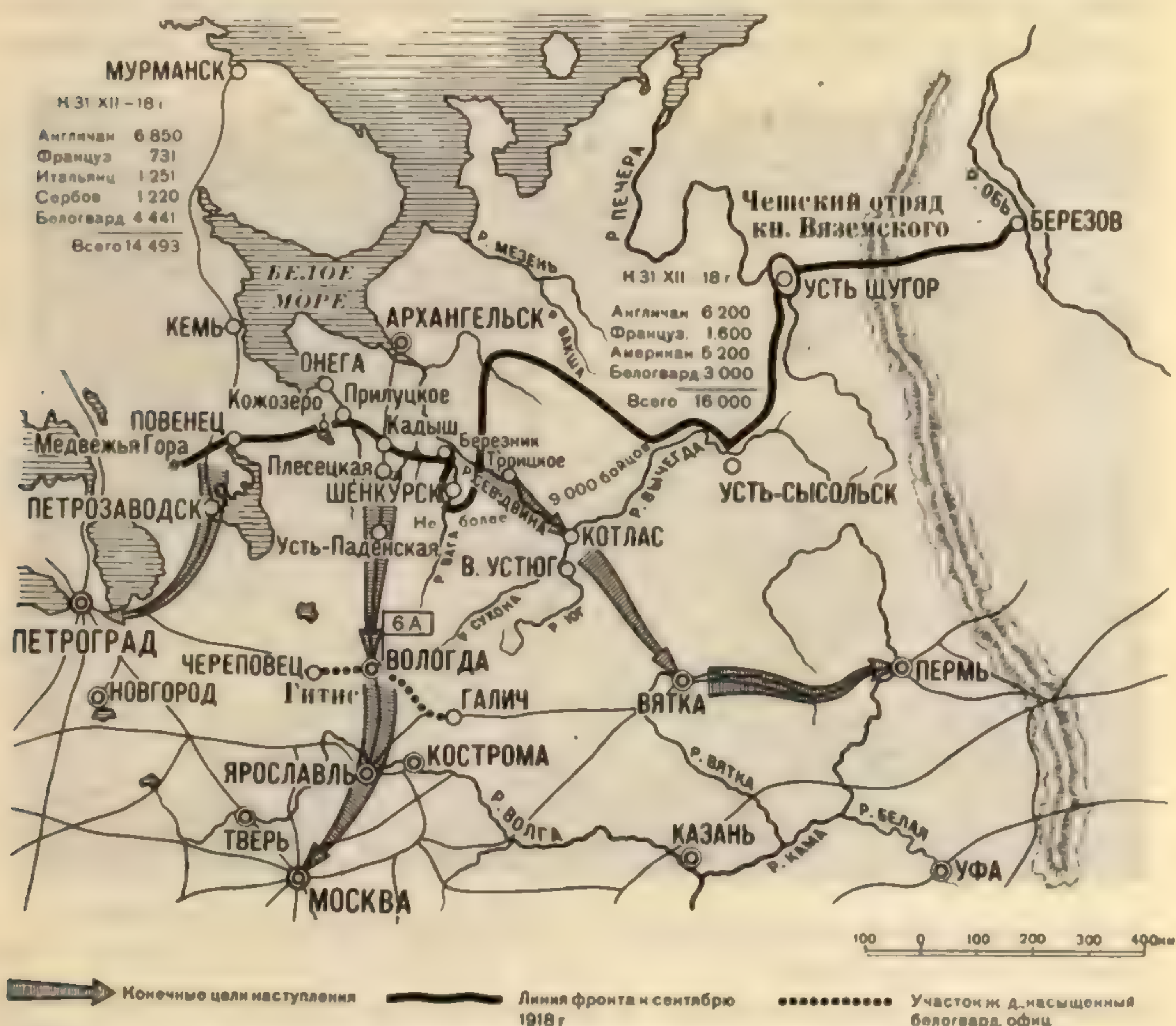

Схема положения сторон на Северном фронте в сентябре 1918 г.
План наступления Антанты.

Душой и вдохновителями всей борьбы были англичане. Распоряжался всем сначала генерал Пуль, а затем генерал-майор Айронсайд. В докладе английскому парламенту в 1920 г., в ст. 7-й, признаются громадные усилия, сделанные англичанами на севере России, где английские силы со 150 моряков в апреле 1918 г. к моменту эвакуации возросли до 13.400 чел. В статье 19-й того же доклада говорится, что в Мурманске к 31-му декабря 1918 г. было: англичан—6.850, французов—731, итальянцев—1.251, сербов — 1.220, белогвардейцев — 4.441, а в Архангельске:

англичан—6.200, французов—1.600, американцев—5.200 и белогвардейцев около 3 тыс.

Помимо хорошего обмундирования и прекрасных условий питания, эти войска имели, по сравнению с нами, блестящую технику, большое количество оружия, аэропланов и даже 3 танка, а для рек имелись канонерки. Мы же могли к этому периоду противопоставить 19-ю дивизию на Мурманском направлении, численностью около 6 тыс. бойцов, и на всех направлениях к Архангельску—не более 9 тыс. бойцов. В смысле техники мы были слабы, и пришлось противопоставить сметку и сообразительность рабочих и крестьян, которые научились из различных небольших речных пароходов делать довольно мощные боевые суда. В отношении аэропланов дело у нас обстояло очень плохо: имелось не больше 6—7 аппаратов, при чем они были похожи скорее на то, что у нас впоследствии называлось «гробами».

Англичане прислали батальон 2 10-го Шотландского полка, 250-ю английскую пулеметную команду со школой, 17-й батальон Ливерпульского полка, Иоркский полк, Дургамский полк, канадскую артиллерию. Американцы прислали: 339-й американский пехотный полк, 310-ю роту инженеров и пулеметную команду. От французов был: 21-й маршевый батальон 1-го французского колониального полка. Отрядом чехо-словаков, который находился на реке Печоре, в селе Щугор, командовал князь Вяземский. Отряд этот принадлежал к колчаковской армии и, с одной стороны, обеспечивал ее от наших обходов, а с другой—поддерживал связь с Архангельском. В Архангельске был сформирован польский легион, командиром которого был французский капитан Жантиль. Итальянцы были представлены частями 67-го итальянского полка. Сербы, составлявшие отряд, были частями сербского корпуса, прибывшего из Одессы в Мурманск и Архангельск.

Английские и американские войска были сразу же выдвинуты на передовые позиции, а под их прикрытием стали организовываться 1-й архангельский городской полк, 8-й народный полк, 3-й мурманский стрелковый, 1-й отдельный шенкурский батальон, 2-й отдельный холмогорский батальон, 3-й отдельный онежский, славяно-британский легион, русско-французский легион, несколько партизанских отрядов, печорский отряд, мезенский гарнизон, кавалерийский полк.

Против этих сил, помимо местных отрядов, сформированных тов. Кедровым, были брошены из Петрограда составленные сплошь из питерских рабочих два железных батальона, рота Рождественского района, 3-й Петроградский полк, полк первого городского района и два отряда моряков, Юрьевский полк, Гатчинский батальон, Нарвский батальон, 7-й инженерный отряд. Кроме того,

прибыл Рязанский батальон, во главе которого стоял рязанский рабочий тов. Куприянов.

Наши части на первых порах действовали смело и энергично; то тут, то там наносили удары противнику, но не особенно считались с руководством из центра. Вследствие этого успехи очень часто сводились на-нет. В большинстве случаев даже маленькие операции первого периода все же задумывались, благодаря условиям местности, в довольно большом масштабе, почему требовали согласованных действий нескольких отрядов. Победные действия одного из отрядов, которые должны были служить началом для всей операции, этим отрядом сразу же прерывались после первых успехов; отряд уходил на отдых, тем самым сводя на-нет и свой успех, и всю операцию. Особенно отличались в этом отношении моряки. Как только организован был штаб 6-й армии, во главе которого был поставлен т. Самойло и Реввоенсовет, в котором председателем был тов. Гиттис, а членами Орехов и Кузьмин, решено было твердо взять в руки части, выбить партизанщину и начать вести согласованные операции на широком фронте. До этого у нас были командующий всеми вооруженными силами Архангельского района, командующий Котласского района, командующий Вятского района, командующий Северо-западным участком Северного фронта и должен был появиться еще командующий Северо-восточным участком Северного фронта.

Для того, чтобы начать успешно действовать на боевом фронте, надо было, помимо устранения этой организационной неразберихи, еще укрепить тыл. Трудность заключалась в том, что незадолго до организации армии со штабом в Вологде оттуда выехали за два месяца до этого посольства союзников, которые сумели оставить достаточное количество шпионов, имевших связь с местными эсерами, в те времена укрепившими свое влияние на рабочих Вологодских мастерских. По плану Нуланса, разработанному Савинковым, линия железной дороги от Череповца до Галича насыщалась белогвардейскими офицерами, долженствующими поднять восстание под командой полковника Куриченко, с тем чтобы захватить штаб 6-й армии. Эта организация забрасывала удочку и в некоторые части армии, как, например, в 3-й Петроградский полк, большинство командного состава которого находилось в связи с белогвардейцами.

Пришлось все эти организации ликвидировать, произвести чистку в войсках и переломить настроение среди местного населения, не расположенного к большевикам. Во время борьбы с белогвардейцами и уничтожения всех тех пунктов, которые служили базами для переправки морских и сухопутных офицеров к англичанам в Архангельск, удалось раскрыть целый ряд организаций, базы

которых находились в Петрограде и Москве и питались из английских источников.

Рядом суровых мер по отношению к пьяницам и злоупотреблявшим властью удалось показать, что партия и организуемая ею армия не потерпят в своих рядах никого, кто вольно или невольно грязнит наше знамя и забывает великие идеи, во имя которых велась борьба пролетариатом. Когда всем стало ясно, что руководящий состав армии и местных организаций твердо и решительно взял курс на укрепление всего аппарата, что он жестоко и сурово подавляет контр-революцию и не позволяет никому, как бы высоко

Расстрел англичанами коммуниста на Северном фронте в 1918 г.

он ни был поставлен, колебать дисциплину и твердый порядок, установленный революцией,—можно было приняться за уничтожение партизанщины и укрепить части. После всех этих мероприятий стало возможно спокойно и уверенно приступить к боевым действиям.

Приблизительно к сентябрю 1918 г. фронт проходил через северную часть Онежского озера, город Повенец, Кожозерский монастырь на озере Кожозеро, село Прилуцкое на реке Онеге, 441-й *км* на жел. дороге Архангельск—Вологда, с. Кадыш на р. Емца, притоке Сев. Двины, дер. Березник и Усть-Паденская на р. Ваге, с. Троицкое на Сев. Двине, с. Труфаногорское на

р. Пинеге и далее по старинному Великому Северному пути на Березов, через Усть-Щугор на реке Печоре (см. схему на стр. 208). Линия фронта занимала более тысячи километров. Но фронт, конечно, не был сплошным. Борьба велась по железным и грунтовым дорогам и по рекам. Между боевыми участками были промежутки по 40—70 и более километров, ничем не заполненные, так как это были или непроходимые лесные чащи, или такие же болотистые пространства, по которым и на которых ни мы, ни противник не располагались, посылая туда только небольшие разведывательные партии.

6-й армией был выброшен небольшой отряд под командой т. Мандельбаума, который должен был вести борьбу в районе Печоры и двигаться по направлению к Березову, чтобы отрезать архангельскому правительству всякую возможность сноситься с Колчаком. Этот отряд отличался большой подвижностью и чувствительностью. Предоставленный самому себе, -ибо он находился в тысячах километров от конечного пункта железной дороги Вятка—Котлас,—он довольно успешно действовал против местных кулаков и белогвардейцев, но при первом столкновении с отрядом князя Вяземского понес поражение, отскочил от него чуть ли не на 300 километров и стал обижать местное население. Отряд пришлось расформировать, начальника его отозвать и отправить в Москву, а туда послать более надежную и крепкую часть, которая должна была закрыть движение противнику вверх по Печоре.

На правом фланге фронта 6-й армии боевые действия обычно велись только зимой и летом, потому что весной и осенью вся местность между Вычегдой и истоками рек Пинеги, Мезень, Вакши, Печоры обращалась в сплошное непроходимое болото. Борьба велась отрядами, которые направлялись туда в начале лета и зимы, а в конце этих периодов отводились обратно в район Сев. Двины и в район Усть-Сысольска.

Боевые действия велись, главным образом, по Сев. Двине, в районе Шенкурска и в районе железных дорог от Архангельска и Мурманска.

После того как англичане в августе месяце с большими потерями и после больших напряженных боев заняли станцию Обозерскую, мы закрепились в районе Чекуево на реке Онеге, на 441-м *км*, в районе Кадыш, по дороге с. Емецкое—ст. Плесецкая и в районе Тарасовское. После нескольких атак англичане, понеся большие потери и убедившись, что здесь с нами ничего не сделаешь, фронта не прорвать, сами начали укреплять свои позиции, а главный удар решили наносить вверх по Сев. Двине, чтобы прорваться к Котласу и тем самым помочь Колчаку, захватившему Екатеринбург и сосредоточившему силы для атаки 3-й армии в районе Перми с целью ее захвата. Закрепившись на железной дороге и реке Ваге, на

полдороге между Шенкурском и Бельском, командование 6-й армии главное внимание обратило на Северо-двинский участок.

Англичане и американцы проявили большую активность. Они пустили канонерки по реке, по левому берегу действовал батальон 339-го американского пехотного полка, а по правому—2 10-го Шотландского полка с большим количеством артиллерии и самолетами.

Схема боевых действий перед Шенкурской операцией.

К этим основным частям были приданы, как вспомогательные, белогвардейские формирования, которые англичане первое время боялись пускать на передовую линию. Первые шаги англичан увенчались успехом. Они отбросили наши части и продвинулись от устья Ваги до с. Троицкого. В предвиденьи этого удара в Котласе нами стали организовываться средства для борьбы. Из Кронштадта были привезены 120-миллиметровые пушки, чтобы организовать плавучие батареи. Моряки, которые привезли эти орудия, обратились

к местным инженерам с просьбой оказать содействие и помощь в смысле установки их на каких-нибудь пароходах.

Никто не хотел помочь, и смеялись над нами, указывая, что это невозможно сделать. Но выход был найден: матросы откопали где-то две железных баржи, так как ясно было, что ни на один из пароходов эти орудия поставить нельзя. Достали бревен, обтесали их, как балки, и из этих бревен сделали настил на дне баржей, затем поставили столбы и устроили потолок, на котором лежала железная палуба, а на палубе сделали такой же настил, и, таким образом, в носовой и кормовой частях были поставлены 120-*мм* морские орудия. Таким образом, мы получили две пловучих батареи, довольно мощных; каждой из них было придано по буксиру, при помощи которого они двигались по течению до 7 *км* в час и против течения—по 3 *км*.

Эти батареи, под руководством матроса-артиллериста т. Степанова, были доставлены в район боевых действий и в момент успешного движения англичан своим метким огнем внесли панику и помогли задержать наступление противника. Кроме того, на некоторых больших пароходах было поставлено по одному 75-*мм* орудию, а на буксирах были поставлены трехдюймовки. С такой «эскадрой» наши отступающие части, подкрепленные к тому же вновь прибывшим железным батальоном, под командой унтер-офицера Волкова, и ротой Рождественского района, под командой булочника т. Фукса, закрепились, а затем перешли в наступление.

Душа и вдохновитель бойцов на Сев. Двине, народный учитель Павлин Виноградов, в одном из боев был убит. Помогавший ему 2-й комиссар Беломорского округа тов. Макаров растерялся и был отозван нами, и на место организатора сначала обороны, а затем наступления был поставлен прославившийся впоследствии на Южном фронте т. Уборевич, тогда бывший командиром батареи. Было решено все части, а именно: Вологодский полк, матросский экспедиционный отряд, железный батальон, роты Рождественского района, Коммунистический батальон, составленный из зырян (почти не говоривших по-русски), и вооруженные речные суда, на которых действовали беломорские моряки,--назвать бригадой, командиром бригады назначить тов. Уборевича.

Обстановка была довольно трудная. Моряки после успешных действий были обескуражены отступлением и драться не хотели. Привыкшие к чистой палубе корабля, они отвратительно чувствовали себя, когда им приходилось бороться на суше, иногда по колено в грязи и на плохом пайке. Настроение всем портило то, что нигде не было курева, и в течение последней недели в некоторых частях курили коровий помет. В частях не было белья, трудно было наладить баню. Армейское снабжение, во-время предупрежденное,

прислало махорки, подбросило белья, и, таким образом, эти первые помехи были устранены.

Гораздо сложнее и труднее была обстановка в отношении командного состава. Офицерский состав, который довольно хорошо дрался на границах Финляндии, так как там были немцы, который еще более или менее уверенно шел в бой против черносотенных генералов,—на Северном фронте терял всякую уверенность, колебался и легко переходил к неприятелю. Офицерскому составу было трудно понять, как это он может итти в бой против союзников, с которыми, как говорится, бок-о-бок дрался против немцев и которые сильно «помогали» нам по части орудий. И офицеры военного времени, и кадровые офицеры в начале борьбы еще не могли понять всей подлости союзников и не уясняли себе того, что те не пришли помогать нам против немцев, а начали самую гнусную интервенцию. Поэтому колебания были часты. Кроме того, среди беломорских моряков не было ни одного офицера, так как последние остались в Архангельске с англичанами. Штаб Беломорского округа тоже раздвоился, и одна часть его, во главе с Мурузи, осталась с англичанами, другая, в лице тт. Самойло, Лисовского, Петина, Огородникова, Шешковского, Яцко и др., работала с нами. Как офицеры генерального штаба, они работали в штабах больших соединений, и при их помощи, главным образом, удалось построить хорошо слаженные армейские и дивизионные аппараты. Их кропотливая и незаметная работа на пользу революции не была видна для широких армейских масс. Наоборот, те, кто убегал к противнику, был на виду, их поступок был известен, и потому среди красноармейской и матросской массы вспыхнуло недоверие к командному составу из бывших офицеров.

Это настроение еще усилилось, после того как из трех аэропланов, имевшихся в нашем распоряжении на этом участке, мы потеряли два. Один пропал без вести вместе с летчиками, другой на глазах красноармейцев, посланный в разведку, перелетел линию фронта и спустился в расположении противника. Вспыхнувшее недоверие вылилось в форму мести оставшимся: несколько командиров во время боя были убиты своими же.

Поэтому было решено командный состав из бывших офицеров, за редкими исключениями, снять и отправить в тыл, в район Великого Устюга, где формировался полк. Им было объяснено, что, оставаясь на фронте, они подвергаются опасности быть пристреленными, что представители советской власти им доверяют и направляют их в Великий Устюг с тем, чтобы там они хорошо подготовили полк и в дальнейшем вместе с ним дрались в боях. На места командиров в боевой линии были поставлены бывшие унтер-офицеры и отличившиеся красноармейцы.

Члены Реввоенсовета, тов. Уборевич и тов. Землячка (которая руководила там партийной организацией) объехали все части и, не устраивая собраний, а обходя по избам, в беседах с небольшими группами разъяснили общую обстановку, указали на задачу, которая стоит перед частями, расположенными на Сев. Двине, и подготовляли, таким образом, наступление.

На первых шагах наступление развернулось не вполне удачно. Первая атака железного батальона на Шотландский батальон вначале увенчалась успехом, но так как наши, упоенные победой, полезли в деревню кучей, не послав предварительно разведки, то попали под жестокий пулеметный обстрел, смешались и убежали, бросив пулемет. Только командир батальона тов. Волков и несколько красноармейцев не растерялись: подняли брошенный пулемет и, отстреливаясь, прикрыли отступление и спасли пулеметы, протащив их через болото.

На следующию день батальонам приказано было вновь наступать. В этом наступлении участвовал один из членов Реввоенсовета, который шел с передовыми цепями. Батальон загладил свою предыдущую небрежность. После жестокого боя он занял деревню Борецкую и затем еще 5—6 деревень, уничтожив полностью английскую роту, шедшую на подкрепление и попавшую под пулеметный обстрел. Затем наступление на время захлебнулось перед дер. Городецкой, хорошо укрепленной и находившейся на высокой горушке. На правом берегу намечено было наступление по фронту с обходом фланга. Но и тут призошла маленькая заминка, ибо обходящие роты потеряли связь, а небольшая группа под командой Хаджи-Мурата [1]), командира кавалерийской части, вышла во-время в тыл противника, но, не получая никаких сведений от основного отряда, не перешла в наступление.

---

[1]) Личность Хаджи-Мурата очень интересна. Уроженец Кавказа, он был в Клондайке, работая золотоискателем. В империалистическую войну он вернулся в Россию и вступил в войска рядовым кавалеристом, дослужившись до урядника. В 1917 г. в составе войск генерала Крымова он наступал на Петроград и под влиянием агитаторов, посланных Гатчинским советом, увел целый эскадрон. Первое время находился в районе Гатчины, затем его пришлось направить в Кронштадт, когда в сентябре Керенский и его ищейки пытались арестовать Хаджи Мурата и его всадников.

После Октября он со своим отрядом в 30 всадников остался в Петрограде и работал в Московско-Заставском районе. Когда Реввоенсовет армии попросил у окружного военного комиссара т. Позерна какую-нибудь кавалерийскую часть, то прибыл отряд Хаджи-Мурата в составе 20 сабель. Он много и успешно боролся с кавалеристами белых, которые тоже были из дикой дивизии.

Держать в уезде Хаджи-Мурата было очень трудно, так как он был очень необузданным человеком. За работу в период нашего наступления на Двине в сентябре 1918 г. и в феврале 1919 г. под Шенкурском он был награжден орденом Красного Знамени. Блестяще работал он при наступлении на Архангельск в 1920 г., когда,

Противник же, чувствуя, что хотя ожесточенные атаки и отбиты, но готовится что-то грозное, воспользовавшись темнотой, ушел. Таким образом, наши продвинулись на утро и по левому берегу, остановившись перед укреплениями с. Троицкого. Моряки, после того как произошла заминка в дальнейшем наступлении, были влиты в наступающие части. Затем было решено наступление вести следующим образом: всю ночь не давать покоя противнику, стреляя в него из орудий, которые находились на пароходах. Пароходам, на которых стояли орудия, было приказано в течение получаса каждому двигаться по реке, выпуская по одному снаряду через каждые десять минут по деревням, в которых расположен противник. Так действовать с 23 до 2 часов. В 2 часа всем пароходам и пловучим батареям открыть огонь одновременно и сразу, как бы перед ночной атакой. Так действовать в течение часа. Войскам же начать наступление в 5 часов утра. Противник не выдержал и к утру покинул все позиции. Таким образом, в пять дней боя англичане и американцы были отброшены на 50 *км*, и наши войска захватили 10 орудий, миллион патронов, тысячу снарядов, огромные запасы продовольствия и теплых вещей. Были захвачены походные американские мастерские. Через несколько времени железный батальон показал, что он вполне выравнялся и стал хорошей боевой частью. После взятия Городецкой он закрепился на позициях впереди ее, и к нему прибыли пополнения. Стоявший во главе пополнения бывший офицер очень скоро связался с англичанами и указал им путь, как нужно наступать на тыл батальона.

Командир батальона расположил свою часть очень толково. Сами красноармейцы после первых боевых неудач стали гораздо бдительнее и осторожнее. Имея роту на передовых позициях, вторую роту на отдыхе, третью роту командир держал, как резерв, в 2—3 *км* к югу от Городецкого. Противник решил наступать.

будучи командиром эскадрона 54-й див., он вел бой в конном и пешем строях около Средь-Махреньги и после первых атак отрезал доступ к Средь-Махреньге (на схеме—Средь-Мехереская), со стороны как Тарасовского, так и Сев. Двины.

Как приходилось держать его в руках, рисует одно телеграфное распоряжение, посланное ему членом Реввоенсовета г. Архангельска. Хаджи-Мурат шел с эскадроном впереди 150-й бригады на Пинегу и, считая себя подчиненным начдиву, стал пререкаться с комбригом 150-й. Утихомирить его было трудно, а наказывать сурово не хотел начдив. Тогда член Реввоенсовета послал ему телеграмму. «Архангельск, 29/II—1920 г. Я знаю Хаджи-Мурата. Хаджи-Мурат знает меня. Хаджи-Мурат забыл дисциплину и порядок. Он осмеливается не исполнять приказаний комбрига. Победа вскружила голову Хаджи-Мурату. Прекратить всякие разговоры. Исполнять беспрекословно все, что приказывают. Никаких возражений, не то люди забудут, что был Хаджи-Мурат». Это повлияло лучше всяких наказаний, и он стал шелковым. За Архангельскую операцию Хаджи-Мурат был представлен ко второму ордену Красного Знамени. ***Н. Кузьмин.***

Демонстрируя незначительными частями на фронте, он довольно значительным отрядом вышел несколько южнее Городецкой. Командир батальона не растерялся и приказал роте, стоявшей на отдыхе, подкрепить роту, стоявшую на передовых позициях, и вместе с ней перейти в наступление, а роте, стоявшей в резерве, ударить во фланг и в тыл обходящих английских частей. Противник был смят и разбит. Мы захватили две деревни, в которых был расположен лазарет, взяли много пленных, медикаментов, но вынуждены были отступить, так как основные силы противника перешли вновь в наступление.

На этом дальнейшее наступление замерло, и наши части закрепились здесь так же, как на железной дороге.

Было решено, в виду малого количества сил, не наступать на широком фронте, а, демонстрируя на том или ином участке, наносить англичанам и американцам, по возможности, чувствительные удары в таких местах, которые дальше от железной дороги, так как там иностранные войска не чувствовали себя уверенными. Действий на Сев. Двине в сентябре месяце не было. В октябре, в день первой годовщины Октябрьской революции, Реввоенсовет решил провести его с передовыми частями на боевом участке и ознаменовать этот день наступлением на противника. Удар было решено наносить в районе Кадыша по дороге Плесецкая—Емецкое. Там был сосредоточен полк 1-го городского района и Рязанский батальон. Нашими частями в этом районе командовал тов. Филипповский.

Когда Реввоенсовет прибыл в расположение полка, то увидел, что общая подготовка наступления велась недостаточно толково. На главном направлении, которое было хорошо укреплено блокгаузами, действовал один батальон. Два батальона были направлены в обход по лесным тропинкам и, конечно, заблудились, и только счастливый случай помог им ночью во время переполоха не перестрелять друг друга. К моменту приезда Реввоенсовета было донесено, что посланные в обход части возвращаются обратно, потеряв надежду найти противника, а голод и дождь мешают им искать его. На утро было решено снова начать наступление, которое пришлось вести в очень трудных условиях. Наступающим пришлось итти по дороге, проложенной через болото. Наступающие шли по открытому месту, в то время как противник был расположен на пригорке, на опушке леса, около моста, по обеим сторонам которого, в глубине леса, были построены два блокгауза с тремя пулеметными гнездами каждый. Первая атака была отбита, и наши отошли, оставив на дороге пулеметы. Дело спасла находчивость пулеметчика тов. Хлебникова, который, потрясая кулаками и изрыгая ругательства по адресу англичан, несмотря на отчаянный огонь

с их стороны, подбежал к пулеметам и... начал стрелять из одного из них. У него была прострелена фуражка и рукав шинели в двух местах, но сам он остался цел и невредим. Его подвиг произвел сильное впечатление на наши части и поразил своей дерзостью англичан, которые на время прекратили стрельбу. Тогда наши перешли в наступление, воспользовавшись этой заминкой, захватили блокгаузы и затем, на плечах отступающего противника, ворвались в дер. Кадыш и заняли ее.

Мелкие стычки происходили во многих местах с переменным успехом и создавали в наших частях уверенность, показывая, что,

Руководитель операции в районе д. Кадыш в ноябре 1918 г. комбриг т. Филиппов со своим штабом.

несмотря на свою техническую слабость, мы можем бить англичан и американцев.

После того как войска натренировались в этих мелких стычках и столкновениях, после того как от отрядной системы перешли к полкам, бригадам и дивизиям и было налажено правильно функционирующее снабжение, можно было начать более сложные и серьезные операции.

6-я армия в те времена была подчинена Северному фронту, во главе которого стоял бывший генерал Парский. Последний, по распоряжению из штаба главкома, приехал в армию с тем, чтобы понудить ее к решительному наступлению на Архангельск, указывая, что целесообразнее всего действовать по железной дороге—со стороны Плесецкой. На месте ему указали, что такой метод в данном случае нецелесообразен, ибо на Плесецкую ведут несколько дорог,

и если мы будем двигаться от Плесецкой, то будем наступать растопыренными пальцами, а быть сильными на всех 4 направлениях, ведущих к Плесецкой и от нее, мы не можем. Одержав успех на главном направлении—железнодорожном, мы можем получить удар или со стороны Чекуева, или со стороны Емецкого, или со стороны Тарасовского, и, ввиду давления на тыл, успех наш будет ликвидирован сам собой. Кроме того, направление вдоль железной дороги, самое близкое по расстоянию от Архангельска, противником укреплено чрезвычайно сильно и, представляя собой узкий коридор внутри лесного массива и болотистых пространств, негодно для маневра.

Английский блокгауз на Северной Двине.

Было указано, что иногда более близкое расстояние на деле будет более далеким. Нам нужно, по мнению Реввоенсовета, наступать на одну точку, исходя из нескольких и предоставляя противнику гадать, на котором направлении наносится главный удар. Если посмотреть на очертание фронта, то оно представляло из себя в районе Шенкурска большой клин, врезавшийся в наше расположение. Поэтому начать нужно с того, чтобы уничтожить этот клин и сначала выравнять фронт, а затем, последовательно нанося удары в районе Сев. Двины и Пинеги, действовать на ст. Обозерскую справа, а из района Чекуева слева, чтобы таким образом из района Больших Озерков и Емецкого грозить захватом Обозерской и вынудить противника очистить хорошо укрепленную железнодорожную позицию.

Очертания фронта были таковы, что на Сев. Двине мы стояли на 62,5° сев. широты, на ж. д. 63,2°, а на реке Ваге позиции противника находились на 61,8° сев. широты. Все пространство от железной дороги до Ваги ниже линии фронта представляло лесистое и болотистое пространство, трудно проходимое и почти лишенное дорог. Имелись только две удобных для операций

дороги: от станции Плесецкой чрез Кадыш—к Емецкому на Сев. Двине и от ст. Пяндома—к Шенкурску.

Если взять треугольник Тургасово (река Онега)—Кадыш (река Емца)—ст. Плесецкая, ограниченный р. Онегой и дорогой Плесецкая—Кадыш, то боевые действия можно вести здесь только по дорогам и по реке Онеге, и больше нигде. Чтобы подойти к с. Тарасовскому и Средь-Мехереской, в случае потери ст. Плесецкой, надо было бы двигаться от ст. Пяндома на Шенкурск и от Шенкурска уже проселками итти к этим деревням.

Член РВС 6 армии т. Кузьмин и начдив 18-й т. Уборевич с сотрудниками штаба перед Шенкурской операцией, в декабре 1918 г.

К концу 1918 года мы закончили организационный период, и все наши части свели в одну 18-ю дивизию, во главе которой стоял т. Уборевич. Две бригады этой дивизии находились на участке вблизи жел. дороги со штабом дивизии на ст. Плесецкой, а третья бригада, имея штаб в Красноборске, была разбросана своими полками на реке Ваге, Сев. Двине, Пинеге, Мезени, Вакше, Печоре. Реввоенсовет армии, после совместного обсуждения с начдивом 18-й Уборевичем и комбригом 3 18 Лисовским, решил: закрепившись как следует в в районе жел. дороги и на Сев. Двине, снять оттуда лишние части, без которых может обойтись оборона, свести их в отряды и ударить на Шенкурск.

ШЕНКУРСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

План операции был разработан следующий (схема на стр. 225).

Первый отряд, в составе 3 батальонов, Нарвского, Гатчинского и Рязанского (около 900 штыков) при двух 3-дюймовых и 4 горных орудиях и взводе кавалерии в 30 сабель, эскадрона Вологодской губ. ЧК под командою т. Раудмец, должен двинуться со ст. Пяндома на Шенкурск.

Второй отряд, в составе железного батальона и 7-го инженерного отряда (около 600 штыков), при одной шестидюймовой, одной трехдюймовой и 2 горных пушках, с 18 всадниками, под командой т. Солодухина, должен был двинуться из Красноборска через Кодему также на Шенкурск.

Третий отряд, уже стоявший на Ваге, в составе морского экспедиционного отряда (300 штыков) и 161-го Северного полка (900 штыков), главным образом, из крестьян Шенкурского уезда, при 6 тяжелых и 8 легких орудиях, должен был взять позиции противника на р. Ваге и двинуться также на Шенкурск под командою т. Филипповского.

Наконец, в момент, когда противник ввяжется в бой со всеми тремя отрядами, было приказано партизанскому отряду, выйдя из дер. Петропавловское на Сев. Двине, занять с налета село Шеговары в 40 километрах к северу от Шенкурска.

Подготовка операции началась в декабре, с тем чтобы 12-го января предназначенные для Шенкурской операции отряды двинулись по указанным направлениям и чтобы 25-го января, в 24 часа, были заняты исходные позиции перед Шенкурском для общей его атаки, момент которой должно было назначить командование армии.

Со стороны Пяндомы и со стороны Красноборска были посланы небольшие партизанские отряды из местных крестьян, до 150 человек каждый, которым была поставлена задача—базируясь на село Никольское и на Кодему, беспокоить противника, подходя почти к самому Шенкурску, и служить завесой от противника, который, как мы знали от агентурной разведки, произвел рекогносцировку местности километров за 50 от Шенкурска к юго-западу и юго-востоку и вынес решение, что «тут не только пушек, но и кухонь не удастся провезти».

Эти отряды должны были одновременно служить завесой, за которой в населенные пункты свозилось продовольствие и фураж, теплые вещи, намечались пункты для лазаретов со всеми необходимыми медикаментами на случай обмораживания.

Артиллеристам была поставлена задача—приладить орудия на санный ход и научиться быстро ставить их на позиции. Было достигнуто, что в течение получаса 6 орудий левой и 3 орудия

правой группы были готовы открыть стрельбу. Правый отряд, шедший по еще менее населенной местности, чем левый, и имевший шестидюймовую пушку, которую даже на санном ходу было трудно везти, ввиду глубокого снежного покрова (глубина около полутора—двух аршин),—приспособил особого типа снегорез, иногда употребляемый крестьянами Архангельской губ. Был сооружен треугольник из досок и бревен, на дно которого были положены камни, впряжено 10 лошадей, и, таким образом, отряд двинулся за снегорезом уже по обмятой и очищенной от снега дороге. Правому отряду во время его похода пришлось три раза ночевать под открытым небом, обогреваясь у костров при 30° (и более) мороза.

Противник, имевший в Шенкурске и на позиции южнее Шенкурска общую численность около 3.000 штыков при 30 орудиях различного калибра, был уверен в своей силе [1]). Подступы к Шенкурску по р. Ваге защищались 3 укрепленными позициями, трудно атакуемыми благодаря их господствующему положению и прекрасному инженерному оборудованию. Сам Шенкурск, стоящий на правом берегу Ваги, был обнесен тремя рядами проволочного заграждения, 16 блокгаузами, от 3 до 5 пулеметных гнезд в каждом, и, помимо движущейся артиллерии, имел на берегу морское орудие 120-миллиметрового калибра на бетонной установке.

Имея такой гарнизон и прекрасно укрепленные позиции, противник чувствовал себя в безопасности и, кроме того, как уже указывалось выше, был убежден в непроходимости подступов.

В указанный срок войска двинулись по намеченным направлениям, и Важский отряд, чтобы отвлечь внимание, начал атаковывать позиции противника в районе Усть-Паденской. Когда противник почувствовал в районе Кодемы и с. Никольского наши части, он выслал пластунский отряд и две роты Шенкурского батальона в направлении на Гарнянский погост, полк мобилизованных, как и две роты Шенкурского батальона,—в направлении на Кодему. Наши части повели наступление. На Важском направлении в 20-х числах января велись пока безрезультатные, но ожесточенные атаки на укрепленные позиции противника.

Правый отряд встретил противника на полудороге между Кодемой и Шенкурском, закрепился перед фронтом врага железным батальоном при двух легких орудиях, а 7-й инженерный отряд, вместе с шестидюймовым орудием, прошел в обход по лесным просекам и через сутки вышел во фланг противнику, обстреляв его из тяжелого орудия. Часть мобилизованных сдалась — 300 человек,

---

[1]) Состав войск противника: батальон 339-го пех. американского полка в составе 4 рот, по 240 штыков каждая, при 32 пулеметах и 36 автоматах, Шенкурский батальон из местных крестьян, 6 рот—800 штыков, пластунский отряд в 85 человек и полк, сформированный из мобилизованных—около 1.200 штыков.

а остальные отступили к дер. Сергиевской, у которой снова был произведен 22-го такой же маневр. 23-го наши вели бой у д. Зехавка и 25-го заняли дер. Афанасьевскую. Противник отступил в Шенкурск. Левому отряду, после боя накоротке по выходе из леса между Верхне-Паденским погостом и Гарнянским, удалось выбить противника из деревень Гарнянского общества 23-го числа. Продвигаясь с боем далее по направлению к Шенкурску, левый отряд 25-го вечером, в 20 часов, своими передовыми частями занял дер. Ивановскую, в 5 *км* от Шенкурска. Определившийся 23-го нажим наших частей на двух направлениях к Шенкурску помог Важскому отряду, после упорного боя, сбить противника на позициях Усть-Паденги и дальше, занять обе следующих укрепленных позиции после коротких боев и к вечеру 25-го занять дер. Скрыбинскую в 5 *км* от Шенкурска.

Таким образом, к 24 часам 25-го января все три отряда заняли исходное положение для атаки на Шенкурск, успев подтянуть $^2/_3$ своих сил и орудий.

25-го к вечеру партизанский отряд со стороны Петропавловского сделал налет на Шеговары и перерезал провода. Противник, имевший в Шенкурске до 20 орудий, не решился защищать Шенкурск и ночью отступил, так что в 6 часов утра разведка от всех трех отрядов нашла Шенкурск эвакуированным, и к 9 часам все три отряда вступили в город. В течение первого дня преследования противника не было, что дало ему возможность укрепиться в 60 *км* к северу от Шенкурска. Завязавшиеся через 5 дней бои впереди Кицки успеха не имели. Нам удалось ворваться в линию блокгаузов, выстроенных противником вниз по Ваге, и даже занять некоторые из них, но контр-атаками противник нас выгнал оттуда и удержался в Кицки, против которого нами были предприняты 5 атак, но все безрезультатно. Обстановка потребовала возврата частей на свои участки, и боевые действия в районе Шенкурска приостановились.

В период с 20-го по 25-е января боевые действия протекали при 37 градусах мороза. Чтобы сделать незаметным подход наших частей к позициям противника,—ввиду отсутствия белых халатов, атакующим отрядам было приказано снять полушубки, в которые все были одеты, и надеть на себя ватные штаны и ватные кацавейки, поверх которых надеть белые рубахи и кальсоны. Такая маскировка позволила подходить незамеченными на 50—20 шагов к позициям противника и неожиданно бросаться в атаку.

Сзади войск, в одном переходе от них, ехал казначей, который удовлетворял справедливые претензии населения. Особых недоразумений не могло произойти, так как заранее в населенные пункты было привезено продовольствие, мука была роздана крестьянам

для выпечки хлеба, фураж был также запасен, и, таким образом, пришлось оплатить только подводы и отдельные случаи, когда та или иная войсковая часть, вернее—отдельные лица, нарушали интересы крестьян.

Схема Шенкурской операции.

Таким образом, операция, тщательно продуманная и проведенная, а также хорошо подготовленная как в материальном, так и в политическом отношениях, имела успех. Противник был отброшен на 90 *км*. Захвачено 15 орудий, около 2 тысяч винтовок, 60 пулеметов, 5 тысяч снарядов, 3 миллиона патронов, обмундирование

15

на 3.000 человек, запас продовольствия в расчете на 5.000 чел. на 4 месяца.

Живая сила противника ушла, и операция, хотя и имевшая большой успех и большое значение для всего Северного фронта, заставившая также обеспокоиться правительства Англии и Франции (были запросы в парламентах об этом эпизоде), все же была не завершена, и результатов, на которые рассчитывал Реввоенсовет, т.-е. выхода к Березнику, достигнуть не удалось.

Причинами этого были следующие обстоятельства: 1) Общее управление операцией находилось в руках армейского командования и производилось из Вологды. Постоянный провод имелся только у Важского отряда. Отряды, шедшие из Красноборска и с Пяндомы, тянули за собой провод и хотя могли говорить по телеграфу на аппарате Морзе, но связь часто прерывалась и окончательно порвалась, когда отряды были в 30 *км* от Шенкурска. 2) Все три командовавших отрядами начальника один перед другим стремились попасть в Шенкурск, и, несмотря на ряд указаний находившегося при левом отряде члена Реввоенсовета о том, что левому отряду надо двигаться основной массой не на Шенкурск, а по дороге: Гарнянский погост—Фоминская-Федьковская Ямско-Горский погост—в тыл Шенкурска, начальник этого отряда т. Раудмец направил туда роту Рязанского батальона, а остальными силами пошел на Шенкурск, выполняя приказ, данный ему 10-го января. 3) Правый отряд Солодухина, занявший Афанасьевскую и поставивший на позиции свои орудия, утомленный трудными походами и тяжелыми боевыми действиями, пропустил, не атаковав и не обстреляв, противника, прошедшего в 3 *км* от него через деревню Васильевск. 4) Общая, после трудного 12-дневного похода в сильный мороз, усталость войск, живших до сего времени впроголодь в окопах, среди болот и лесов и попавших, наконец, в город, на хорошие хлеба,—затрудняла их быстрое выдвижение.

Дальнейшее выдвижение было бы, впрочем, не столь затруднено, если бы не трения среди руководящего командного состава и если бы строевая подготовка частей была несколько лучше. Стратегически Шенкурская операция была удачна, но тактически она была не завершена, так как противник увел всю свою живую силу. Причиной этого недостаточная обученность войск и слабая подготовка командного состава. Через месяц эти войска, переброшенные обратно на свои участки, сделали новый поход в не менее трудных условиях и опять побили противника.

Вскоре после Шенкурской операции было приказано из Вашингтона не доводить американских войск до открытых военных действий, так как они-де назначаются исключительно для охраны складов продовольствия, посланного американским правительством

населению сев. России. Про Шенкурскую операцию в статье 21-й доклада английскому парламенту говорится: «Мощные атаки под хорошим руководством повели к очищению Шенкурска».

Шенкурская операция показала, что, несмотря на некоторые недочеты, войска наши умеют прекрасно маневрировать. Через несколько месяцев умелым маневром, не повторив шенкурских ошибок, наши части повели наступление на занятый противником район дер. Выставки и погоста Кицки и с боем продвинулись до р. Ваги и вниз по течению р. Сев. Двины.

В марте был намечен удар на ст. Обозерскую, для чего главным командованием была подброшена бригада из Камышина. К сожалению, она была без теплого обмундирования: не было ни валенок, ни полушубков, а главное командование торопило наступлением не давая возможности подождать прибытия теплых вещей. Членом Реввоенсовета была послана т. Троцкому следующая телеграмма:

«Вологда, 13 марта. Не входя в обсуждение приказа главкома к 23-му марта завершить операцию овладения Архангельском и удостоверяя, что принимаются все меры к исполнению приказа,— считаю долгом донести, что, даже без боев, для достижения намеченной цели понадобится больше времени, и, кроме того, еще не все части, предназначенные нам на усиление, прибыли, а некоторые прибудут не ранее 15-го марта. Снова подтверждаю, что все меры и все силы будут напряжены к исполнению приказа. Докладываю, что по условиям всей обстановки завершить операцию к предписанному сроку не удастся».

Жесткий срок был отменен, но операция успеха не имела, так как пришедшие с юга части, попав в 20-градусные морозы, потеряли обмороженными более 500 человек. В этой операции интересно движение отряда из двух полков с батареей 42-линейных пушек, который двинулся на Большие Озерки по дороге, не имевшей на всем своем 60-километровом протяжении ни одного дома и очень мало мостов. Англичане считали эту дорогу лесной просекой и, хотя она шла километрах в 20 параллельно линии железной дороги, мало наблюдали за ней. Наши части незаметно прошли до дер. Больших Озерков, после однодневного боя захватили ее, предварительно перерезав провода, соединявшие Большие Озерки со ст. Обозерской. Утомленные трехсуточным переходом с ночлегами под открытым небом, части не могли сразу двинуться дальше. И здесь характерен маленький эпизод. На третий день после занятия Больших Озерков не хватило продовольствия; в то время как старый Северный полк сидел довольно спокойно в ожидании его прибытия, вновь прибывший с юга полк начал митинговать, но, видя полное спокойствие и выдержку со стороны северян, прекратил свой митинг и успокоился.

Когда наступавшие полки отдохнули, то к моменту перехода их в наступление на Обозерскую англичане сумели на каждом километре, на протяжении 12 *км*, построить по 2 блокгауза и прекрасно укрепить дорогу. Двигаться не по дороге было нельзя: лежал глубокий, полутороаршинный снег, а кругом—густой лес. Время было весеннее, предстояла оттепель, ледяной покров мог не сегодня-завтра начать таять; надо было торопиться вывести людей и орудия обратно. По лесной тропе вправо от железной дороги был послан отряд в сто человек с ручными пулеметами, который вышел к востоку от ст. Обозерской в девяти километрах и захватил сторожевые посты. Англичане, думая, что наступление начинается с востока, главное внимание обратили на защиту ст. Обозерской с этой стороны, перейдя к пассивной обороне на западе. В два перехода войска были выведены из Больших Озерков, орудия спасены, в то время как два небольших отряда, по 100 человек каждый, беспокоили англичан на позициях с востока и запада от Обозерской.

Здесь был захвачен капеллан одного из английских полков, который был доставлен в штаб дивизии. Священник был очень взволнован и уверен, что его повесят. К его удивлению, по приказанию члена Реввоенсовета из Вологды, тов. Уборевич отпустил его на все четыре стороны. Когда он получил радостную весть о своем освобождении, то встал на колени, помолился богу и сказал: «Всегда буду молить бога за добрых большевиков».

Как потом выяснилось, его не долго продержали в Архангельске и, как вредного агитатора, отправили в Англию. Был еще характерный эпизод с взятым в плен английским капитаном Вильсоном. Этот офицер был также убежден, что его повесят, и первое знакомство его с красными войсками не особенно разубеждало в этом. Капитан Вильсон был радиотелеграфист и объезжал станции. Не зная, что Большие Озерки взяты, он въехал туда и попал в руки наших войск. Красноармейцы Камышинской бригады, не проникнутые традициями Северного фронта, сняли с него хорошее обмундирование и нарядили в рваное красноармейское одеяние. Затем он был доставлен пешком в штаб дивизии и отсюда переправлен в штаб армии, где из запасов, захваченных в Шенкурске, ему выдали офицерское английское обмундирование, снабдили хорошим английским табаком, хорошо накормили английскими же продуктами и, допросив, отправили в Москву. Там уже находилось достаточное количество английских и американских пленных, которые жили на свободе, ходили по театрам и чувствовали себя прекрасно.

Вскоре после нашей неудавшейся операции у Больших Озерков английское командование потеряло уверенность в том, что войска будут действовать без отказа, особенно после того, как стало

известно о безусловном запрещении со стороны американского правительства посылать американские войска на боевую линию. Было решено произвести обмен пленных. Первое предложение исходило от англичан. Член Реввоенсовета, находившийся в штабе 18-й дивизии, донес об этом в Вологду и Москву и до получения ответа вышел к английским парламентерам сообщить, что переговоры об обмене пленных он без указаний со стороны своего правительства вести не может. Одновременно им было передано старшему из парламентеров, американскому полковнику (два других были французский и английский капитаны), письмо ген. Айронсайду, в котором предлагалось прекратить боевые действия и, повесив царских генералов Морушевского, Миллера и капитана 2-го ранга Чаплина, уйти во-свояси. Получив это письмо, ген. Айронсайд прекратил всякие переговоры. Было решено все-таки продолжить эти переговоры, для чего отпустить в Архангельск на три дня, под честное слово, присланного для обмена из Москвы капитана Вильсона.

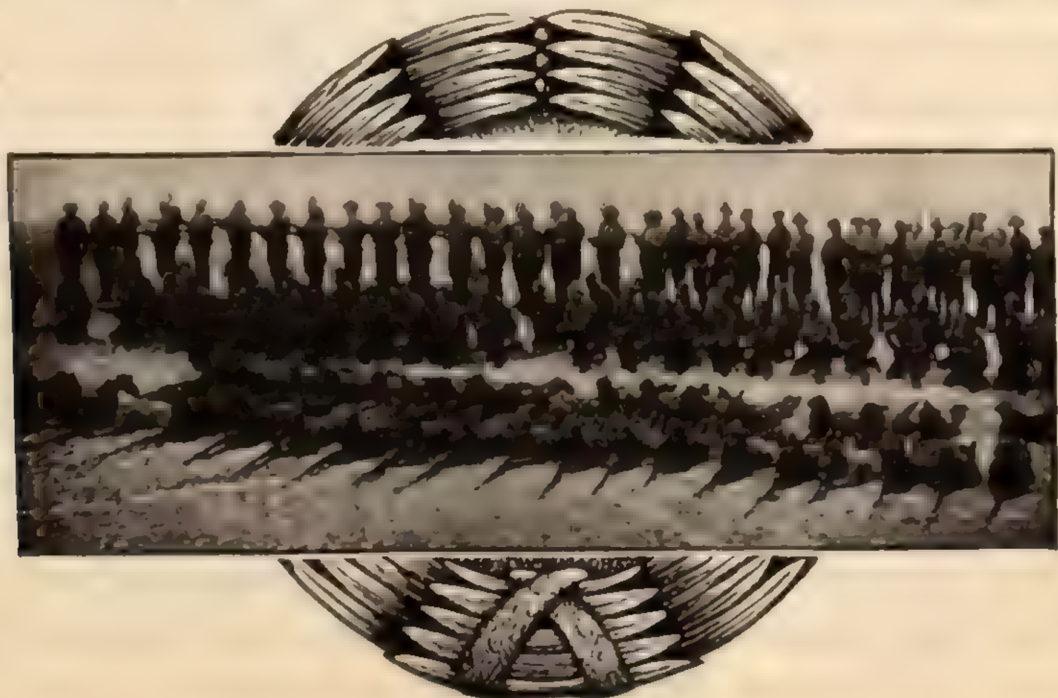
Некоторые возражали против целесообразности этого поступка, считая, что капитан Вильсон может многое рассказать. Но восторжествовало другое мнение, суть которого была в следующем. Русского языка капитан Вильсон не знает. Его убеждали в том, что мы звери, что мы уничтожаем английских офицеров. Он сам на себе испытал самое человеческое обращение с пленными. Это первое. Ему говорили, что у нас поезда не ходят, железные дороги представляют из себя что-то невероятное. Он ездил в поездах, в которых имеются международные вагоны, со скоростью 40 верст в час. Это второе, что опровергает злостные слухи о нас. Он видел из окна вагона на вокзалах, на станциях, вообще всюду огромное количество мужчин и женщин, одетых в солдатские шинели. На деле это были мешечники, ездившие за продовольствием. Сопровождавшие его рассказывали ему, что вся страна возмущена английской интервенцией и все население поступило в армию, чтобы гнать англичан. Это -третье. Находясь в Архангельске, он будет живым опровержением всех росказней про нас. Он сам охотно будет рассказывать о том, что дело обстоит далеко не так, как его рисуют белогвардейцы и высшее командование. Принятый Айронсайдом, он внесет маленькую капельку сомнения в душу этого матерого колониального волка. Подрыв уверенности офицерского состава в своем праве вести войну с нами будет значительно больше, а в среду солдат его прибытие, о котором будет им известно, безусловно внесет сильный разлад и посеет нежелание воевать. А так как одновременно с этим на разных участках без всякого требования обмена нами посылались по 2—3 рядовых бойца из пленных англичан или американцев, начиненных прокламациями и воззваниями, то можно было рассчитывать, что среди всего состава английских войск, кроме,

может-быть, генерала Айронсайда, появится решительное нежелание вести войну.

Капитан Вильсон через три дня, согласно обещания, вернулся обратно и потом был отпущен вместе с американцами через Финляндию. Месяца через три началась эвакуация иностранных войск.

Придется пройти мимо целого ряда боевых эпизодов, в которых выявилась доблесть войск 6-й армии как в периоды удачных наших действий, так,- что еще важнее, в период, когда нам наносились поражения, а противник имел успех. Особенно был трудный момент осенью 1919 г., когда противник, состоявший уже исключительно из русских белогвардейцев, под умелым руководством полковника генерального штаба Костанди, нанес нам поражение в районе жел. дороги и захватил станцию Плесецкую, на что мы ответили захватом устья Ваги и продвижением вниз по Сев. Двине до Березника. В это же время партизанские отряды противника, под командой капитана Орлова, потеснили наши части в верховьях рек Пинеги, Мезени, Печоры и захватили Яренск и Усть-Сысольск на реке Вычегде. Противник так обрадовался, что выпустил прокламацию-карту, в которой хвастался своими успехами, указав, что за время с 1-го августа по 1-е декабря 1919 г. он захватил 400 тыс. кв. *км* и что красные разбиты. Но этот успех в районе правого фланга нашей армии был довольно быстро и легко ликвидирован, а сам капитан Орлов был в одном из боев убит.

Наша армия готовилась к решительному наступлению на Архангельск и Мурманск. И в скором времени противник мог убедиться, насколько была преждевременнной его радость. Он писал: «Красная армия распадается, 481-й и 483-й большевистские полки разбежались по лесам»..., а через два месяца эти самые полки, совершив зимой переход в тысячу километров из Усть-Сысольска в район Емецкого, били противника и вошли в Архангельск.

В. ЕГОРЬЕВ

ИЗ ЖИЗНИ ЗАПАДНОЙ ЗАВЕСЫ

(ПО АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ И ЛИЧНЫМ ВОСПОМИНАНИЯМ)

КАК ВОЗНИКЛА ЗАВЕСА

ИССТРАДАВШАЯСЯ в нудном двухлетнем сидении в одних и тех же окопах, окончательно утратившая веру в какую то ни было победу и задумавшая крепкую думу «о земле и воле», старая русская армия к зиме 1917 г. потеряла боеспособность и, при первом же наступлении германцев, широкой волной покатилась назад, в родные деревни, открыв пути на Петроград и Москву. Ее место на линии Нарва—Днепр заняли разнообразные революционные отряды, сформированные рабочими и крестьянскими организациями, номинально подчиненные фронтовым командованиям, но в значительно большей степени выполнявшие частные задачи по указаниям местных органов.

Для характеристики порядка управления этими отрядами достаточно сказать, что на Западном фронте одновременно было три главкома (Берзин, Мясников и Ефимов), часто резко препиравшиеся по прямым проводам (один был в Брянске, второй - в Смоленске и третий в Орше), несмотря на отличные между собою товарищеские отношения. Между тем, подписанный 3-го марта Брестский мир не давал никакой уверенности в своей прочности, да и германцы, остановившись на линии Нарва—Могилев, продолжали наступать в направлениях на Брянск и Курск.

Такое положение не могло быть долго терпимо, и потому, сначала на Петроградском направлении, а 19-го марта и на Московском, фронтовые командования были ликвидированы, а из расположенных на фронте отрядов были образованы два участка завесы: северный и западный.

В ЧЕМ БЫЛА ИДЕЯ ЗАВЕСЫ

Конечно, в настоящем их виде, расположенные на границе отряды не смогли бы дать надлежащего отпора германцам, если

Схема расположения частей Западной завесы.

бы последние нашли нужным нарушить мир. Но никакой другой армии у правительства не было, да и запасы оружия и снаряжения разбросались по всей необъятной молодой Советской республике.

На организацию обороны центра революции—Москвы— надо было время, и это время думалось выиграть тем, что главное сопротивление было намечено в направлении Москвы—примерно, на линии Тверь—Ржев—Вязьма—Сухиничи—Горбачево, километрах в 250 от фронта. Задержку же наступающего противника предполагалось возложить на отряды, стоявшие на самом фронте.

На основании этой мысли Западная завеса состояла: 1) из 7 отрядов так-называемого Московского района (Тверской, Ржевский, Вяземский, Калужский, Тульский, Рязанский и Московский), имевших задачей дать решительный отпор противнику на путях к Москве, 2) из 6 первоначально, а с 8-го апреля—из 7 отрядов первой линии (Невельский, Витебский, Оршанский, Смоленский, Рославльский, Брянский и Курский), имевших задачей задерживать противника в том же направлении.

ОРГАНИЗАЦИЯ ВЫСШЕГО УПРАВЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ ЗАВЕСОЙ

Организация управления завесой была построена так. Во главе завесы, Московского района и каждого отряда стоял так-называемый военный руководитель, назначенный правительством из специалистов военного дела и единолично ответственный за военное руководство операциями. При военном руководителе состояли два политических (затем названные «военными») комиссара, ответственных перед правительством за выполнение войсками приказов военного руководителя и политическую лойяльность последнего.

Военруком Западной завесы был назначен бывш. начальник штаба Западного фронта Егорьев, а комиссарами при нем: И. М. Арефьев, впоследствии замененный А. И. Вайманом, и А. М. Пыжев. Военруком Московского района К. К. Байов, а комиссарами: сначала М. Степанов и Термосов, а затем Ю. Саблин и М. Н. Тухачевский. Передовыми отрядами руководили: Невельским (бывшим тов. Седякина)—С. С. Каменев (впоследствии главком) и комиссар Ахманов (Гиршфельд); Витебским (бывшим Кафиева, а с 21-го марта Тризны) Н. С. Елизаров; Оршанским, пережившим до завесы целый ряд командований и по назначению, и по выборам, и в виде совета или коллегии,—Жданов и комиссары: т.т. Богданов и А. Горшков, замененный Бурле; Рославльским (бывшим Угрюмова) Ерофеев, вследствие ряда недоразумений арестованный и с дороги бежавший, комиссары: т. Угрюмов и последовательно т.т. Лапса, Богданов, Каменский и Лебедев; Брянским, возглавлявшимся т. Берзиным и Афанасием Ремневым, П. П. Сытин, впоследствии военрукюж, и комиссары: т.т. Анисимов и Виноградов; Курским т.т. Слувис, Глаголев и комиссары: т.т. Бурле, Быч (честно погибший при приведении в порядок одного полка) и Вишневецкий.

Что касается Смоленского отряда, то он играл роль объединяющего действия Витебского, Оршанского и Рославльского отрядов по защите Смоленского узла. Военруком его был А. А. Свечин, ныне профессор военной академии РККА, а комиссарами: Алибегов и Селезнев. После назначения Свечина начальником Всероссийского главного штаба его заменил С. С. Каменев, которого, после назначения его командующим Восточным фронтом, сменил помощник его А. Н. Де-Лазари.

Назначение на высшие командные должности, хотя бы под скромным названием военруков, только-что выведенных из обихода генералов и полковников старой армии было понято на местах не сразу. Войска, а еще больше их выборные начальники, были явно недовольны, местные гражданские власти, имевшие свои военные отделы и свои отряды, кое-где будировали и задирались до того, что квартирьеры штаба завесы вернулись из Калуги с предупреждением, что лучше совсем туда не показываться, и военруку пришлось лично улаживать этот вопрос с «командующим войсками Калужской республики».

ОРГАНИЗАЦИЯ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ И ФОРМИРОВАНИЯ

Задачи, ставшие перед завесой, были по тому времени не легки и многообразны. Первой задачей завесы было придать фронтовым революционным отрядам сколько-нибудь регулярную организацию. Состав же отрядов был самый разнообразный. Часть их прибыла уже сформированными из Петрограда и Москвы, как, например, Ревельский сводный отряд Кутузова и 3-й батальон Петроградской красной гвардии Мильонщикова, впоследствии целиком отправленные на Восточный фронт; часть представляла собою каким-то чудом сохранившиеся остатки старой армии, переименованные в соответствующие части различных отрядов Западной завесы. Но главная масса состояла из местных формирований, гражданских беженцев, не подлежащих демобилизации солдат старой армии призыва 1916 и 1917 гг. и т. п. Все эти отряды носили самые разнообразные названия, иногда очень оригинальные, как, напр., «Особая армия Ремнева», переименованная впоследствии в Особый отряд, «полк имени Ленина», отправленный впоследствии в Баку, «Курский партизан-учащихся полк» и т. д. Внутренняя организация и численность были также весьма разнообразны, начиная от 50—60 человек и до 500—600; от одного рода войск и до соединения всех родов вместе (отряд Азарха, одна из лучших частей завесы, впоследствии развернутый в бригаду и отправленный на Восточный фронт). В батареях было по 1—2 орудия, а 3-я Оршанская батарея, переименованная впоследствии во 2-й батальон 1-й Орловской

дивизии, была вооружена винтовками, так как не имела ни одного орудия. В таком же положении был и польский артиллерийский дивизион, переименованный в 4-й батальон Витебской группы.

Количество мелких отрядов было огромно. На одном только Рославльском направлении, обнимавшем фронт около 100 *км*, было 30 различных частей, с общей численностью в 5.249 чел., при чем одному начальнику подчинялось до 12 разных отрядов. Трудность управления усугублялась еще тем, что, невзирая на то, что, как правило, начальники были выборные, их не всегда слушались, и тем, что среди них, да и в их штабах, почти не было военных специалистов. Крайне показательно в этом отношении постановление Оршанских отрядов, упразднивших должность командующего и передавших всю власть особому совету. Но так как в составе совета не оказалось ни одного военного специалиста, то должности начальника штаба и начоперода никем не заместили, «ибо не могли найти человека, который мог бы руководить операциями». Приказы подписывал «секретарь», а «утверждал» военный комиссар оперативного отдела, которым долго был И. М. Гайлис, много поработавший для укрепления Западной завесы. В Витебске оказалось сразу три командующих, назначенных тремя разными главкозапами, шла разноголосица и даже взаимные угрозы арестом.

Нравственный элемент, т.-е. боевые и гражданские качества отрядов, был весьма разнообразен. Особенно разложены были отряды Ремнева, расстрелянного вскоре за бандитизм и неповиновение центральной власти. Ряд героев-командиров, как Беретти, Врублевский, Румянцев, Степанов, Пшерадский, погибли, борясь за революционную дисциплину в этих отрядах; другие, как Гетманцев, были счастливее и сумели обратить свои части в боеспособные.

Работа по реорганизации началась с того, что существующие отряды укреплялись путем сведения в роты и батальоны, с соответствующей добавкой других родов войск, а 20-го июня было приказано создать в завесе 13 дивизий, каждую в составе 2 бригад по 2 полка, 1—4 эскадронов конного полка, артиллерийской бригады, мортирного артиллерийского дивизиона, инженерного батальона и соответствующих тыловых учреждений [1]). Так как оперативное положение Рославльского отряда, совпадавшее с прямым, как стрела, шоссе Могилев—Москва и удаленное от железных дорог, требовало

[1]) Дивизии: 1-я Витебская с центром формирования в Невеле, 1-я Смоленская—в Витебске, 1-я Могилевская—в Орше, 1-я Орловская—в Рославле, 2-я Смоленская—в Смоленске, 2-я Орловская—в Брянске, 1-я Курская—в Курске, 3-я Московская—в Твери, 2-я Тверская—в Ржеве, 2-я Московская—в Вязьме, 1-я Калужская—в Калуге, 1-я Тульская—в Туле и 1-я Рязанская—в Рязани; в самой Москве формировались 2 дивизии—Ефремова и Климова, которые, впрочем, в состав завесы не были включены.

наличия на этом направлении преимущественно конной части с броневиками, то неоднократно поднимался вопрос о сформировании для завесы крупной конной части, но, несмотря на поддержку в этом вопросе Н. И. Муралова, осуществить эту мысль не удалось.

Из специальных войск службу в завесе несли: 12-й истребительный (Невель) и авиационные отряды 1-го и 50-го корпусов (Смоленск), 1-го сибирского корпуса (Курск), 22-го корпуса и 11-й армии (Брянск). Были еще некоторые броневые части (см. схему на стр. 232).

Комплектование новых дивизий шло путем призыва добровольцев, при чем призыв был возложен сначала на военные отделы местных советов, а затем на губернские и уездные военные комиссариаты. На службу принимались по подписке и по круговой поруке. Жалованье бойцу полагалось сначала 50 руб. одинокому и 150 руб. семейному, а с 15-го июня оба оклада были увеличены на 100 руб. С 10-го июня, кроме подписки и вместо поручительства, стали требовать красноармейскую присягу.

Комплектование шло очень медленно и с большими трениями. Помехой служили следующие обстоятельства:

1. Сосредоточение вопросов формирования в руках органов, не подчиненных командованию завесой. Военные отделы советов, а затем губернские и уездные военные комиссары имели в это время собственные отряды для борьбы с контр-революцией и местных нужд, а потому давали людей скупо и часто без достаточной проверки их нравственных качеств. Наряду с очень хорошими пополнениями [1]) в завесу прибывали и очень слабые в отношении дисциплины элементы, которые частично приходилось отправлять даже назад. Особенно тяжелое впечатление произвело на фронт прибытие во 2-ю Орловскую дивизию московского отряда Цибульки, называвшегося «ангелами смерти», разбежавшегося уже в пути, произведшего ряд дебошей при получении оперативной задачи и, в конце-концов, к общему удовольствию, уехавшего назад.

2. Местный патриотизм, проявлявшийся преимущественно крестьянскими партизанскими отрядами, не желавшими уходить с особенно важных для них направлений.

Особенно остро этот вопрос стоял в 1-й Орловской дивизии, где местное население, ввиду постоянных нападений поляков и текинцев и вполне основательных опасений, что и восточная часть Могилевской губ. может быть оккупирована польскими помещиками, дралось в буквальном смысле за свои поля и жилища. Командование завесой изворачивалось всеми способами [2]), начиная

---

[1]) Напр., 21-й Замоскворецкий революционный полк.

[2]) Даже личный конвой военного руководителя Западной завесы, состоявший из его бывших сослуживцев по 12-му Астраханскому полку, был целиком отправлен на фронт и послужил кадром для развертывания 6-го полка 2-й Орловской дивизии.

от убеждения советов и кончая расформированием особенно неповинующихся частей; но успех достигался медленно и с трениями [1]).

Укомплектование командирским составом шло двумя путями: через советы и военкоматы, в общем порядке, и личными приглашениями военруков. В общем порядке, б. офицеры записывались в особых атестационных комиссиях, затем фамилии их печатались в местных органах, и гражданам предоставлялось право заявить отвод, при отсутствии коего происходило назначение на должность. Рязанский исполком проявил инициативу: постановил принимать на должности взводных командиров только б. унтер-офицеров, а не офицеров, что должно было побудить последних к занятию более соответствующих их квалификации должностей. А то случались такие курьезы, как занятие должности взводного командира артиллерийского парка бывшим генерал-майором командиром артиллерийской бригады (во 2-й Московской дивизии).

Но добровольцев из действительных спецов было мало. Главная масса б. офицеров поступала очень нерешительно и стремилась преимущественно в штабы. Во многих штабах случалось, что б. командиры полков занимали места писарей и курьеров, командиры рот—конных ординарцев и помощников журналистов, а врачи фельдшеров, хотя в передовых частях был хронический недостаток врачей.

В оправдание некоторых из них, желавших честно работать, надо сказать, что, ведь, это была эпоха наибольшего недоверия к старому офицерству. Например, даже меня, как военного руководителя западной завесы, имевшего большой правительственный мандат, крыли и исполком Калужской губ., и Облискомзап и многие другие.

Войсковая масса по многим причинам также не везде отнеслась сочувственно к замене выборного начала присылкой командиров из центра. На фронте было несколько случаев ареста командиров и комиссаров без всяких оснований, и их приходилось выручать вооруженным способом [2]).

---

[1]) Примеры: письмо военного руководителя Западной завесы к командующему войсками Калужской губ. 14 апр. № 484: «...в основание своей обороноспособности» завеса «в данный момент ставит... глубокое содействие местных организаций»...; его телеграмма начальникам революционных отрядов 1 апр. № 138: «Спасение республики, прежде всего, зависит от единства управления, сознательного подчинения. Всякие пререкания, торгования, взаимные жалобы—общая гибель», и его предписание начдивам 7 апр. № 1870 145: «...Правительство находит нужным иметь настоящую армию, а военные специалисты знают, что качество в 3 раза ценнее количества». Особенно приходилось возиться в этом отношении с частями Курской дивизии, где дошло до убийства военкома (Быч) и ранения комбрига (Слувис),—потребовалось содействие даже члена коллегии наркомвоенмор Подвойского. Правда, дезорганизация 3-го полка в Льгове была подготовлена анархистами.

[2]) Между прочим, чуть-чуть не сожгли коменданта штаба Богданова (впоследствии начальника броневых сил РККА).

При этих условиях делается понятным, что к концу существования Западной завесы даже высшие должности оставались вакантными, и, напр., к 11-му авг. четыре дивизии были без штатных начальников; не было комбригов и 65% работников генерального штаба. Значительно лучше пошло дело после назначения в полки военных комиссаров.

Но, с другой стороны, были части, которые уже осознали, что без знающего комсостава они могут быть только пушечным мясом. В этом отношении показателен прием войсками 1-й бригады 2-й Орловской дивизии нового комбрига Дьякова (ныне пом. начальника учебного отдела КУВКС)[1]), которого приняли весьма тепло.

СНАБЖЕНИЕ И ПРОДОВОЛЬСТВИЕ

Первоначально предполагалось, что штабы отрядов будут только оперативными органами. Все вопросы снабжения должны были лежать на местных советских и военных учреждениях. С переформированием отрядов в дивизии им придавали известный тыл, но снабжение попрежнему шло через округа.

При условии, что во всех предметах имущества был страшный недостаток, лошадей в стране было очень мало, продовольственные запасы были централизованы,- формирование и жизнь завесы встречали крайние трудности. Имущество находилось в распоряжении округов и отдельных центральных ведомств, которые в первую голову использовали его частью для местных нужд, с июня— и для формирования отрядов, отправляемых на Восточный и Южный фронты, а в завесу давали его с большими трениями и весьма неохотно.

Тяжелее же всего, понятно, стоял вопрос с продовольствием. Местные советы совсем не справлялись с ним. Даже штаб завесы, расположенный в Калуге, голодал[2]), в отрядах же и дивизиях дело доходило до таких явлений, которые грозили срывом и без того с трудом наладившейся дисциплины. Штабы дивизий занялись меновой торговлей[3]), штаб завесы разрешил покупку продовольствия и фуража «по вольным ценам при содействии местных властей», и, наконец, да простят ему все, перед кем он виноват, военный руководитель Западной завесы лично поехал на ... «мешочничество». Не обманывая себя в том, что он делает, он купил

[1]) Курсы усовершенствования высшего командного состава.

[2]) Приказ завесе 8 июня № 85: «...принимая во внимание, что сотрудники штаба совершенно не получают хлеба по неимению его в запасах штаба и города...»

[3]) Приказ завесе 31 авг. № 230: «...в одной из дивизий променяли соль на скот...».

в Воронеже 38 вагонов муки, пробирался окольными путями в Калугу, но, увы, привел только 3 вагона... Прочее пришлось сдать Москве...

В этом вопросе облегчением было постановление крестьянских обществ Курской губ. о поставке продовольствия ближайшим войсковым частям по твердым ценам.

Особенно плохо обстоял вопрос в кавалерии. Там, помимо материальной части, требовались лошади. Цена на них стояла очень высокая, но и по этой цене покупки шли очень плохо, так как население, только что перешедшее к мирному строительству, само сильно в них нуждалось. Произведенные в июле инспекторские смотры кавалерии дали весьма неважные результаты. Так, в конном полку Курской дивизии на 244 строевых лошади было всего 126 седел с веревочными оголовьями, а лошадей от бескормицы пасли по межам крестьянских полей; в конном полку 1-й Орловской дивизии на 680 бойцов было всего 216 лошадей и 66 шашек.

ПОДНЯТИЕ БОЕСПОСОБНОСТИ

Отряды первичной формации, т.-е. те, которые оказались в завесе после первого же движения германцев с минского фронта, отличались высокой революционностью и дрались с большой стойкостью. Партизанские командиры местами старались поднять и дисциплину. За убийство по мотивам грабежа назначалась смертная казнь, в приказах начальника Оршанских отрядов Гайлиса еще в апреле требуется «гражданская вежливость, ибо отсутствие ее ложится пятном на Красную армию», и предлагается «всем товарищам»..., не повинующимся товарищеской дисциплине, «покинуть ряды революционных войск».

Отряды последующих формирований, в общем, были значительно слабее. Особенно хромало чисто военное обучение. Пришлось вести двойную работу: одну по линии культурно-просветительной, другую — по линии строевой, до боевой стрельбы в мишени включительно.

Для поднятия квалификации младшего комсостава были учреждены повторительные курсы. Для поддержания дисциплины 10-го июня введена присяга, затем учреждены суды: ротные из 3 красноармейцев и полковые — из 3 командиров («инструкторов», как тогда говорилось) и 3 красноармейцев. Все эти суды возникли в порядке частной инициативы и долго не были санкционированы центральной властью, но дело свое они сделали, так как идея их удовлетворяла революционное правосознание самих войсковых масс.

Один вопрос военного обучения стоял особенно остро, это боязнь обхода флангов. Отряды, кроме Рославльского, где железной

дороги не было, естественно, тянулись к своим магистралям. При малейшей попытке противника к обходу, а таких случаев, особенно в Брянском и Курском районах, было много, отряды садились в «свои» вагоны и откатывались на следующую станцию. А между тем, эта тактика, конечно, была совершенно неудовлетворительной, да и центр требовал освобождения составов, нужных ему для внутреннего фронта и стеснявших нормальное движение и в районе самой завесы.

Приказы помогали мало. Приходилось прибегать к фокусам: под предлогом смены и т. п. части уводились в сторону от станции, а в это время вагоны убирались. Не обходилось без трений, но другого способа не было.

СЛУЖБА НА ДЕМАРКАЦИОННОЙ ЛИНИИ

С 8-го марта началось постепенное оформление Брестского мира в виде установления демаркационной линии. Первоначально она проводилась по частным соглашениям местных командований, иногда даже без карт (Кафиевым на Невельском направлении). Станция Орша была разделена пополам, а питание паровозов водой сохранено общее. Часовые здесь в конце-концов так привыкли друг к другу, что от скуки поочередно катались на одном и том же велосипеде.

Границы Украины и РСФСР не были к этому времени определены, и немцы долго и с большими спорами продвигались, куда хотели, со стороны Гомеля, Конотопа и Харькова. Только к середине мая удалось установить более или менее точные границы.

На большей части демаркационной линии, во все время жизни завесы, происходили беспрерывные пограничные столкновения с кровавыми исходами и с бесконечными жалобами с обеих сторон. Причин к этому было много.

Со стороны завесы, прежде всего, в этом вопросе было не столько военного элемента, сколько местного, экономического. Беженцы из ближайших местностей и крестьяне на границе демаркационной линии не могли, понятно, смотреть равнодушно ни на немецкое хозяйничание рядом, ни на польские жестокости по отношению к их оставшихся по ту сторону родичам. Они, за свой риск и страх, формировали отрядики, уничтожали пограничные знаки и подстреливали врагов.

На правом фланге завесы, где даже в войсках было много левых эсеров [1]), велась, особенно сейчас же после убийства графа Мирбаха, соответственная пропаганда, находившая почву в обильных слухах

[1]) Напр., в бывш. Витебской группе.

(и фактах), говоривших об особой жестокости немцев[1]). На левом фланге, в Курском районе, работали анархисты и украинские шовинисты, находившие себе поддержку в украинских беженцах и повстанцах, особенно многочисленных здесь. Наконец, германцы не упускали из виду и чисто военных мотивов и, где могли, с предлогами и без них, препятствовали нам в улучшении нашего оборонительного положения[2]).

Между тем общие условия требовали пунктуальнейшего соблюдения нами неприкосновенности нейтральной полосы, и вопрос этот наладился более или менее лишь с учреждением 31-го августа на демаркационной линии особых пограничных смешанных комиссий на

Советский и германский часовые на демаркационной линии у Орши в 1918 г.

станциях Унеча, Зерново, Колонтаевка, Лохинская и Беленихино. Для восстановления истины необходимо все-таки сказать, что, несмотря на совершенно различные условия для той и другой стороны в пограничном вопросе, количество взаимных жалоб было почти одинаково.

Так, к 14-му июня зарегистрировано 13 русских протестов и 11 германских, при чем два из них говорили о каких-то уведенных коровах какого-то помещика Василевского...

Не обходилось и без курьезов. Однажды украинские повстанцы уволокли в Судже у немцев целую 6-орудийную батарею. Возвратить ее во что бы то ни стало было необходимо, но революционные

[1]) Напр., в начале июля немцы сожгли две деревни за невзнос 250.000 руб. контрибуции и нахождение в ней будто бы 6 красноармейцев.

[2]) Когда мы начали снимать ненужную нам, но могущую иметь большое значение для немцев, в случае их дальнейшего продвижения к Москве, железную дорогу от Орши на Горки, они выдвинули к жел.-дорожному мосту 6 броневиков. Пришлось мост взорвать.

войска этого участка относились к возвращению весьма неодобрительно. Пришлось затащить пушки и передки в товарные вагоны и, не останавливаясь на головной станции, пропустить поезд, под выстрелами своих солдат, до середины нейтральной полосы. Лошади же исчезли бесследно.

Другим вопросом демаркационной линии была таможенная служба. Войска на границе несли не только военную охрану, но и контрольную службу по пропуску мирных проезжающих, особенно в Орше, где железно-дорожное движение не прекращалось. Приходилось заниматься конфискацией недозволенных к вывозу предметов и т. д. Кое-где появились «самозванные посты, неизвестно к каким частям принадлежащие, кем выставленные и появлявшиеся самым неожиданным образом». Для упорядочения этого вопроса штаб завесы предложил установить фискальную охрану границы особыми частями, не из войск фронта, что, однако, было сделано только к 12-му августа.

ОПЕРАТИВНАЯ СЛУЖБА

Вышеуказанные условия организации, формирования, снабжения и быта войск завесы достаточно ярки, чтобы оправдать основную идею ее оперативного руководства. Оно шло по двум направлениям. С одной стороны, войска завесы обязывались к организованному ведению обороны для выигрыша времени на своих направлениях, а с другой—район обороны должен был быть подготовлен к малой войне на сообщениях неприятеля.

Первая задача достигалась следующими способами:

1) на основных направлениях для отхода должен был быть заготовлен ряд узлов сопротивления;

2) бо̀льшая часть сил должна была быть в маневренных резервах, достаточно удаленных от первых линий и назначаемых преимущественно для действий на фланги неприятеля и противодействия его обходам;

3) не требовалось никакого общего, непосильного в данных условиях, фронта;

4) пути отхода, особенно железно-дорожные, подлежали разрушению.

К оборудованию узлов сопротивления приступили горячо. Но сейчас же дело натолкнулось на два препятствия. Во-первых, не было достаточных кредитов, а еще в большей степени не хватало рабочих рук. Арых во-вто, крестьяне во многих местах относились весьма несочувственно к обращению полей в окопы, как бы примитивны они ни были.

На подготовку путей к разрушению было обращено также очень большое внимание, но и в этом вопросе практически многого

достичь не удалось. При том порядке несения караульной службы, с которым никак не могли справиться, заблаговременная подготовка сооружений к взрыву могла быть использована предприимчивым противником в свою пользу.

По крайней мере известно, что мост у Унеча взорвался «от грозы» и его пришлось чинить.

Подготовка ко второй, не менее важной и целесообразной задаче, опиравшейся на исторический опыт как-раз в этой местности и при аналогичных условиях (поход Наполеона в 1812 г.), началась еще до завесы, в порядке службы Западного фронта, под личным руководством б. начальника штаба и его главного помощника в этом вопросе, матроса Перепелицына.

Организация партизанских отрядов пошла довольно успешно (особенно в Невельском отряде); был выработан план их действий; составлена инструкция для этих действий; но, по существу, эта организация подрывала дело завесы, так как последняя комплектовалась из тех же самых источников и нуждалась в тех же самых предметах вооружения и снаряжения.

Поэтому в половине мая от организации партизанских отрядов пришлось отказаться окончательно.

Что касается организации крестьянского восстания, также имевшего под собой историческую почву, то и здесь началась кое-какая работа, памятником коей осталась «Памятка крестьянина, рабочего и солдата, оставшихся в местности, занятой неприятелем», составленная в штабе завесы. Работу эту пришлось прекратить по указаниям центра, в связи с тем, что к 26-му июля «острый кризис на Западном фронте миновал [1]), а на Восточном приобретал первенствующее значение».

ОТПРАВКА ЧАСТЕЙ НА ВОСТОЧНЫЙ И ДРУГИЕ ФРОНТЫ

Оперативное положение завесы, конечно, никогда нельзя было назвать устойчивым. Возможность перехода германцев в наступление никогда не исключалась. Но со второй половины мая положение на фронте, если не считать пограничных инцидентов, было «без перемен». Силы немцев также были немногочисленны [2]). Между тем армии Восточного фронта нуждались в усилении. И Западной завесе пришлось принять очень большое участие в этом усилении.

[1]) Телеграмма Троцкого 26 июня, № 3. 517.

[2]) К 13 июня противник имел на фронте и в ближайших резервах на Полоцком, Витебском, Оршанском, Рославльском и Брянском направлениях, где у нас было по одной дивизии, также по одной ландверной дивизии, и лишь против Курска, где мы имели одну дивизию,—четыре дивизии и в промежутке между Курским и Брянским направлениями, где у нас были только мелкие части,—3-ю кавдивизию. Могилевский фронт занимали одно время поляки корпуса Довбор-Мусницкого.

Началось оно первоначально совершенно неорганизованным путем. С чехо-словацкого фронта присылали по телеграфу призывы ехать на Урал; приезжали за свой риск и страх отдельные агитаторы, в пользу того же звал правительственный комиссар по формированиям Кудинский. Все просили людей, оружия, имущества.

А завеса еще сама только становилась на ноги... Но по миновании острого кризиса, т.-е. когда окончательно выяснилось, что германцы отказались от мысли всякого вмешательства в русскую революцию [1]), Западной завесе пришлось приступить уже к организованной посылке подкреплений на другие фронты.

Правда, эта посылка первоначально шла путем выдергивания с фронта завесы отдельных частей, при чем наряды так запутались и по наименованиям частей, и по предназначениям, что к 23-му июля штаб завесы чуть было не потерял всякого учета их. Но затем посылка пошла уже планомерно. Не считая отдельных отрядов произвольной организации, разновременно из завесы было отправлено на другие фронты,- на Восточный, в Вологду, в Баку, на Урал и даже и Туркестан,- не менее 13 полков, 3 батальонов, 2 конных полков в 5 батарей.

Вместо отправляемых частей сейчас же формировались кадры новых. 11-го августа было приказано снять с завесы «все боеспособное» и оставить лишь кордон для несения пограничной службы. В сентябре германцы начали отход на линию Барановичских позиций, и завеса фактически перестала существовать. В ноябре она была окончательно расформирована, и остатки ее частично отправлены на Восточный фронт (1-я Смоленская, 1-я Могилевская и 1-я Орловская дивизии), частично переданы в подчинение Московскому и Орловскому военным округам (2-я Тверская, 2-я Московская, 1-я Калужская, 2-я Орловская и 1-я Курская дивизии), а 1-я Витебская и 2-я Смоленская сведены и переименованы в 17-ю стр. дивизию и приняли первое участие в последующих военных действиях на вновь образованном Западном фронте, именовавшемся Западным районом обороны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«Свою армию Советская Россия строила заново»... Так гласил приказ РВСР от 5-го февраля 1923 г., в пятилетний юбилей Красной армии. Много трудностей было на пути этого строительства, много было их и на частном пути организации и жизни Западного участка отрядов завесы [2]), со включением Московского района. Родившись

---

[1]) Были сведения о том, что они требовали пропуска в Петроград 2.000-го отряда, а в Москву—батальона.

[2]) Официальное название Западной завесы.

из многочисленных разнообразных по форме, составу и назначению революционных отрядов, мало, а местами и совсем необъединенных общим командованием, завеса пережила все муки планомерного регуляторства, хватила голода и материальных недостатков, защищала, как могла и умела, каждый метр социалистического отечества, справилась с пропагандой левых эсеров и анархистов и ушла со страниц истории, лишь отправленная на другие революционные фронты.

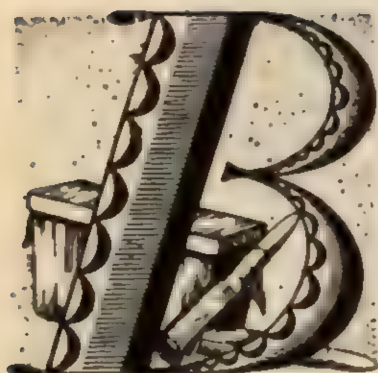

ФАБРИЦИУС И ТРАВИНСКИЙ

ДВЕ ИЗМЕНЫ

I. ИЗМЕНА НЕЛИДОВА

ФЕВРАЛЕ 1918 г. т. Фабрициус приехал из Петрограда в Гдов на должность чрезвычайного комиссара района Луга — Гдов– Торошино, с задачей организовать задержание наступающих германских отрядов. В это время в Гдове находилась озерная флотилия в составе 5 вооруженных пароходов с командой в 50 человек матросов. Начальником этой команды был тов. Самович, быв. лейтенант балтийского флота, уроженец гор. Гдова, работник, безусловно преданный рабоче-крестьянской власти.

В конце апреля 1918 года к нам из Пернова, оккупированного немцами, прибежали два бывших офицера: поручик Троицкий и капитан, по фамилии, кажется, Гаврилов. Офицеры, будучи допрошены тов. Фабрициусом, рассказали следующее.

Они были в Пернове, где за сочувствие советской власти неоднократно бывали арестованы и допрашиваемы немцами, неоднократно их насильно посылали на работы,—все это вынудило их бежать от гостеприимства оккупантов к красным. Из их допроса мы узнали, что в Пернове на квартире одного купца-немца проживает бывший капитан 2-го ранга Нелидов, который в империалистическую войну расставлял в Балтийском море минные заграждения, а теперь занимается шпионажем и предательством в пользу немцев. О предательстве Нелидова открыто говорили в Пернове местные жители. В благодарность за «плодотворную работу» немцы наградили его в большом количестве разной мебелью и имуществом, которое он в течение долгого времени куда-то перевозил на пароходах. 15-го апреля Нелидов выбыл из Пернова, но куда, - допрашиваемые не знали.

Показания обоих офицеров за их подписями были представлены тов. Фабрициусом в Гатчину—в штаб тов. Парского. В первых числах июня тов. Самович донес тов. Фабрициусу, что он снят с должности начальника Чудской озерной флотилии и назначен на должность помощника такового по хозчасти, а на должность начальника назначен и прибыл на место бывший капитан 2-го ранга Нелидов.

В скором времени Нелидов явился к тов. Фабрициусу. Желая узнать, тот ли это Нелидов, о котором ему говорили бежавшие офицеры, и вместе с тем не желая, чтобы Нелидов догадался о том, что о нем кое-что известно, тов. Фабрициус завел с ним разговор о том, не имеет ли он родственников и что желательно было бы узнать, что творится теперь у белых. На это он ответил, что родственников и однофамильцев во флоте он не имеет и что он отлично осведомлен о положении немцев, так как недавно был в Пернове, Юрьеве и Пскове. Затем Нелидов перевел разговор на политическую тему и, между прочим, заявил, что хотя он и не состоит членом коммунистической партии, но в душе он коммунист. Не вошел же он в партию до сего времени потому, что, якобы, у нас в партии нет «великих людей», а есть много «примазавшихся», что он «очень любит Россию и ненавидит немцев».

Из разговора с Нелидовым стало ясно, что он является именно тем Нелидовым, о котором говорили на допросе перебежавшие офицеры.

Прибывшему с Нелидовым комиссару Морозову, именовавшему себя «старым партийцем», но производившему крайне неприятное впечатление, которое впоследствии и оправдалось, тов. Фабрициус, не объясняя причин, приказал строго следить за Нелидовым, от которого Морозов был в восторге.

В середине июня 1918 г. о Нелидове было доложено представителю бюро военкомов тов. Юреневу. Тов. Юренев посоветовал по этому делу переговорить с тов. Троцким. Тов. Троцкий, после доклада, приказал тов. Фабрициусу по приезде в Гдов немедленно арестовать Нелидова и со всеми материалами направить в Москву.

По возвращении тов. Фабрициуса из Москвы, его вызвал тов. Самович и доложил о следующих действиях Нелидова. Воспользовавшись отъездом тов. Фабрициуса, не предупредив комбрига 26-й дивизии тов. Васильева, которому Нелидов был подчинен, он вместе с военкомом Морозовым отправился в Гатчину к Парскому для изложения следующих просьб:

1. Передать его, Нелидова, из подчинения комбригу 26-й див. и тов. Фабрициусу в подчинение командиру формирующейся в гор. Луге дивизии, мотивируя свою просьбу тем, что ему с последним будет легче держать связь.

2. Просить Парского о разоружении Чудской озерной флотилии и передаче разоруженных пароходов в рыбный отдел Петроградского совета, при чем последнюю свою просьбу Нелидов мотивировал возможностью наступления немцев, захвата нашей флотилии и употребления таковой против нас. Частный же флот, каковым оказались бы по разоружении бронепароходы, немцы, по мнению Нелидова, захватить не имели права. Несмотря на всю нелепость указанных просьб и явно изменническую просьбу о разоружении флотилии, введенный в заблуждение Парский на обе просьбы дал Нелидову свое согласие.

Узнав о возвращении Нелидова и Морозова из Гатчины, тов. Фабрициус с комбригом 26-й тов. Васильевым немедленно отправились в район расположения Чудской озерной флотилии, где арестовали Нелидова, сняв копии со всех документов, полученных им от Парского, и направили в Москву к тов. Троцкому, прося назначить тщательное расследование действий Нелидова и К° и прислать другого товарища на должность начальника флотилии.

Через 3 -4 недели Нелидов вернулся из Москвы обратно на должность начальника Чудской озерной флотилии с документами и личным письмом к тов. Фабрициусу от тов. Троцкого, в котором последний писал, что Нелидов был командирован в Пернов начальником Высшего морского штаба (бывш. адмиралом Шацким, впоследствии расстрелянным сов. властью за предательство), и что Нелидов, по его мнению, не способен предавать нас немцам. В этом же письме указывалось, чтобы без разрешения тов. Троцкого Нелидов не арестовывался. Таким образом, изменник Нелидов, посланный к нам немцами для разоружения Чудской озерной флотилии, сумел втереться в доверие к тов. Троцкому и остаться начальником флотилии, для того чтобы в конце-концов предать ее немцам и белым бандитам.

Получив полную возможность продолжать дальше свою предательскую работу и разрешение от тов. Троцкого на увеличение личного состава флотилии (показательно то, что Нелидов, просивший вначале разоружить, т.-е., иначе говоря, уничтожить флотилию, вдруг начинает работать по ее укомплектованию), Нелидов, вместе со своим комиссаром Морозовым, также оказавшимся пролезшим в партию изменником, отправляются в Кронштадт и тогдашний Петроград, где и набирают для своих дальнейших действий сообщников.

Результаты этих действий сказались вскоре. В сентябре 1918 г., когда в Пскове началось формирование северного белого корпуса Драгомирова, Нелидов, видя, что наступил момент перехода к своим «друзьям белым», укомплектовывает личный состав одного парохода преданными советской власти матросами и отправляет таковой

в сторожевку. С привезенными им изменниками и с изменником комиссаром Морозовым он уезжает, забрав с парохода все имущество. Целью этих действий было стремление окружить пароход с преданными сов. власти людьми, в крайнем случае уничтожить его и беспрепятственно пробраться в Псков для соединения с белыми.

Увидев эту измену, тов. Самович и оставшиеся честные матросы кинулись к пулеметам, стоявшим на берегу, чтобы огнем задержать изменников. Силы были неравны, и победа осталась за Нелидовым. Самович был тяжело ранен. Затем, воспользовавшись туманом, Нелидов и Морозов окружили 3 пароходами оставшийся верным сов. власти пароход, перебили на нем всех коммунистов и с 4 пароходами удрали к белым в Псков.

27-го ноября наши части двинулись на освобождение г. Пскова, а 28-го мы уже взяли его. При взятии Пскова белые оказывали упорное сопротивление, при чем активное участие в этом принимал Нелидов со своими 4 пароходами. Но упорство не помогло, Псков пал под нашим несокрушимым ударом. Два вооруженных парохода «Нелидовской эскадры» были с боем захвачены нашим доблестным 49-м Гдовским полком на реке Великой, а с 2 другими пароходами изменники Нелидов и Морозов удрали в Юрьев и потопили их перед взятием города нашими частями.

II. ИЗМЕНА БУЛАК-БАЛАХОВИЧА

В феврале 1918 г., во время наступления германской армии на г. Гдов, прапорщик Белов, находившийся в Гдове, разогнал Гдовский совет и расстрелял ряд коммунистов. При помощи бывшего 4-го Копорского полка, перешедшего в Красную армию непосредственно из окопов под командою тов. Блинова, впоследствии командира доблестного 49-го Гдовского полка, тов. Фабрициусу удалось восстановить советский порядок. В районе Юрьева, насколько нам было известно, в то время вел борьбу с немцами партизанский отряд имени Пунина под командой Балаховича (ныне Булак-Балахович). Булак-Балахович уроженец гор. Ковно, во время империалистической войны командовал сотней в отряде Пунина, а после смерти последнего в 1916 г. принял командование отрядом, носившим имя Пунина.

2-го марта 1918 г. тов. Фабрициус от старика-крестьянина получил пакет с надписью «чрезвычайному военному комиссару, прибывшему из Петрограда в Гдов». В пакете оказалось донесение Булак-Балаховича, в котором он указывал, что под напором немцев он с боями, с остатками отряда, отходит от Юрьева, 1-го марта его малочисленный отряд (от 60 до 70 человек) был сбит противником на перешейке Чудского и Псковского озер, и к вечеру того же дня немцы в количестве до 500 человек переправились на восточный

берег. Булак-Балаховичу хотя и удалось перебить до 100 человек немцев, но в дальнейшем он держаться не сможет, просит срочно прислать подкрепление в с. Самолву, куда он отходит с отрядом. Тов. Фабрициус решил пехоты не посылать, так как, благодаря 50—60 *км* расстояния от Гдова до Самолвы, она может опоздать, и немцы через Чудское озеро ворвутся в город, а для поддержки Булак-Балаховича выслать партизанский отряд, сформированный им из разоруженного 2-го Балтийского драгунского полка, под командой красногвардейцев бр. Новиковых, в количестве 110—120 сабель, и конную разведку бывшего 4-го Копорского полка, в количестве 50 сабель, всего 160—170 сабель. У Булак-Балаховича, в результате понесенных потерь, оставалось в отряде не более 50 человек.

По прибытии Новиковых к Булак-Балаховичу в с. Самолву, они вместе с последним выработали план совместных действий, заключавшийся в следующем. Несмотря на малочисленность своего отряда (220 сабель, 3 пулемета Максима и 5 пулеметов Льюиса), допустить немцев в с. Самолву и там дать им уличный бой. В этом селе имелся хороший каменный дом, принадлежавший купцам братьям Захаровым, который Булак-Балахович укрепил и установил в нем пулеметы. Братья Захаровы, будучи отъявленными белыми, решили предать наш отряд. Для этого один из них отправился к немцам и предупредил о расположении и численном составе нашего отряда а другой должен был напоить отряд Балаховича. На наше счастье, второй план не удался.

Немцы без боя подошли к деревне и окружили дом купцов Захаровых. Наши открыли ружейный и пулеметный огонь; большинство немцев было перебито, часть захвачена в плен. Среди захваченных пленных оказались два капитана генерального штаба царской армии—барон Энгельгардт и Вальтер—и 5 пленных офицеров-немцев, которые после допроса были расстреляны Булак-Балаховичем.

В это время какой-то мальчик сообщил Булак-Балаховичу, что 7 немцев из наступавшего отряда удирают к своим; не желая их выпустить, Булак-Балахович, тов. Новиков и несколько красногвардейцев бросились за ними в погоню. Шальной немецкой пулей Булак-Балахович был ранен в легкое на вылет и отвезен тов. Новиковым на излечение в Чудскую озерную флотилию, где имелся врач. В командование отрядом вступил младший брат Балаховича - Станислав.

Оправившись, Булак-Балахович прибыл в Гдов к тов. Фабрициусу и сообщил, что вследствие прежних и последнего ранения у него начинается омертвение правой руки, для спасения которой, по определению врачей, необходима срочная операция в Москве. Балахович просил тов. Фабрициуса дать ему разрешение на эту поездку и рекомендацию к тов. Троцкому.

Эти просьбы тов. Фабрициус удовлетворил. В Москве операция была произведена, Булак-Балахович был у тов. Троцкого и произвел на него настолько хорошее впечатление, что тов. Троцкий разрешил ему приступить к формированию полка и отдал приказ о том, чтобы ни один бывший партизан отряда имени Пунина не задерживался частями, а немедленно направлялся к Булак-Балаховичу. Булак-Балахович настолько вошел в доверие к тов. Троцкому, что последний разрешил ему формировать полк, не назначив комиссара, хотя в то время комиссары назначались даже к командирам-коммунистам. В мае Булак-Балахович со своим кадром переехал в Лугу и приступил к формированию полка, получившего наименование „1-й Лужский партизанский конный полк".

В Луге Булак-Балахович был назначен начальником гарнизона. В Лужском, Гдовском уездах, в Торошинском и других районах была объявлена мобилизация лошадей и седел для вновь формируемых конного полка Булак-Балаховича и артиллерийской батареи, формируемой тов. Травинским в Стругах-Белых для 2-й бригады 6-й дивизии. Булак-Балахович руководил мобилизацией, которая проходила довольно успешно и к июлю дала до 3 конных сотен. Люди были набраны добровольно, при чем Булак-Балахович набирал исключительно кавалеристов.

В начале июля прокатился ряд кулацких восстаний в Лужском уезде и в Стругах-Белых. Булак-Балахович, будучи уполномочен ликвидировать эти восстания, назначил своим помощником по ликвидации восстания в Стругах-Белых командира батареи тов. Травинского, в помощь которому в Струги-Белые была прислана рота стрелкового полка и несколько партизан из полка Булак-Балаховича под командой Войташ. Восстанием в Стругах-Белых руководил барон Фредерикс, племянник бывшего министра императорского двора, проживавший в 18–20 *км* от Стругов-Белых в своем имении. Для ликвидации восстания необходимо было во что бы то ни стало захватить этого белогвардейца-барона.

Ночью тов. Травинский, Войташ и 5 человек партизан отправились в имение Фредерикса, захватили спавшего Фредерикса и к рассвету доставили его на ст. Струги-Белые, куда к этому времени проездом на старый Владимирский лагерь прибыл Булак-Балахович со своим полком. Фредерикс был отправлен Булак-Балаховичем под конвоем партизан в Петроград, на Гороховую в ВЧК, где впоследствии и был расстрелян.

В июне месяце Булак-Балахович возвратился в Лугу. В конце июля штаб 2-й бригады 6-й стр. дивизии и 49-й Гдовский полк, оставив в Гдове 1 батальон под командой тов. Жучкова, перешли в Струги-Белые, а затем с батареей в г. Лугу. По приезде в Лугу бывший уездный лужский военный комиссар Булин и предчека,

фамилии которого сейчас не помним, начали настаивать на необходимости назначения в полк к Булак-Балаховичу комиссара, заявляя, что не доверяют Булак-Балаховичу, что у него среди командного состава много подозрительных лиц — исключительно бывшие дворяне и помещики; конкретно, однако, они ни на что не указывали.

Ввиду непрекращавшихся упреков в неблагонадежности Булак-Балаховича и его полка было решено, что тт. Фабрициус, Булин и предчека гор. Луги поедут к тов. Позерн, бывшему в то время комиссаром Северной Коммуны. По их приезде тов. Позерн устроил заседание, на котором было предложено три варианта: 1) разоружить полк Булак-Балаховича, 2) командировать Булак-Балаховича на Восточный фронт с повышением, а в полк назначить командира-коммуниста, и 3) отправить полк с Булак-Балаховичем на Восточный фронт. С первым и вторым вариантами тт. Булин и предчека были несогласны, мотивируя тем, что Булак-Балаховичу сразу станет ясно, что его обвиняют в измене, и тогда, не дав себя разоружить, он, сопротивляясь, несомненно, перейдет на сторону белых. Был принят третий вариант, для приведения которого в исполнение к тов. Позерн был вызван Булак-Балахович, которому было указано, что на Восточном фронте сейчас острая нужда в кавалерии, а поэтому решено его с полком в 24-часовой срок направить туда. Балахович по-военному сказал: «слушаюсь», но при этом доложил, что так как партизаны его полка разбросаны в Луге, Стругах-Белых, Торошине и Гдове, то он просит отправить полк не через 24 часа, а через четверо суток, когда он успеет их собрать. Разрешение было дано. Через четверо суток весь полк был собран и погружен в вагоны.

Увидев дисциплинированных партизан и начсостав, тт. Булин и предчека резко изменили свое мнение о полке Булак-Балаховича, заявляя, что невозможно такую реальную силу отправлять на Восточный фронт, в то время как в ней здесь чувствуется острая необходимость; они отправили поэтому просьбу тов. Позерн об оставлении полка, на что последний дал свое согласие.

В августе при Булак-Балаховиче состоял для поручений Перемыкин, называвший себя старым революционером, участником революции 1905 года. Впоследствии оказалось, что он сын золотопромышленника, студент Горного института, родной брат генерала Перемыкина, который работал в то время против нас в Пскове с немцами, с которыми находившийся на нашей стороне в полку Булак-Балаховича Перемыкин держал тесную связь. Выдвинутый на должность командира кавалерийского дивизиона с 2 сотнями пеших партизан, он был командирован в Елизаровский монастырь для обучения их военному делу и для получения лошадей. Недели через две от Булак-Балаховича был получен рапорт о том, что

Перемыкиным, по приказу Балаховича, на паперти были выпороты два монаха за то, что, крадя драгоценности с икон, они среди крестьян распространяли провокационные слухи о том, что эти кражи, якобы, производятся партизанами дивизиона.

В октябре из Ленинграда к Перемыкину были командированы три партийца для создания бюро и проведения политработы. Однажды Перемыкин, будучи пьян, поспорил с коммунистами. Последние заявили ему, что при желании они могут отправить его, Перемыкина, и любого из командиров на Гороховскую в ВЧК. Перемыкин тут же пристрелил одного из коммунистов. Сознавая, что это убийство будет иметь для него дурные последствия, Перемыкин со спровоцированными им красноармейцами своего отряда переходит в Псков к белым, захватив с собой командира и штаб близ стоящей, на охране демаркационной линии, роты 49-го Гдовского полка.

Тов. Фабрициус в это время по делам службы находился в Торошино. Узнав об измене Перемыкина и командира роты 49-го Гдовского полка, тов. Фабрициус немедленно вызывает по телефону комбрига 26-й дивизии тов. Васильева, находившегося в гор. Луге, и просит его срочно принять меры для охраны нашей границы и для отпора возможному нападению со стороны белых. На следующий день в его распоряжение, под командой тов. Травинского, прибыл отряд в составе царскосельской роты «Спасение революции», 2-й Новгородской роты особого назначения, 3 рот стрелкового полка (номер которого сейчас не помним) из Петрограда, четырехорудийной батареи 2-й бригады 6-й дивизии с конной разведкой в 40 чел. и кавэскадрона из Петрограда под командой тов. Григорчука. Таким образом, образовался отряд в составе до 700 штыков с пулеметами, 4 орудиями и 160 170 саблями. Часть этого отряда в тот же день ушла на усиление охраны демаркационной полосы, а другая часть, в качестве ударного кулака, была оставлена нами в м. Торошино.

Через день к тов. Фабрициусу в крайне подавленном состоянии явились братья Балаховичи, которые, весьма нелестно отзываясь о Перемыкине и его поступке, просили разрешить им написать воззвание к перешедшим партизанам. Тов. Фабрициус разрешил.

Воззвание было составлено в таком духе, что, мол, перешедшие наложили несмываемое пятно на отряд и на голову «батьки Балаховича», что все, кто искренно дорожит действительной свободой, должны немедленно вернуться к нам обратно, вырезать предварительно штаб немцев в Пскове и доставить живым или мертвым изменника Перемыкина. Воззвание было отправлено. Человек, несший его, был захвачен белыми и посажен в тюрьму. Прочтя это воззвание, немцы, считая рядовых партизан ненадежными, посадили их в тюрьму. Перемыкин, перейдя к белым и желая доказать им свою преданность, не терял даром времени и стал устраивать нападения

на нашу охрану, на Талабские острова, где был убит председатель Ревкома тов. Залит, имя которого сейчас носят эти острова, и Полуновскую волость. Дабы прекратить эти безобразия, тов. Фабрициус с кавэскадроном выехал на место и, разгромив белогвардейцев, прекратил набеги.

1-й Лужский полк расположился в Стругах-Белых. Вскоре после инцидента с Перемыкиным полк посетил начальник штаба 6-й стр. дивизии Плющик-Плющевский и заместитель комиссара Северной Трудовой Коммуны тов. Богатин. Устроив полку смотр, затем митинг и парад, они нашли его во всех отношениях в отличном состоянии и преподнесли полку от Северной Коммуны красное знамя. В ответном слове Булак-Балахович, от имени партизан и начсостава своего полка, клялся в верности рабоче-крестьянской власти, в готовности пожертвовать всем для блага Трудовой Республики и, обращаясь к своим партизанам, указал, что это знамя им дается после измены Перемыкина, т.-е. тогда, когда при другой власти полк безусловно был бы расформирован и на многих обрушились бы тяжелые кары.

Отношения между Лужской уездчека—с одной стороны, и Булак-Балаховичем и его полком—с другой, все ухудшались. В полку процветали кутежи и дебоши, в одном из которых был застрелен партизан Войташ. В октябре ЧК категорически поставила вопрос о разоружении полка. В октябре же в полку стало замечаться недовольство красноармейцев вследствие невыдачи жалования, за неассигнованием денег. Последнее же задерживалось потому, что Булак-Балахович не представил отчета в выданных ему 2.000.000 р. в дензнаках на довольствие людского и конского состава полка.

В 20-х числах октября Булак-Балахович поехал к тов. Богатину, которого просил, во избежание могущих быть последствий, немедленно ассигновать жалование составу полка, указав, что все прежде полученные им деньги заприходованы, на бо́льшую часть израсходованных денег имеются оправдательные документы, а если на некоторую часть их и не имеются, то это, якобы, объясняется тем, что в период похода и ликвидации восстаний ему часто приходилось выплачивать крестьянам, по их жалобам, за забранный красноармейцами его полка продфураж, при чем расписок от крестьян в получении денег очень часто не брал. Богатин с ним не согласился и приказал представить в израсходованных суммах полный отчет с оправдательными документами. До представления же отчета ни на какие надобности полк денег не получит, а в случае непредставления он, тов. Богатин, предаст Булак-Балаховича суду.

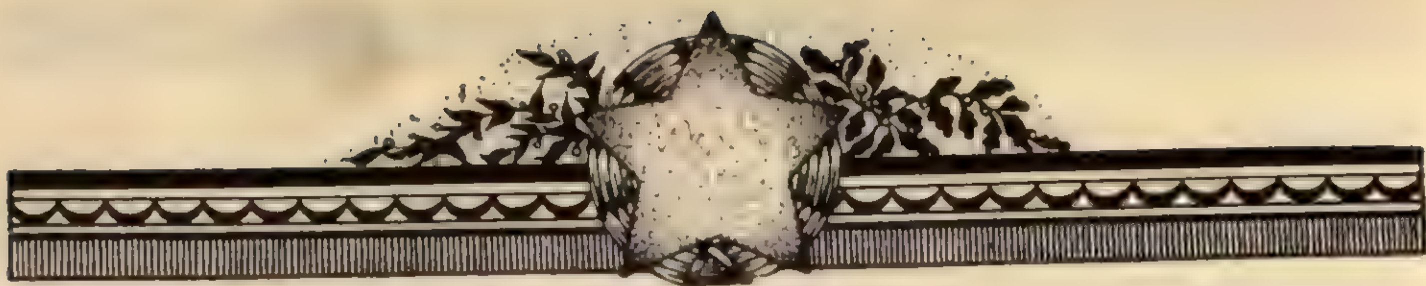
В дальнейшем события пошли быстрее, чем можно было ожидать. 5-го ноября (по новому стилю) Булак-Балаховичу была дана тов. Травинским, по приказанию тов. Фабрициуса, телеграмма о том,

чтобы 6-го ноября 1918 г. он с вверенным ему полком прибыл в Торошино, а к вечеру 6-го ноября телеграмма была возвращена обратно с надписью о недоставке «за ненахождением адресата». Были приняты все меры к розыску местонахождения полка Булак-Балаховича, но они оказались тщетными. Булак-Балахович со своим полком, как в воду канул.

В день первой годовщины Октябрьской революции, на рассвете, было получено донесение от начальника Порховского боевого участка о том, что Булак-Балахович со своим полком только-что напал на правый фланг Порховского боевого участка и, прорвав таковой, прошел в Псков; одновременно командующий Порховским участком просил оказать ему помощь. Из состава частей нашего Псковского боевого участка немедленно, для преследования Булак-Балаховича, были выделены 2 эскадрона под командой тов. Григорчука. Они, найдя части отряда Булак-Балаховича в нейтральной зоне, вернули обратно до 2 сотен, а 3-я сотня через несколько дней, пешая, вернулась к нам из Пскова. Хозяин квартиры, на которой жил в Стругах-Белых Булак-Балахович, и перебежавшие обратно к нам партизаны его полка помогли нам выяснить картину перехода. Кратко она заключалась в следующем.

По приезде из Петрограда Булак-Балахович собрал комсостав своего отряда. Долго они о чем-то спорили, был собран весь полк, которому зачитали якобы полученный приказ о немедленном наступлении на Псков. Красноармейцы с восторгом приняли известие и с развернутым красным знаменем, полученным от правительства Северной Коммуны, двинулись на Псков. При подходе к проволочным заграждениям на немецкой стороне нейтральной зоны полк был окружен немцами, красноармейцы обезоружены и лишь тогда допущены в город.

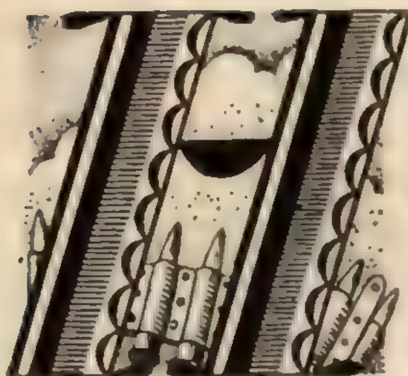

С. ВЕНЦОВ

ГЕРОИЧЕСКИЙ ГОРОД

ГЕН. ЮДЕНИЧ ПОД ПЕТРОГРАДОМ ОСЕНЬЮ 1919 Г.

НАСТУПЛЕНИЕ ген. Юденича осенью 1919 года и по численности участвовавших в этой операции сил, и по характеру боевых действий в масштабе всей гражданской войны 1918—1921 гг. явилось не более, чем значительным эпизодом. Петроградская операция, несмотря на это, и посейчас сохраняет первостепенное значение в общей истории гражданской войны. Организующая роль пролетарского центра, колоссальная энергия революционных рабочих Петрограда, коллектив-победитель, -вот что характерно для этой операции. В течение десяти тяжелых осенних дней второстепенный, всеми позабытый участок фронта усилиями героических пролетариев Петрограда превращается в сплоченную, крепко организованную, победоносную фалангу бойцов. Активность и политическая сознательность петроградского пролетариата, в соединении с быстрыми мерами по подтягиванию резервов, позволили закончить эту операцию разгромом белогвардейцев.

Здесь мы только бегло коснемся описания боевых действий. Центральное внимание мы уделяем роли Петрограда, как основного костяка и организатора победы.

☆

Наступление ген. Юденича на Петроград осенью 1919 г. совпало с моментом наибольшего напряжения Советской Республики в борьбе с русской и мировой буржуазией. Особенно тяжелое положение к этому времени создалось на Деникинском фронте. После Мамонтовского рейда по тылам войск Южного фронта Деникин продолжал свое наступление в Орловском направлении. Хотя сопротивление Красной армии усиливалось с каждым днем, именно этот фронт,

по понятным причинам, отвлекал внимание решительно всех сил Советской Республики. Внимание главного командования было направлено на скорейшее сосредоточение необходимых сил для организации контр-удара против Деникина. Западный фронт за период с 17-го сентября по 5-е октября, т.-е. в момент, непосредственно предшествовавший Юденичскому наступлению, должен был выделить из своего состава для переброски на Южный фронт Латышскую стрелковую и Сводную дивизии (эстонские бригады); именно эти части способствовали быстрейшему перелому в районе Орла, одновременно ослабив резервы и силы всего Западного фронта. Если к указанным внешним затруднениям прибавить тяжелое внутреннее положение Республики, то мы поймем, что момент для наступления на Петроград был выбран белогвардейцами очень удачно.

К началу своего наступления северо-западная армия после смены командования (Колчак 14-го июля 1919 г. назначил ген. Юденича главнокомандующим северо-западной армией и своим наместником всех завоеванных областей), реорганизаций и переформирований представляла для того времени довольно внушительную силу (около 18 тыс. штыков, 700 сабель, 57 орудий, 4 бронепоезда, 6 танков). Решающее значение для укрепления северо-западной армии имела существенная поддержка, полученная от союзников, особенно от англичан. Все части были одеты в английскую походную форму, вооружены английскими винтовками, имелись кой-какие запасы английского снаряжения. Положительным для белогвардейцев фактором являлось также значительное количество безработных офицеров, жаждавших возвращения в Петроград, согласных на любую авантюру и составлявших большой процент от всей численности армии (примерно, 1 офицер на 4 солдата). В составе Юденичской армии были части, укомплектованные исключительно офицерами; в штабах не было недостатка в опытном высшем командном составе, как, например, Родзянко, Газенкампф, Краснов, Ливен, кн. Долгорукий и др. Командование северо-западной армией во главе с Юденичем принимало решительные меры к тому, чтобы ускорить начало боевых операций против Красной армии. Эстонское правительство в этот период времени намеревалось вступить с нами в переговоры о мире. Белогвардейцы своим наступлением хотели сорвать эти переговоры. Угроза Петрограду и захват его значительно облегчили бы основную задачу Деникина по захвату Москвы. Обещанная поддержка английского флота могла быть оказана только до прекращения навигации в Финском заливе. Юденич был хорошо осведомлен о состоянии наших частей, об ослаблении фронта и твердо рассчитывал на легкую победу. Не задумываясь, он остановился на авантюрном решении поставленной ему задачи: энергичным наскоком на Лугу и Гатчину, стремительным движением вперед

захватить Петроград. Даже Псков, находившийся на крайнем правом фланге расположения белых, был исключен из зоны операции. Стремительность, дерзкий налет, самоуверенность вот что было положено в основание всех планов и расчетов ген. Юденича.

Что же могла противопоставить Советская Республика наглому налетчику, собиравшемуся, как выясняется из опубликованных за последние годы документов, устроить такую кровавую баню для пролетариев Петрограда, перед которой поблекли бы подвиги Тьера и Галлифэ, «героев» 1871 года?

На обороне Петрограда, растянувшись более чем на 300 *км*, были расположены части 7-й красной армии (6-я, 2-я, 19-я и 10-я дивизии) Армия эта к началу наступления была ослаблена многочисленными переброесками частей, выдергиванием лучших коммунистов и наиболее опытных командиров для усиления Южного фронта. 7-я армия, по свидетельству своего командующего (тов. Харламова), представляла собой «конгломерат мелких отрядов, отдельных частей, не объединенных большей частью в бригадные и даже полковые соединения, набранных из разных армий». Действия 7-й армии против меньшего по численности, но значительно лучше организованного противника требовали хорошо подготовленных, политически стойких бойцов и командиров, большей гибкости организации и подвижности самих частей. Слабая подготовленность командного состава, необученность пополнений влияли на состояние дисциплины в рядах армии. Почти полное отсутствие конницы лишало командование особенно ценного средства боевой работы и войсковой разведки. Незначительный процент коммунистов, слабость политической работы влияли на общую боеспособность армии и в особенности на моральное состояние войск. Организация снабжения была весьма неудовлетворительной. Недостаток обозов, при крайней бедности района боевых действий перевозочными средствами, являлся главнейшей причиной плохого подвоза и тяжелых лишений бойцов. Даже скудный паек (1 ф. черного хлеба и 1/2 ф. не всегда доброкачественной рыбы) доставлялся войскам крайне нерегулярно. Наступили холодные осенние дни, а войска были обмундированы только на 50%.

Ослабленное внимание к Петроградскому фронту создало благоприятную обстановку для заговорщической работы, которую вели некоторые командиры, военные специалисты, во главе с бывш. начальником штаба 7-й армии Люндеквистом. Состоя начальником штаба армии, Люндеквист разработал и переслал ген. Юденичу подробный план операции, по которому и протекало наступление на Петроград. Ему активно помогал заведующий оперативным отделом штаба Балтфлота бывш. полк. Медиокритский, снабжавший штаб Юденича различными оперативными данными. При помощи

ряда других командиров армии и флота, в момент, когда Юденич продвигался к Петрограду, внутри последнего подготавливалось белогвардейское выступление. В указанной обстановке и началось наступление северо-западной армии (см. схему).

Схема осеннего наступления генерала Юденича на Петроград в 1919 г.

Кордонное расположение наших войск, полное отсутствие резервов позволило Юденичу легко и безнаказано прорвать фронт нашего расположения и быстро продвинуться вперед. 28-го сентября одна группа сев.-зап. армии в составе II корпуса и 1-й отдельной бригады, при содействии трех танков, начала демонстративное наступление в направлении на Струги-Белые и Псков. Части 19-й и 10-й дивизий откатывались без особого сопротивления. 4-го октября противник

занял Струги-Белые. К 6-му октября наше командование перебрасывает в этот район левофланговую 18-ю бригаду 6-й дивизии. Струги-Белые вновь переходят в наши руки, и, таким образом, эта сильная демонстрация имела одно важное для белых последствие: благодаря ей была оттянута часть наших сил с направления главного удара Юденича.

В ночь с 9-го на 10-е октября части 5-й, 2-й, 3-й дивизий, а также сводного отряда кап. Хомутова, составляя одну основную ударную группу Юденича, начали стремительно наступление к Петрограду. 11-го октября противник овладел Ямбургом; 2-я красная стр. дивизия оторвалась при этом от правофланговой 6-й дивизии и утратила с нею всякую связь. Начиная с 11-го октября, части 7-й армии почти безостановочно отступали к Петрограду. Внезапный прорыв противника, его превосходство на ударных направлениях, недостаточная дисциплинированность в красных частях способствовали успехам Юденича на Гатчинском и Лужском направлениях. 12-го и 13-го октября белогвардейцы быстро продолжали продвижение вперед. Их основная задача заключалась в том, чтобы, воспользовавшись расстройством наших частей, решительным ударом прорваться на Детское Село и Тосно; занятием последнего была бы прервана Николаевская железная дорога, Петроград оказался бы изолированным и подкрепления к 7-й армии не смогли бы быть подвезенными.

16-го октября Юденич уже занял Красное Село и Гатчину, а правым флангом вновь захватил Струги-Белые. Разрыв между растянутыми дивизиями 7-й армии был настолько велик, что командование Западным фронтом подчинило левофланговую группу, в составе 10-й и 19-й дивизий, командованию 15-й армии.

К вечеру 17-го октября фронт 7-й армии тянулся от горы Валдай до Царской Славянки, отстоя в некоторых местах на расстоянии дальнего артиллерийского выстрела от красной столицы. К счастью для нас, противник не использовал выгодной для него возможности прервать сообщение между Петроградом и Москвой по линии Николаевской ж. д. Именно по этой дороге двигались в эти дни основные подкрепления. Ген. Ветренко, начальник 3-й дивизии Юденича, не выполнил боевого приказа, торопясь первым войти в Петроград и не сомневаясь, очевидно, что и без занятия Тосно это неминуемо произойдет. В течение 18 19-го октября 2-я и 6-я дивизии армии, отбивая упорные атаки Юденича, продолжали медленный отход, и 20-го октября начдив 2-й с разрешения командарма вынужден был отойти от Детского Села и Павловска на Пулковские высоты.

Положение Петрограда становилось угрожающим. Необходимы были самые срочные меры для того, чтобы усилить боевую способность частей и отстоять красный Петроград. Юденич уже готовился к победоносному вступлению в красную столицу. В лагере

белогвардейцев никто не сомневался в падении Петрограда. Юденич уже после взятия Гатчины и Красного Села непосредственно с позиций послал Лианозову (председателю северо-западного правительства) требование о том, чтобы держать наготове запас продовольствия для Петрограда, ибо занятие столицы последует не позднее 2—3 дней. В Ревеле спешно укладывались чемоданы, обесценивалась эстонская марка, быстро поднимались русские рубли; заключались сделки в долларах и фунтах по купле-продаже петроградских предприятий. По инициативе ген. майора Владимирова, пользовавшегося большим доверием Юденича, контр-разведка сформировала летучие авто-колонны, которые за ночь до торжественного вступления Юденича в Петроград должны были ворваться в город и по спискам контр-разведки учинить кровавую расправу. На всех мировых биржах клеветой о падении Петрограда зарабатывали миллионы рублей.

Красная армия безудержно катилась к Питеру. Но в ее тылу стоял великий гигант, нерушимая твердыня пролетарской революции, красный Питер, со своими закаленными в боях рабочими и работницами. Отсюда пришла первая помощь отступавшей Красной армии. Отсюда, как электрический ток, пронизали ряды отступавших новые потоки сил, новый подъем, новое воодушевление. Петроград—героический город—вновь, как и прежде, оказался на своем боевом посту. Красная армия, опираясь на этот жизненный центр, быстро оправилась, окрепла, набралась сил и спутала все карты, все надежды русских белогвардейцев и мирового империализма.

Против разрозненных и слабых сил 7-й армии оказались главные силы противника, примерно, до $^5/_6$ всех юденичских войск. Только одна отдельная бригада и запасный полк были оставлены против 15-й армии Западного фронта. Такая группировка сил противника повлияла в значительной мере и на общий план Западного фронта по ликвидации угрозы Петрограду. Сущность этого плана определялась, прежде всего, направлением всех сил Юденича непосредственно против Петрограда. Ослабление внимания против 15-й армии позволяло именно с южного направления наносить удар на Лугу и Гдов, одновременно с наступлением ударной группы, созданной из свежих частей, прибывавших по указанию главного командования в район Колпино—Тосно.

Но для начала операции, а самое главное—для того, чтобы тактическое влияние хода боевых действий на фронте 15-й армии могло быть воспринятым на Петроградском направлении, понадобился значительный промежуток времени. 15-я армия получила приказ о наступлении 26-го октября. Но до 28-го октября она все еще продолжала находиться в периоде изучения обстановки, производя необходимые перегруппировки, и подготавливалась к наступлению. Да и после

начала своего наступления продвижение протекало крайне медленно. Только 31-го октября передовые части армии заняли Лугу, и это повлияло решительным образом на исход боевых действий у Красного Села. Но самые тяжелые десять дней, в промежутке от 17-го до 27-го октября, 7-я армия и петроградский пролетариат выдерживали исключительно на своих плечах.

Пролетарская столица начала энергично, с привлечением всех трудящихся, готовиться к вооруженному отпору, к внутренней обороне Петрограда. Еще 15-го октября комитет обороны, образованный постановлением Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, объявил Петроград на осадном положении. Движение по улицам после 8 часов вечера было запрещено, все увеселительные места закрыты, выключены частные абоненты телефонной сети и предпринят еще целый ряд предохранительных мер. Петроград поставил под ружье решительно все рабочие районы. Здоровые пошли на боевые позиции. Слабые работали над возведением укреплений и над подготовкой оборонительных позиций внутри Петрограда. Белогвардейцы находились в эти тяжелые дни всего в 20—25 *км* от Петрограда; было весьма вероятно вооруженное столкновение на улицах самого города. И, несмотря на это, в Питере сохранилось абсолютное спокойствие и порядок. Это достигалось прочной организованностью и стальной дисциплиной, которая еще на долгие годы будет служить образцом для пролетариев и трудящихся, борющихся во всем мире за свое освобождение.

В ночь с 17-го на 18-е октября, на заседании комитета обороны Петроградского укрепленного района совместно с представителями Петроградского комитета коммунистической партии и Губисполкома, было вынесено решение: в случае прорыва белогвардейцев в пределы города, продолжать оборону и защищаться внутри Петрограда, превратив его в прочную крепость, в большую западню для небольшой юденичской армии (см. приложения 1 и 2).

19-го октября на экстренном заседании Петроградского совета была принята единогласно следующая резолюция:

> «Совет постановляет: положение Петрограда грозное. Не может быть никакого места беспечности. Опасность велика. Надо быть на ногах. Надо указывать всем трудящимся, как велика опасность. Надо поднять на ноги все рабочее население, надо всем вооружиться. Надо готовиться отстаивать каждую пядь нашей земли, каждый дом и каждую улицу в самом Петрограде. Петроградский Совет одобряет учреждение Совета внутренней обороны Петрограда, к которому должна перейти вся военная власть. Совет требует от железнодорожников самого быстрого и самого энергичного продвижения войсковых эшелонов. Совет предлагает Совету внутренней обороны немедленно учредить специальный трибунал на железных дорогах и всех виновных в затягивании переброски предавать немедленно суду этого трибунала. Совет требует от всего трудящегося населения Петрограда напрячь все силы

на помощь нашей Красной армии; усилить мобилизацию, усилить охрану. Подняться всем до единого. Глубоко уверенный в победе нашей над белогвардейскими бандами, которые бродят вокруг красного Питера. Петроградский Совет зовет всех трудящихся отдать все на дело обороны великого нашего города [1]).

Весь город был разделен на районы, во главе со штабами внутренней обороны, ведавшими укреплением своих районов и формированием необходимых гарнизонов. На районные штабы была возложена также ответственная обязанность охраны внутреннего порядка на заводах, фабриках и во всем своем районе. Эти же штабы являлись и выполнителями заданий центра по производству

Укрепления на улицах Петрограда во время наступления Юденича в октябре 1919 г.

различных мобилизаций, обысков в буржуазных квартирах и по всей работе, направленной к укреплению обороны столицы.

При районных штабах быстро формировались специальные команды пулеметчиков, гранатометчиков, артиллеристов. Часть этих отрядов направлялась для поддержки фронта, часть подготавливалась для внутренней обороны. Районные штабы развернули сеть санитарных учреждений, пунктов скорой помощи, летучек и лазаретов. В районах были открыты питательные пункты для формировавшихся боевых отрядов, проходящих команд и отдельных красноармейцев. С 16-го октября началась повсеместная мобилизация рабочих от 18 до 40 лет. На всех фабриках и заводах были сформированы отряды для партизанских действий из самых надежных и

[1]) «Борьба за Петроград 15 I—6 XI 1919 г.». Госиздат, 1923 г., стр. 212.

Укрепление Зимнего дворца во время наступления Юденича в октябре 1919 г.

стойких рабочих на случай необходимости вести вооруженную борьбу на улицах Петрограда. На важнейших площадях и перекрестках были установлены артиллерийские орудия, подготовленные для открытия огня по определенным целям. Были намечены наблюдательные пункты, установлена связь артиллерийских позиций со своими начальниками, а также и со штабами районов. Все городские здания были приспособлены к обороне. Построены пулеметные и ружейные капониры, окна при посредстве земляных мешков превращены в бойницы, в верхних этажах и на чердаках расположены пулеметы. Три оборонительных позиции были созданы для непосредственной обороны Петрограда: одна по внешнему городскому обводу, вторая по внутренним водным преградам, и, наконец, третья—по берегам Невы.

Вся южная часть города представляла в результате фортификационных работ сплошную укрепленную зону, в которой противник попадал на каждой улице под перекрестный ружейный и пулеметный огонь.

Вся вкратце изложенная работа по подготовке вооруженного отпора внутри Петрограда, а также и по укреплению боевых рядов отступающих частей Красной армии стала возможной только благодаря дружным, упорным усилиям всего петроградского пролетариата. Несмотря на крайне тяжелые материальные условия, несмотря на громадные потери в октябрьские дни на всех фронтах, несмотря на отвлечение лучших сил на борьбу против Деникина,

силы петроградского пролетариата еще были настолько велики, что их хватило для нового тяжелого испытания. И коммунистическая партия (следует отметить, что в те тяжелые дни, когда Юденич был в Красном Селе, в петроградскую коммунистическую организацию записалось около 5 тысяч новых членов), и профессиональные союзы, рабочие и работницы, союз молодежи, все они прочными, боевыми рядами встали на оборону Питера. Особое значение имела та поистине громадная работа, которая буквально под огнем была произведена петроградскими профессиональными союзами. Каждый союз напряженной работой по своей специальности полностью содействовал делу обороны.

«Каждый союз, — говорит т. Циперович, — был занят своим делом: трамвайщики бешено работали над своевременной доставкой продовольствия и вооружения для воинских частей; лечебники организовали санитарные отряды и наскоро обучали работниц ухаживать за ранеными; союз швейной промышленности, буквально организовав производство на ходу, вел колоссальную работу по обслуживанию Красной армии шинелями, теплыми шапками и рукавицами; у пищевиков кипела работа по выпечке хлеба; союз металлистов взялся за милитаризацию работ по выполнению военных нарядов» [1]).

Отряд женщин-коммунисток во время наступления Юденича в октябре 1919 г.

Но, помимо этой работы по своей специальности, профессиональные союзы в немалой степени содействовали и непосредственно

---

[1]) Циперович — «Профессиональные союзы». (Сборник «Борьба за Петроград», стр. 113).

боевому успеху. Больше 6.000 рабочих состояло в строевых частях рабочих полков, готовых каждую минуту выступить на защиту Октябрьских завоеваний; входившие в состав этих частей рабочие продолжали свою работу на фабриках и заводах и в то же время отдавали известное время обучению стрельбе, гранатометанию и изучению основ военного дела.

15-го октября был отправлен на фронт значительный отряд из ответственных партийных и профессиональных работников. Союзы железнодорожников и водников сформировали боевые отряды для фронта.

Вся эта работа протекала с необычайной быстротой. Силами профсоюзов отряды не только одевались, но и вооружались. Заводы и фабрики лихорадочно чинили и ремонтировали бронепоезда, броневики, пушки, пулеметы и автомобили. Фабрики и заводы являлись основными базами, питавшими энергию и революционное творчество рабочих масс. Заводские предприятия выделяли живую силу на окопные работы и для вооруженного фронта. Не ограничиваясь заданиями сверху, они проявляли огромную инициативу в деле укрепления красной столицы. Путиловский и Обуховский заводы в этом отношении стояли на первом месте, увеличив свою производительность в 5—6 раз.

Немаловажную роль в обороне Петрограда играла и петроградская работница. Силою обстоятельств петроградские работницы уже с начала 1918 года были вынуждены выдвигаться на важнейшие посты по руководству жизнью города, взамен уходивших на фронт или командируемых в провинцию пролетариев Петрограда. Во главе отделов Петроградского совета, в районных исполкомах, в парткомах, в правлениях профсоюзов, на заводах, в кооперации—всюду продвигались работницы, занимавшие ответственные, руководящие должности. По данным тов. Равич [1]), в дни наступления Юденича около 14.000 работниц было мобилизовано для всевозможнейших нужд обороны. Из этого числа насчитывалось более 1.000 санитарок, более 500—на саперной работе, более 600 в качестве пулеметчиц, бомбометчиц и т. д., около 500—в командах связи; остальные—на различных тыловых, в том числе и на окопных работах. Необходимо особо отметить участие работниц в боевой работе. И на посту милиционера, и в заставах по борьбе с дезертирством, и в обслуживании живой связью, и, наконец, в добровольных боевых отрядах,—везде петроградская работница своим боевым закалом, стойкостью поддерживала дух красных бойцов и способствовала общему успеху.

В кратком изложении невозможно описать с достаточной подробностью ту грандиозную работу, которую буквально в несколько

[1]) С. Равич—«Работницы Петрограда». (Сборник «Борьба за Петроград»).

дней и ночей почти без всяких планов произвел петроградский пролетариат для создания прочной обороны города. Все без исключения отрасли хозяйства, весь транспорт, кооперация, заводы, советские учреждения, портовые и речные управления, пожарные команды,—все было подчинено единой цели обороны. В критические дни ожесточенных боев на Пулковских высотах и под Лиговым Петроград не дрогнул; он стоял пролетарским гигантом на защите Октябрьских завоеваний.

Приближающийся фронт, отступающие боевые части почувствовали биение пульса этого героического центра революции, вдохнувшего новые силы в уставших от предыдущих столкновений бойцов. Стойкость, дисциплина, сознательность авангарда рабочей рево-

Красный перевязочный отряд перед трупами 11 расстрелянных Юденичем после занятия им Гатчины в октябре 1919 г.

люции не допустили белогвардейских авантюристов на порог красной столицы. Решающий момент для героического города наступил в ночь с 20-го на 21-е октября. Юденич все еще твердо был уверен в победе; 20-го октября было послано радио в Лондон о взятии Петрограда. Но части Красной армии, отойдя на оборудованный тыл, на прочно организованную связь, на подходившие свежие резервы, преобразились и по настроению и по своим боевым качествам. Это позволило к 21-му октября развернуть и сформировать ударные резервные группы в Колпино и Тосно. Несмотря на крайнюю транспортную разруху, перевозка свежих резервов из Тулы, Смоленска, Твери, Москвы и других городов была произведена с исключительной быстротой.

Боевые действия в ночь с 20-го на 21-е октября не принесли успеха частям Юденича. Пулковские высоты остались за нами. По

заранее приготовленному плану в 6 часов утра 21-го октября 7-я армия перешла в наступление (см. схему на стр. 269).

Основной план этого наступления заключался в том, что главный удар наносился со стороны Колпино с востока, в охват правого фланга армии Юденича; вспомогательный удар наносила 6-я дивизия с севера; оперативным объектом обоих направлений явилась Гатчина.

В течение 21-го и 22-го октября, несмотря на крайне упорное сопротивление противника, мы одержали первые успехи в боевых столкновениях.

Нашему наступлению содействовал также и линейный корабль «Севастополь», обстреливавший из 12-дюймовых орудий район Красного Села и Павловска. Наше наступление на участке 2-й стрелковой дивизии поддерживалось танками, построенными наспех рабочими Обуховского завода. В результате этих боев последняя оборонительная позиция перед Петроградом осталась за нами. Благодаря свежим резервам, изменению командного и комиссарского состава, улучшению снабжения в частях, была поднята моральная стойкость вооруженных сил.

К вечеру 23-го октября наши части вновь заняли Детское Село и Павловск. Враг был, таким образом, отброшен от ворот пролетарской столицы. Вставала новая задача—окончательно добить и уничтожить Юденича.

С 26 октября начинается последний этап петроградской операции. 7-я и 15-я армии соединенными усилиями переходят в решительное наступление, закончившееся полным разгромом и уничтожением и армии Юденича и всего северо-западного правительства. Противник с упорством отдавал каждую пядь земли. В боях под Гатчиной и за весь промежуток до 31-го октября мы ежедневно, только в частях, находящихся в бою, теряли более тысячи бойцов. Юденич пытался контр-атаками и новыми наступлениями исправить свое положение. Но уже к 1-му ноября выявились результаты наступательной операции с юга, которая проводилась 15-й армией. Юденичу пришлось перегруппировывать войска на фронте, выделяя необходимые силы для обеспечения своего положения на Гдовском направлении. Совместные усилия 7-й и 15-й армий привели белогвардейцев к быстрому отходу, и 14-го ноября наши части с боем заняли Ямбург, покончив с существованием белогвардейских частей под Петроградом.

При тщательном изучении архивных материалов и многочисленных литературных источников, главным образом, белогвардейского происхождения, относящихся к боевым операциям под Петроградом осенью 1919 года, прежде всего возникает вопрос о причинах перерождения, происшедшего за короткий период внутри 7-й красной

армии. Этот вопрос самым тесным образом связан с другим, еще более общим и важным вопросом об общих причинах поражения Юденича под стенами Петрограда.

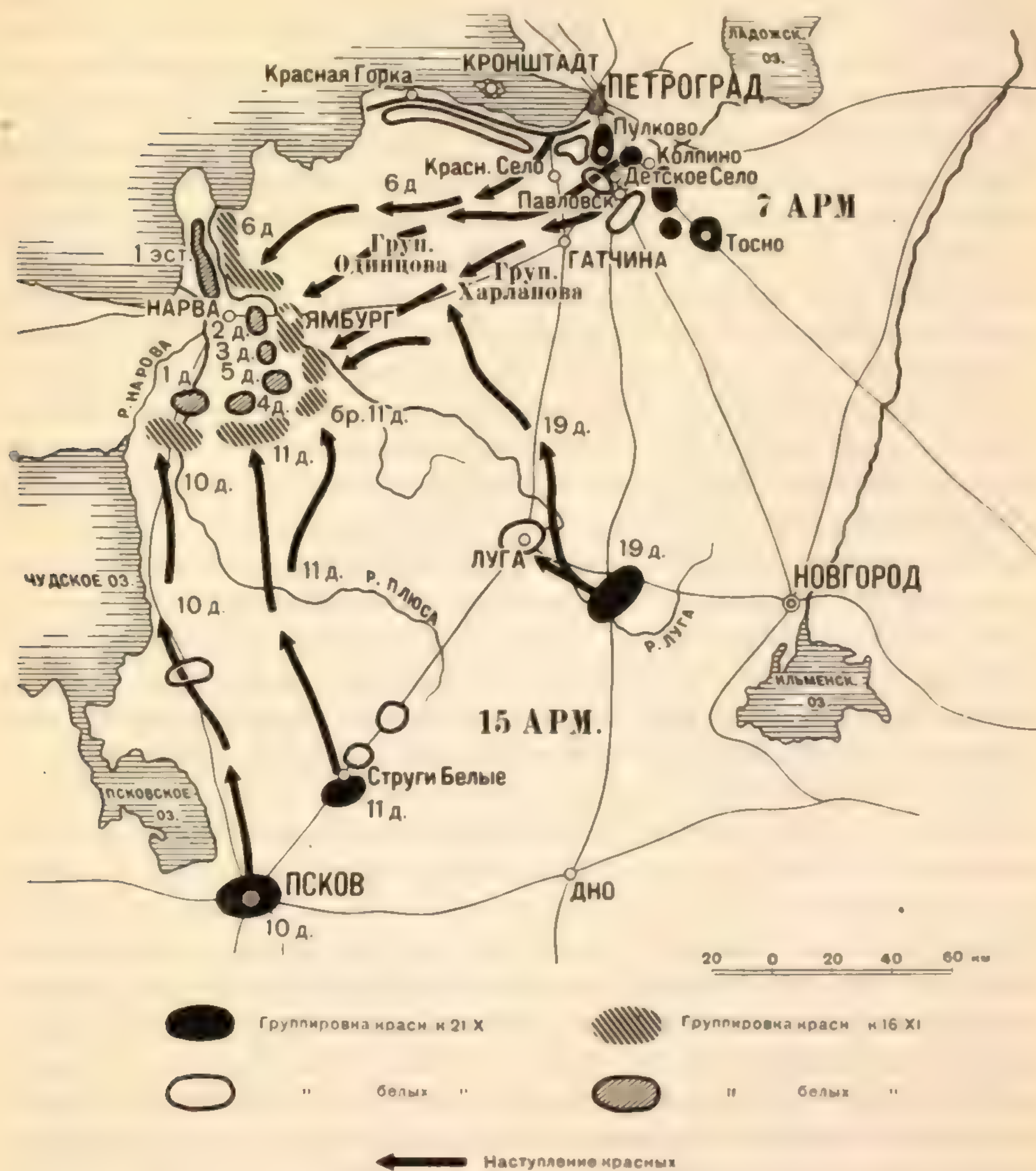

Схема контр-наступления 7-й и 15-й Красной армии против ген. Юденича с 21 октября по 14 ноября 1919 г.

Взаимодействие тыла и фронта — вот первая проблема, которая встает перед нами при изучении этой операции.

Юденичский тыл был крайне непрочным; по мере продвижения вперед и приближения к Петрограду, вместо консолидации тыла мы наблюдаем его быстрый распад и разложение. В связи

с подчиненностью Юденича Колчаку, взаимоотношения первого с Эстонией и Финляндией вытекали из крайне невыгодной для дела Юденича позиции «верховного правителя» Колчака в вопросе о самоопределении народов и новых государственных образований на западной окраине бывшей России. Признание «на время», отсутствие гарантий, авантюра Бермонта-Авалова и его связь с ген. Юденичем, — все это обостряло отношения с прибалтийскими странами и создавало критическое положение для флангов, для тыла Юденича, а также и для общего стратегического положения. Выступление Финляндии или активная ее поддержка могли бы решительным образом изменить положение на фронте. Содействие английского флота оказалось дутым, так как, кроме нескольких выстрелов из одного английского монитора по Красной Горке, флот не принимал в этой операции никакого участия. Внутри белогвардейского правительства и, в особенности, во взаимоотношениях с военным министром Юденичем царила непрерывная склока. В тылу в дни наступления шла азартная биржевая спекуляция на русских ценных бумагах, шла грызня из-за портфелей, происходили непрерывные расстрелы в занятых белыми районах.

Эта картина повторялась на всех белогвардейских фронтах. Гнилая сущность гибнущего класса, гнилостный запах мертвечины — вот чем отдавало от лозунгов «единой и неделимой», «учредительного собрания» и от других выдумок махровых монархистов, которые выглядывали из-за крайне скромной пелены «демократизма», «равенства», «свободы» и прочих лозунгов, нередко писавшихся на знаменах освободителей народа «от большевистского ига».

Антанта и руководители белогвардейских организаций возлагали большие надежды на исход юденичских операций. Они вложили в эту авантюру немало сил и денег. В первый период операции Юденичу удалось создать и перевес сил и видимость подъема. Но не прошло и двух недель, как стали распадаться скверно сшитые части гнилого тела; вся эта «организация» пришла в состояние морального паралича.

Наступление Юденича началось позже, чем решительное продвижение Деникина, и оказалось с ним по времени несогласованным. Финляндия вовсе воздержалась от выступления, если не считать небольшого отряда добровольцев-шуцкористов, которые за свой собственный страх и риск произвели неудачную диверсию в Карелии. Эстонцы медлили с помощью и кое-как, с грехом пополам, в первый период операции содействовали продвижению левого фланга Юденича.

Наступление, начавшееся с таким огромным шумом в заграничной прессе, превратилось в «кавалерийский набег», в авантюристический рейд, в крайне наглый налет на пролетарскую столицу. Но,

несмотря на указанное выше состояние, в первый период операций Юденич имел несомненный значительный успех. Ослабление наших сил за счет главного Южного фронта, выдергивание лучших работников на решающее Тульское направление, пассивность и расхлябанность в рядах 7-й армии привели нас к частичному поражению. Отход частей, охранявших подступы к Петрограду, мог закончиться падением красной столицы. Ни у кого ни на минуту не было сомнения в том, что такое падение было бы кратковременным, но возможность налета внутрь пролетарского сердца изнеможенной Республики признавалась весьма реальной в руководящих кругах нашей партии и военного командования. Соседняя, 15-я, армия находилась слишком далеко; резервы сосредоточивались, но могли не успеть. В этой обстановке малейшая ошибка, колебание, малодушие — и Петроград мог бы стать жертвой белогвардейских погромщиков.

Две задачи стали перед петроградским пролетариатом в эти тяжелые, сумрачные, холодные осенние дни. С одной стороны—помочь отступавшей Красной армии собрать разрозненные части, спаять их воедино и мощным волевым напором двинуть красные полки навстречу белогвардейским налетчикам. Вторая задача—подготовиться к упорной борьбе не на жизнь, а на смерть внутри самой красной столицы.

Обе эти задачи, несмотря на крайнюю слабость руководящего пролетарского ядра, отвлеченного за протекшие годы после Октябрьского переворота на другие фронты,—Петроград выполнил блестяще.

В течение двух недель войска 7-й армии, и в особенности 2-я и 6-я дивизии, измотанные непрерывным отходом, превратились в крепкие боевые части, разгромившие юденичские полки. Пролетариат—класс восходящий; чем труднее ему приходится в тяжелой борьбе, тем больше сил и революционной стойкости обнаруживается в его рядах. Лучшие партийные силы были брошены на фронт. Произведена всеобщая мобилизация. Все учреждения работали с удесятеренной энергией. Город превратился в боевой укрепленный лагерь. Все это лучше всякой агитации действовало на красные части, отправлявшиеся на фронт. Тысячи нитей, связывавших фронт с тылом, способствовали укреплению рядов Красной армии под Петроградом.

Именно поэтому, несмотря на отсутствие должного руководства во время наступательных операций, несмотря на не совсем удачный выбор направления контр-удара, несмотря на крайне медленное продвижение 15-й армии,—импровизированная оборона красного Питера сделала свое дело. И недаром петроградский пролетариат удостоился величайшей боевой награды—ордена «Красного знамени».

Когда вновь начинаются угрозы интервенции, — больше чем когда бы то ни было следует вспомнить про позорное поражение Юденича под стенами красной столицы. Это поражение лучшее предостережение для всяких новых попыток нападения на Ленинград. За десять лет революции там поднялись новые пласты рабочего класса. За шесть лет мирного труда красный Петроград, получивший славное имя великого вождя и учителя Ленина, вырос в несокрушимую силу и является одним из важнейших звеньев в деле строительства социализма первого в мире пролетарского государства.

Ленинград продолжает находиться на страже нашего Союза. И сейчас, когда вновь поднимается волна военной опасности, Ленинград, как и в прошлом, будет впереди в деле обороны Советского Союза.

Приложение № 1

ОРГАНИЗАЦИЯ ВНУТРЕННЕЙ ОБОРОНЫ

(*Постановление Военного совета Петроградского укрепленного района*)

Ввиду тяжелого положения на Петроградском фронте, Военный совет считает необходимым, на-ряду с самыми энергичными мерами, которые принимаются для поднятия боеспособности Н—ой армии и для привлечения на фронт новых боеспособных частей, принять немедленно меры, которые могли бы создать возможность успешной внутренней обороны Петрограда, в случае, если бы белогвардейцам удалось проникнуть в его стены.

С этой целью петроградская организация немедленно приступает к организации внутренней обороны. Во главе внутренней обороны ставится начальник внутренней обороны. В районах учреждаются районные начальники внутренней обороны. Районы разбиваются на секторы, в зависимости от фактических соображений, со своими начальниками обороны каждого сектора.

Из среды рабочих и работниц Петрограда выделяются дружины, команды, отряды, которым ставится цель—под общим центральным руководством встретить огнем и мечом белогвардейцев на улицах и площадях Петрограда.

Такие дружины вооружаются винтовками, наганами, ручными гранатами, пулеметами и располагаются в узловых пунктах обороны, в соответствии с организацией инженерной обороны (проволочные заграждения). Вся оборона строится на тесной связи рабочих и работниц с условиями и обстановкой районов и кварталов. Помимо отдельных мелких отрядов, создается главный резерв и районные резервы в распоряжении соответственных начальников внутренней обороны. Организуются аппараты связи, общегородской и районные, разведка, авиасвязь, перевозочные средства, санитарная часть и т. п.

Если же белогвардейцы прорвутся в город, то они окажутся в чуждой им обстановке и вынуждены будут разбиться на отдельные группы; их положение станет гибельным при условии боевой организации внутренней обороны. Условием успешной обороны является железная дисциплина и беспощадная расправа над всеми теми, кто прямо или косвенно подрывает интересы внутренней обороны. Борьба с дезертирами, шкурниками, распространителями панических слухов является обязанностью всех учреждений, организаций и отдельных работников.

Военный совет Петроградского укрепленного района.
Исполнительный комитет Петроградского совета.
Петроградский комитет Р. К. П.

17 октября 1919 г.

К РАБОЧИМ И КРАСНОАРМЕЙЦАМ ПЕТРОГРАДА

Товарищи!

Наступил решительный момент.

Царские генералы еще раз получили припасы и военное снабжение от капиталистов Англии, Франции, Америки. Еще раз с бандами помещичьих сынков пытаются взять Красный Питер. Враг напал среди переговоров с Эстляндией о мире,— напал на наших красноармейцев, поверивших в эти переговоры. Этот изменнический характер нападения отчасти объясняет быстрые успехи врага. Взяты Красное Село, Гатчина, Вырица. Перерезаны две железные дороги к Питеру. Враг стремится перерезать третью, Николаевскую, и четвертую, Вологодскую, чтобы взять Питер голодом.

Товарищи, вы все знаете и видите, какая громадная угроза нависла над Петроградом. В несколько дней решается судьба Петрограда,—решается судьба одной из твердынь Советской власти в России.

Мне незачем говорить петроградским рабочим и красноармейцам об их долге. Вся история двухлетней беспримерной по трудностям и беспримерной по победам советской борьбы с буржуазией всего мира показала нам со стороны питерских рабочих не только образец исполнения долга, но и образец высочайшего героизма, невиданного в мире революционного энтузиазма и самоотвержения.

Товарищи, решается судьба Петрограда. Враг старается взять нас врасплох У него слабые, даже ничтожные силы,—он силен быстротою, наглостью офицеров, техникой снабжения и вооружения. Помощь Питеру близка, мы двинули ее. Мы гораздо сильнее врага. Бейтесь до последней капли крови, товарищи, держитесь за каждую пядь земли, будьте стойки до конца,—победа недалека. Победа будет за нами.

В. Ульянов (Ленин).

17 октября 1919 г.

С. МЕЖЕНИНОВ

БОРЬБА ЗА КИЕВ В КОНЦЕ 1919 г.

ОЛУЧИВ приказ немедленно отправиться в Новозыбков и там организовать командование, взяв в руки отошедшие из Киева красные части,—мы приступили к его выполнению.

Прибыв на станцию Новозыбков, мы нашли там значительное оживление. Здесь находился штаб 12-й армии, еще не устроившийся, но имевший связь со штабом частей, отошедших из Киева на правобережье к р. Тетереву и на левобережье к Чернигову. Все перемешалось за время отхода. Обилие групп и группочек подтверждало это смешение отошедших частей. Войсковые части уже нашли коекакое управление в виде штабов различных групп.

Недалеко от Чернигова к северу расположилась кавалерийская бригада Гребенки, сформировавшаяся в свое время из революционных бойцов Черниговщины, организованных в отряды в нейтральной зоне между немцами и завесой из частей Красной гвардии, находившихся под Унечей. Эта бригада исколесила весь юго-западный район Украины и теперь волей судеб вернулась почти в свое исходное положение. Оторвавшись от остальных частей армии, она не избежала необходимости перейти на подножный корм местного населения.

По шоссе из Чернигова на Гомель, у местечка Репки, отмечен неизвестный партизанский отряд, изредка обстреливающий проезжающих. К западу от Чернигова отмечено присутствие красной венгерской кавалерийской дивизии. Во главе дивизии стоит интендант русской службы Добровольский. Дивизия расположилась на широких квартирах и широко применяла бесплатные фуражировки. Далее по р. Десне, Сожу и Днепру отряды неизвестных партизан, обстреливающие и досматривающие караваны судов, тянущихся с эвакуируемыми грузами из Киева к пристаням Чернигова, Гомеля

Схема положения сторон и боевые действия на Украине (Январь—февраль 1919 г.).

и Могилева. В устье реки Десны и вблизи возвышенностей Вышгорода (на схеме—Выжгород), почти у самого Киева, задержались красные боевые речные флотилии, прикрывая эвакуацию и ежеминутно угрожая налетом на пристани Киева.

В лесах по долине р. Тетерева и Здвижа, лицом на восток — к Киеву, спиной на запад, стоят бойцы группы тов. Голяго и т. Павлова. Вот у самого почти Житомира —славная 44-я дивизия имени тов. Щорса под командой тов. Дубового. Она ведет тяжелую борьбу с деникинцами в направлении на Фастов, с галичанами и петлюровцами— по направлению на юго-запад и чувствует с сев.-запада булавочные уколы вновь нарождающегося врага —поляков.

По всем рекам, грунтовым и железным дорогам еще идут караваны судов, обозы и поезда с эвакуируемыми людьми и грузами. Все станции и пристани переполнены. Здесь и персонал эвакуируемых учреждений, и местные служащие, и рабочие, организовавшие воскресник помощи эвакуации; здесь и охрана железнодорожная, райсахара, райспирта, железкома, опродкома и т. д.

А враг не ограничился захватом Киева,—он продолжал наседать и с юга и с запада. Надо было спешно остановить его. Радиотелеграф нервно выстукивал вести о том, что две красных дивизии отрезанных в районе Одессы, еще идут на север. Вчера их слышала станция 44-й стр. дивизии. В районе отхода частей армии находится украинское советское правительство. Надо спешить представиться ему. Оно—в Чернигове, в непосредственной близости к фронту. Оно пережило все вынужденные отходы последних месяцев и ясно представляет положение.

Член РВС Н. И. Муралов уже связался с РВС Гомельского «укрепленного района», там можно получить машину и к середине следующего дня быть в Чернигове. И «экстренный» поезд спешит в Гомель. В темноте с трудом удается отыскать штаб укрепленного района. Бледные, усталые от бессонных ночей лица штабных работников. В комнате РВС тов. Кедров, являющийся душой всей работы, освещает коротко и сухо положение железнодорожного узла, нового формирования «крепостной» бригады, положение на Польском фронте, фортификационных сооружений и т. д., а затем ставятся вопросы о намеченном подчинении и плане дальнейшей борьбы. Ясно одно, что по железным дорогам в течение двух недель возить ничего нельзя вследствие загруженности станций отсутствия паровозов и топлива. Только по линии Коростень—Калинковичи—Гомель можно, пользуясь «топливом с корня», т.-е. непосредственной порубкой леса около железнодорожного полотна, кое-что провезти на Гомель.

Около полудня РВС армии уже в Чернигове. Короткий доклад правительству. Подробное знакомство с военным положением

в штабе группы тов. Мартыненко: четкости в знании расположения своих частей и противника нет. Большое неудовольствие по адресу конной бригады Гребенки, которая «партизанит», и некоторое неудовольствие по адресу конной бригады червонных казаков тов. Примакова, которые все рвутся в рейд на д. Веркеевку, связавшись там с партизанами Николы Крапивянского; в стремлении не терять времени они не хотят ждать общего наступления

В маленькой комнатке полуразрушенного дома, под шопот местных жителей у замочной скважины, пришедших поглядеть на самых «больших большевиков», собирается военное совещание расширенного заседания РВС армии. В комнате меньше десятка командиров. Главное внимание обращено на присутствие кавалеристов и броневиков, которым придется выступить первыми для прикрытия шоссе от Чернигова на Киев. Выясняется, что полученные только что сведения не позволяют рассчитывать на кавалеристов Гребенки, так как в полках обсуждалось и было принято решение «уходить в партизаны», а там и дальше к Петлюре. Командование венгерской дивизии в лице Добровольского и его штаба сбежало, как передают, к деникинцам, и эскадроны дивизии остались без начальства. Из кавалерии только червонная бригада тов. Примакова и конный матросский полк тов. Можняка готовы к бою.

Быстро зреет решение. Выиграть время на организацию частей, дать им возможность отдохнуть и пополниться, затем ударить на Киев от Чернигова. Но прежде всего привести в порядок колеблющихся и кандидатов в изменники. На первых можно воздействовать убедительным словом, на вторых немедленным ударом. Тов. Примаков ночью же должен обезоружить бригаду Гребенки, забрав лошадей и седла. В венгерскую дивизию посылаются политические работники и командиры. Броневикам приказано выступить по шоссе на юг от Чернигова. Недостающий бензин заменить спиртом с местного склада. Пехотным отрядам получить из местного отдела Губоснабарма «мозаичную обувь». Так назывались ботинки с массой заплаток на верхах, несметным количеством латок на подметках и торчащих гвоздей внутри. Но и этой обуви, за недостатком, все были рады, только «индивидуальная пригонка» вынуждала подчас обладателя мозаичной пары ботинок одной ноги использовать, а другой, как недомерок, предлагать соседу.

Около 12 часов ночи автомобиль готов к отъезду по шоссе на Гомель, с тем чтобы оттуда поспешить на другой фланг армии к Житомиру. Все наперебой уговаривают не ехать ночью, так как по шоссе грабежи и обстрелы. Необходимость требует немедленного отъезда. Смеясь, садившиеся в автомобиль говорили, что такие детины, как член РВС фронта тов. Берзин и член РВС армии т. Муралов, справятся с любыми бандитами (оба ростом выше 2 арш.

12 верш.). Под смех не взяли даже винтовок, только начпродком армии тов. Зиновьев имел винтовку. Через полчаса машина с полными огнями неслась по направлению к с. Репки. Вдруг равномерный шум мотора пронизали отрывистые выстрелы, и справа от дороги промелькнули в кустах огоньки. Пули просвистели над головой. Все пригнулись и крикнули: «Туши огни». В этот момент с другой стороны дороги послышался тот же треск выстрелов. Машина неслась с предельной скоростью. Барашки кольца, крепящего свод колеса на старом автомобиле «Паккард», не выдержали и лопнули; кольца заднего ската со звоном отлетели на шоссе, а обода с покрышками — в поле. Проехались на брюхе автомобиля. Чуть-чуть стукнулись затылками. Из зоны обстрела выскочили, но неожиданно оказались на мели: в темноте трудно найти покрышки и еще труднее — кольцо. Часть пассажиров с револьверами в руках направилась по шоссе к кустам, откуда раздавались выстрелы, остальные отыскивали колеса. Сероватая мгла скрыла в своей пелене «охотников за дорожной дичью», как говорили в те времена, и через три часа машина опять понеслась к Гомелю.

Здесь выяснилось, что конная бригада Гребенки разошлась «партизанить». Несколько человек этой бригады явились в штаб армии и заявили, что атаман Баляс готов вновь сформировать бригаду где-нибудь в Клинцах, что «хлопцы» разошлись, так как не верят Гребенке. Надо было спешить с подбором кадра командиров и политработников, которые помогли бы новоявленному командиру-атаману сформировать бригаду. Удачно наметили тов. Гринева, старого кавалериста, испытанного в боях и освоившегося со всякими неожиданностями при новых формированиях. Быстро составили воззвание к «славным бойцам» конной бригады и объявили, что все верные делу трудящихся должны собраться в Клинцах, где через несколько дней им сделает смотр РВС армии.

Смотр производился выстроенным в одну шеренгу эскадронам, которые растянулись на четыре версты (они не умели строиться иначе). Вообще понятие строя отсутствовало, все толкались, обменивались замечаниями; одни всадники скакали к строю, другие — от него. Бойцы смотрели на нас, как на виновников всех несчастий, и в их ответах на приветствия проглядывало беспокойство и враждебность. Надо было быстрее переломить это настроение. Член РВС армии тов. Аралов в короткой, отрывистой и вразумительной речи разъяснил значение классовой борьбы с многочисленными врагами; подчеркнул важность неорганизованности их: Петлюра, например, готов подраться с деникинцами из-за Киева, и призывал к скорейшей организации, для того, чтобы всыпать и тем и другим.

В массе слышны были толки о чьей-то измене, кое-где спрашивали: «Что, опять рубить лозу заставите?»

Обстановка требовала перехода к действиям, устраняющим неопределенность положения. Коротко—надо было командовать. Но как взять в руки массу, чтобы она приняла новых командиров? Было решено, что тов. Баляс должен быть заменен теперь же Гриневым. Вновь обращаясь к бойцам, тов. Аралов продолжал в таком роде:

— Вот вы прошли всю Украину, дрались в бесчисленных боях и через год вновь очутились в Клинцах, откуда и начинали дело освобождения трудящихся. Чем можно объяснить это? Силой врага?—Нет, с врагом—кучки, а с нами—весь трудовой люд. Слабость внутри нас. Надо организоваться, надо выучиться владеть конем и оружием,—тогда никакой враг не будет нам страшен. Давайте проверим, как мы владеем конем. Вот старый кавалерист, тов. Гринев, поведет вас в примерную атаку на кусты, что видите в 1.000 шагах отсюда...

Гринев быстро прокричал какие-то слова команды, и лавина черных папах, красных башлыков с приподнятыми шашками рванулась вперед. Что-то стихийное чувствовалось в этом порыве, но трудности полевой езды для непривычных быстро сказались: уже есть спешившиеся; некоторые, прихрамывая, бегут за конем; кое-где остаются сидеть на месте. Ученье закончено. Разбор:

– Вот, товарищи, вы сами убедились, что без выучки даже кусты трудно атаковать. Новый командир бригады, тов. Гринев, будет учить вас здесь неделю, а затем выступите на фронт; тов. Баляс будет его помощником.

Ни одного звука протеста. Все деловито одергивают снаряжение.

— До скорого свидания, товарищи!

В ответ звучит дружественный крик:

— Счастливый путь...

Здесь же, в Клинцах, уже развернул свою работу тов. Звездов, неизменный начальник управления по формированию. Но это название «управление» не определяло той истинной роли, которую оно играло во всем деле подготовки и обеспечения побед. Тов. Звездов принимал пополнение из тыла, мобилизовал местные силы и средства, помогал местному производству, обеспечивал транспорт топливом и рабочей силой, боролся с шайками бандитов, охранял порядок в городах и т. д.

Самое важное—он был подвижен и точен в исполнении, как старый солдат. Заводской рабочий, прошедший трудную подпольную жизнь, бывший в боевых отрядах, видавший виды человек, он из трудного положения умел находить выход. Вот и теперь, получив босые роты пополнения, он уже «разместил заказ» местным ремесленникам на 100 пар обуви, уже наметил к пуску завод по выделке кож, заглянул на фабрику сукон и выяснил, что имеется

для производства все, кроме топлива, заготовкой которого занялись уже команды красноармейцев; на оборудованном стрельбище, гордости упраформа, учебные команды уже проходят учебную стрельбу.

Еще не закончена подготовительная организационная работа и накопление сил и средств для ответного удара врагу; еще много трудов предстоит в этом отношении. Но время не ждет, так как белые наступают со всех сторон. Две красных дивизии, подававших о себе вести по радио с юга, прорвали фронт противника и соединились со своей армией в районе Фастова. Под общей командой тов. Якира 45-я и 58-я стр. дивизии, чувствуя слабость и зная о неукрепленности его тыла, настойчиво рвутся к атаке Киева с запада, считая, что достаточно небольшого нажима, чтобы разбить врага. Это настроение частей отмечалось на собрании высшего командного состава дивизий правобережной группы. Оно несколько поколебало решение относительно общего мощного удара под Черниговым, которое было связано с боями и в Брянском районе и на непосредственных путях к Москве от Орла. В конце сентября 1919 г. правобережная группа перешла в частное наступление для захвата Киева. Противник не ожидал солидного удара с этой стороны, и красным дивизиям удалось ворваться в город и захватить район Николаевского сквера, где было организовано сильное сопротивление засевшего противника. Несколько дней продолжалась борьба внутри города, бои за отдельные улицы и здания.

Быстрая подброска подкреплений исключалась, так как снято было все, что только возможно, даже в ущерб обеспечению этих боев со стороны Казатина и Житомира. Трудность положения заключалась в том, что пополнение патронов и некоторых видов снарядов могло производиться только за счет противника, так как подача их из тыла за недостатком была прекращена. После нескольких дней частям пришлось оставить город и отойти за р. Ирпень.

45-я дивизия, не успев отдохнуть, спешно была погружена в вагоны и отправлена на выручку Петрограда, над которым в это время нависла угроза со стороны армии Юденича. Прочие войска правобережной группы также грузились в поезда для отправки через ст. Коростень—Калинковичи—Гомель, где должны были разгрузиться и пешком двигаться в район Чернигова, который к этому времени уже был занят врагом. На всем правобережьи, против отрядов деникинцев, против «армий» Петлюры, галичан и отрядов поляков, было оставлено 600 чел. бойцов пехоты и несколько бронепоездов, а 30.000 бойцов пехоты, 2.000 бойцов кавалерии и до 180 орудий потянулось в район Чернигова для решительного боя не только за самый город, но и за весь район Черниговщины и Нежинщины, как подступов к гор. Киеву.

Силы сосредоточились по р. Десне от гор. Чернигова до Сосницы. Несколько дней гремела красная артиллерия под Черниговым. Упорные бои на всем участке р. Десны сломили противника, и он поспешно начал отходить на юг; красная конница бросилась на Бахмач. Захваченные пленные показывали, что в тылу у противника восстания; об этом же говорили и захватываемые в его штабах телеграммы, из которых было видно, что деникинцы повздорили из-за Киева с петлюровцами и ведут друг с другом бои. Все же фронтовые части белых под Черниговом не были дезорганизованы, но местами враг не только не оказывал нам сопротивления, но и переходил к нам целыми отрядами...

Припоминается случай, когда в одной деревне около шоссе Чернигов–Козелец один из красных полков, преследуя врага, расположился по квартирам, выставив легкие отряды охранения. РВС армии прибыл в этот полк для выдачи наград бойцам. В самый разгар мирной беседы, за чашкой украинских щей, вдруг со всех сторон поднялась ружейная, пулеметная и артиллерийская стрельба. В хате началась ужасная суматоха: крестьянки запихивали своих детей под печь и сами лезли туда же; крестьяне бранились и лезли на печь; командиры выскочили на улицу, на которой все невероятно перемешалось: кони неслись с повозками без управления, люди, перемешавшись с крестьянским скотом, бежали по всем направлениям, бесцельно стреляя в воздух; только за одной из околиц успокаивающе тарахтел пулемет. Все бросились к нему и образовался маленький отрядик для организации противодействия врагу. Через полчаса из тыла появился развернувшийся красный полк из резерва; деревня была вновь занята, и, успокоившись, шутили над своими же действиями во время паники. Оказалось, что только два пушечных броневика белых с эскадроном кавалерии прорвались в деревню.

Часто были боевые недоразумения при встрече отрядов с огромными крестьянскими обозами, тянувшимися из района Чернигова на юг и обратно: их принимали за военные обозы белых, и какой-нибудь красный кавалерист, развернувший свою часть для атаки без предварительной разведки, чувствовал себя сконфуженным, когда, доскакав до обоза, встречал растерянный вид и отборную ругань «дядьков». Возы, следовавшие с севера, в большинстве были нагружены глиняной посудой, которая предназначалась в обмен на соль где-то за Ромнами и Лубнами. Дядьки как следует не знали, где именно можно получить эту соль, и в своем движении руководствовались лишь указаниями погонщиков встречных обозов, шедших с телегами, уже нагруженными солью. Часто приходилось сталкиваться с целыми таборами семейств беженцев из западных губерний былой империи, все распродавших, купивших лишь клячу

и ободранную бричку и тянувшихся к своей родине в виде какой-нибудь халупы или кутка в помещичьей усадьбе.

Это были самые несчастные люди. Не понимая происходящей борьбы, не участвуя в ней, бежавшие от «фронта» еще империалистической войны, они оказываются здесь в положении, когда приходится отстаивать свою лошадь и бричку от попыток забрать их для грузов то белой, то красной армии. Они должны отбивать все попытки «зеленых» (дезертиров армий гражданской войны, скрывавшихся в лесах) отнять от них уцелевший скарб. Вот почему они живут и двигаются таборами, построенными по признакам отдельных уездов или сел. Особо громоздки эти скопления при переправах на речках. При встрече беженцы высказывают радость по поводу отступления белых и робкую опаску, не заберут ли красные их подводы. От них легче всего можно было узнать о расположении противника и о направлении его отхода.

Весь район жил и двигался, как муравейник. Одни воевали, другие меняли и торговали, третьи спасали свой скарб и стремились к неизвестной родине, четвертые спешили к родному очагу. Но в противовес этому оживленному движению в каждой хате можно было увидеть прикрепленного к лавке больного сыпным тифом. При постоях в деревнях хаты уже не занимались, хотя осенний холод и старался в них загнать.

Два месяца борьбы на пространстве от Чернигова до Днепра, и красные войска оказались вновь под стенами Киева, но уже с восточной стороны. Несмотря на декабрь, река еще не замерзла, но не было ни лодок, ни баржей на левом берегу, хотя разведчики излазили все затоны, все ручейки. Впрочем, если бы даже и нашлись утлые суденышки, переправа на них была невозможна из-за «сала» и отдельных льдинок на реке. Мосты остались целы, но при подходе к ним от Печерской лавры откуда-то из глубины города начинает «крыть» артиллерия; у цепного моста изредка тарахтели пулеметы. Существовала только одна возможность переправы: ночью морозы крепчают, и есть надежда, что реку между островами затянет.

Было высмотрено наиболее надежное для такой переправы место; могущую мешать артиллерию предполагалось задушить своим огнем, но для этого надо было точно изучить расположение орудий. Наиболее удачной для этого была ночь, когда огонь выстрелов резко виден.

Красным артиллеристам удалось вызвать огонь противника. На следующую ночь в районе Дарницы установили 28 орудий, их основные направления намечались на скат бугра перед каменной стеной лавры. С водонапорной башни от Дарницы вся прибрежная местность была прекрасно видна. При первом крепком морозе,

под прикрытием орудий, пехота ночью должна была двинуться вперед. В прибрежном домике рыбака помещались власти города, с будущим комендантом города и кадром караулов для зданий и складов военного и общественного значения. Войска по захвате города должны были как можно быстрей выйти на западную его окраину, которая будет атаковываться со стороны ст. Бородянки находящейся на правобережьи 58-й стр. дивизией. Подготовка закончилась, а для переправы возможности не было,—атака вдоль мостов дала бы большие жертвы. В один из томительных вечеров

Смотр войскам в Киеве в начале 1920 г.
Справа налево верхами: командующий Ю.-З. фронтом т. Егоров (1-й), член РВС т. Берзин (2-й), начальник штаба т. Петин (4-й).

ожиданий старик-крестьянин из района Осокорки явился в полк 44-й стр. дивизии и вызвался проводить по спершимся льдинам на правый берег Днепра. После короткой подготовки пехота начала движение по льдинам. Уже почти переправились на другой берег, как вспыхнули выстрелы с бронепоезда белых у мостов, загорелись вспышками выстрелов кустики ската у лавры. Красная артиллерия также начала работу...

Утром весь город был в руках красных. На станции были захвачены последние эшелоны эвакуирующихся. Вновь выдвинутые части преследовали противника; участвовавшие в ночных боях были собраны в здании бывшего кадетского корпуса, и после митинга, где разъяснялось красноармейцам их отношение к населению

города, РВС армии устроил завтрак для славных бойцов—богунцев и таращанцев. Эти полки, состоявшие из селян Черниговщины, Киевщины и Волыни, отличались особой стойкостью и революционной сознательностью. На них должна была лечь охрана города в первые дни после его занятия, пока не сформируются комендантские команды.

Жизнь в городе замерла. На продовольственных складах пусто. Все госпитали и больницы заполнены больными тифом. Водопроводы и освещение в порядке, но топлива и материалов нет. На станции оставлено три горящих паровоза и большое количество вагонов. Подвезти что-нибудь немедленно было нельзя из-за подорванных мостов на реке Днепре и Здвиже. Быстро сформировались команды для заготовки топлива в роще Святошино и на дачах, к нему прилегающих. Удалось реквизировать подобие масла для машин на водокачке. Кое-что было подброшено из продовольствия. В первую очередь оно направлялось больным по госпиталям, которые РВС пришлось объехать, чтобы выяснить положение, так как в одних персонал был болен, в других бежал к белым.

Вот Александровская больница. Все койки заняты, в коридорах и на площадках лестниц лежат больные. Оставшийся немногочисленный персонал жалуется, что некуда девать умерших, так как не успевают хоронить, а в морге скопилось до 2.000 трупов. Идем туда. Уже в дверях, под лохмотьями, наполненными вшами, лежат трупы детей и стариков; весь коридор заполнен ими. В главном зале с огромными стеклами до самого потолка вповалку лежат груды мертвых тел. Картина, от которой темнеет в глазах... Весь день рота сапер рыла общую могилу для трупов, а ночью их перевозили туда три трехтонных грузовика. Тяжелая работа, но красноармейцы молчат и, стиснув зубы, борются с очагом заразы.

В госпитале при эвакопункте, в непосредственной близости к вокзалу, в прихожей сестра предлагает надеть халаты. Внимательно осматриваем их и на каждом находим по нескольку вшей. Сестры смущены, но сейчас же объясняют, что халатов хватает лишь на одну смену дежурящего персонала, а мыть их некогда. На вопрос «где врачи?»—отвечают, что все больны и находятся во втором этаже. Нетопленное, сырое здание сплошь заполнено людьми с блестящими лихорадочными глазами; здесь слышится бред, там - агонирующий хрип. Перед нами надпись: «Палаты для медицинского состава» (оказывается, это врачи и сестры лежат под кожаными шубками и дрожат от холода и страха перед большевиками).

Быстрая поверка действительно больных показала, что ни одного с нормальной температурой нет. Поставить немедленно готовый «красный» персонал не было возможности. Мобилизовать остав-

вшихся в городе врачей нельзя было без регистрации. Решили выделить врачей из полков, чтобы как-нибудь заполнить эту зияющую дыру; но прежде всего нужно было отопить этот «дом смерти», по ошибке называвшийся госпиталем, и накормить его обитателей. Опродкомарм обещал дать диэт-продукты, но под руками их еще нет. На первое время нашли выход: послать товарообменную экспедицию в ближайшие села на автомобилях (предмет обмена — керосин).

Дело началось с внеплановой операции. Да оно и не могло быть иначе, так как каждый план подразумевает какие-то наличные материальные ресурсы, а их мы не имели. Так или иначе, через неделю жизнь в городе внешне уже вошла в русло. Только по ночам кое-где слышна была стрельба, и носились слухи, что банда Струка ворвалась на Подол, или бандит Ангел подходил к Святошину, а бандит Козыдуб обобрал обоз связи у д. Ставище и т. д.

Войска противников потянулись на юг и юго-запад от Киева. В преследовании захватывали пленных деникинских, петлюровских и галицийских частей. Поступили сведения, что отряды партизана Тютюника прорвались в район Цветково и напали на сахарный завод; часть этих отрядов будто уже перебралась в левобережье и разгромила вновь организованные ревкомы на Переяславщине и в Золотоноше; что рядом с Киевом, на ст. Бровары и Бобновцы, неизвестными бандитами совершено нападение на станцию и сахарный завод. Как после большого пожара на пепелище здесь и там вырываются огненные языки внезапно вспыхивающих головешек, так и в дни переломных периодов войны видны вспышки очагов борьбы. Но к январю, кроме этих последних вспышек борьбы в тылах, уже ясно стал вырисовываться новый фронт борьбы с нарастающим новым противником.

НОВЫЙ ВРАГ И НОВАЯ БОРЬБА ЗА КИЕВ

Ко времени занятия Киева мы формально не были в войне с поляками. Советское и польское правительства периодически вступали в переговоры (28-го января 1920 г.). Советское правительство подтвердило признание независимости Польши и предлагало начать переговоры о мире, указав, что красные войска не будут переходить западнее линии р. Птичь, ст. Белокоровницы, м. Чуднов, м. Деражня и Бар. Но, несмотря на переговоры, уже в январе обозначилось стремление со стороны поляков захватить как можно больше территории. Они завязывали с нами ряд боев, стремясь оттеснить красные части к г. Мозырю. Их продвижение обозначалось у г. Овруча, и уже несколько раз они атаковывали Новоград-

Волынский; обозначилось их продвижение и к г. Бердичеву. В большинстве своих попыток поляки имели успех, так как красные части, втянутые в борьбу на юге с отходящими частями Петлюры и Деникина, не могли выставить против них значительные силы. Стали поступать сведения, что Петлюра заключает соглашение с поляками о совместных действиях против советских войск. Уже от Петлюры начали отбиваться кое-какие части и переходить на сторону красных. Так, бригада Волоха в районе Умани объявила себя Украинской красной армией и желала получить приказы для действий против Петлюры.

РВС Юго-Западного фронта.
Член РВС т. Сталин (справа), командующий Ю.-Зап. фронтом т. Егоров (слева).

От галицийского командования прибыли депутаты для переговоров о заключении военного соглашения против поляков. Три галицийских корпуса к началу января группировались к югу от г. Звенигородки. Эта армия возникла из остатков старой австро-венгерской армии и добровольческих формирований в 1918 г., после революции в Австрии, в период провозглашения Восточной Галицией своей независимости. Вскоре этой молодой армии пришлось вести борьбу с поляками, имевшими притязания на Восточную Галицию, как на одну из своих областей. Война длилась до июля 1919 года, когда галицийская армия, под натиском сформированной во Франции польской армии генерала Галлера, принуждена была со своим правительством перейти на территорию Украины. Украинская директория втянула эту армию в борьбу и против белых и

против красных. В момент захвата деникинцами Киева галицийская армия также подошла к нему, но капитулировала перед белыми и теперь отступала вместе с ними.

Все перипетии борьбы подготовили солдатскую массу к революции, и теперь они искали общих путей с красными. К концу февраля 1920 г. было заключено соглашение с этой армией, и т. Порайко получил полномочия на проведение реорганизации и объединения командования в галицийских войсках, расположенных к югу от Звенигородки, с тем чтобы эти войска в ближайшее время выдвинулись фронтом на запад против поляков. Район правобережья еще не был организован в смысле гражданского управления. Волостные революционные комитеты не имели силы, на которую могли бы опереться.

Местное селянство в течение многих лет привыкло жить за счет войска. Царская армия здесь заготовляла продукты для войск Юго-западного фронта, она же бросила здесь все свое имущество при стихийном оставлении фронта. Проходившие австрийцы тоже бросали свои обозы, гайдамаки оставили свое «майно», и, таким образом, среди некоторой части населения выработался тип паразита, живущего наживой и ждущего безвластия, которое всегда существует при отходе одной из армий и при выдвижении другой, с тем чтобы «тряхнуть» сахарные заводы, «подсчитать» кассу селянской рады и т. д. Это—полуоседлые бандиты, которые с одинаковой готовностью примыкают ко всякому предприятию, где была хотя бы небольшая надежда поживиться чужим добром.

Когда при нашем преследовании деникинцев последними на станции Фастов было брошено несколько составов с имуществом, не только окрестное селянство прибыло за «майном», но за сотни верст тянулись обозы за получением своей доли. При каждом захвате от противника сахарного завода приходилось выдерживать приступы окрестного селянства, прибывавшего за очередной дачей «цукру».

К этому оно было приучено различного рода комендантами петлюровских, галицийских и всякого рода атаманских войск. Сахар являлся если не звонкой, то во всяком случае блестящей разменной монетой. На местечковых базарах все расценивалось на «группки» сахара.

Деревня испытывала, как и везде, большую нужду в мануфактуре и керосине. Последний частично здесь заменялся растопленным салом, а в Волынской губернии и ранее применялось освещение из «калишек» (мелкие дрова) на таганце. По внешности район принимал Красную армию приветливо, и только грабежи в глубоких тылах войск указывали на опасность дезорганизации некоторых районов. Самым ужасным было огромное скопление по

селам больных сыпным тифом: в некоторых деревнях насчитывались только единицы здоровых. При поездке в район Жмеринка — Казатин—ст. Попельня можно было видеть разросшиеся в несколько раз кладбища. Медицинская помощь отсутствовала за неимением врачей. Две трети галицийской армии лежало по деревням больными тифом.

Красные части также были сильно ослаблены убылями в предшествовавших боях и, главным образом, убылью от тифа. Достаточно сказать, что в некоторых полках количество бойцов не превышало 50 человек.

Люди нерегулярно получали еду, лошади были до крайности истощены ввиду нехватки фуража, обувь выдавалась примитивного устройства: лапти, «мозаичные» ботинки и, рядом с этим, английские ботинки от времен империалистической войны — «по пуду весом», как говорили красноармейцы.

Несмотря на все это, в частях настроение было хорошее. Уже начали вливаться пополнения. Пешком от г. Курска через Киев в район армии медленно продвигались резервы. От пленных польских солдат узнавали о все прибывающих к ним подкреплениях. Перебежчик 35-го Холмского полка, принятый в районе р. Припяти, показал, что скоро готовится наступление с целью захвата г. Мозыря; старые солдаты (от 35 до 40 лет) заменены молодыми; что весной перейдут в наступление для восстановления Польши в ее исторических границах.

Наступления не пришлось долго ожидать. В течение 23-го и 24-го февраля поляки вели настойчивые бои на участке от Жлобина до р. Припяти; вели наступление и южнее, но здесь были отбиты, а в районе р. Припяти продвинулись до г. Речицы на р. Днепре. При таких условиях существование какой-то условной границы, которую красные войска не могли переходить, теряло смысл. На удар надо было ответить ударом. В марте месяце малочисленные, но сильные духом части 58-й стр. дивизии и 17-я кавдивизия с танками, захваченными у белых под Ростовом, прибыли в Киевский район и нацелились для атаки поляков под Н.-Волынским. От неожиданного появления танков со стороны красных и смелой атаки пехоты и конников 58-й, 7-й и 17-й кавдивизии поляки смешались, бросили окопы и побежали. Наши части захватили несколько деревень на западном берегу р. Случ. Бой у Новограда продолжался несколько дней, но значительного продвижения здесь не было. Пленные Ржешевского полка показали, что поляки сами готовились здесь к наступлению и что удар красных для них был неожиданным; от Ровно и Луцка к месту боя были подтянуты свежие дивизии.

Наступившая весенняя распутица прекратила крупные боевые столкновения. Изредка над нашим расположением появлялись

польские аэропланы. К концу апреля 1920 г. стали поступать сведения о скоплении крупных польских сил у Н.-Волынского. Спустившиеся в нашем расположении, вследствие остановившегося мотора, польские летчики косвенно указывали о готовящемся польском наступлении для захвата Киева.

Уже конная армия Буденного двинулась походным порядком из района Ростова на-Дону через всю Украину в Киевский район для его защиты, но прибытия ее скоро ожидать было нельзя, надо было организовать сопротивление наличными силами.

Ко второй половине апреля достаточно подсохло; усилилась летная деятельность авиации. Начиная с 17-го апреля, польские аэропланы сбрасывали прокламации на русском языке на ст. Коростень, в районе Житомира и Бердичева. Прокламации призывали к борьбе против большевиков. Наши самолеты отметили оживление в передвижении польских частей в районе Н.-Волынского. В галицийских частях 2-й бригады отмечалось значительное оживление работы петлюровской организации. Все донесения указывали, что на эту бригаду полагаться нельзя. Член РВС тов. Затонский выехал в галицийские части для проверки поступающих сведений.

23-го апреля 2-я галицийская бригада с оружием в руках выступила против Красной армии. Для ликвидации этого выступления на юг от Бердичева двинулись из Житомира части 58-й стр. дивизии. Части галичан, расположенные в Киеве, были обезоружены. 24-го апреля в непосредственной близости к фронту партизанами был взорван жел.-дор. мост на линии Коростень Киев; телеграфные провода на шоссе Житомир Киев перерезывались бандитами. В такой обстановке между 5 и 6 часами утра 25-го апреля поляки начали наступление, главным образом, вдоль шоссе от Новограда-Волынского на Житомир. Начальной целью своих действий они ставили: разъединить силы красных на две группы, окружить и уничтожить войска красных, отрезанные к северу от Житомира, а затем свободно двинуться на Киев.

Бои под Новоградом-Волынским с нашей кавалерией были скоротечны, и поляки, погрузив на автомобили пехоту, начали свой марш на Житомир. Здесь они встретили сопротивление красных частей, организовавших оборону в непосредственной близости к городу. В ночь с 25-го на 26-е апреля поляки несколько раз переходили в атаку, но отбивались незначительной частью оставшихся полков 58-й стр. дивизии. Утром 26-го апреля поляки заняли город. В районе к востоку от Коростеня им удалось лесами провести свою кавалерию в тыл красным частям, и они, взорвав жел.-дор. мост, заняли ст. Малин. Красные части оказались в затруднительном положении,— окруженные, они вынуждены были вести бой изолированно. Наши аэропланы, высланные 27-го апреля, определили, что бои развиваются

юго-восточнее и южнее Бердичева. В Киеве из мобилизованных рабочих арсенала и членов профсоюзов были сформированы отряды для помощи войскам, дерущимся на фронте (силы поляков были значительны; боями определились на Киевском направлении до 5 дивизий пехоты и 2 дивизий кавалерии, в общей сложности 25.000 30.000 бойцов). Красные части в первый момент, вместе с галичанами, насчитывали в этом районе до 7.500 бойцов.

Цель борьбы красных состояла теперь в том, чтобы выиграть время до подхода конной армии и подкреплений с других фрон-

Развалины Русановского моста, взорванного белополяками при отступлении из Киева в ночь с 10-го на 11-е июня.

тов и затем ударить по зарвавшемуся врагу. Как только окруженные части пробились и получили свободу действий, начался постепенный отход с рядом последовательных боев на р. Тетерев, р. З. Двина, р. Ирпень, и, наконец, 6-го мая красные части без боя оставили город Киев и отошли на левый берег реки Днепра. Мосты через р. Днепр были подорваны лишь в проезжей части, но фермы оставались на своем месте. В ночь с 8-го на 9-е мая полякам удалось прорваться по цепному мосту на левый берег Днепра. В этом районе завязывались упорные бои, которые продолжались до середины мая, пока не подошла конная армия Буденного к г. Белой Церкви, а в район Киева не подошли подкрепления в виде конной Башкирской бригады и 25-й стр. дивизии.

Продвижению и успехам поляков отныне был положен окончательный предел. Из Киева поступали сведения, что там объявлена

мобилизация для зачисления в петлюровскую армию, что начались раздоры между поляками и петлюровцами. Уже к концу мая конная армия Буденного развернулась в Умани для прорыва поляков в этом районе и выхода на тылы их войск, стоявших под Киевом. Тем временем и севернее Киева готовились к переправе через Днепр Башкирская конная бригада и стрелковые красные части,

Схема контр-наступления красных армий Юго-западного фронта (апрель—май 1919 г.)

которые должны были сбить польскую кавалерию с правого берега Днепра и быстро выдвинуться к железной дороге Киев—Коростень в районе ст. Тетерев и Бородянки, с тем чтобы не позволить полякам отходить на северо-запад от Киева. Переправа этих частей должна была быть поддержана речной флотилией, сосредоточенной у м. Лоева (около 160 *км* севернее Киева).

А непосредственно примыкавшая к Днепру и расположенная в районе юго-восточнее Белой Церкви группа тов. Якира уже завязала бои с польскими частями.

К концу мая поляки так оценивали положение:

„...Между тем, положение изменилось. Стало известно, что Красная армия получила приказ о начале наступательных действий. Перед фронтом нашей 2-й армии группировались значительные силы красных, между ними определился конный корпус Буденного в районе м. Звенигородки. На Днепре определены приготовления к переправе... Руководящей мыслью польского командования было: удержать настоящий фронт таким образом, чтобы всякий натиск противника отбросить тотчас же сильной контр-атакой".

Противник, месяц тому назад наносивший удары, теперь уже думал только об их отбитии, но и это ему не удалось. Конная

Остатки цепного моста через Днепр, взорванного белополяками при отступлении из Киева в ночь с 10-го на 11-е июня.

армия, прорвавшись в тыл противника в районе Бердичев Житомир Коростень, нарушила его управление и работу под Киевом; группа тов. Якира начала свое продвижение от Белой Церкви к северу по непосредственным тылам польских войск у Киева; а группа из 7-й стр., 25-й стр. дивизий и Башкирской бригад уже переправилась через р. Днепр у дер. Печки и устремилась наперерез железной дороге Киев—Коростень.

2-го июня поляки повели наступление на левом берегу Днепра на восток от Киева, но это была лишь маскировка окончательного оставления Киева.

Все дни до 10-го июня красные части «прощупывали» поляков наступлением отдельных отрядов. В ночь на 10-е июня три полка

58-й стр. дивизии переправились через р. Днепр у дер. Осокорки, но затем, под давлением поляков, отошли на левый берег Днепра, расположившись от железно-дорожного моста до цепного. Поляки взорвали эти мосты. Цепной мост, представлявший редкостное сооружение и не тронутый во весь период гражданской войны ни одним из противников, превращен был ими в груду развалин из железа и стали.

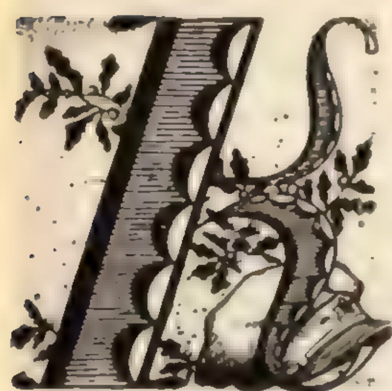
11-го июня Киев был занят красными войсками. В это же время на запад от него, в районе ст. Бородянки, польская армия жгла свои обозы, бросала пушки и автомобили, стремясь вырваться из кольца советских войск. Это ей удалось ценой больших потерь. Вся затея Польско-Украинской федерации была похоронена в этом неудачном походе на Киев.

ГАЙ

III КОННЫЙ КОРПУС ПОД ГРОДНО

ИСХОДУ дня 17-го июля 1920 г. армии Западного фронта достигли линии (см. схему на стр. 297) м. Мереч—р. Ула—Марцинканцы (III-й кон. корпус)—м. Ораны—линия жел. дороги Лида—Вильна (4-я армия)—Лида—Николаев—Делятичи и далее на Лунинец. Директивой от 18-го июля армиям Западного фронта была поставлена задача форсировать 21—22-го июля реки Неман и Шара в районе Гродна—Слоним. 4-я красная армия должна была переправляться в районе Гродны и южнее его. 17-го июля III конный корпус получил задачу к ночи 18-го июля захватить переправы у Гродны и овладеть районом Келбасин—Маноховичи. Поляки, потеряв на севере старые германские окопы, отходили на рр. Неман и Шара, с целью сосредоточить в Гродно сильный кулак для удара во фланг 4-й армии. Они уже приступили к сосредоточению в районе Гродны 5—6 пех. дивизий [1]). С тыла перебрасывались в Гродну отдельные батальоны, полки и 9-я пех. див.; из Лиды в Гродну отходили 8-я, 10-я и 5-я пех. дивизии. Гродна была укреплена. Ее гарнизон насчитывал 3.200 бойцов (4 запасн. бат.), 1.250 саб., 67 пулеметов, 8 легких и 2 тяжелых орудия, 2 бронепоезда и 4 танка.

В районе Вильны корпусу была придана кавгруппа 15-й армии в количестве 1.500 сабель; 164-я стрелк. бригада была оставлена в Вильне. 15-й кав. дивизии было приказано (схема на стр. 299) атаковать Гродну с севера, захватив одной бригадой мост у Гродны. 10-я кав. дивизия получила задачу, направив один кавполк в район Сивкова для обеспечения операции со стороны Лиды, атаковать остальными силами Гродну с востока и юго-востока. В 4 ч. 19-го июля главные силы корпуса выступили на Гродну, имея

[1]) Тухачевский—«Поход за Вислу», стр. 32. Сергеев—«От Двины к Висле», стр. 65.

в каждой дивизии по одной батарее (остальные опоздали, застряв в Гродненской пуще). Около 5 ч. спешенная 2-я бригада 15-й кав. дивизии, прорубив шашками проход в первой полосе проволочных

Ленин перед отправляющимися на Польский фронт войсками (на Красной пл. в Москве, 5-го мая 1920 г.)

заграждений, выбила из окопов роту противника. Наступая дальше на форт Грендиче, бригада была уже не в состоянии преодолеть сопротивление хорошо укрепленного противника и к 7 ч. залегла

перед фортом у деревни Грендиче. Вторая, более сильная колонна 15-й кав. дивизии, пройдя проволочные заграждения у д. Лопенка, в конном строю стремительно атаковала форт Грендиче с востока и юга. После часовой рукопашной схватки 3-я бригада овладела фортом, захватила два 12-дм. орудия, несколько пулеметов и 200 пленных. Полусонный гарнизон форта (один батальон) с большими потерями рассеялся. Части 15-й кав. дивизии, преследуя противника, ворвались в 11 час. на северную окраину города, но вскоре противник при поддержке танков вытеснил их обратно из города. 10-я кав. дивизия, двигаясь медленно и осторожно, только к 11 ч. прорвала у дер. Путришки проволочные заграждения противника.

Схема положения сторон перед наступлением на Гродну.

В 12 ч. ее части в пешем строю заняли форт № 10 (д. Путришки). В 13 час. противник попытался охватить конницей левый фланг 10-й кав. дивизии, но атакой резерва (60-й кав. полк) был опрокинут и загнан в Неман. До 15 ч. 19-го июля вокруг Гродны велись упорные бои. Противник перебрасывал свои резервы то на северный, то на восточный участок и не давал продвинуться частям III конного корпуса. В 15 ч. у западного моста, в тылу противника, появилась 1-я бригада 15-й кав. дивизии. Хотя атака кавбригады на выдвинутый противником заслон (две роты) и не увенчалась успехом, но гарнизон крепости, бросив свои танки и одну батарею, поспешно отошел под натиском 15-й кав. дивизии на зап. берег. При отходе поляки подожгли деревянный мост через р. Неман. К 19 ч. Гродна окончательно была очищена от противника. Преследовавшая противника 1-я бригада 15-й кав. дивизии столкнулась

М. И. Калинин в корпусе Гая осенью 1920 г. В центре—т. Калинин (1) и т. Гай (2).

в районе Кузницы с авангардом 9-й польской дивизии и отошла к городу. Части немедленно были переброшены на левый берег; в районе Сивкова остался 57-й кав. полк. К 20 ч. указанная командармом линия была занята. В 21 час 19-го июля авангард (21-й Варшавский полк) 8-й польской дивизии, двигавшейся из Лиды на Гродну, наткнулся в районе Сивкова на 57-й кава-

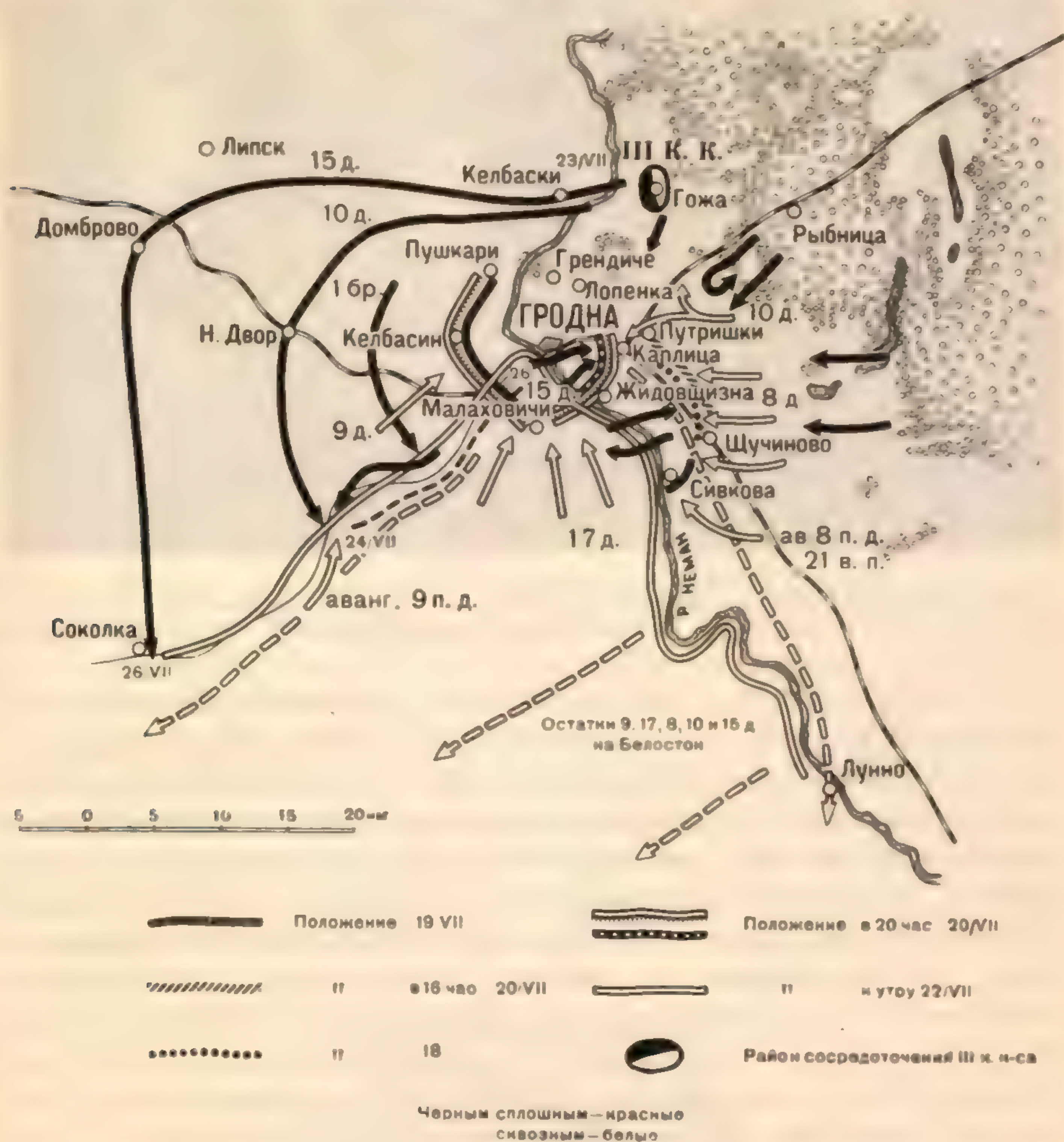

Схема боя за Гродну.

лерийский полк. Неожиданная встреча с красной конницей сильно замедлила движение противника. Ночью же были переброшены обратно на правый берег 55-й, 56-й и 60-й кав. полки 10-й кавал. дивизии, которые утром атаковали противника в конном строю. В 12 ч. 20-го 8-я польская див. в составе трех пехотных и одного конного полка при 10 орудиях повела наступление на Гродну и после упорного боя в 16 час. заняла фронт Путришки — Щучиново. Корпус

Группа политработников Западного фронта во главе с членом РВС Западного фронта т. И. С. Уншлихтом и комиссаром штаба фронта т. Р. А. Муклевичем.

понес большие потери в конском составе от неприятельского артогня. На поддержку 10-й кав. дивизии была с левого берега переброшена 2-я бригада 15-й кав. дивизии вместе с захваченными у противника танками. К 18 часам, под давлением подошедшей к Гродне 10 польской дивизии, левый фланг 10-го кав. дивизии отошел на Каплицу, а передовые части дебуширующей из лесу 53-й стрелковой дивизии отошли обратно в Гродненскую пущу. В 20 ч. противник занял дд. Жидовщизна и Каплицу, охватив город полукольцом с востока. В то же время передовые части 9-й и 17-й польских дивизий, тесня нашу 15-ю кав. дивизию, начали охватывать город с юга и запада. В 24 ч. наступление противника с востока достигло наивысшего развития. На усиление поголовно спешенных частей 10-й кав. дивизии был переброшен с левого берега 58-й кав. полк, но и это не помогло: некоторые усталые части дивизии с боем начали отходить в город.

Назревал переломный момент. Были брошены в бой штабы дивизий, корпуса, комендантские эскадроны и тыловые команды. В 2 ч. 21-го июля была отбита последняя попытка противника прорваться в Гродну, и все же положение корпуса становилось очень тяжелым, так как он понес, особенно отбивая атаку, большие потери (более 400 бойцов)... Но время уже было выиграно. К утру 21-го июля

увлеченные боями за Гродно 8-я, 10-я и 5-я дивизии противника сами попали в мешок. Сзади на них начала напирать грузная масса 15-й красной армии, а из Гродненской пущи с утра появились части 4-й красной армии, которые, по настоянию комкора, перешли в энергичное наступление. Окруженный противник, бросив бо́льшую часть своей артиллерии, с огромными потерями прорвался на Лунно, где переправился через Неман.

Сильный нажим противника на участок 15-й кав. дивизии вновь вынудил перебросить все части корпуса (кроме 57-го и 60-го кав-полков, преследовавших противника до Лунно) на левый берег Немана. Весь день 21-го июля усталые части корпуса в пешем строю вели нера́вный бой с частями 9-й и 17-й польских дивизий. К ночи, вследствие усталости и отсутствия огнеприпасов, корпус вынужден был отойти в город и взорвать вновь построенный мост. Противник к утру 22-го июля прочно занял левый берег Немана и на три дня задержал форсирование его 4-й и 15-й красными армиями. Смененный у Гродны 12-й пех. див., III конный корпус сосредоточился у Гожи и 23-го июля, перейдя вплавь Неман, повел наступление через Н.-Двор на Кузница Соколка. В указанном районе 23-го, 24-го и 25-го июля произошли жестокие бои с 9-й див. противника, но все же корпусу удалось 24-го июля занять Кузницу, а 26-го -Соколку и потрепать отходившую через нее на Белосток Гродненскую группу поляков. Остатки 9, 17-й, 8-й, 10-й и 5-й див. противника отошли также в Белосток.

Несмотря на достигнутый в этой операции успех, III кон. корпус был нацелен неправильно: задача (захват Гродны) была ему поставлена армией неудачно, так как стратегической коннице в районе Гродны, в лабиринте проволоки, фортов и окопов, делать было нечего. Было бы более целесообразно направить корпус через м. Мереч - Лейпуны Домброво в район Соколка — Белосток.

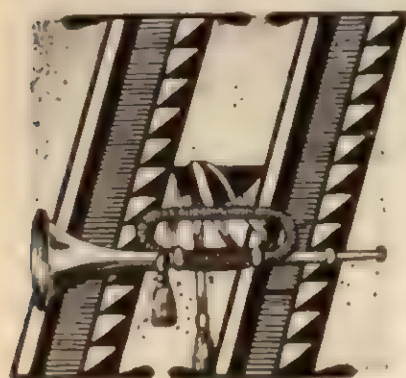

Н. КАКУРИН

СЛУЧАЙНОСТЬ В БОЯХ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

(ИЗ ОПЫТА БОЕВ 8-й СТР. ДИВИЗИИ НА р. ЗАП. БУГ 3-го—4-го АВГУСТА 1920 г.)

АСТОЯЩАЯ статья не ставит себе целью дать полное и законченное изложение одного из боевых эпизодов кампании 1920 г. в тактическом разрезе. Этому, прежде всего, помешали бы ее размеры. В отведенных нам рамках мы постараемся, на общем тактическом фоне, восстановить лишь несколько бытовых штрихов из эпохи нашей гражданской войны, прямым продолжением которой явилась кампания на Польском фронте. Интересные, на наш взгляд, сами по себе, штрихи эти могут быть весьма характерными в том смысле, что они показывают, насколько рамки случайного в бою расширяются в условиях маневренной гражданской войны. Вместе с тем, немногие строки настоящей статьи посвящаются нами памяти тех товарищей, которые явились жертвой этих случайностей.

Во время боев 16-й красной армии на р. Зап. Буг в августе 1920 г. я был начальником штаба 8-й стрелковой дивизии, входившей в состав этой армии. Начальником дивизии был вскоре погибший при отступлении от Варшавы Андрей Михайлович Рябинин; комиссаром дивизии—т. Ошлей, комиссаром штаба т. Сулацкий-Сиу,—оба здравствующие и поныне. Начподивом был тов. Флакс и начупроддивом—тов. Будников.

Согласно приказа по 16-й армии, наша дивизия в ночь со 2-го на 3-е августа удачно форсировала р. Зап. Буг на участке посад Янов (исключительно)– с. Ленги (включительно). В течение дня 3-го августа наши части вели бой за расширение плацдарма на левом берегу

р. Зап. Буг, при чем противник — 14-я пех. польская дивизия, под влиянием нажима на него с севера столь же удачно переправившихся частей нашей 17-й стр. дивизии, довольно быстро сдавал перед нашим правым флангом и центром, упорно задерживаясь лишь перед нашей левофланговой 24-й стр. бригадой в районе с. Ленги. Здесь упорный бой кипел в течение целого дня; лишь к концу дня противник был отброшен за р. Кшна, и части 2-й стр. бригады овладели с. Мокраны (см. схему на стр. 309).

Продвижение нашей правофланговой 23-й стр. бригады происходило гораздо успешнее. Преследуя противника, ее авангард

Наводка моста на козлах через Зап. Буг в начале августа 1920 г.

67-й стр. полк с приданной ему батареей — под вечер занял с. Груд, установив наличие противника за р. Клюковка, при чем с. Бол. Цицибор оказалось сильно им занятым. Попытка авангарда выбить противника из с. Бол. Цицибор не увенчалась успехом, и с наступлением ночи бой замер.

Тем временем в районе сс. Зеленый и Груд сосредоточились главные силы 23-й стр. бригады, а левее ее, до шоссе Бела — Брест, распространилась 22-я стр. бригада.

Пока наши части с боем расширяли свой плацдарм на левом берегу р. Зап. Буг, 8-й инженерный батальон построил через р. Зап. Буг у сс. Лозовице и Ленги два моста на козлах. Последнему суждено было сыграть весьма существенную роль в последующие дни.

После полудня 3-го августа для командования дивизией стало ясным, что дальнейшее его пребывание на правом берегу р. Зап. Буг, в то время как вся дивизия находится уже на левом берегу реки и местами значительно продвинулась вперед, является не отвечающим обстановке, почему решено было перебраться на левый берег реки в с. Блоне, как только наступит перерыв в операциях, при наступлении ночи; пока же было приступлено к оборудованию связи с Блоне. Это решение еще больше окрепло, когда был получен новый приказ по 16-й армии, ставивший очередной задачей для 8-й стр. дивизии овладение г. Бела. Правее нас на левом берегу р. Зап. Буг должна была действовать 17-я, а левее 10-я стр. дивизия.

Во исполнение этого решения штаб дивизии перебрался под вечер в с. Блоне, оставив свой тыловой эшелон в прежнем месте стоянки — с. Вильямовичи — для поддержания связи со штабом 16-й армии и штабом соседней справа 17-й стр. дивизии, каковые были расположены в одном пункте - м. Высоко-Литовске.

На левом берегу Буга наш взгляд был приятно поражен картиной цветущей и густонаселенной местности, на которую только-что закончившийся и довольно упорный бой не наложил никакого отпечатка. Первое, на что я обратил внимание, была сравнительная густота постоянной телефонно-телеграфной сети, почти полностью находившейся в исправном состоянии. Вдоль нее шныряли наши телефонисты, налаживая связь с далеко ушедшими вперед полками. Повидимому, ту же работу проделывал у себя противник; иногда наши телефонисты, включаясь в постоянные провода, слышали переговоры противника и даже вмешивались в них. В зависимости от темперамента эти переговоры заканчивались либо перебранкой, либо шутками. С большим трудом и постепенно удалось приступить к изоляции наших проводов от проводов противника, так как общего плана найденной нами на месте в готовом виде телеграфно-телефонной сети у нас не было.

На утро 4-го августа была назначена общая атака г. Бела. Главная действующая роль возлагалась в ней на 23-ю и 22-ю стр. бригады. Первая должна была наносить удар в охват г. Бела с севера, заходя своим правым флангом через с. Витулин на с. Теребели. 24-я стр. бригада должна была обеспечивать этот маневр слева, образуя заслон вдоль р. Кшна и имея в резерве один полк 172-й стр. бригады, который она не могла расходовать без разрешения начальника дивизии. Такая группировка была принята потому, что действовавшая южнее нас на левом берегу р. Зап. Буг 16-я стр. дивизия, преследовавшая цель овладения левобережными фортами Брестской крепости, была сильно удалена от нас в пространстве; непосредственной боевой связи с нею мы не имели,

сведениями с нею по плохому действию связи обменивались с большим запозданием, а, кроме того, выйдя к концу дня 3-го августа на ближайшие подступы к г. Бела, мы оказались сильно на уступе впереди общего фронта армии. Наша правая соседка - 17-я стр. дивизия—также должна была в день 4-го августа продолжать свое наступление, при чем посад Янов входил в ее разграничительную линию. С ним имелась непосредственная боевая связь, поддержание которой возлагалось на командира 23-й стр. бригады. Ошибкой и командования дивизией и моей, как начальника штаба, было то, что мы передали организацию поддержания связи на стыке в руки командира бригады, не обдумав и не предприняв никаких собственных мер в этом отношении. Имея довольно хорошо действующую связь со штабом 17-й стр. дивизии через с. Вильямовичи, мы на этом и успокоились, считая, что будем одновременно извещены командованием 17-й стр. дивизии о всех изменениях в обстановке на его участке. Мы упускали из виду одно обстоятельство, а именно—удаленность штаба 17-й стр. дивизии от поля сражения, что должно было влечь за собою вполне естественное запоздание в восприятии им всех изменений в обстановке, особенно при быстром их накоплении, чем всегда характеризуется маневренный бой.

В свою очередь, противник принял все меры, чтобы отстоять г. Белу, как пункт, лежавший на железнодорожной линии, непосредственно связывающей Брест с Варшавой. Для этого он прибег к своему любимому маневру, заключавшемуся в том, чтобы сосредоточить ударные кулаки против оснований клина нашего вторжения в его расположение и ударами по ним заставить втянуться назад голову нашего клина. Этот маневр облегчался для противника в данном случае тем обстоятельством, что налицо в его распоряжении имелся уже один ударный кулак для осуществления этого маневра в виде 14-й пех. дивизии. Накануне она уклонилась от решительного боя с нами и 17-й стр. дивизией и оттянула свои главные силы в район северо-западнее г. Белы. Южный ударный кулак был образован 16-й пех. дивизией, один полк из состава которой был спешно переброшен в район г. Белы (32-й пехотный). Повидимому, это он задержал продвижение авангарда нашей 23-й стр. бригады на р. Клюковке.

В создавшейся обстановке головой нашего клина являлась 8-я стр. дивизия, а основаниями, на которые обрушились первые удары противника, явились 17-я и 10-я стрелковые дивизии. Поэтому с рассвета 4-го августа наступление наших 23-й и 22-й стр. бригад начало развиваться успешно. Правый обходящий фланг 23-й стр. бригады продвинулся до с. Витулин, занял его и готовился переменить свое направление прямо на юг; 67-й стр. полк занял с. Бол.

Цицибор. 22-я стр. бригада быстро вышла на фронт Грибанов – фольварк Белка и вскоре ворвалась в предместье г. Бела. Ее продвижение, повидимому, сильно обеспокоило противника, так как вскоре к городу по железной дороге начали с запада прибывать подкрепления, прямо из вагонов вводившиеся в бой. Эти подкрепления не только восстановили ход боя в пользу противника, выбив наши части из предместья, но даже потеснили 22-ю стр. бригаду несколько к востоку. 24-я стр. бригада в это время не испытывала на себе непосредственного нажима противника, так как 16-я пех. дивизия противника, как впоследствии сделалось известным, своими главными силами связалась с нашей 10-й стр. дивизией и теснила ее обратно на правый берег р. Зап. Буг. От штаба 17-й стр. дивизии мы за это время получали несколько раз успокоительные сведения по телефону об успешном продвижении ее полков вперед.

Так дело шло, примерно, до полудня. Бой, начавшийся при столь благоприятных предпосылках с утра, вселил уверенность в его благополучном окончании. Поэтому начподив тов. Флакс вместе с несколькими политработниками и тов. Будниковым отправились в посад Янов, где они устроили митинг для местного населения. Некоторая неустойка на фронте 22-й стр. бригады не внушала пока особого беспокойства: считали, что бой примет лишь затяжной характер, но в исходе его не сомневались. Но скоро наступили события, совершенно изменившие общий ход боя.

Первым вестником этих событий явился красноармеец команды упроддива, прибежавший около 13 часов, запыхавшись и без шапки, из пос. Янова. Он сообщал, что конница противника ворвалась в Янов, разогнала митинг и захватила наших товарищей. Эти сведения показались настолько невероятными, что все мы приняли первоначально его сообщение за плод расстроенного воображения. Однако, на всякий случай, я приказал конвойному эскадрону 8-го кав. полка, кормившему лошадей в близ лежащем фольварке, поседлать коней и подтянуться к штабу дивизии, намереваясь по его прибытии выслать разъезд на Янов для проверки сведений, сообщенных красноармейцем.

В ожидании прибытия эскадрона начдив А. М. Рябинин подошел к телефону и вызвал контрольную станцию в Янове. Он получил ответ на хорошем русском языке и начал расспрашивать своего собеседника о том, что происходит в Янове. Последний отвечал ему, что Янов занят частями 17-й стр. дивизии. Ответ показался нам подозрительным, так как недавно штаб 17-й стр. дивизии сообщал нам, что ее полки находятся впереди Янова. Предполагая, что неизвестный собеседник имеет в виду какую-нибудь часть резерва 17-й дивизии, А. М. Рябинин переспросил его об этом и получил утвердительный ответ с вопросом: с кем идет разговор и какая часть стоит

в с. Блоне? Прежде чем отвечать на этот вопрос, мы решили в последний раз проверить собеседника, спросив его: какой именно полк 17-й дивизии находится сейчас в Янове?—156-й,—отвечал он уверенно, на чем и попался. Нам было известно, что 156-й стр. полк (в точности за номер полка не ручаюсь; дело, конечно, не в номере, а в самом факте), еще не успел присоединиться к своей дивизии.

После этой беседы обстановка в Янове начинала становиться действительно подозрительной, а между тем новых сведений оттуда не поступало, и новых беглецов не появлялось. Так прошло неприятных полчаса. На всякий случай были сделаны приготовления к снятию связи в г. Блоне, о чем иносказательно был уведомлен наш тыловой

Гаубичная батарея в боях на Зап. Буге в начале августа 1920 г

штаб в Вильямовичах. Наконец, появился конвойный эскадрон. Ему было приказано выдвинуться на Янов и установить, кто в настоящее время находится в Янове. Но едва лишь он выдвинулся за околицу с. Блоне, как тотчас осадил обратно. Командир эскадрона доложил, что от с. Верхлие по обеим сторонам дороги на с. Блоне двигаются цепи пехоты противника и находятся уже на расстоянии действительного ружейного выстрела от с. Блоне.

При этом известии все наши сомнения исчезли. Долго раздумывать не приходилось. Было ясно, что наша дивизия попала в критическое положение. Перед этим сознанием на второй план отходили опасения за судьбу штаба. Но все-таки пребывание его в с. Блоне и отдача из него распоряжений становились невозможными. В принятии решения ни у кого не возникало сомнений. Обстановка требовала еще большего приближения к своим частям, а не удаления

от них, хотя путь через ближайшую переправу пока еще оставался для нас свободным. Действуя таким образом, можно было еще рассчитывать на более или менее благополучный вывод их из ловушки. Было решено переехать к штабу 24-й стр. бригады в с. Ленги и уже оттуда продолжать руководство боем. Наш тыловой штаб был уведомлен об этом, после чего пришлось отдать приказание о перерезании телефонных проводов и снятии аппаратов, так как противник хотя и медленно, но приближался. В эти несколько весьма критических минут бросались в глаза спокойствие и выдержка тов. Ошлея. С невозмутимым спокойствием, покуривая свою английскую трубку, он наблюдал за поспешными сборами нашего многочисленного эшелона.

Возник щекотливый вопрос: кому и каким образом ехать первыми? В нашем распоряжении был автомобиль и верховые лошади. Тов. Ошлей в этом трудном для самолюбия каждого случае взял на себя инициативу разрубить Гордиев узел. Он предложил, чтобы начальник дивизии, он и начальник штаба немедленно на автомобиле отправились в Ленги для скорейшей отдачи распоряжений нашим двум бригадам под Белой. Трудно было не согласиться с этим вполне основательным предложением. Так мы и сделали. Тов. Сулацкий с конвойным эскадроном и двумя-тремя сотрудниками верхом последовали за нами.

Около 14 часов мы совершенно неожиданно для штаба 24-й стр. бригады появились в с. Ленги. Здесь мы располагали проводом этого штаба, а через него—связью со штабом армии. Ближайшей задачей командования дивизией явилось принятие мер к обеспечению выхода из мешка наших 22-й, а особенно 23-й стр. бригады. Обе с полудня находились в упорном бою с противником, при чем 22-я стр. бригада под натиском противника уже осадила на высоту с. Воскшеница. Части 23-й стр. бригады хотя и продолжали удерживать сс. Витулин и Бол. Цицибор, на которые противник вел упорные атаки, пока отбиваемые ими, но уже утратили связь с 17-й дивизией, и между ними заклинился противник, занимая с. Теребели.

Трудный маневр выхода из окружения мыслилось осуществить следующим образом: бригадный резерв 24-й стр. бригады—72-й стр. полк — должен был повести наступление на фронт Блоне—госп. двор Тселесница и, выйдя на эту линию, образовать опорную точку для маневра 23-й стр. бригады. Последняя, в связи с 22-й стр. бригадой, должна была начать последовательное отступление из уступов слева, перегруппировывая свою артиллерию в сторону своего правого фланга, и, отходя в общем направлении на с. Ракитно, пристроиться к левому флангу 72-го стр. полка. Южнее 23-й стр. бригады фронт Ракитно (исключительно)—Липница—Кийовец должна была занять 22-я стр. бригада. В свою очередь, огневой опорой

маневра 72-го стр. полка должна была явиться артиллерийская группа из тяжелой 42-лин. пушечной батареи и одной полевой гаубичной батареи, которая ставилась на позицию в районе с. Дерло распоряжением начальника артиллерии дивизии тов. Смирнова. Туда же перегруппировывалась полевая артиллерия 24-й стр. бригады.

Схема боев 10-й стр. дивизии на Зап. Буге 3-го и 4-го августа 1920 г.

Таким образом, первоначальный недостаток живой силы на Яновском направлении мы стремились возместить скорейшим созданием сильного огневого фронта, и вся сущность нашего маневра сводилась к уклонению нашего охваченного правого фланга с опиранием его на вновь образуемый на Яновском направлении фронт и

перестраиванию, вместе с тем, всего нашего боевого порядка с юго-западного на северо-западное направление. Успех маневра зависел от того, сколько времени нам даст противник для его выполнения. Однако мы не считали возможным, учитывая остроту положения, вести переговоры о выполнении маневра и сложившейся обстановке с нашими командирами бригад по телефону, а известили их о новой обстановке и их новых задачах особыми приказаниями на бланках полевых книжек, которые были отправлены им с нарочными и получены ими, повидимому, между 16 и 17 часами.

Я не буду здесь входить в подробности выполнения бригадами указанного им маневра, поскольку не описываю картину всего боя в целом, а излагаю лишь личные воспоминания; скажу только, что к концу дня 4-го августа этот маневр нам удалось благополучно выполнить. Здесь нам помогли два обстоятельства. Во-первых, чрезвычайная медленность противника. Как можно теперь судить по источникам противной стороны, 17-я польская дивизия, воспользовавшись разрывом, который, вероятно, образовался между внутренними флангами 17-й стр. дивизии и 23-й стр. бригады, когда последняя начала круто загибать свой правый фланг к югу, —отбросила, повидимому, задолго до полудня, части 17-й стр. дивизии в северо-восточном направлении, после чего начала менять свой фронт на юго-восток. Это видно из того, что боковое охранение одной из батарей 23-й стр. бригады около 13 часов в с. Оссувка заметило разъезды противника.

Как уже известно читателю, около того же времени конницей противника занят был и посад Янов. Но затем противник, особенно на своем обходящем левом фланге, начал действовать с большой осторожностью. Заняв почти вслед за штабом 8-й стр. дивизии с. Блоне (т.-е. около 14 часов), он до 17 часов не продвигался дальше значительными силами, ведя лишь разведку во все стороны. А тем временем наступило второе неожиданное для нас, но на этот раз благоприятное изменение обстановки.

Между 15 и 17 часами на мосту у с. Ленги появилась голова какой-то нашей колонны. Это оказалась одна из бригад 2-й стр. дивизии, которая двигалась через нашу переправу, чтобы затем выйти на участок 10-й стр. дивизии для оказания ей содействия. Вслед за нею шла и другая бригада этой дивизии (точно не помню их номеров: либо 4-я и 5-я, либо 5-я и 6-я). Оба комбрига, тт. Герасимов и Кимундрис, прибыли в штаб дивизии. От них мы узнали, что штаб 2-й стр. дивизии не следует при своих бригадах, а находится где-то еще очень далеко. Обстановка, между тем, складывалась так, что наша неустойка под Ленги роковым образом отразилась бы и на судьбе обеих бригад, если бы они круто свернули на юг, подставляя свой тыл под удары 14-й пех. польской дивизии со

стороны Янова. Учитывая это обстоятельство, начальник дивизии использовал свое право старшего начальника для объединения действий различных частей, находящихся на одном и том же поле сражения, и подчинил обе эти бригады себе, что не встретило никаких возражений со стороны их командиров, которые на месте сами хорошо разбирались в обстановке.

Прибытие обеих бригад усилило наш огневой кулак уже и живой силой и позволило задаться активными целями. Обе бригады получили задачу наступать на Янов правее 72-го стр. полка. Развернувшись около 18 часов между р. Зап. Буг и шоссе Янов—Ленги, они энергичной атакой отбросили противника от сс. Лозовице и Блоне и к ночи подошли почти к самому Янову. На этом бой замер. 5-го августа дивизия с оказавшимися на ее участке прочими частями, в связи с общей обстановкой, вела лишь оборонительный бой на своем левобережном плацдарме и в ночь с 5-го на 6-е августа отошла за р. Зап. Буг.

Мне остается закончить эту страницу личных воспоминаний несколькими печальными подробностями о наших погибших товарищах. Схваченные после разгона митинга в Янове начподив т. Флакс, начупроддив тов. Будников и, если не ошибаюсь, один из политработников 17-й стр. дивизии были отведены польскими уланами на один из ближайших фольварков, там варварски зарублены саблями и наспех зарыты. Покинув 8-ю стр. дивизию 6-го августа, вследствие назначения начальником 10-й стр. дивизии, я лишь впоследствии узнал от бывшего в то время военкомом 24-й стр. бригады, а вскоре прибывшего в 10-ю стр. дивизию на должность военкома тов. Ефима Александровича Дрейцера, что 8-я стр. дивизия, вновь переправившись через р. Зап. Буг 10-го августа, по указаниям местных жителей нашла их тела и предала погребению.

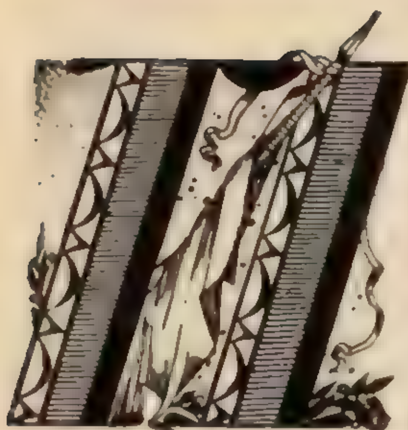

К. СТУЦКА и С. БЕЛИЦКИЙ

КАХОВКА

НА ПУТЯХ К КАХОВКЕ

РИ РАЗГРОМЕ Деникина в 1919 году часть его войск, отошедшая на Крымский перешеек, была под руководством генерала Врангеля реорганизована. Эта реорганизация, при активном содействии сначала Англии, а затем и Франции, дала на сторону контр-революции новую белую армию, численность которой, в целом, доходила до 80 тыс. Из этого количества на самом фронте бывало в течение лета 1920 г. до 30 тыс. бойцов, а к осени это число доходило до 40 тыс. Врангелевские войска были обильно снабжены всевозможными техническими средствами, в особенности тщательно была организована конница Врангеля, которая в истории гражданской войны отмечена, как «бронированная кавалерия».

В течение мая 1920 г. подготовляется, а затем в июне осуществляется вылазка врангелевских войск из-за Крымских перешейков. Расширение плацдарма вызывалось, с одной стороны, давлением Франции, которая этим самым стремилась помочь Польше, а с другой—экономической необходимостью добыть хлеб как для войск, так и для экспорта за границу в обмен на получаемое вооружение. Наступательный порыв врангелевских войск принес довольно ощутительные результаты для белого командования (см. схему на стр. 313).

Самое существенное в этих операциях было не только то, что белым удалось оттеснить красные войска на север, но и то, что красные части были расколоты на две группы, из коих правая, в составе 52-й и Латышской дивизий, была отброшена на правый берег Днепра. Остальные части красных прикрывали Донецкий бассейн, и мы их действий будем касаться лишь постольку, поскольку они отражались на операциях правобережной группы красных. Эта

правобережная группа входила в состав 13-й армии, которая, в свою очередь, составляла левое крыло Юго-западного фронта. Между этими двумя группами 13-й армии существовал разрыв. Более активной группой считалась левая, прикрывавшая Донецкий бассейн, а на правую группу как белые, так и красные возлагали вначале пассивные задачи. Вообще считалось, что река Днепр представляет собой такое серьезное препятствие, что вряд ли здесь могут быть развиты серьезные операции. Эти географические условия совпадали с некоторыми политическими моментами. Перед Врангелем лежали два основных операционных направления: на правобережную Украину, т.-е. на соединение с кулацким элементом, или на Донбасс, т.-е. на соединение с донскими казаками. Он выбрал второе направление, потому что не мог сговориться с петлюровским командованием, которое возглавляло тогда повстанческое движение на Украине. Петлюра не доверял Врангелю, и попытки сговора ни к чему не привели.

Схема положения сторон на Врангелевском фронте. План красного командования.

На Донбасс толкало Врангеля также французское влияние, которое было финансово заинтересовано в возвращении донецких шахт и рудников.

Понятно, что нам терять Донбасс ни в коем случае нельзя было, и в течение лета 1920 г. в северной Таврии и на подступах к Донбассу разыгрываются упорные бои, цель которых для красных отбросить обратно Врангеля. Постепенно наши силы количественно возрастают, но Врангель умелыми действиями по внутренним операционным линиям все время втягивает по-очередно прибывающие пополнения и в значительной степени лишает их боеспособности. Наиболее характерный пример такой активности врангелевских частей представляет собою гибель конницы Жлобы.

Для рассматриваемых нами боевых действий небезынтересно дать краткую характеристику состояния тыла. У белых этот тыл характерен тем, что он не имел большой глубины, что он был обильно снабжен иностранной техникой, что он имел вполне обеспеченные морские сообщения с базами Антанты, что на полях северной Таврии он имел значительный хлебный запас, но отрицательной стороной следует считать незначительные по количеству людские ресурсы. В начале лета 1920 г. политический тыл был у Врангеля внешне спокоен, но население неохотно шло на объявленную мобилизацию, и Врангелю пришлось поэтому прибегнуть к пополнению своих рядов за счет пленных красноармейцев. У нас состояние самых частей в политическом отношении было вполне благополучным. В особенности это относится к прибывавшим пополнениям. Но тыл наш был не вполне спокоен. В глубоком тылу действовала одна из повстанческих дивизий Петлюры. Самое базирование красных было поставлено в очень неблагоприятное положение; приходилось тянуть обозы от станции Апостолово, т.-е., примерно, за 150—200 *км*, конным транспортом, формировавшимся к тому же из обывательских подвод. Железнодорожные линии питания, равно как и линии связи, проходили вдоль фронта и были подвержены коротким ударам противника.

Если изучить соотношение сил и общую группировку, то, при примерном численном равенстве, Врангель имел то преимущество, что он мог действовать по внутренним операционным линиям, имея для этого большие и технически мощные конные силы. Наше командование вынуждено было действовать по внешним линиям, все время растягивая свои войска. Понятно, что такое положение не могло нас удовлетворять, и неоднократно делались попытки уничтожить врангелевские войска в сев. Таврии. Под влиянием этой обстановки происходит переоценка значения правобережной группы, которая, находясь на кратчайших путях к Перекопу, позволяла нанести Врангелю удар с тыла. Таким образом, нажимая на хвосты Врангеля, можно было удерживать его от слишком быстрых наступательных операций в пределах Донбасса. Но для того, чтобы это давление было ощутительно, следовало наши войска с правого

берега перебросить на левый и тем самым заставить Врангеля ощутить наше давление. В начале июня 1920 г. находившиеся в составе правобережной группы 52-я и Латышская дивизии пытаются форсировать реку Днепр. Это им сначала удается, но затем белые легко отбрасывают их обратно. В самом деле, 52-я дивизия едва насчитывала около 3 тыс. бойцов, а латыши имели всего лишь до 5 тыс. бойцов. Южнее этих сил действовала Херсонская группа – до тысячи бойцов. Однако, эта попытка форсирования реки Днепра не прошла бесследно, и для будущего были учтены все ее ошибки.

Петроградские коммунары перед отправкой на Южный фронт в 1920 г.

В начале августа правобережная группа усиливается 15-й и 51-й дивизиями. Командование реорганизуется, и во главе становится тов. Эйдеман. Правобережная группа должна проявить свою активность.

УСПЕШНОЕ ФОРСИРОВАНИЕ ДНЕПРА

К утру 5-го августа правобережная группа занимала положение, указанное на схеме на стр. 319. Временное затишье было использовано для того, чтобы укрепить боеспособность частей. Ежедневно производились соответствующие занятия. Разведывательные партии путем организации налетов на берег противника приучались к форсированию

реки. Прибытие крупных сил, как, например, 51-й дивизия, которая насчитывала до 11 тыс. бойцов и имела прекрасную артиллерию, подняло настроение войск. Решено было осуществить захват плацдарма на левом берегу Днепра в районе Каховки. Дабы ввести противника в заблуждение, форсирование производилось одновременно в трех местах. В районе Каховки со стороны Берислава должны были действовать 52-я и Латышская дивизии. У колонии Львово должна была форсировать 15-я дивизия. В районе Херсона—Херсонская группа войск. Дабы понять причину успешности форсирования, мы внимательно просмотрим, как оно проводилось в Латышской дивизии, которой командовал тов. К. Стуцка.

Начнем с того, что отметим чрезвычайную скрытность в подготовительных работах к предстоящему форсированию Днепра. О готовящемся нашем наступлении, в противоположность ранее практиковавшейся широкой и заблаговременной ориентации штабов бригад и ниже, в изданных по Лат. дивизии приказах о перегруппировках частей не указывались ближайшие цели этих перегруппировок, а намеренно рисовались ложные планы, как, например: «Целый ряд неудачных попыток форсировать Днепр заставляет нас отказаться раз навсегда от соблазнительных теорий и убеждает нас, что форсирование Днепра невыполнимо на практике. Главный удар решено нанести противнику из района Мариуполя, куда перебрасываются конница Жлобы и значительные пехотные части (часть коих будет снята с правого берега Днепра, т.-е. с Бериславского участка)». Но войска из состава правобережной группы, как указано выше, не только не снимались, а наоборот,—усиливались; главный удар левобережной группой нацеливался со стороны Орехова.

5-го августа комдив Латышской приказом по дивизии дал командирам бригад задачу,—под предлогом вероятных активных действий Врангеля и «возможности» наших действий на левом берегу,—тщательно изучить с тех пунктов, с которых доступен обзор реки и левой прибрежной полосы, всю противолежащую местность: первой бригаде—от Британы до Каховки; второй бригаде—от Каховки до Любимовки.

Форсировать такую широкую водную преграду, как р. Днепр, берега которой противником бдительно охранялись, было трудно, но тем не менее возможно. Многократные наши попытки поймать контрольных пленных, путем высылки на левый берег разведывательных партий, не увенчались успехом, так как посты и караулы противника были густо расставлены вдоль берега, каждый раз своевременно обнаруживали наше приближение и открывали сильный ружейно-пулеметный огонь.

Произвести высадку удавалось лишь в плавнях, где расположение постов было редкое, но зато развернуться здесь для действий

более крупными единицами (ротами и батальонами) было крайне затруднительно.

Дни 5-го и 6-го августа были целиком использованы для подготовительных работ. Тяжелая и легкая артиллерия 52-й и Латышской дивизий группировалась на позициях севернее Берислава, и руководство ею было передано начальнику артиллерии 52-й дивизии. Днем 6-го августа, на созванном начальником Лат. дивизии совещании комбригов, был детально разработан план переправы через Днепр, представленный комдивом, и лишь в 24 часа того же числа штабами бригад был получен боевой приказ по дивизии о предстоящих действиях частей, с указанием времени начала операций в 3 часа 7-го августа.

Танк, взятый красными войсками в бою с частями Врангеля в 1920 г.

План действий был разработан с большой подробностью. Бригадам были даны следующие задачи.

1-й бригаде сосредоточиться к 3 часам 7-го августа на правом берегу Днепра, в 5 *км* юго-западнее Берислава, и приступить к последовательной переправе у рыбачьих домиков и на $^3/_4$ *км* к северу от них двух полков. Пункты переправы и пути дальнейшего движения обеспечить высылкой двух разведывательных партий, численностью в 60 штыков. По переправе через Днепр, первому полку продолжать дальнейшее движение к реке Конка, с целью выйти к последней в 2 *км* юго-западнее М. Каховки. Второму полку, по высадке, повести наступление вдоль берега по направлению к каховской переправе, войти в связь с частями 2-й бригады, переправляющейся через Днепр у Берислава, и, действуя совместно

с частями последней, обогнуть лиман с севера, после чего повернуть на юг и выйти к реке Конка у М. Каховки. По продвижении вперед переправившихся первых двух полков, перебросить на левый берег третий полк, которому соединиться с первым полком, совместно с ним форсировать р. Конку и затем, обеспечив свой правый фланг, атаковать М. Каховку с юго-запада. Второму полку в то же время вести наступление на М. Каховку с северо-запада. По овладении этим пунктом бригаде стремительным продвижением выйти на линию балки (западнее х. Терны) х. Терны дорога Наталино Каховка (исключительно).

2-й бригаде- к 3 часам 7-го августа сосредоточить два полка в поселке (против Каховской переправы), а один в юго-западной части г. Берислава. Ровно в 3 часа одному полку из поселка и полку, сосредоточенному в юго-западной части Берислава, приступить к переправе через Днепр, с высадкой в $^{1}/_{3}$ *км* юго-западнее и в километре восточнее переправы, обеспечив пункты высадок предварительной высылкой от каждого полка по одной сильной разведывательной партии. По переправе повести стремительное наступление вдоль дороги на М. Каховку, согласовав при этом наступательные действия с частями 1-й бригады. По подходе к р. Конка, одному из полков, после артиллерийской подготовки с правого берега, овладеть гатью, а затем общим наступлением в северо-восточном направлении занять Б. Каховку и выдвинуться на линию Любимовка -Епифанова балка, имея резервный полк в непосредственной близости за продвигающимися частями.

3-й бригаде—оставив один полк в районе Казацкая для охраны Днепра, двумя остальными полками сосредоточиться к 4 часам в километре южнее каховской переправы и по выдвижении частей 1-й и 2-й бригад к реке Конка немедленно переправиться на левый берег Днепра и быть готовой в нужный момент оказать содействие передовым частям, после чего сосредоточиться в Б. Каховке.

Силы противника. На участке Британы Клостендорф (протяжением 25 -30 *км*) действовала 13-я пехотная дивизия, в составе 49-го, 50-го и 51-го полков, при соответствующих батареях, силою до 800 штыков и 80 пулеметов. 52-й Виленский полк переформировывался где-то в тылу, и его прибытие на участок, согласно показаниям перебежчиков, ожидалось со дня на день. Боевой состав этого полка определялся в 400 штыков. Силы белых были вполне достаточны для обороны такой широкой водной преграды, как Днепр, так как переправу можно было выполнить только в 2 3 местах. От Алешек же до Британы была расположена более сильная 34-я дивизия.

Тщательно подготовленная операция дала блестящие результаты. 1-й и 3-й полки около 4 часов 7-го августа высадились в указанных

местах на левом берегу Днепра и, опрокидывая сторожевое охранение противника, быстро продвигались вперед по плавням, при чем

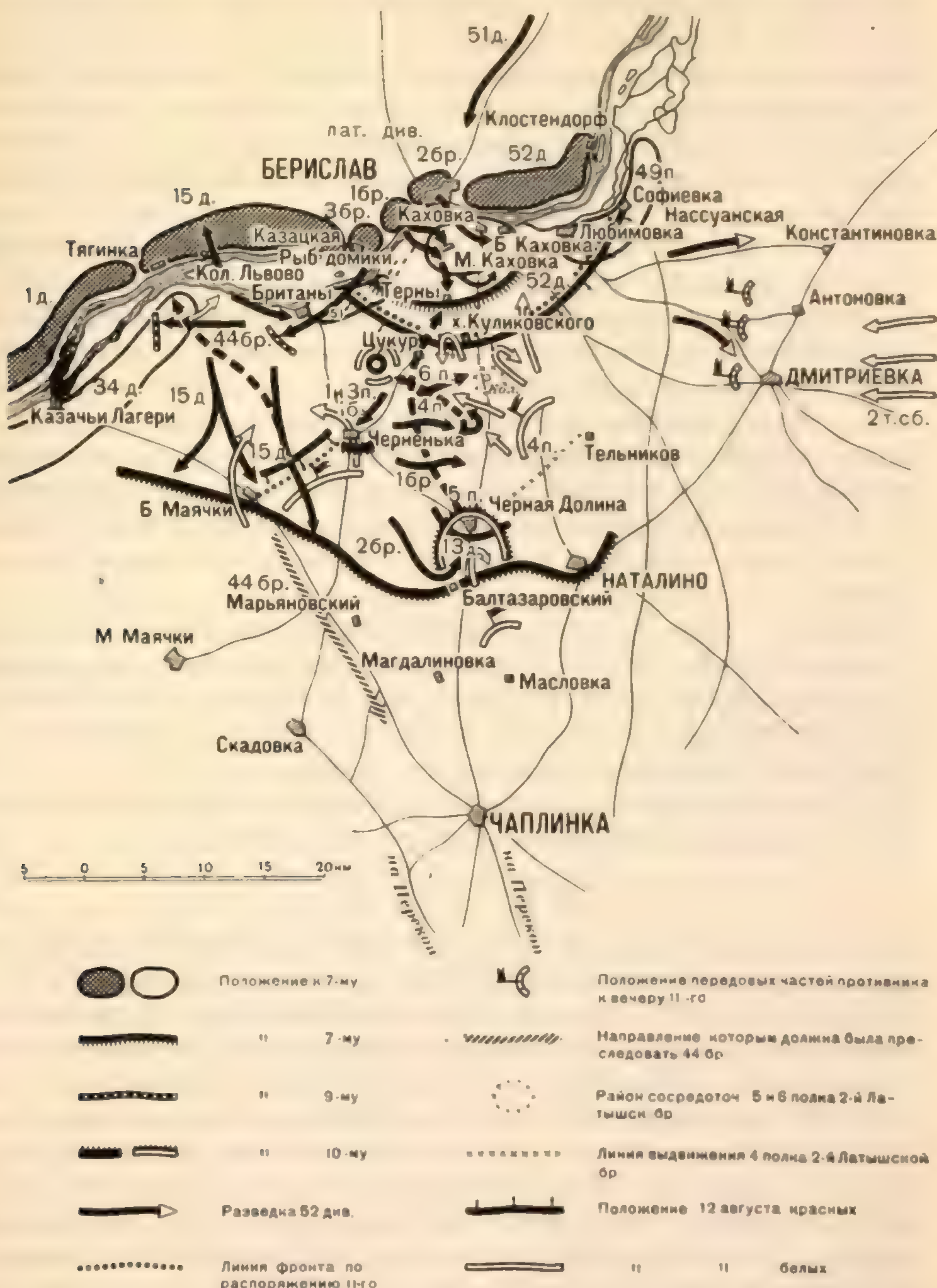

Схема успешного форсирования Днепра Латышской дивизией и боев при ее первом наступлении на юг (5—12 августа).

3-й полк около 9 часов подошел к реке Конка юго-западнее М. Каховка, где вступил в огневой бой с противником, занимавшим этот

пункт. 1-й полк, продвигаясь вдоль берега в сторону каховской переправы, сбил заставы противника, а затем повернул на юг и к 9 часам также подошел к реке Конка у северо-западной окраины М. Каховка. Во время этой операции полками 1-й бригады были захвачены пленные и один исправный пулемет. В дальнейшем двумя резервными полками в 11 час. была занята М. Каховка, а 3-й полк, перейдя р. Конка, продолжал быстро продвигаться вперед в южном направлении. Расстроенные части противника в беспорядке бежали на Черненька.

Попытки 5-го и 6-го полков в 4 часа переправиться через Днепр в районе Б.-Каховского моста: первого—ниже, а второго—выше такового, были своевременно обнаружены противником, открывшим по переправляющимся частям сильный пулеметный огонь, и лишь около 7 часов, когда 1-й полк 1-й бригады, продвигаясь вверх по левому берегу Днепра, сбил сторожевые заставы, передовые части первых высадились на левом берегу Днепра. По сосредоточении на левом берегу 5-й и 6-й полки согласованными и быстрыми действиями сбили упорно обороняющегося противника и к 9 часам выдвинулись к реке Конка, захватив 4 исправных пулемета, одно авто-ружье и пленных.

Около 12 часов 5-й полк, после мощной артиллерийской подготовки Бериславской артиллерийской группы, сбил противника с возвышенностей, тянущихся вдоль левого берега р. Конка, после чего совместно с 6-м полком овладел Б. Каховкой, отбросив разбитые части белых на Любимовку.

К 16 часам приказ по дивизиям был выполнен. Ночные и дневные операции дивизии дали блестящие результаты.

ЗАХВАТ КАХОВСКОГО ПЛАЦДАРМА

Итак, мы видим, что Латышская дивизия форсировала р. Днепр; она же помогла 52-й дивизии захватить намеченные для нее пункты. В течение 8-го и 9-го августа обстановка изменилась и потребовала значительных боевых действий. 15-я дивизия, которая 7-го августа переправилась через Днепр у колонии Львово, не выдержала натиска 34-й дивизии белых и к вечеру отошла обратно, понеся при этом значительные потери. Неуспех 15-й дивизии следует приписать тому, что у нее слабо действовала связь по фронту, что техника переправы была плохо организована и что некоторые пехотные части не проявили достаточной стойкости. Положительной стороной действий 15-й дивизии следует признать то, что она все же сковала своими действиями 34-ю дивизию противника и тем самым облегчила действия на основном Каховском направлении.

Дабы обеспечить захватываемый плацдарм от артиллерийского огня противника и дабы получить возможность организовать и

строить прочные переправы через Днепр, необходимо было расширить захваченную территорию к югу. 52-я и Латышская дивизии получили для этого соответствующие задачи. 52-й дивизии, уже к 7-му августа переброшенной на левый берег Днепра, поручено было повести наступление в южном направлении. Выполнение этой задачи задерживалось упорным сопротивлением противника, стянувшего у большака Каховка—Перекоп главные силы отступившей из-под Каховки 13-й дивизии. 154-я бригада 52-й дивизии топталась на месте и не могла добиться существенных результатов.

В связи с вышеизложенным, для ликвидации противника на флангах Лат. дивизии ставилась задача: 3-й бригаде, совместно с 44-й бригадой 15-й дивизии, занимавшей район Британы, ликвидировать Корсунскую группу 34-й дивизии белых; 1-й бригаде двумя полками в кратчайший срок занять Черненька и выдвинуться южнее этого пункта, а с одним полком ударить во фланг группе противника, действующей в районе большака против 154-й бригады 52-й дивизии. 2-я бригада назначалась в резерв—в х.х. Цукур—Куликовский—Терны.

3-я бригада к утру 9-го августа выдвинулась на линию южнее Британы, став фронтом на юго-запад. 44-я бригада, ободренная прибытием 3-й Латышской бригады, перешла в наступление и выбила из Корсунского монастыря противника, который отступил в южном направлении. 1-й и 3-й полки 1-й бригады к вечеру 9-го августа с боем подошли к Черненька и на рассвете 10-го атаковали и заняли этот пункт. Белые оказывали упорное сопротивление, но, будучи сбиты, в спешном порядке отошли на Б. Маячки. Резервный же полк бригады лихим фланговым ударом разгромил группу 13-й дивизии, действовавшую у большака Чаплинка—Б. Каховка против 52-й дивизии, и захватил при этом пленных и другие трофеи.

Таким образом, хотя продвижение дивизии вперед носило медленный характер, что объясняется, как видно из вышеизложенного, необходимостью оказывать содействие продвижению вперед соседей, но в общем итоге был достигнут крупный успех: силы противника были значительно надломлены и деморализованы; к тому же, для противодействия наступлению на широком фронте их было недостаточно, и они группировались только на главных операционных направлениях. Перед фронтом Латышской и 52-й дивизий эта группировка имела место в районе Черная Долина—х. Балтазаровский, где были стянуты остатки 13-й дивизии, в восточном же направлении разведкой 52-й дивизии, высланной на Дмитриевку—Константиновку, противник нигде не был обнаружен.

В течение 10-го августа продвижение Лат. дивизии в южном направлении продолжалось, при чем 3-я бригада, согласно данной ей задаче,

наступая из района Британы, к вечеру выдвинулась на 8—10 *км* южнее Черненьки. Отдельные группы противника, не приняв боя, отошли под прикрытием кавалерийских разъездов в южном направлении. 2-я бригада, сменившая утром с участка 1-ю бригаду (под Черненькой), наступала в юго-восточном направлении на х. Балтазаровский. 6-й полк к исходу суток подошел к хутору и занял было таковой, но контр-атакой превосходных сил противника, перешедшей в рукопашную схватку, был отбит и в беспорядке отошел в западном направлении. Захваченные пленные подтвердили присутствие в этом районе остатков 13-й дивизии, численностью около 300 бойцов, главным образом — офицеров (6-й полк имел не более 250 бойцов). Несмотря на вероятное численное превосходство, белые ночью очистили хутор и ушли в неизвестном направлении. С занятием 6-м полком этого пункта закончились наступательные действия дивизии. Соседи Лат. дивизии занимали следующее положение: левофланговая бригада 15-й дивизии—хут. Марьяновский, правофланговая бригада 52-й дивизии — Наталино.

Отрицательной стороной нашего выдвижения к югу было то, что ударный кулак растягивался по внешней дуге и что в это время в тылу не хватало сил как для инженерного закрепления Каховского плацдарма, так и для устройства надежных переправ. Вместе с тем, успешное форсирование нашими войсками Днепра и угроза Перекопу вызвали понятную тревогу в рядах белых. Они реагировали обычной своей манерой — быстро перебросили бронированную конницу к угрожаемому направлению, т.-е., в данном случае, к Каховке. Наша воздушная разведка в 10 часов утра 10-го августа сообщила, что она обнаружила движение большой колонны противника общей длиной 15—18 *км* в составе кавалерии, артиллерии и обозов по дороге от д. Веселое (45 *км* с.-з. Мелитополя) на х. Дека. В силу этого командование группы приняло вполне благоразумное решение, которое сводилось к тому, чтобы принять бой около переправ, расстроить ряды белых огнем и затем снова перейти в контр-наступление. В соответствии с этим отдельным дивизиям и ставились задачи. Обращает на себя внимание, что на юге действовавшая там 15-я дивизия получила по приказу выдвинутое положение. Это может быть оправдано тем, что иногда такое выдвинутое вперед положение само по себе составляет угрозу для противника, который пытается осуществлять наступательную операцию на фланге такой выдвинутой дивизии. Итак, прикрывать Каховский плацдарм должны были 52-я и Латышская дивизии, а к югу должна была действовать 15-я дивизия. В тылу латышей и 52-й дивизии на второй линии намечаемых укреплений стали развертываться только-что прибывшие передовые части 51-й дивизии.

К вечеру 11-го августа передовые кавалерийские части противника (корпус Барбовича) появились уже западнее Дмитриевка—Антоновка. Воздушной разведкой было установлено, что в этом районе противником сосредоточивается до 2.000 сабель.

Отданные 12-го августа распоряжения ухудшили положение. Общая обстановка на фронте требовала от войск Каховского плацдарма активности во что бы то ни стало. А между тем, обстановка на участке вовсе не благоприятствовала этой активности.

44-й бригаде 15-й дивизии приказывалось продолжать «преследование» противника в общем направлении на Чаплинка; 2-й Латышской бригаде, оставленной в районе Черненька—Черная Долина для прикрытия отхода остальных двух бригад, сосредоточить два полка в районе 4—5 *км* юго-восточнее х. Куликовского, а один полк выдвинуть на линию Черная Долина—х. Тельников.

Противник готовил нам сильный удар, —мы, в свою очередь, готовились принять этот удар, и не было никакого смысла не только занимать новое, но даже удерживать уже захваченное пространство.

Преследование 44-й бригадой 15-й дивизии противника на Чаплинку являлось ударом впустую, так как в этом направлении противник давно вышел из соприкосновения с нашими частями, и бригада могла иметь дело только с отдельными кавалерийскими разъездами. Дальнейшим продвижением вперед мы только подставляли наши части под удары противника.

Приказ растянуть на 15 *км* один полк в 200 бойцов (2-й Латышской бригады) для обороны, ожидая наступления конницы, также вызывает сомнения.

1-я и 3-я бригады к утру 12-го августа сосредоточились на указанных им позициях и приступили к постройке взводных окопов для стрельбы с колена.

В районе Черная Долина противник с утра 12-го августа начал проявлять некоторую активность. Сосредоточенный здесь 5-й Латышский полк, которому была дана задача прикрывать выдвижение 4-го полка на линию Черная Долина—хут. Тельников, около 9 часов был безрезультатно атакован слабыми кавалерийскими частями, поддержанными одной бронемашиной. Эта боевая разведка противника послужила предупреждением о начале серьезной операции.

4-й полк, выступив из Черненька, около 12 часов достиг района 3-мя *км* южнее с. Каменный Кол (у большака Каховка—Чаплинка и восточнее Черненька), а 6-й полк около того же времени подходил к Каменному Колу. Последний не успел еще развернуться, как был неоднократно атакован кавалерией, численностью до 200 сабель, и одной бронемашиной и оттеснен к хут. Куликовского.

Около 15 часов значительные кавалерийские силы, поддержанные 4 бронемашинами, обрушились вдоль большака на левый фланг

1-й Лат. бригады, но были отбиты. Около 17 часов части 52-й дивизии не выдержали натиска белых и начали отходить к основным позициям. Противник воспользовался образовавшимся разрывом между 52-й дивизией и 2-й Лат. бригадой и бросил туда вдоль западной стороны дороги кавалерию, численностью до 400 сабель, при нескольких бронемашинах; одновременно с этим другая его группа, численностью до 300 сабель, прорвалась между 1-м и 3-м Лат. полками (восточнее дороги Терны—Черненька), но в обоих случаях положение восстановила наша славная артиллерия, которая своим метким беглым огнем «шрапнелью» и «на-удар» внесла расстройство в атакующую конницу, которая скоро показала хвосты.

На участке Каховского плацдарма, если не считать $1^1/_2$-километрового отхода левого фланга 1-й Лат. бригады и отхода местами на основную позицию 52-й дивизии, не имевшего никакого влияния на результаты дальнейшей обороны плацдарма, противник не достиг существенного оперативного успеха, но в общем итоге дневных операций против всей группы он все же мог похвалиться многими тактическими успехами: 5-й Лат. полк, по выдвижении 4-го полка к большаку, как указано выше, снялся с занимаемых им позиций в районе Черная Долина и направился к северу. В 15 часов командир полка услышал, что в районе х. Куликовский идет сильный бой, и по собственной инициативе направился с полком на дорогу Черненька — Терны для следования и сосредоточения в последнем пункте. Командир же 4-го полка не решился брать на себя «такую смелость» и думал слепо выполнять данное ему задание—выдвинуться на линию Тельников — Черная Долина. Это, конечно, ему не удалось, так как по выходе к большаку перед полком скоро появились усиленные кавалерийские разъезды. Около 17 часов противник направил против полка кавалерийскую группу, численностью до 400 сабель при одной батарее, под давлением которой полк начал отходить в северо-западном направлении. Около 19 час. 30 мин., после целого ряда безрезультатных атак, противник окружил левый фланг, а затем— и весь полк. Стрелки стреляли до последней минуты. Отдельные выстрелы из винтовок смолкли лишь тогда, когда под ударом сабли пали бойцы, державшие эти винтовки. После того как остатки полка, численностью около 120—150 человек, сложили оружие, противник произвел «сортировку», т.-е. отделил латышей от русских, загнал первых в кошару (скотский двор), поставив на противоположном конце пулеметы...

Совершив свое гнусное и отвратительное дело, один из офицеров, руководивший расстрелом, скомандовал: «Кто еще жив, вставай!». Тогда из груды трупов поднялись двое уцелевших, которые были палачом «помилованы» и отправлены в Черненька; насколько помнится, один из них опять перебежал к нам. Через некоторое

время, когда дивизия опять гнала врангелевцев на юг, наши части посетили это лобное место. Стены были обрызганы мозгами и уже высохшей кровью павших бойцов.

15-я дивизия подверглась нападению противника и, в результате своего сильно выдвинутого вперед положения, потеряла почти всю материальную часть и громадный процент личного состава. На следующий день (13-го августа) остатки ее переправились через Днепр частью у Корсунского монастыря, а частью—у кол. Львово.

В течение 13-го и 14-го августа противник многократными ожесточенными атаками пехотой и конницей, поддержанными сильным артиллерийским огнем и броневыми автомобилями, пытался прорвать передовую линию окопов, направляя главные удары вдоль большака Чаплинка—Каховка, дороги Черненька—Каховка и берега реки Днепра, но нигде не добился существенного успеха. Оттеснение на $1^1/_2$ *км* 1-й и 3-й бригад и овладение местами 1-й линией окопов не могло компенсировать потраченную энергию и понесенные потери, которые неоспоримо были велики.

Из опроса захваченных пленных было установлено, что командование белых перебросило на Каховский участок сводный кавалерийский корпус Улагая, в составе 1-й кавдивизии Барбовича, 2-й Донской кавалерийской дивизии и кубанских частей невыясненного наименования, общей численностью до 4.500 сабель.

Позиции противника, по отношению к нашим основным, являлись командующими; они позволяли ему производить скрытно перегруппировки и вести беспрерывные атаки на наше расположение. Для нанесения противнику сильного контр-удара и овладения утерянным пространством командующий группой приказал:

51-й дивизии—оставить одну бригаду на основных позициях плацдарма, а двумя бригадами в 13 часов 15-го августа стремительным наступлением захватить позиции у хут. Куликовского;

52-й дивизии—решительным ударом захватить позиции от левого фланга 51-й дивизии до Софиевка-Нассуанская;

Латышской стр. дивизии—захватить свои старые позиции от правого фланга 51-й дивизии до Днепра.

На 51-ю дивизию т. Блюхера, приобревшую громкую боевую славу в борьбе с Колчаком, выпала самая трудная задача—атаковать противника в полосе по обеим сторонам большака Чаплинка—Каховка. Всякий, кто имел возможность наблюдать за ходом наступления частей этой дивизии, не мог не отметить исключительной доблести, проявленной сибиряками-блюхеровцами. Красноармейцы, одетые в красные рубашки, широким фронтом, во весь рост и без перебежек, несмотря на губительный шрапнельный и ружейно-пулеметный огонь, ускоренным аллюром продвигались вперед и с налета

овладели высотой у хут. Куликовского. Противник, ошеломленный упорством и стремительностью красных, отступил, но затем, введя последовательно в бой ближайшие резервы, старался ценою тягчайших потерь восстановить положение. Высота переходила из рук в руки по нескольку раз, но в конечном счете она с наступлением темноты осталась за 51-й дивизией. Бой затих. Обе стороны были значительно утомлены и имели большие потери. По случайному совпадению обе стороны оценили друг друга в одинаковой мере и, не желая впредь, до более благоприятного момента, вступать опять в бой, ночью отошли: 51-я дивизия—на основную позицию, белые к ближайшим хуторам.

Латышская стр. дивизия, не встречая упорного сопротивления, к вечеру также овладела передовой линией, но, вследствие отхода 51-й дивизии, загнула свой левый фланг на 3 версты к югу.

Противник потерял зря дорогое время. Значительные силы, снятые с Мелитопольского направления для ликвидации «Каховки», уже 5 суток безрезультатно пытались прорваться к Днепру у Каховки. Успех, достигнутый им против 15-й дивизии, не мог иметь никакого влияния на успешность обороны нами Каховского тет-де-пона (предмостного укрепления). А между тем, левобережная группа 13-й армии также перешла к активным действиям и нанесла противнику ряд частичных поражений. Опасаясь за судьбу Мелитопольского направления, командование белых 17-го августа сняло с Каховского участка значительную часть своей кавалерии и перебросило ее опять на восток. Так, в течение 17—18-го августа авиаразведкой было установлено движение из района Черная Долина в юго-восточном направлении крупных кавалерийских частей.

В результате боев Каховский плацдарм был окончательно закреплен за нами, и можно было приступить к его инженерному оборудованию. Были сосредоточены большие инженерные силы и соответствующие материалы. Укрепления были построены в 2 линии. Фланги оборонительных полос упирались в реку, и местечко Каховка было в центре этой дуги. Особенно тщательно была разработана артиллерийская оборона. Вся местность была разбита на секторы, были изучены все артиллерийские позиции, все позиции перенумерованы. Связь была специальная для пехоты и специальная для артиллерии. Были приняты самые тщательные меры по противотанковой обороне. Все это вместе взятое создало довольно крепкую укрепленную позицию. Бойцы чувствовали себя увереннее за укреплениями. Противник ничего с этой позицией поделать не мог, ибо находившаяся против Каховки пехота была мало активна, а ударная конница Врангеля была бессильна против укреплений.

ВТОРОЕ НАСТУПЛЕНИЕ НА ЮГ

Противник не только перевел свои войска с Каховского направления на Мелитопольское, но и был сильно озабочен изысканием сил для осуществления десантов на Кавказе. Поэтому нельзя было ни в коем случае дать ему возможность беспрепятственно снимать силы с Каховки. Обстановка потребовала новых решительных действий. 20-го августа 51-я дивизия получает задачу перейти в решительное наступление вдоль большой дороги Каховка—Мелитополь. 52-я дивизия должна была действовать в ю.-в. направлении и занять Наталино. Латыши должны были действовать в южном, ю.-з. направлении с целью выдвинуться на линию Б. Маячки—Балтазаровский. Вся операция была рассчитана на то, что она будет увязана с действием основной левобережной группы 13-й армии и, в конечном счете, приведет нас опять к Крымским перешейкам.

Части Латышской дивизии, перейдя в 14 часов 20-го августа в общее наступление и преодолевая повсюду сопротивление противника, к вечеру этого дня выдвинулись: 3-я бригада — к западу от Британы, став фронтом на юго-запад, 2-я бригада — на 2 *км* южнее Черненька; 1-я бригада составляла дивизионный резерв и сосредоточилась в х. Цукур (см. схему на стр. 328).

Дальнейшее продвижение вперед утром 21-го августа было приостановлено контр-наступлением противника, который к 11 часам стянул в район Черненька до 300 штыков, 250 сабель и до 12 орудий и после сильного артиллерийского обстрела атаковал 5-й и 6-й полки, занимавшие позиции южнее Черненька, и левый фланг 8-го полка, занимавшего участок юго-западнее этого пункта. Нащупав более слабые места 5-го и 6-го полков и пользуясь разрывом между этими полками, атакующие части белых, в результате двухчасового боя, одержали некоторый успех: 5-й и 6-й полки отошли на 3 *км* севернее Черненька, а 8-й полк—на 3 *км* северо-восточнее деревни. Организованный 2-й бригадой встречный удар не получил надлежащего развития из-за крайней усталости стрелков и наступившей темноты.

Дальнейшие действия дивизии, поскольку 51-я продолжала быстро продвигаться вперед в восточном направлении, могли иметь также наступательный характер. Против нас продолжал действовать 2-й корпус в составе 34-й и 13-й пех. дивизий и 8-го кав. полка. Противная сторона имела большое превосходство по количеству действовавших пулеметов, орудий и конницы, что выявилось в полной мере в боях последующих дней, когда наше продвижение вперед хотя и продолжалось, но медленно и с большими потерями в личном составе.

22-го августа 3-я бригада, передав свой участок в районе Британы 44-й бригаде 15-й дивизии, перешла в наступление на Б. Маячки и заняла этот пункт, а также дер. Марьевку. 2-я бригада, после

упорного боя, овладела Черненькой и, неся большие потери, заняла ряд командующих возвышенностей в 6—8 *км* южнее последнего

Схема боевых действий Латышской стрелковой дивизии при втором наступлении на юг (с 20/VIII по 1/IX).

пункта. 1-я бригада продвигалась в общем направлении на хут. Балтазаровский.

В дальнейшем, в период времени с 23-го по 30-е августа, на всем участке Лат. дивизии, от Масловки до Белоцерковки, шли беспрерывные ожесточенные бои. Противник, пополнив значительно свои части маршевыми ротами из частей Бредова и имея большой перевес в артиллерии, оказывал нашему продвижению в южном направлении сильнейшее сопротивление. За эти дни пункты Белоцерковка, Скадовка, Александровка, Масловка переходили из рук в руки по нескольку раз. Полки отвоевывали каждую пядь земли ценою крови и величайших усилий и продвигались вперед крайне медленно, неся при этом тяжелые потери, особенно велики были потери среди командного состава. Особенно тяжелую потерю Лат. дивизия понесла в лице убитого 29-го августа командира 2-го полка т. Лациса. Был также серьезно ранен в ногу во время личного руководства операциями 5-го и 6-го полков командир 2-й бригады т Лабренц. Дивизия, за отсутствием кавалерии, продвигалась вперед исключительно лобовыми ударами, что не могло дать ощутительных результатов: не обладая численным превосходством ни в живой силе, ни в огне, наши атаки рано или поздно должны были захлебнуться.

Продвижение в южном направлении достигло своего предела, и к вечеру 29-го августа, в результате геройских усилий, частями 3-й бригады с приданным ей 4-м Лат. полком (последний был вновь сформирован из прибывшего пополнения и находившихся при обозе по разным причинам старых стрелков) была занята Скадовка и Александровка, а части 1-й и 2-й бригад выдвинулись на одну с ней линию к востоку. Но достигнутое с такими исключительными трудностями пришлось снова вернуть врагу.

30-го августа противник сбил части 44-й бригады, занимавшие район Белоцерковка, занял Б. Маячки, а затем, развивая достигнутый успех, бросил 8-й кавполк при 3-х орудиях в тыл дивизии и к 16 часам того же числа занял Черненька. Штаб дивизии и тыловые части (обозы 1-го разряда и санлетучки) успели уехать за несколько минут до занятия деревни противником. Последний устроил-было погоню, но «обозники» оказались на высоте своего положения, и конница белых оказалась бессильной их догнать. Одновременно с этим, около 11 часов того же числа, группа противника, силою до 350 штыков и сабель, с тремя бронемашинами и одним танком, в районе Масловка атаковала левый фланг дивизии (5-й и 6-й полки) и оттеснила его к х. Балтазаровский, но эта обходная группа, в свою очередь, была атакована со стороны Наталино частями 52-й дивизии и отброшена обратно на Масловку. В связи с создавшимся положением, 44-я бригада 15-й дивизии и 3-я Лат. бригада к вечеру 30-го августа отошли в район хут. Балтазаровский—Черная Долина.

Для ликвидации противника и восстановления положения 5-й и 6-й полки, два эскадрона Латышского кавалерийского полка и

24-й автоброневой отряд были объединены под начальством командира 2-й Лат. бригады, т. Туппе и к исходу суток 30-го августа сосредоточились в 8-10 *км* севернее Черная Долина, с задачей на рассвете 31-го августа овладеть Черненька и продолжать дальнейшее наступление в южном направлении на Белоцерковку, захватив своим правым флангом Б. Маячки. 1-я бригада, продолжавшая оставаться в районе Черная Долина—х. Балтазаровский, подлежала к вечеру 30-го августа смене 3-й бригадой, с задачей после смены к утру 31-го августа сосредоточиться в районе дороги Черная Долина—Черненька и в 3-4 *км* юго-восточнее последней. По занятии сводным отрядом Черненька, бригада должна была, согласовав свои действия с действиями первого, наступать в общем направлении на Марьяновский—Магдалиновка. 3-я бригада, в свою очередь, 31-го августа должна была быть сменена частями 15-й дивизии и сосредоточиться в с. Черная Долина и, по выдвижении 1-й и 2-й бригад на указанную им линию, перейти в Марьевку.

Необходимо одновременно осветить те причины, которые заставили противника, рискуя многим, перейти к активным действиям на Каховском направлении (см. сх. на стр. 313). Левобережная группа 13-й армии перешла в решительное наступление, заняв Б. Токмак, а 2-й конной армии, прорвавшейся через расположение противника в районе Васильевка, было приказано 29-го августа овладеть районом Гавриловки и соединиться с частями 51-й дивизии, достигшими к вечеру 28-го августа линии В. и Н. Серогозы—Ивановка и продолжавшими с упорными боями продвигаться вперед в восточном направлении. Соединение 51-й дивизии со 2-й конной армией могло повлечь за собой оставление противником всей захваченной территории севернее Крыма. Поэтому противник принимал все меры к тому, чтобы этого не допустить. Для борьбы со 2-й конной армией и в целях воспрепятствовать последней соединиться с 51-й дивизией, Врангель выделил значительную кавалерийскую группу. Но на ряду с этим, чтобы приковать наше внимание на Каховском направлении и чтобы не дать нам возможности снять с этого участка новые части, необходимо было потревожить «красных» и здесь. Этот толчок и был дан нам 30-го августа, к ликвидации последствий которого части Лат. дивизии и приступили 31-го августа (см. схему на стр. 328).

5-й и 6-й полки около 10 часов, после короткой перестрелки с кавалерийскими разъездами, заняли Черненька, а затем, продолжая дальнейшее наступление, к вечеру выдвинулись юго-западнее Б. Маячки, а 1-я бригада, ведя сильный бой, с наступлением темноты остановилась в 2 *км* севернее Марьевки и далее в восточном направлении. Во время боев этого дня имел место случай, в который читателю трудно поверить. В то время, как уставшие

части 2-й Лат. бригады своим левым флангом медленно и нерешительно продвигались вперед вдоль дороги Черненька М. Маячки, командир 2-го легкого артиллерийского дивизиона, с наступлением сумерек, с 15 конными разведчиками ворвался в Б. Маячки, произвел среди белых панику и суматоху, захватил одно орудие «Гочкиса» и 3 пленных, при чем много белых было порублено, после чего вернулся в наше расположение. Когда же к деревне подошли пехотные части, то противника там уже не оказалось,- около 200 сабель его ушли в южном направлении. В течение 1-го сентября белые по всему участку Латышской дивизии произвели ряд контратак и, пользуясь широко своей кавалерией и действуя охватами и обходами, оттеснили части 1-й и 2-й бригад к Черненька. Одновременно слабые части 44-й бригады 15-й дивизии, действовавшие в районе хут. Балтазаровский, были оттеснены к Черной Долине.

СНОВА НА КАХОВСКИХ ПОЗИЦИЯХ.

В результате сентябрьских боев 52-я, 51-я дивизии и кавалерийская группа тов. Саблина, под давлением превосходных сил противника, отходили из района Серогозы к Каховке. Вторая конная армия не успела оперативно соединиться с этими частями и также отходила. Каховские укрепленные позиции приняли опять к себе отходившие части. Большинство частей дивизий были утомлены, но тем не менее сохранили боеспособность.

День 2-го сентября прошел спокойно; противник продолжал подтягивать свои силы к каховским укреплениям. 5-го сентября он набрасывается на эти укрепления и при помощи танков пытается прорвать их. 15-я дивизия не только отбивает атаки Корниловского полка, лучшей части Врангеля, но и захватывает при этом два танка.

В середине октября- новая атака каховских укреплений с большим количеством танков. Однако наша пехота спокойно пропустила танки через свои ряды, а затем обрушилась на пехоту противника. Оставшиеся без прикрытия танки стали легкой добычей нашей артиллерии. Неудача прорыва каховских укреплений заставила Врангеля искать успеха в районе Никополя, куда он бросает конницу генерала Бабиева, которая в результате трехдневных операций гибнет. Неуспехом атаки каховских укреплений и Никопольской операции определяется начало гибели Врангеля; реорганизация Южного фронта, прибытие т. Фрунзе довершают разгром Врангеля. Таким образом, мы видим, что в общем ходе операций по разгрому Врангеля боевые действия на Каховском плацдарме сыграли немаловажную роль.

Прежде всего, в качестве заключения, мы отметим чрезвычайную активность наших действий на Каховке. Несмотря на всю соблазнительность отсиживания за укреплениями, мы видим со стороны

красного командования стремление активными действиями способствовать общему положению красного фронта.

Во-вторых, следует отметить умение как возводить укрепления, так и оборонять их, проявленное красными бойцами. Такого опыта у них до того времени не было, и это весьма характерно для эволюции боеспособности нашей Красной армии за время гражданской войны. Это умение обращаться с укрепленными позициями скоро пригодилось,—когда пришлось атаковать Крымские укрепленные перешейки.

В-третьих, мы отметили рост технической мощи Красной армии за этот период. Мы видим на Каховке тяжелые калибры, тщательно разработанную артиллерийскую и инженерную оборону,—перед нами факт образования огневой бригады и множество других примеров технического совершенствования красноармейских частей.

В-четвертых, все эти операции полны отдельными эпизодами отлично-организованных активных налетов и набегов, которые так удачно сочетались с борьбой на укрепленных позициях и которые так отличны от позиционной войны в эпоху мировой войны.

С этой точки зрения операции на Каховском плацдарме заслуживают самого глубокого и пристального изучения.

И, наконец, эти боевые действия на Каховском плацдарме доказывают, что правильная стратегическая мысль приведет в конце концов к победе, несмотря на временные тактические и оперативные неудачи. Каховский плацдарм был тем стратегическим клином, который красные то и дело вгоняли в спину Врангеля; Каховка же, в конечном итоге, послужила исходным плацдармом для той ударной группы войск тов. Фрунзе, с помощью которой он окончательно разгромил Врангеля. Вот почему упорное удержание нами Каховского плацдарма в течение лета и осени 1920 г. является одним из крупнейших стратегических событий нашей гражданской войны.

ГЕРМАНОВИЧ

НАЛЕТ НА ТЮП-ДЖАНКОЙ

ВЕСНЕ 1920 года Деникинская армия была разбита, но не окончательно ликвидирована; ее остатки, с занятием Красной армией Донбасса и района Мелитополя, бежали по трем направлениям: часть —по правому берегу Днепра в район Одессы, часть —на Кавказ и часть — в Крым. В Крымском направлении, о котором здесь главным образом будет итти речь, отступала группа Слащева, состоявшая из 5 дивизий. На этом направлении нами была оставлена 46-я стрелковая дивизия (Эйдеман) и 8-я кавалерийская дивизия Червонного казачества (Примаков), которые к 23-му января 1920 г. овладели Перекопом и Геническом. Таким образом, на Крымском направлении получился явно численный перевес на стороне противника. Но и этих частей было бы достаточно для окончательного разгрома потерявших боеспособность частей группы генерала Слащева. Однако, исключительно суровая погода конца января и начала февраля 1920 года не позволила завершить операцию стремительными преследованиями, а это дало возможность группе генерала Слащева укрыться на Крымском полуострове за естественными препятствиями с узкими проходами, на которых заблаговременно были возведены укрепления.

На перешейках завязались упорные бои за обладание укрепленной позицией противника, не давшие положительных для нас результатов вследствие крайне тяжелых условий борьбы на узких проходах при необходимости действовать только на суше и притом с флангами, открытыми для действия судовой артиллерии противника. Несмотря, однако, на все препятствия, 136-я и 137-я стр. бригады 46-й стр. дивизии и 8-я кавалерийская дивизия Червонного казачества все же оттеснили противника на Перекопском направлении на Юшунские укрепленные позиции, а 138-я стр. бригада 46-й стр. дивизии, имевшая отдельный участок с непосредственным подчинением

13-й армии, на Чонгарском направлении, после нескольких повторных атак, сломила Сальковские укрепленные позиции и овладела Чонгарским полуостровом.

Февраль месяц с нашей стороны прошел в попытках прорваться в Крым. Окрепший противник, в свою очередь, неоднократно пытался потеснить нас на север. Как с той, так и с другой стороны эти попытки не увенчались окончательным успехом, хотя при одной из вылазок во второй половине февраля на Перекопском направлении противнику удалось нанести основательный удар 136-й и 137-й бригадам 46-й стр. дивизии, которые впоследствии командование 13-й армии вынуждено было перебросить на более пассивный участок — на Чонгарское направление для смены частей 138-й стр. бригады (Германовича). К числу наиболее удачных вылазок этого периода с нашей стороны нужно отнести налет 413-го стр. полка 138-й бригады на Тюп-Джанкой.

На Чонгарском направлении со стороны противника действовали части 34-й пехотной дивизии, которые располагались, примерно, в следующем порядке: в районе Тюп-Джанкой—133-й Симферопольский, 134-й Феодосийский полки, 34-я артиллерийская бригада и 1-й отдельный тяжелый артиллерийский дивизион 2-орудийного состава; непосредственно вдоль железной дороги Мелитополь — Симферополь, в районе станции Таганаш — 136-й Таганрогский полк, бронепоезда «Генерал Корнилов», «Волк» и др., 5-я отдельная инженерная рота, Симферопольский отдельный кавалерийский дивизион с конной артиллерией и левее —135-й Керчь-Еникальский полк (см. схему на стр. 337). Полки, в среднем, заключали 300—350 штыков, 34-я артиллерийская бригада — 21 орудие, Симферопольский кавалерийский дивизион — 150 сабель, 5-я отд. инженерная рота—150 человек.

На том же направлении с нашей стороны действовала 138-я стр. бригада 46-й стр. дивизии, 412-й, 413-й и 414-й полки, 3-й артиллерийский дивизион, 20-й полк 3-й стр. дивизии, отдельная Орловская кавалерийская бригада и бронепоезда «Гром», «Червонный Казак», «Углекоп», «Советская Россия».

Отдельная Орловская кавалерийская бригада располагалась в деревнях: Ново-Дмитриевка, Ново-Михайловка, наблюдая за берегом Сиваша от названных деревень до дер. Громовка включительно; 412-й стр. полк занимал участок на Чонгарском полуострове от высоты 11,4—железная дорога Мелитополь — Симферополь, оба пункта включительно; 414-й полк — от жел. дороги влево до Чонгарского моста включительно; 413-й стр. полк — в резерве, на хуторах у Южного озера и группы соляных озер, что в 8 *км* сев.-восточнее ст. Чонгар; 20-й стр. полк 3-й стр. дивизии занимал участок Геническ включительно по лиману до озера Молочное. В общем, бригада,

с приданными частями, занимала участок протяжением около 150 *км*. Стрелковые полки заключали, в среднем, 400—450 штыков, 30 пулеметов; Орловская отдельная кавалерийская бригада—250—300 сабель.

В конце февраля месяца по указанной выше причине командарм 13-й приказал комдиву 46-й стр. произвести перегруппировку: 136-й и 137-й стр. бригадами сменить 138-ю стр. бригаду и приданные ей части; 138-ю стр. бригаду перебросить под Перекоп, отдельную Орловскую кавалерийскую бригаду перебросить туда же на усиление 8-й кавдивизии; 20-й стр. полк 3-й стр. дивизии отправить на присоединение к своей дивизии.

23-го февраля 136-я и 137-я стр. бригады прибыли для смены. 136-я стр. бригада без всяких затруднений сменила 20-й стр. полк

Гнилое море (Сиваш).

и заняла его участок; 137-я стр. бригада приступила к смене 412-го и 414-го стр. полков на Чонгарском полуострове. Естественно, что в условиях, сложившихся в то время на Крымском направлении, противник быстро обнаружил нашу перегруппировку и решил всячески препятствовать ей. В момент смены части его перешли в наступление, вследствие чего 412-й и 414-й стр. полки совместно с частями 137-й стр. бригады вынуждены были отбивать наступление противника.

414-й стр. полк, отбив в течение дня несколько атак противника, сменился и выступил по маршруту: ст. Чонгар—ст. Сальково—дер. Ново-Дмитриевка—дер. Ново-Михайловка, для следования под Перекоп; 412-му стр. полку в течение дня смениться не удалось. Такое положение продолжалось в течение двух дней, чем

задерживалось выполнение приказа о перегруппировке, при чем было очевидно, что при активных действиях со стороны противника сменить 412-й стр. полк не удастся, так как 137-я стр. бригада, достаточно деморализованная предыдущими боями и к тому же малочисленная, удержать численно превосходного противника не могла. Обстановка под Перекопом требовала скорейшего прибытия сохранившей боеспособность 138-й бригады, так как одной 8-й кавалериской дивизии на Перекопском направлении было безусловно недостаточно.

Перед комбригом 138-й стр. встал вопрос, каким образом выполнить приказ. Обстановка подсказывала, что необходимо, в свою очередь, нанести удар противнику и после этого произвести смену. Но соотношение и группировка сил складывались не в нашу пользу; противник численно превосходил нас, и, кроме того, 414-й стр. полк успел войти в район дер. Ново-Дмитриевка—Ново-Михайловка, и, таким образом, пришлось бы возвращать его на 25—30 *км* обратно, т.-е. еще потерять лишнее время. Поэтому комбриг 138-й стр. решил, выбрав удобный момент, произвести налет 413-м стр. полком на главную группу противника, внести сумятицу и, воспользовавшись ею, сменить 412-й стр. полк.

С утра 25-го февраля 133-й Симферопольский и 134-й Феодосийский пех. полки противника, при поддержке артиллерии и бронепоездов, переправились по льду у Чонгарского моста и опять перешли в наступление на части 137-й стр. бригады, которые начали отступать. Комбриг 138-й приказал 412-му стр. полку отбросить противника за Сиваш. Бой продолжался в течение всего дня. Несмотря на крайне тяжелое положение, 412-й стр. полк выдержал бой с превосходными силами противника и к вечеру отбросил его за Сиваш, захватив пленных и пулеметы. Наступление противника 25-го февраля подтверждало предположение комбрига 138-й о том, что произвести смену, не поговорив с противником пушками и пулеметами, не удастся. Поэтому с утра 25-го февраля комбриг 138-й решил, во что бы то ни стало, сдерживая противника 412-м стр. полком, частями 137-й стр. бригады и бронепоездами, подготовить в течение дня 413-й стр. полк к налету.

Предназначенный для производства налета того, 413-й стр. полк представлял из себя отлично спаянную часть. Основное красноармейское ядро составляли мариупольские рабочие. Красноармейцы полностью доверяли комполитсоставу, и в особенности комполка тов. Апатову, который отличался большой храбростью.

Погода создавала обстановку, способствующую успеху предполагаемых действий. Сиваш замерз настолько, что лед поднимал артиллерию,—это небывалый случай на протяжении десятков лет. Однако, замерзание Гнилого моря,—не сплошное, а с частыми большими отдушинами,—требовало самого внимательного отношения

к подготовке операции. Поэтому с утра 25-го февраля 413 стр. полку было приказано произвести разведку, подтянув достаточное количество перевозочных средств, так как передвижение намечалось на санях, вследствие того, что расстояние к намеченному пункту налета от полка было около 18 *км*.

К вечеру обстановка еще более сложилась в нашу пользу. Противник дневным боем измотался; это говорило за то, что бли-

Схема налета на Тюп-Джанкой. 26-го февраля 1920 г.

тельность его ночью безусловно будет ослаблена. Учитывая все это, комбриг 138-й отдал приказ следующего содержания:

> «Командиру 413-го полка в ночь с 25-го на 26-е февраля, под покровом темноты, пройти незаметно по льду между Тюп-Джанкоем и островом Каянлы, выйти на Крымский полуостров, ударить с юго-востока и юга на Тюп-Джанкой и захватить противника, расположенного на этом перешейке. Для проведения этой операции комбригу кавбригады выделить в распоряжение комполка 413-го кав. эскадрон».

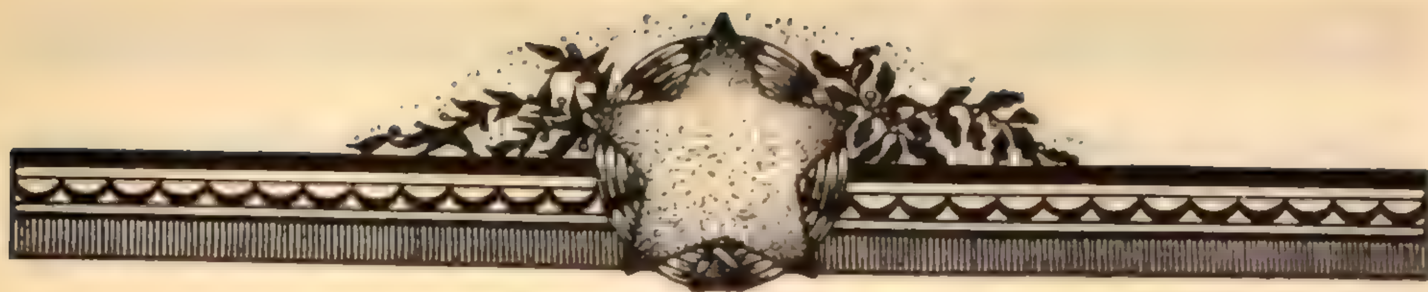
Для непосредственного руководства комбриг 138-й выехал сначала в штаб 413-го стр. полка, а после выступлении полка — к передовым частям, в район Чонгарского моста. Связь поддерживалась исключительно конными ординарцами. В течение дня в полку была произведена соответствующая подготовка: подробно разъяснена обстановка, играл оркестр и пр. К вечеру были объявлены результаты боя 412-го стр. полка и подтянуты сани полкового обоза.

Настроение полка было бодрое. В 21 час полк, в составе 250 штыков и 120 сабель, выступил для выполнения приказа. До пункта налета полк двигался 7 часов. В 4 часа утра, 26-го февраля полк вышел на берег Крымского полуострова, южнее хутора Тюп-Джанкой, принял боевой порядок и без выстрела и шума атаковал с южной стороны указанный хутор, где были расположены главные силы противника.

Как и следовало ожидать, находившийся там гарнизон, кроме дежурных частей, после дневного боя спал. Поднялась паника и бегство. Одна батарея дала 3 выстрела. Ружейную стрельбу не успели открыть даже дежурные часовые. В общем, «спасался—кто мог». Большинство сдавалось. В этой беготне большую роль по вылавливанию бегущих сыграл приданный кав. эскадрон. Артиллерия осталась на занятой ею позиции. Не успели бежать даже ездовые. Таким образом, переловив что удалось, полк собрал 1.200 пленных 133-го Симферопольского и 134-го Феодосийского пех. полков противника, в том числе офицеров и санитарные учреждения, 34-ю артиллерийскую бригаду в числе 18 орудий и отдельный тяжелый артиллерийский дивизион с полной запряжкой.

В 7 часов с захваченной добычей, без всяких попыток к контрдействиям со стороны противника, 413-й стр. полк выступил обратно. В 9 часов полк благополучно доставил все захваченное в наше распоряжение, кроме двух орудий тяжелого дивизиона, которые провалились в Сиваш. С нашей стороны никаких потерь не было, кроме случайно убитого помощника командира т. Ленского. Использовать достигнутый успех не представилось, однако, возможным по причине разбросанности частей, а имевшийся непосредственно на фронте один 412-й стр. полк был слишком переутомлен предшествующим дневным боем. Но этот налет дал возможность 138-й стр. бригаде без всяких затруднений сняться с участка и выполнить приказ о перегруппировке.

В. ТРИАНДАФИЛЛОВ

ПЕРЕКОПСКАЯ ОПЕРАЦИЯ КРАСНОЙ АРМИИ

(ТАКТИЧЕСКИЙ ЭТЮД)

ЕРЕКОПСКАЯ операция Красной армии нашла в печати довольно широкое освещение. Из всех боев, которые вела Красная армия в годы гражданской войны, бои за Перекопский перешеек описаны с наибольшей полнотой и с наибольшей объективностью. В этом очерке мы не будем долго останавливаться на деталях боя. Мы сосредоточим свое внимание на рассмотрении Перекопской операции с точки зрения общевойскового боя.

ОРГАНИЗАЦИЯ ВОЙСК

С момента организации Красная армия ко времени Перекопских боев пережила длительную эволюцию организационных форм, штатного состава людей и огневых средств в различных войсковых соединениях.

Под влиянием некомплекта и разного рода недостатков в снабжении, а также необходимости большей подвижности в условиях гражданской войны, штаты постепенно сокращались, и в 1920 году дивизии Красной армии доходили до 5, 9, 10, редко до 15-тысячной численности, имея до 120—150 станковых пулеметов и 22—28 орудий. В этих дивизиях число пулеметов было совершенно достаточным — вместо 3 пулеметов на 1.000 бойцов (организация 1917 г.) мы получили 12—15 и даже до 20 пулеметов на 1.000 бойцов. Но артиллерия была слаба (2—3 орудия на 1.000 бойцов, как и в 1917 г.). Принимая во внимание сильное насыщение пехоты пулеметами, теперь надо было иметь минимум 40—48 орудий на дивизию. В 1917 г. на одно орудие приходился 1 пулемет; в 1920 г. в наших

дивизиях на каждое орудие приходилось от 5 до 8 пулеметов. Это означало, что при лобовых столкновениях с хорошо оборонявшимся противником наступательные возможности наших дивизий должны сразу падать.

Этим, главным образом, и объясняются неудача большинства лобовых атак и медленный темп продвижения в наступательном бою. Только характер фронта—его прерывчатость, дыроватость—давал возможность нашим дивизиям действиями на фланги и тыл противника добиваться успеха. В том бою, который мы рассматриваем, трудности нашего наступления увеличивались тем, что мы к этому времени имели перед собой исключительно пулеметного противника.

Вот состав дивизий противника, оборонявших Перекопский перешеек:

Наименование частей	Штыков и сабель	Пулеметов	Орудий
Сводно-гвардейский пех. полк	400	60	3
13-я пех. дивизия	1.530	75	20
34-я пех. дивизия	750	44	25
Корниловская дивизия	1.960	42	23
Дроздовская дивизия	3.260	150	36
Марковская дивизия	1.000	96	21

Эта таблица показывает, что в бою под Перекопом мы имели перед собою противника, чрезмерно насыщенного пулеметами. На 1.000 бойцов приходилось до 40—50 пулеметов и 15—20 орудий (в среднем). Это означает, что пехота скорее являлась прикрытием к этому машинному оружию, а не играла самостоятельной роли.

Оборона, поскольку она владела заблаговременно подготовленными позициями, да еще на трудно доступной для наступления местности, имела весьма мощную огневую преграду, но была слаба по своей контр-ударной силе. Эта последняя в некоторой мере компенсировалась наличием значительной конницы (целого конного корпуса ген. Барбовича), расположенной непосредственно за пехотой, как участковый резерв.

Этими данными и предопределялись трудности наступления и в особенности атаки Турецкого вала в лоб.

Для преодоления обороны при таком составе противника требовались большие артиллерийские средства и практические навыки

в тесном взаимодействии между пехотой и артиллерией, навыки в организации и руководстве артиллерийской атакой.

Наши дивизии, как указано выше, такими артиллерийскими средствами не располагали; наш молодой командный состав, к сожалению, не владел необходимыми практическими навыками в организации мощной артиллерийской атаки, тесного взаимодействия между пехотой и артиллерией.

ПЛОТНОСТЬ ФРОНТА

Современные уставы рекомендуют для дивизии при обороне фронт от 4 до 10 *км* при наступлении от 1 до 4 *км*. При наличии в дивизии до 250—280 станковых и легких пулеметов и 36—48 орудий это дает на километр фронта: при обороне – от 25 до 70 легких и станковых пулеметов и от $3^1/_2$ до 12 ор.; при наступлении — от 70 до 280 легких и станковых пулеметов и от 9 до 48 орудий. При наступлении на хорошо организованную оборону следует исходить из приведенных максимальных цифр. Наш артиллерийский устав при атаке заблаговременно организованной обороны требует на каждый километр фронта до 10 трехдюймовых батарей.

В Перекопской операции противник занимал Турецкий вал тремя полками: сводно-гвардейским и 1-м и 4-м Дроздовскими, всей артиллерией Дроздовской дивизии и специальной позиционной артиллерией. Это давало следующую плотность фронта:

Наименование частей	Протяженность	Состав частей			Приходится на 1 *км* фронта		
		штыков	пулем.	орудий	штыков	пулем.	орудий
Восточный фас от Сиваша до Перекопского тракта							
Сводно-гвард. полк	3 *км*	400	60	32	130	20	10
Западный фас от Перекоп. тракта до Адаманского залива							
1-й и 4-й Дрозд. полки	8 *км*	1.200	86	40	125	11	5
Резервы: Участковый—							
2-й и 3-й Дроздовские полки (Арм.)	—	2.600	64	—	—	—	—
Общий							
Корнил. и Марк. див. у Юшуни	—	2.960	138	44	—	—	—
13-я и 14-я п. див. (Карпова балка)	—	2.280	119	45	—	—	—
Кон. корп. Барбовича (у Юшуни)	—	4.590	228	24	—	—	—

Плотность фронта обороны на передовой линии надо считать очень высокой. 11—20 станковых пулеметов и 5—10 орудий на километр фронта при заблаговременно подготовленной позиции, на ровной местности, не имеющей никаких подступов, это почти условия позиционной войны. Оборона была сильна и в более широком смысле: благодаря узкости перешейков Врангелю удалось создать глубину для обороны, эшелонировав достаточные резервы с 1 до 12 тыс. штыков и сабель вплоть до Юшуни. Эти резервы могли прибыть к любому участку боя через 2—3 часа после получения приказа о выступлении.

Красное командование ясно отдавало себе отчет в тех трудностях, с которыми была сопряжена атака Турецкого вала в лоб. Без основательного подавления всей системы обороны на Турецком валу нельзя было и думать об успешной атаке. Конечно, необходимое количество артиллерии можно было собрать за счет других дивизий 6-й армии. Но главные трудности упирались в вопрос о размещении артиллерии на позиции. Местность к северу от Перекопа— настолько ровна и лишена всяких местных предметов, что артиллерию приходилось ставить на открытые и маскированные позиции. Естественно, что в этих условиях приходилось ее слишком оттягивать назад, с тем чтобы не поставить ее под прямой расстрел значительной неприятельской артиллерии, расположенной укрыто за Турецким валом и на хуторах в том же районе. По тем же причинам большие затруднения встречались в организации артиллерийского наблюдения. Кроме того, атака Турецкого вала в лоб требовала подвоза большого количества огнеприпасов, что при условии базирования на ст. Снигиревку (до 50 *км* от района действия войск) требовало много времени. Между тем ждать нельзя было, и командование решило для главной атаки воспользоваться высохшим дном западной части Сиваша, во фланг и тыл Турецкому валу. С фронта направлялся сковывающий удар.

Это решение привело к группировке красных сил, указанной в таблице на стр. 343.

Эта группировка сил давала значительную плотность фронта в живой силе и пулеметах на направлении главного удара. На каждый километр фронта приходилось 6.768 штыков и сабель и 117 пулеметов. На вспомогательном участке эта плотность была несравненно меньше она падала до 775 штыков и сабель на километр фронта. Артиллерийских средств вообще было мало как на направлении главного, так и вспомогательных ударов, — а именно по 12 орудий на главном и 7 орудий на второстепенном.

С точки зрения современных требований, эти артиллерийские средства даже на направлении главного удара считаются недостаточными для успешной атаки. Следовало бы иметь этих средств в два-

Наименование частей	Протяженность фронта	Штыков и сабель	Пулеметов	Орудий	Примечание
Главный удар					
15-я стр. див.	3 *км*	10.544	148	12 [1]	[1]) 15-я и 52-я стрел. див. взяли с собой не всю свою артиллерию.
52-я стр. див.		5.760	129	12	[2]) За счет артиллерии других дивизий 6-й армии.
153-я стр. и отд. кав. бриг. 51-й стр. див.		4.000	73	12	
Всего . . .		20.304	350	36	
Вспомогат. удар					
152-я ударно-огневая бригада 51-й стр. дивизии . .	8 *км*	6.200	137	55 [2]	

три раза больше. Тогда успех считался бы обеспеченным. Но дело в том, что условия высохшего морского дна не позволяли таскать за войсками много артиллерии.

Поэтому недостающую часть артиллерийских средств рассчитывалось возместить внезапностью удара. Тем более, что Литовский полуостров (направление главного удара), как известно было, оборонялся малостойкими частями Кубанской бригады белых.

Такое соотношение сил а) между обороной и наступлениеми б) между живыми и пулеметными средствами наступающего, — с одной стороны, и его артиллерийскими средствами—с другой, уже заранее предрешало упорные и тягучие бои с глубоко эшелонированными резервами обороны.

При этом у обороны оставались большие шансы на успех, так как устойчивость Турецкого вала не вызывала сомнений, а резервов вполне хватало для встречного контр-удара против переправившихся по Сивашу главных сил наступающего. Против наших 20 тыс. штыков и сабель и 36 орудий белые могли сосредоточить до 16 тыс. штыков и сабель и до 50—60 орудий. При условии, что исходное положение резервов позволяло с места направить их для удара на фланги нашей ударной группы, силы противника являлись вполне достаточными, чтобы отбросить эту группу обратно на дно Сиваша. Все дело сводилось к решимости и упорству обеих сторон.

Положение красных осложнялось еще тем, что в организации атаки Турецкого вала было большое противоречие между решением

комдива и группировкой сил 51-й стр. див., атаковавшей этот вал. Дело в том, что комдив 51-й, организуя атаку против Турецкого вала, решил главный удар наносить на правом фланге 152-й стр. бригадой, усиленной одним полком 151-й стр. бригады. Но по распределению сил более плотная группировка оказалась на левом фланге дивизии, на участке ударно-огневой бригады. Однако, и здесь группировка оставалась недостаточной для обеспечения успеха удара.

Следующая таблица характеризует плотность обоих участков атаки:

	Протяженность фронта	Боевой состав частей			Приходится на 1 *км* фронта		
		штыков и сабель	пулем.	орудий	штыков и сабель	пулем.	орудий
Правый участок							
152-я стр. бр. и 453-й стр. полк	8 *км*	4.600	114	37	550	14	4,5
Левый фланг							
Ударно-огневая бригада	3 *км*	2.743	154	18	900	51	6,0

При такой группировке сил, особенно артиллерийских, трудно было рассчитывать на успех в лобовой атаке Турецкого вала. А между тем слабо был обеспечен артиллерийскими средствами успех удара и на направлении Литовского полуострова. Поэтому могло получиться, что атака застопорится на всем фронте армии. Это на самом деле и случилось, что послужило причиной очень нервного характера управления войсками в атаке 8-го ноября.

ТАКТИЧЕСКИЕ ФОРМЫ

Мы приводили выше цифры, характеризующие насыщенность пехоты пулеметами. Эти цифры показывают, что эта насыщенность пулеметами в несколько раз превосходила таковую в период 1917 г. в царской армии и что она очень близка к тем нормам, которые теперь приняты во многих армиях. Это обстоятельство должно было предрешить и соответствующее изменение тактических форм построения пехоты для боя. Тем не менее, Красная армия как во всю гражданскую войну, так и в боях на Перекопском перешейке целиком пользовалась с т а р ы м и тактическими формами.

Многочисленность пулеметов еще сама по себе не решает вопроса о распадении старой цепи и переходе к групповой тактике. Для

последнего необходимо, чтобы, помимо того, что есть пулеметы, была еще и организация, соответствующая расстановке этих пулеметов внутри самой пехоты.

Красная армия (да и армии наших противников), обладая большим количеством пулеметов, продолжала держать их обособленно, исключительно отдельными командами, которые в том или ином количестве во время боя придавались ротам. Пулеметы не входили еще в состав рот и тем более взводов. Поэтому их использование скорее приближалось к методам использования артиллерии, а не к установившимся впоследствии методам использования пулеметов.

Цепь распалась с того времени, как пулемет был включен в состав самого взвода, когда были созданы в составе стрелковых взводов специальные пулеметные отделения. Красная армия такой организации не имела. Поэтому тактические формы ее боевых построений оставались линейными.

Перед Перекопским наступлением штаб 51-й стр. дивизии дал указания своим бригадам о тренировке войск в атаке укрепленных позиций. Эти указания целиком были взяты из старого наставления царской армии об атаке укрепленных позиций. Эти указания требовали построения войск для атаки несколькими волнами (цепями), следующими одна за другой на сближенных дистанциях. Пулеметы пристраивались к этим волнам отдельно и следовали за ними с расчетом подоспеть к тому времени, когда завяжется бой с контратакующими частями противника.

Наследие царской армии, ее опыта в последние годы мировой войны давило и над организацией управления артиллерией во время боя под Перекопом.

В гражданской войне артиллерия вообще, как правило, распределялась по пехотным полкам -этого требовали неимоверно широкие участки наступления. Такое распределение артиллерии по полкам было произведено в 153-й стр. бригаде и теперь. Из 12 орудий, приданных бригаде, 6 ор. были подчинены комполка 458-го, 4 орудия—кавбригаде и 20 орудий—457-му полку. Но при атаке Турецкого вала артиллерия вся была централизована. Дивизия для атаки с фронта располагала: 55 орудиями разных калибров (34—75-*мм* пушки, 7 -122-*мм* гаубиц, 6—152-*мм* гаубиц, 3—105-*мм* пушки и 5—120-*мм* пушек). Вся артиллерия была централизована в рукак начартдива и разбита на 3 группы. Правая и средняя группы в составе 37 орудий (23—75-*мм* пушки, 4 -122-*мм* гаубицы, 3—152-*мм* гауб., 2 -105-*мм* пушки и 5—120-*мм* пушек) должны были поддержать атаку 152-й стр. бр., а левая группа в составе 18 орудий (11 75-*мм* пушек, 3—122-*мм* гауб., 3—152-*мм* гауб. и 1—105-*мм* пушка)- атаку ударно-огневой бригады. Артиллерийские группы были

связаны с пехотой очень слабо из-за отсутствия достаточного количества средств связи. Да и взгляды тогда на связь артиллерии и пехоты были иными. Артиллерия больше ценила связь по своей линии—с начартдивом, чем по горизонтальной линии —с пехотой.

Схема расположения артиллерии, подчиненной начартдиву 51 перед атакой Перекопских позиций противника.

Таким образом, артиллерийских средств атаки вообще было мало и, помимо того, они оказались слабо связанными с пехотой. Это не могло не отразиться как на успехе атаки, так и на самом управлении войсками в ходе атаки.

АТАКА ПЕРЕКОПСКИХ ПОЗИЦИЙ ПРОТИВНИКА

Бой завязался на рассвете 8-го ноября на подступах к Литовскому полуострову. Авангарды 52-й и 15-й стр. див. около 4 часов этого дня подошли незаметно на 1 *км* к Литовскому полуострову, где они были уже обнаружены противником, и ввязались в бой за северные выходы этого полуострова (см. схему на стр. 347).

К 7 часам они преодолели сопротивление Кубанской бригады белых и заняли всю северную часть полуострова. Вслед за ними к полуострову подошли и обходящие части 51-й стр. див. (группа комбрига 153-й), но так как полуостров весь оказался занятым войсками 52-й и 15-й стр. див., то этим частям 51-й див. пришлось наступать вдоль занятого берега полуострова по высохшему морскому дну.

Войска наступали в глубоких строях, имея эшелонированными в дивизиях бригады, в бригадах —полки и в последних—батальоны.

Артиллерия расположилась непосредственно за пехотой на маскированных и частью даже на открытых позициях.

Схема атаки Перекопских позиций противника 7—8 ноября 1920 г.

До 8—9 часов бой шел только на Литовском полуострове, так как сильный туман задержал начало артиллерийской подготовки

против Турецкого вала. Поэтому противник имел возможность направить против нашей главной группировки не только свой резервы, но и часть той артиллерии, которая обнаруживала оборону Турецкого вала. Первыми пришли на помощь Кубанской бригаде 2-й и 3-й Дроздовские полки, стоявшие в Армянске. Они встретили части 153-й стр. бригады контр-атакой у Караджаная. Вслед за этим контратака была проведена частями 13-й и 34-й пех. див. противника против нашей 15-й стр. дивизии. Корниловская и Марковская дивизии и конный корпус Барбовича в этот день в бой введены не были. Контр-атака сначала имела успех. Она привела около 10 часов к поспешному отходу правого фланга 153-й стр. бригады и частей 15-й стр. див., при чем положение на участке 153-й стр. бригады было настолько тяжелым, что комбриг вынужден был обратиться за помощью к соседу слева, к комдиву 52-й стр. дивизии, который направил сюда один из своих полков. 15-я стр. дивизия восстановила свое положение введением в дело собственных резервов.

Кризис боя миновал только около 19 часов, когда силы контратаки противника стихли и наши части сами возобновили дальнейшее наступление. Но продвижение это шло очень медленно. Противник задержал его огнем многочисленных пулеметов, фланговым огнем артиллерии со стороны ф. Щемиловка (от Турецкого вала) и междуозерного пространства (из района действий 34-й и 13-й пех. див. противника). Мы же имели слабую артиллерию, которая, к тому же, не находила себе удовлетворительных позиций. До 18—19 часов бой этот длился на южных выходах из Литовского полуострова, при чем противнику удалось удержать за собой и Караджанай и самые выходы из полуострова.

Ночная темнота положила конец боевым действиям на этом участке, при чем стало ясным, что здесь развязка не настала. В то время как все наши силы были введены в бой, у противника оставались еще большие резервы на юге. Эти резервы в любую минуту могли подойти и с рассветом атаковать наши войска, оказавшиеся на полуострове в тяжелых условиях базирования и связи с материком, тем более, что атака Турецкого вала в этот день кончилась полной неудачей.

Артподготовку атаки вала с рассветом начать не удалось: стоял такой туман, что артиллерия ничего до 8 часов не могла видеть. Около 8 часов начало проясняться, и артиллерия постепенно приступила к выполнению своей задачи, но, так как туман не совсем еще рассеялся, видимость оставалась неважной, и поэтому огонь велся с перерывами и без особых ощутительных результатов. С целью дать артиллерии возможность подготовить атаку последняя была отложена на час. Около 13 часов полки 152-й и ударно-огневой бригад пробовали подойти к проволочным заграждениям противника,

но последний сильным ружейным и пулеметным огнем вынудил их вернуться обратно в свое исходное положение. На участке второго ударно-огневого полка он не дал разведчикам даже подняться из своих окопов. Артподготовку приказано было продолжить еще на один час.

Между тем, как видно из отчета начартдива, около 13 часов на батареях стал чувствоваться недостаток в снарядах. Расчет снарядов был сделан на стрельбу до 12 часов, а пришлось стрелять сначала до 13, а затем до 14 часов.

Турецкий вал, взятый красными войсками 9-го ноября 1920 г.

Подвоз к позициям, как указывалось выше, был невозможен, так как тыл был открыт и противником хорошо наблюдался. Тем не менее артиллерия продолжала стрельбу. В 13 часов 25 минут начдив приказал «комбригам 152 и удогневой одновременно и немедленно атаковать Турецкий вал». В 13 часов 35 минут части 152-й и ударно-огневой бригад перешли в наступление с целью овладеть валом.

Первый батальон и пешая разведка 456-го полка, продвигаясь перебежками, подошли к проволочным заграждениям противника, но здесь были встречены таким губительным огнем, что вынуждены были вернуться обратно в свои окопы. Из 20 человек команды разведчиков в строю осталось только 2 человека. Не удались и попытки ударно-огневой бригады приблизиться к проволочным заграждениям противника. До 22 часов бой здесь принимает характер

борьбы за огневое превосходство, в которой нам не удалось добиться каких-нибудь заметных результатов.

Между тем, в штабах в это время происходила большая горячка.

Так, штарм (Чаплинка) еще в 9 часов 30 мин., когда выяснилось, что наши части уже утвердились на Литовском полуострове, отправил начдиву «записку» за подписью командарма следующего содержания:

«Главные части 15-й див. уже вышли на Литовский полуостров. Ваш удар во фланг и тыл Турецкому валу должен быть самым стремительным. При создавшейся обстановке артподготовка может потребоваться лишь на Юшунских позициях».

Значит, ясно указывалось, что надо немедленно, без артподготовки атаковать вал.

Начдив, как мы видели, в 13 ч. 25 м. приказал 152-й и ударно-огневой бригадам «одновременно и немедленно атаковать Турецкий вал и о ходе атаки доносить каждые 20 минут».

В 18 часов командарм из Чаплинки писал (№ 48 (к), что: «Хотя к противнику и прибыли подкрепления, но вместе с тем отмечено начало отхода противника от Турецкого вала. Начдиву 51 немедленно штурмовать Турецкий вал, а 52 дивизии содействовать обходной группе 51 див. (153 бр.) по овладению Армянском».

Начдив в это время находился в Чаплинке. Через 10 м. (18 час. 20 мин.) он подписывает телеграммы с приказанием комбригам 152-й и ударно-огневой: «Стремительным штурмом во что бы то ни стало овладеть валом. Штурм начать немедленно по получении сего. Начарту группы поддержать штурмующие части артогнем».

В 22 часа 50 мин. начдив подписывает длинный приказ, в котором, подробно рисуя обстановку, приказывает опять «немедленно и одновременно атаковать Турецкий вал и продолжать наступление далее на Армянск и до Юшунских позиций противника». А 153-й бриг., на помощь которой в 17 час. был направлен из див. резерва 451-й полк, ставилась задача энергично наступать для занятия Караджаная и Армянска и удара в тыл Перекопской группе противника.

В 24 часа командующий фронтом тов. Фрунзе из Строгановки запиской без номера на имя командарма указывал: «По сведениям от начдива 15, вода на Сиваше начала прибывать с угрожающей быстротой, а потому основной задачей сегодняшней ночи и завтрашнего дня необходимо поставить немедленную ликвидацию Армяно-Базарской группы противника ударом в тыл ей всей 52, частью 51 и главными силами 15 дивизии».

На эту записку командарм в 3 часа 9-го ноября, подтверждая задачу 51-й дивизии о немедленном штурме Турецкого вала, приказывает всей 52-й и главным силам 15-й див. свернуть на Армянск для удара в тыл Перекопской группе противника.

И, наконец, в 24 часа 8-го ноября военкомдив 51-й (из Чаплинки) запиской на имя военкомбригов приказывал: «Принять все меры к тому, чтобы вал был занят в течение ближайших двух-трех часов. В случае необходимости личного примера влить в части всех коммунистов штабных и тыловых учреждений».

Чтобы дополнить картину, следовало бы привести еще целый ряд разговоров по прямому проводу как начальников, так и сотрудников штабов. Но приведенных распоряжений вполне достаточно,

Штаб Латышской дивизии во время боя под Перекопом 8-го ноября 1920 г.

чтобы судить о характере этих многочисленных разговоров по прямому проводу (по телефону и «лично»).

Все эти приказания, как-то: «немедленно», «во что бы то ни стало», «доносить через каждые 20 минут» свидетельствуют о нервном управлении войсками.

Приказания о «немедленной» атаке в первую голову адресовались комбригам, а начарту ставилась задача поддержать эту атаку огнем, в то время как уже выяснилось, что **атака невозможна именно потому, что пехота атакует раньше, чем достигнуто огневое превосходство.** Огневая оборона противника оставалась нерасстроенной, пехота своими средствами преодолеть этот огонь противника не была в состоянии, а работа артиллерии, принявшая неправильное развитие с утра из-за тумана, так до вечера наладиться и не могла. Повидимому, управление огнем артиллерии сильно хромало и стояло на неправильном пути. Из

документов пока что не удается установить: ставились ли командованием дивизии в связи с изменившейся обстановкой какие-нибудь новые огневые задачи, в силу которых должно были бы сосредоточением нашего огня добиться где-нибудь превосходства, принимались ли самим начартдивом аналогичные решения, или же огонь продолжал вестись машинально каждой батареей по тем целям, кои ей были указаны накануне.

Как бы то ни было, артиллерия, работавшая на фронте против Турецкого вала, своей задачи не выполнила: она не расстроила огневой обороны противника, не разрушила его фортификационных построек, не потушила огня его пулеметов,- одним словом, не подготовила атаки,—в результате чего атака пехоты не удалась.

В 22 часа 152-я и ударно-огневая бригады вновь перешли в наступление. На этот раз в некоторых пунктах удалось преодолеть три ряда проволочных заграждений и подойти вплотную ко рву, но у проволоки, проходившей по наружному скату рва, атака опять приостановилась. Открыв ураганный пулеметный и ружейный огонь, забрасывая наших стрелков ручными гранатами и введя в дело орудия ближнего боя, противнику удалось отбросить наши части с большими потерями. Первый ударный полк потерял при этом 60% своего состава. Был убит командир 455-го полка, выбыл из строя почти весь младший командный состав полков, была подбита наша пушечная бронемашина, подошедшая к проволоке с целью содействовать пехоте, ранен начальник 12-го бронеотряда, контужен начбронесил группы. Атака захлебнулась. Бой опять перешел в огневое состязание и постепенно затих.

От Перекопского залива до Сиваша и далее на подступах к Караджанаю и на южных выходах Литовского полуострова всего в 50, 100, редко в 200, шагах друг против друга остановились оба противника, усталые и измотанные. Ночная темнота совсем прекратила боевые действия, и только изредка дежурные пулеметы и отдельные стрелки на постах продолжали от времени до времени стрелять, чтобы показать, что не все еще спят.

Красное командование собралось на рассвете возобновить атаку на всем фронте. Для того, чтобы ликвидировать Перекопскую пробку противника, предполагалось одновременно со «штурмом» вала повести удар всеми силами главной группировки 6-й армии от Литовского полуострова на Армянск. Все распоряжения по этому решению были сделаны. Но противник оценивал свое положение иначе. Несмотря на наличие еще значительного количества резервов у Юшуни, он не считал возможным продолжать бой под Перекопом и в ночь с 8-го на 9-е ноября поспешно отошел к своим Юшунским

позициям. Его отход красными частями был обнаружен только утром 9-го ноября.

Турецкий вал был взят, но противник все же ушел хотя и надломленным, но не разбитым. Организация боя и, самое главное— группировка артиллерийских средств были таковы, что мы нигде не смогли добиться серьезного пролома в расположении противника, мы не смогли опрокинуть контр-атаку противника и выйти в тыл войсками, оборонявшим вал.

Неимоверными усилиями мы заняли положение, угрожающее тылу Перекопских позиций противника.

Только общим надломом воли противника можно объяснить очищение им Перекопских позиций, но не нашим тактическим успехом.

АТАКА ЮШУНСКИХ ПОЗИЦИЙ

Выдвижение наших дивизий к Юшунским позициям произошло вне соприкосновения с противником. Хотя день был пасмурный и холодный, но дороги были хорошие, и войска, быстро выдвигаясь к югу, около 15 часов подошли к Юшунским позициям противника: 51-я стр. дивизия от Каркинитского залива до озера Красное, 52-я и 15-я стр. дивизии между оз. Красное и Сивашом. При приближении наших частей противник встретил их огнем тяжелой и легкой артиллерии, а потом и ружейно-пулеметным. Попытки наших частей атаковать противника «с налета» успеха не имели. Бой продолжался до темноты, после чего наши части были отведены на километр от проволочного заграждения противника, где и закрепились. Впереди оставлены были охраняющие части (см. схему на стр. 354).

Занималась позиция против 51-й стр. див. отдохнувшими после боев в Северной Таврии Корниловской и Дроздовской дивизиями, а против 52-й и 15-й стр. див.– частями 2-го арм. корпуса. В резерве оставались кон. кор. Барбовича у Карповой Балки и Марковская дивизия у Юшуни. Таким образом, на Юшунском направлении у противника было до 3.000 штыков и сабель, а у Карповой Балки—до 6.000 штыков и сабель. Все части были глубоко эшелонированы. Так, против участка 51-й дивизии противник занимал три линии окопов, имея общий резерв в районе деревни Юшунь. Обнаружено было наличие крупных калибров артиллерии, в том числе две 12-дюймовых пушки на постоянных установках. В те моменты, когда противник, принимая приближение наших разведчиков за начало атаки, открывал артогонь, казалось, что на этом узком участке батарея стоит на батарее. Во всяком случае, здесь находилась артиллерия всего 1-го армейского корпуса: до 57 орудий разных калибров, две-три батареи 8-дм. пушек и одна батарея 12-дм. морских пушек, два бронепоезда, три танка, и, помимо этого,

10-го ноября в Каркинитском заливе появилось до 20 судов противника, начавших обстрел наших частей фланговым огнем с моря. Мне неизвестны артиллерийские средства, которыми противник усилил вторую группу своих войск между озером Красное и Сивашем. Но эта группа была вдвое сильнее Юшунской. Такая группировка противника говорила о том, как и подтвердили последо-

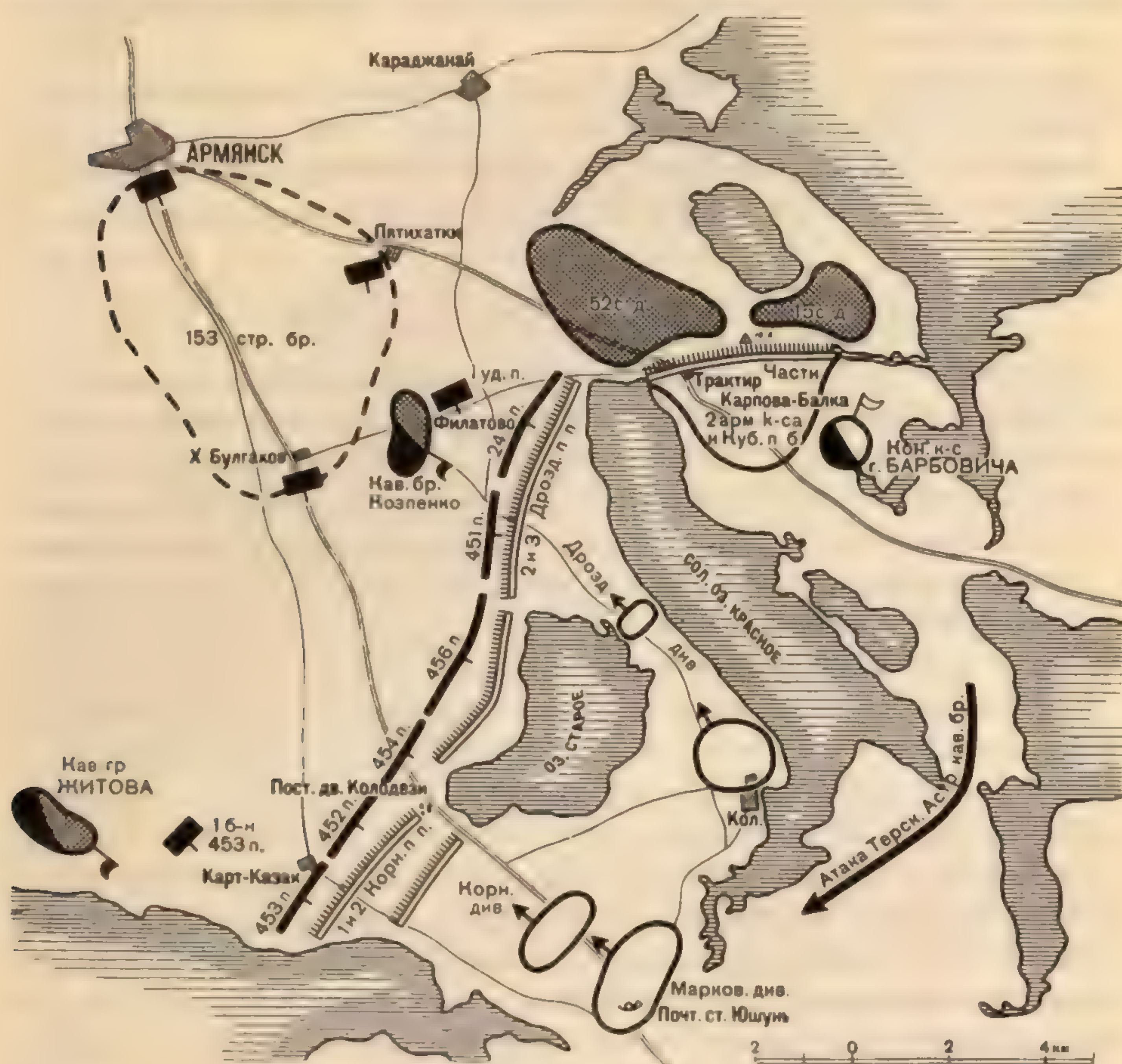

Схема обстановки перед атакой Юшунских позиций к вечеру 9-го ноября 1920 г.

вавшие события, что противник решил оборонять Юшунские позиции активно: удерживаясь у Юшуни, перейти в контр-наступление между озером Красное и Сивашем с целью выйти в тыл нашим войскам. Решение правильное, но выполнить его противнику не удалось.

К 24 часам 9-го ноября 51-я дивизия расположилась для атаки: 151-я стр. бригада, имея в первой линии 453-й и 452-й полки, занимала участок между Каркинитским заливом до тракта Юшуни. За ними стояла кавгруппа Житова. 451-й полк, который ранее действовал с 153-й бригадой, теперь остался в подчинении комбрига ударно-огневой.

152-я бригада двумя полками (454-м и 456-м) занимала участок от Перекопского тракта и далее влево до северной окраины оз. Старое. 455-й полк—в бриг. резерве в Армянске.

Ударно-огневая бригада с 451-м полком—против дефиле между оз. Старое и Красное, имея два полка в первой линии и один полк во второй—у хут. Филатово. Отдельная кавбригада—в хут. Пятихатки—в распоряжении комбрига ударно-огневой.

153 бригада—в див. резерве в районе Армянск—Филатово—хут. Булгаков.

Артиллерия была распределена между бригадами, при чем ни по одному из документов нельзя установить ее количество в каждой бригаде.

Можно только установить, что к 10-му ноября дивизия должна была передать в 15-ю, 52-ю и Латышскую дивизии всю артиллерию этих дивизий, которая работала с 51-й див. под Перекопом, так что дивизия оставалась с одной своей артиллерией, т.-е. 24 легких и 9 тяжелых орудий.

52-я и 15-я стр. див. глубоко эшелонировались между оз. Красное и Сивашем, имея передовые полки непосредственно перед Карповой Балкой.

Плотность фронта наших частей в узких междуозерных дефиле была значительной. Так, на участке 151-й и 152-й бригад на каждый километр фронта приходилось 1.800 штыков и сабель и до 60 пулеметов. В ударноогневой бригаде—1.200—1.500 штыков и 75—85 пулеметов. Глубина боевых порядков была настолько достаточна, что она обеспечивала непрерывное питание боя из глубины.

Артиллерия была распределена по полкам полностью.

Командование армии предполагало произвести некоторые перегруппировки,—оно хотело ввести в бой сразу больше войск, поэтому приказало Лат. див. сменить правофланговые части 51-й див. (между Каркинитским зал. и оз. Старое) и наступать на Юшунь. 51-й дивизии оставался участок только между озерами Старое и Красное.

Но эти распоряжения не успели быть выполнены, так как на рассвете 10-го ноября, еще до подхода Латышской див., 51-я див. всеми своими частями атаковала противника на всем фронте. Около 9 часов уже были получены сведения о том, что бой идет внутри позиции противника, при чем на левом фланге первая линия неприятельских окопов пройдена. Одновременно обнаружился и резкий успех на участке 15-й стр. див., которая ворвалась на позицию частей 13-й пех. див. противника и отбросила их на юг. Утром 10-го ноября казалось, что успех всей операции разрешится на левом фланге, где противник уже дрогнул, но скоро ход событий принял иной оборот.

Противник сильным огнем сначала приостановил наступление и 15-й и 52-й стр. див., а потом контр-атаковал их и вынудил к отходу

к самым выходам из Литовского полуострова. На участке же 51-й стр. дивизии, особенно ее правом фланге, несмотря на тяжелые условия наступления (фланкирующий огонь судовой артиллерии), пехота заняла сначала первую а потом вторую линию неприятельских позиций.

10-го ноября бой на этом и закончился.

С рассветом 11-го ноября противник вновь контр-атаковал 15-ю и 52-ю стр. див., при чем около 11 часов положение там сложилось настолько критически, что было опасение, что конница Барбовича прорвется на Армянск, в тыл всей 6-й армии. Введением в дело последних резервов положение здесь было сохранено.

Кризис боя наступил раньше на нашем правом фланге, где 51-я стр. див. вместе с подошедшей Латышской див. в этот день заняли Юшунь. С выходом нашим к Юшуни устойчивость обороны была настолько разрушена, что отпадал вопрос о возможности дальнейшего сопротивления белых.

В ночь с 11-го на 12-е ноября белые начали стремительный отход к югу.

С рассветом началось наше преследование.

Перекопская операция является одной из героических операций Красной армии это общеизвестно. Героической она является по своему замыслу, по той настойчивости, с которой красные части дрались на Литовском полуострове с малочисленной артиллерией против многочисленных огневых средств противника, наступая по высохшему морскому дну, будучи отрезанными от материка 7-километровым, простреливающимся насквозь артиллерией противника, полумокрым дном Сиваша.

Характер боев за Перекопский перешеек говорит о высоком моральном уровне красноармейца в 1920 г. Те настойчивые атаки, которые вела Красная армия 8-го ноября на Литовском полуострове, не всякой армии по плечу.

Но было бы ошибкой идеализировать наши действия в 1920 г. под Перекопом с начала и до конца.

К 10-й своей годовщине Красная армия должна трезво смотреть на пройденный ею путь. Она должна на своем прошлом опыте учиться. Поэтому Перекопская операция представляет большой интерес с точки зрения тех задач по боевой подготовке, которые стоят перед Красной армией сейчас.

Задачи эти касаются правильной организации общевойскового боя, правильного расчета артиллерийских и пехотных средств для атаки; задачи эти касаются вопросов тесного взаимодействия пехоты и артиллерии.

Как атака Турецкого вала, так и тягучие бои на Литовском полуострове не привели к непосредственному разгрому живой силы

противника только потому, что в организации боя за Перекоп имелся целый ряд недочетов, связанных с артиллерийским вопросом, с вопросом о взаимодействии между пехотой и артиллерией

Неправильно было определено, какой ширины фронт можно рвать наличными артиллерийскими средствами, неправильно была сгруппирована артиллерия, неудовлетворительно она связалась с пехотой, поэтому она плохо выполнила выпадавшие на нее задачи по подготовке пехотной атаки. Только этим объясняется неудача нашей атаки против Турецкого вала. 55 орудий, даже двух средних групп артиллерии, могло бы хватить для подготовки атаки на правом фланге дивизии, на участке ударно-огневой бригады. Правильное распределение артиллерии, без сомнения, могло бы обеспечить успех ударно-огневой бригады, и это в связи с наступлением через Литовский полуостров привело бы к падению Турецкого вала в течение 8-го ноября.

Ошибки в расчете средств и в организации общевойскового боя были причиной наших тактических неудач под Перекопом, несмотря на героизм, с которым дрались наши войска в этом бою.

Второй год Красная армия усиленно работает над вопросами общевойскового боя. В этом деле мы добились уже значительных результатов

Опыт Перекопа повелительно диктует, чтобы мы овладели тактическим искусством—искусством организации и руководства общевойсковым боем--в совершенстве.

С. УРИЦКИЙ

КРАСНЫЙ КРОНШТАДТ ВО ВЛАСТИ ВРАГОВ РЕВОЛЮЦИИ

(1—17 МАРТА 1921 Г.)

ЕМНАДЦАТЬ дней красный Кронштадт, форпост революции, советский часовой, был в плену у банды беломятежников, шайки наемников контр-революции, грозившей стать оплотом нового вооруженного похода против Советской страны.

Отличие Кронштадтского мятежа от прочих контр-революционных выступлений, помимо особо важного стратегического и политического значения Кронштадта, охраняющего подступы к революционному Ленинграду, состоит в ряде особенностей военного и политического характера. Борьба с мятежниками велась в условиях захвата последними морской крепости и военных судов, в свою очередь окруженных Финским заливом, вскрытие которого обыкновенно происходит в конце марта—начале апреля месяца. Необычность военной обстановки состояла в том, что красноармейским частям приходилось наступать по открытой ледяной поверхности залива, подвергаясь сильному огню пулеметов и тяжелой артиллерии противника, тогда как последний был укрыт бетоном фортов и броней кораблей. Другой особенностью являлось самое движение пехоты по морскому заливу, хотя и замерзшему, но кое-где, вследствие стоявшей теплой погоды, уже покрытому водой; во многих местах лед был пробит тяжелыми 12" снарядами и образовал широкие полыньи. Наконец, самое наступление пехоты против морских фортов и кораблей являлось беспримерным.

Эта исключительная военная обстановка требовала особой боевой организации и тактики и, главное, высокой моральной устойчивости и самоотверженности всех бойцов, командиров и политработников, которые и привели, в конце-концов, к победе 17-го марта.

Т. т. С. С. Каменев и Гиттис в Петрограде в 1921 г. среди комсостава Петроградского военного округа.

Политическое своеобразие Кронштадтского мятежа заключалось в условиях его возникновения и лжесоветской маскировке его лозунгов. Положение Советского Союза к тому времени значительно улучшилось. Врангель был разбит; с Польшей велись переговоры о мире; велись переговоры об установлении официальных отношений с Германией, Италией и другими странами. Одновременно шли переговоры о договорах с Турцией и Персией. Антанта официально отказалась от всякой интервенции, а Англия начинала переговоры о торговых сношениях с СССР.

Естественно, что контр-революция, эмигрантщина и ее заграничные покровители видели свою задачу в том, чтобы помешать советской власти добиться нормальных взаимоотношений с внешним миром. Отсюда попытки изобразить советскую власть неустойчивой, организация восстаний, как бы подтверждающих неустойчивость этой власти.

Трудящиеся массы Советского Союза понимали начавшиеся переговоры с капиталистическими государствами и самую передышку, как результат укрепления советской власти, вышедшей победительницей в гражданской войне. Но отсутствие непосредственной военной опасности и внешняя устойчивость Советского Союза, бесспорно, способствовали повышению требовательности масс к власти. Непосредственной военной опасности нет,—значит, надо улучшить жизнь рабочих и крестьян, поскорей устранить разруху, оздоровить советский аппарат и т. д.

Все это и являлось главной задачей советского правительства и партии в наступивший период передышки, но сразу устранить все последствия войны и революции, конечно, было немыслимо. И контр-революционеры, от монархистов до меньшевиков включительно, напрягали все усилия для того, чтобы разжечь естественное нетерпение истощенных масс и поднять их против своей власти.

Между тем, в результате двух войн и революции, сельское хозяйство было разорено, промышленность и транспорт доведены до самого низкого уровня. Посевная площадь еще в 1917 г. сократилась до 91,65%, а в 1920 г. дошла до 68,75% довоенной нормы. Во многих производящих земледельческих районах в 1920 г. был большой недород.

Когда непосредственная военная опасность исчезла и помещики были уничтожены, крестьяне, получившие в результате Октябрьской революции в свои руки землю, хотели использовать свои земельные приобретения в свободном обмене с городом. Крестьянин, мелкий собственник, решительно требовал изменения экономического режима применительно к интересам его мелкого частного хозяйства.

Отсюда требование упразднения заградительных отрядов и установления свободной торговли.

Вполне понятно, что в связи с окончанием войны для обеспечения успеха борьбы с разрухой, для восстановления народного хозяйства советская власть могла перейти от системы продразверстки к свободному обмену только постепенно, что и было сделано введением новой экономической политики, являющейся условием сохранения рабоче-крестьянского союза в новой обстановке мирного строительства.

Эсеры, поддержанные кулаками, сочли этот переходный момент наиболее удобным для того, чтобы поднять крестьянство против Советов, пользуясь существовавшим недовольством продразверсткой. И кое-где им удалось поднять часть крестьянства—в Сибири и Тамбовской губернии.

Состояние промышленности и транспорта в 1920 г. видно из следующих цифр: железо-добывающая промышленность едва достигала 2,25%, хлопчато-бумажная 6,6%, сахарная—6,0% довоенного уровня. Состояние других отраслей промышленности было не лучше, а процент больных паровозов доходил до 61. Фабрики закрывались вследствие отсутствия сырья и топлива, рабочие не могли работать, не получая хлеба, и распылялись по деревням, бросая города; железные дороги, как обескровленные артерии, перестали питать страну и замирали. Надо было выбирать: или, преодолевая лишения, медленно, но верно, собственными силами выбираться из тупика разрухи, или же, пожертвовав всеми завоеваниями революции и сделав напрасной всю борьбу и пролитую рабоче-крестьянскую кровь, пойти на мировую с капиталом и купить себе временное улучшение ценой возвращения старого рабства. Советская власть выбрала первый путь. Но лишения были слишком тяжелы, далекой казалась желанная цель, и нашлись нестойкие, малодушные в пролетарских рядах, которых контр-революция пыталась сделать своим орудием в борьбе против большевистской партии, хотела при помощи этих обманутых и изголодавшихся людей повернуть к старому.

В этой обстановке и возник мятеж в Кронштадте.

В последних числах февраля 1921 г. в Петрограде, на почве создавшегося тяжелого продовольственного положения, поддаваясь кое-где бешеной антисоветской агитации, часть рабочих начала так-называемую «волынку». Учтя тяжелое положение рабочих, контр-революция воспрянула духом, скоро сбросила личину «советской платформы» и начала откровенно выказывать всю свою белогвардейскую сущность. В прокламациях, в большом количестве распространявшихся среди рабочих, белогвардейцы от требования «свободно переизбранных беспартийных советов» переходят к открытому

восхвалению учредилки: «Долой советскую власть! Да здравствует Учредительное собрание!» — пишут они в своих воззваниях.

Но не потребовалось даже большой разъяснительной кампании для того, чтобы питерские пролетарии уяснили себе контр-революционную природу новоявленных «спасителей». Слишком закален был в революционных боях рабочий класс Питера, чтобы поддаться на удочку перерядившихся в советскую шкуру белогвардейцев. Стойкие революционные пролетарии составляли подавляющую массу, и «волынка», не дав никаких результатов, пошла на убыль. Тогда-то враги революции и остановили свой выбор на Кронштадте, надеясь восстанием дать оттуда сигнал для мятежа во всей стране.

Кронштадт, без сомнения, еще задолго до мятежа входил в расчеты белогвардейцев, как очаг восстания. Слишком заманчиво самое военно-политическое положение Кронштадта, слишком благоприятна была там обстановка к 1921 г. для поднятия «бузы». Эта благоприятная обстановка заключалась в самом составе Кронштадтского гарнизона.

Подонки Петроградского порта, недоучившиеся гимназисты и реалисты, пленные махновцы и деникинцы,—вот кто в большом количестве заполнял красноармейские и краснофлотские части Кронштадта и находившихся в нем судов. Старые матросы, вынесшие на своих плечах, вместе с авангардом рабочего класса, всю тяжесть Февральской и Октябрьской революции, а затем и все тяготы гражданской войны, были разбросаны по различным углам Союза на военной или советской работе.

Среди анархистски настроенной деклассированной массы инициаторы мятежа не безуспешно повели свою работу, но характерно то, что даже в этой распущенной вольнице, смотревшей на свой матросский бушлат, как на привилегию мешечничества и спекуляции, не могли найти отклик явно антисоветские лозунги. Поэтому пропаганда шла под маской защиты «честных, свободно избранных беспартийных советов», против «большевиков-узурпаторов», во имя «третьей революции».

Эта каша путанных лозунгов сдабривалась соответствующей порцией лести матросам—«красе и гордости революции», «всегда стоящим на страже народа» и т. д. Писарь линейного корабля «Петропавловск» Петриченко, бежавший после мятежа в Финляндию, а затем в Чехо-Словакию, был той фигурой, которую белогвардейцы использовали для организации контр-революционного движения на «Петропавловске» и для расширения мятежа.

1-го марта 1921 г. на площади Революции в Кронштадте был собран десятитысячный митинг, на котором делал доклад о положении Советского Союза прибывший в Кронштадт Михаил Иванович Калинин.

Появление Михаила Ивановича и его речь вызвали у собравшихся продолжительные приветствия и аплодисменты. Но вслед за ним и после тт. Кузьмина и Васильева выступили «представители, побывавшие в Петрограде» и сообщившие митингу о «расправах большевиков с рабочими». Сведения эти, конечно, были лживы. Затем упомянутый выше Петриченко, указав на то, что большевики «скрывают от народа правду», предложил митингу резолюцию, накануне принятую, по его словам, большинством команды «Петропавловск».

Резолюция эта заключала в себе ряд определенно контр-революционных требований: освобождение политических арестованных (т.-е. контр-революционеров), упразднение политотделов и т. д., и вряд ли была бы принята собранием, но на митинге действовала организованная группа инициаторов мятежа; под их влиянием и было принято постановление о созыве 2-го марта делегатского собрания.

2-го марта на делегатском собрании, которым руководил тот же Петриченко, было заявлено, как говорит изданная эсерами в Праге книга «Правда о Кронштадте», что «вооруженные коммунисты в значительном числе, с пулеметами... направляются к зданию собрания». Та же книга говорит, что на основании этого заявления «создалось весьма тревожное настроение», и было решено создать Ревком, но, «ввиду отсутствия времени на образование комитета, назначить для исполнения обязанностей пред. Ревкома председателя собрания» (т.-е. Петриченко).

В этой же белогвардейской «Правде о Кронштадте» мы читаем: «По свидетельству одного из авторитетных руководителей кронштадтского движения, в это самое время из Кронштадта выезжали курсанты политической школы и с чекистом Дулькисом во главе направлялись на форт «Красную Горку».

Таким образом, по описаниям самих белогвардейцев видно, что Ревком был создан «благодаря возникшим слухам», самым провокационным образом.

Одновременно были арестованы находившиеся в Кронштадте тт. Кузьмин и Васильев и многие активные партийцы. В части и на суда были разосланы агитаторы, «разъяснявшие» события, причем всюду указывалось, что Кронштадт должен, как всегда, быть впереди, что его поддержит вся страна.

К вечеру 2-го марта мятежники захватили в свои руки фактическую власть в Кронштадте и немедленно стали готовиться к вооруженному сопротивлению. Но, несмотря на то, что в их руках был значительный гарнизон (до 10.000 человек, 68 пулеметов и много орудий), они на своем военном совещании, имевшем место 3-го марта на «Петропавловске», с участием военных специалистов, пришли

к заключению о необходимости обороняться, в ожидании «поддержки всей страны», таянья льда на заливе и поддержки извне.

Советские и военные власти Петрограда пассивно выжидали развязки Кронштадтского бунта, не предпринимая никаких решительных мер для его ликвидации. Учитывая особо важное значение Кронштадта и контр-революционную подкладку мятежа, а также и то, что при вскрытии залива Кронштадт может сделаться базой новой интервенции, Совет Труда и Обороны РСФСР назначает Комитет обороны Петрограда и дает указания о ликвидации мятежа.

5-го марта на оба берега Финского залива стягиваются близрасположенные красноармейские части, и за подписью председателя РВС выпускается следующее обращение к мятежникам:

> «Последнее предупреждение к гарнизону Кронштадта и мятежных фортов. Рабоче-крестьянское Правительство постановило:
>
> Вернуть незамедлительно Кронштадт и мятежные суда в распоряжение Советской Республики.
>
> Посему приказываю:
>
> Всем, поднявшим руку против социалистического отечества, немедленно сложить оружие. Упорствующих обезоружить и передать в руки советских властей. Арестованных комиссаров и других представителей советской власти немедленно освободить.
>
> Только безусловно сдавшиеся могут рассчитывать на милость Советской Республики. Одновременно мною дается распоряжение подготовить все для разгрома мятежа и мятежников вооруженной рукой.
>
> Ответственность за бедствия, которые при этом обрушатся на мирное население, ляжет целиком на головы белогвардейских мятежников.
>
> Настоящее предупреждение является последним».

Часть мятежников в ответ на этот приказ стала переходить отдельными группами на сторону советских войск, но организаторы мятежа усилили свою бдительность, произвели ряд новых арестов и приготовились к борьбе.

5-го марта мятежникам был дан срок для сдачи в 24 часа, т.-е. 6-го марта. Срок этот был продлен еще на одни сутки. Таким образом, советская власть сделала все для того, чтобы избегнуть кровопролития. В дальнейшем, в виду близкого вскрытия залива, медлительность в подавлении мятежа становилось опасной.

7-го марта вновь назначенный командарм 7-й тов. Тухачевский дает приказ о штурме, и 8-го марта красноармейские части вышли на лед и повели атаку на Кронштадт. Мятежники открыли сильный артиллерийский огонь и отрезали резервы. Атакующие части понесли большой урон и частью отступили, частью были захвачены в плен.

Первый штурм мятежного Кронштадта кончился неудачно вследствие недостаточной подготовки и слабой численности советских

войск. Мятежники хотя и были поставлены в выгодное положение этой неудачей красноармейских частей, но все же не перешли в наступление. Причина этой нерешительности крылась в их уже упомянутых выше надеждах на поддержку и на предстоящее вскрытие залива. Кроме того, отправить разложенный кронштадтский гарнизон в наступление было чрезвычайно трудно.

Красное командование, учтя ошибки 8-го марта, предприняло ряд серьезных мероприятий для подготовки нового решительного удара по мятежникам. В спешном порядке были переброшены свежие части (курсанты, две бригады 27-й дивизии, 167-я бригада, 32-я бригада, артиллерия, авиация и т. д.). Были приняты меры для надлежащего материального снабжения стянутых войск продовольствием, обмундированием, огнеприпасами...

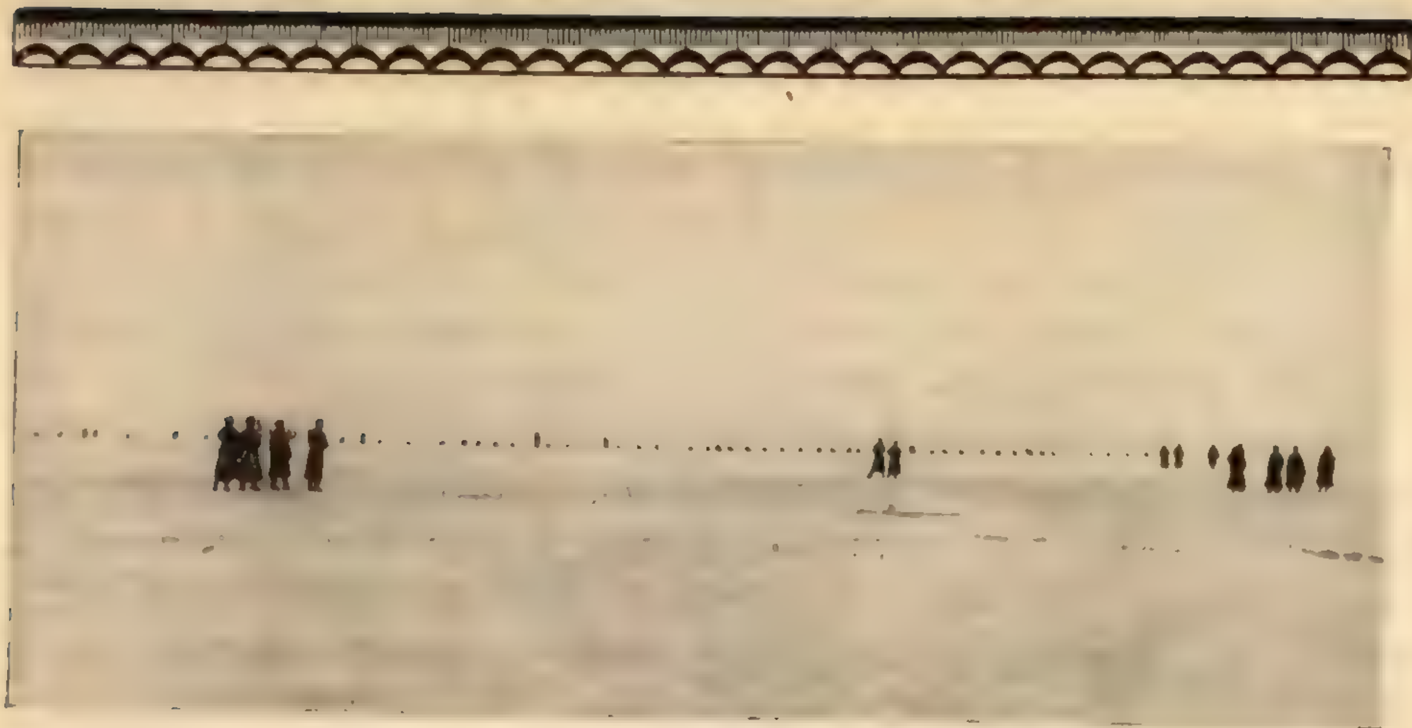
Для наступления по льду войска получили специальную техническую подготовку путем организации разведывательных поисков на Кронштадт и форты, путем службы охранения в выдвинутых на лед заставах.

Усиление войск, прекрасно поставленное снабжение, хорошо обставленная работа штабов способствовали поднятию боеспособности войск. Отчетливо выявившийся контр-революционный характер мятежа, наступившее полное успокоение в тылу также способствовали боевой готовности войск. Но особую роль в укреплении советских войск, создании в них боевого настроения и решимости во что бы то ни стало ликвидировать мятеж сыграла исключительно хорошо поставленная политическая работа, проделанная политическими работниками и командирами. Содержание этой работы и ее методы требуют отдельного, внимательного изучения.

Совершенно особо нужно отметить роль прибывших под Кронштадт 300 делегатов X партийного съезда, среди которых были Ворошилов, Бубнов, Затонский и др. Они принесли с собой атмосферу упорства, решимости добиться победы и, рассыпавшись по частям, разъясняя красноармейцам сущность событий и идя в бой вместе с ними, а часто и впереди них, явились организаторами успеха в последней атаке.

Между тем мятежники, поняв, что ожидать поддержки от народа не приходится, и чувствуя приближение расплаты, обратили свои взоры в другую сторону, а именно, начали устанавливать связь с белогвардейским зарубежьем. Наша разведка обнаружила на заливе наезженную дорогу в Финляндию, откуда под флагом Красного Креста прибывали в Кронштадт разные подарки мятежникам.

Все время между 8-м и 16-м марта происходила артиллерийская перестрелка. Мятежники усиленно готовились к обороне под руководством генерала Козловского и офицеров генерального штаба Соловянова и Арканникова.

Наступление Красных частей на Кронштадт 8-го марта 1921 г. по льду Финского залива.

В Кронштадт приехал, через Финляндию, бывший командир «Севастополя», Вилькен, который стал раздавать матросам серебряные рубли. Эти рубли сослужили плохую службу беломятежникам: все старые матросы знали, что истязатель «нижних чинов» Вилькен жалует их рублями не даром. Многих рубли Вилькена отрезвили. Также отрезвляюще подействовали на неуспевших еще окончательно разложиться мятежников посыпавшиеся приветствия из Праги, Ревеля, Лондона. Сам Николай Николаевич спешил подбодрить героев «третьей революции». Милюков организовал помощь международной буржуазии.

Между тем красные части закончили всю подготовительную работу, и в 23 часа 45 минут 15-го марта командарм 7-й отдал следующее распоряжение:

> «Боевой приказ литер «В». 534 0144. Серия «Г». Командующему Северной группой Казанскому, командующему Южной группой Седякину, копия главкому. Петроград, 15-го марта, 23 часа 45 минут.
>
> Приказываю:
>
> В ночь с 16-го на 17-е марта стремительным штурмом овладеть крепостью Кронштадт.
>
> При этом:
>
> 1) Артиллерийский огонь открыть в 14 часов 16-го марта и продолжать его до вечера.
>
> 2) Движение колонн Северной группы—в 3 часа и Южной группы в 4 часа 17-го марта.
>
> 3) Северная группа атакует северо-западную часть города, Южная группа—северо-восточную и юго-западную часть города.
>
> 4) Группам ограничиться лишь занятием наиболее препятствующих движению фортов.
>
> 5) Командующему Южной группой назначить общего начальника по руководству войсками в уличных боях в Кронштадте.

6) Командующему Южной группой обратить внимание на своевременное овладение северо-западной частью острова Котлин.

7) Соблюсти полную точность движения колонн.

8) О времени получения сего и о распоряжениях донести.

Командарм *Тухачевский.*

Наштарм *Перемытов.*

Во исполнение этого приказа в 14 часов 16-го марта началась артиллерийская подготовка. Стреляли наши легкие и тяжелые батареи Южного (Ораниенбаумского) и Северного (Сестрорецкого) берегов залива. Мятежники отвечали сильным огнем тяжелых морских орудий.

Артиллерийский огонь с большей или меньшей напряженностью велся до 18 часов, когда в течение 10–20 минут все наши батареи обстреляли интенсивным огнем свои цели. Мятежники, в свою очередь, вели огонь с кораблей и фортов. «Петропавловск» несколько раз закрывался дымовой завесой. Густой туман мешал наблюдению и корректированию огня. С наступлением темноты артиллерийская дуэль прекратилась.

Наша эскадрилья сбросила бомбы под Кронштадтом и усилила этим нервное настроение мятежников. Наступила тишина. Прожекторы с кораблей и фортов щупали лед, ожидая ночной атаки красных.

Мятежники в ожидании атаки подняли на ноги весь гарнизон, усилили посты. В полночь стали подходить советские войска к берегу и занимать исходное положение для наступления. Большая часть красноармейцев была одета в белые халаты. Впереди каждого атакующего полка шли сформированные из добровольцев штурмовые отряды для преодоления препятствий и расчистки дороги атакующим.

Наступление на Кронштадт 17-го марта 1921 г. ударных частей, переодетых, для маскировки, в белые халаты.

Колонны начали спускаться на лед, и вскоре их головы скрылись в густом тумане мартовской балтийской ночи. Связь между отдельными частями колонн поддерживалась цветными фонарями, обращенными светом в сторону своих войск. Кроме этого, вслед за атакующими частями тянулась проволочная связь и связисты, проявившие себя в этом бою беззаветными героями; они кочками чернели на льду у контрольных телефонов.

Бесшумно скользили на салазках пулеметы; все разговоры были прекращены, шопотом передавалась команда, иногда хлюпала под сапогами холодная вода. Так почти вплотную подошли к крепости и фортам красноармейские части, не замеченные беломятежниками. К 5 часам наши части вошли в соприкосновение с охраняющими частями мятежников, и вслед за быстрой перестрелкой огненным кольцом орудийных вспышек опоясался Кронштадт, всеми своими орудиями и пулеметами впился в красноармейские части. Но резервы на этот раз шли вплотную за атакующими, и, не сгибаясь под огнем врага, красные ворвались в Кронштадт, где и вступили в тяжелый, изнуряющий уличный бой с мятежниками, длившийся до поздней ночи 17-го марта...

Вернемся, однако, к описанию атаки Кронштадта.

Южная группа вела атаку двумя колоннами Сводной дивизии и 80-й бригады на восточную оконечность острова Котлин (Военная гавань—Петроградская пристань) и двумя колоннами 79-й бригады — на южные батареи и южную часть города.

32-я бригада около 5 часов подошла к Кронштадту и, поддержанная 95-м и 96-м полком, во главе с командиром бригады Рейтером, ворвалась через старый крепостной вал в город. 187-я стрелковая бригада, имея в своей голове курсантский полк особого назначения, повела наступление левее 32-й бригады и, руководимая тов. Федько, одновременно с 32-й бригадой вступила в бой с мятежниками у Петроградских ворот.

Вслед за ними подошли, под сильнейшим огнем артиллерии противника, 167-я и 80-я бригады и также ворвались в город, расширяя плацдарм, который был ранее занят частями 187-й и 32-й бригады.

Атаковавшие левее, западнее, части 79-й бригады, овладев несколькими южными батареями, 237-м полком ворвались в южную часть города (Александровская улица), но переброшенными на грузовиках подкреплениями мятежников, начавших обход 79-й бригады, вынуждены были к отходу. Брошенная на подмогу бригадная школа запоздала, и к 8 часам 18-го марта части,—вернее, уцелевшие остатки,— 79-й бригады собрались снова на южном берегу у своего исходного пункта (Спасательная станция). 236-й полк 79-й бригады продолжал занимать южные батареи.

Северная группа наступала в двух направлениях, имея перед собой сильные островные форты, занятые мятежниками. Правая группа, слабая численно (2 роты), в течение дня безуспешно пыта-

Схема боевых действий против мятежников в Кронштадте (с 7-го по 18-е марта).

лась занять ф. Тотлебен. Левая группа, в свою очередь наступавшая 2 колоннами, имела целью проникнуть к Кронштадту через густую сеть северных батарей.

У одной из батарей мятежники, ослепляя прожекторами, встретили курсантов картечью и пулеметами и начали взрывать лед перед проволочными заграждениями. Образовалась широкая полынья в несколько саженей ширины. Часть курсантов осталась перед батареей, часть же, отделенная полыньей, заколебалась и стала отходить. В это время подошла другая колонна левой группы, захватившая перед этим соседнюю батарею, и, попав на неразрушенную часть льда, прорвала проволоку и с криком «ура» бросилась на батарею. Курсанты, залегшие перед батареей, присоединились к атакующим; отходившие остановились, повернули к противнику

Убитые красноармейцы на льду во время атаки Кронштадта 17-го марта 1921 г.

и частью вплавь, частью по льду перебрались через полынью и бросились в атаку.

Мятежники упорно не сдавались и вступили с атакующими в рукопашный бой, продолжавшийся около 35—40 минут. 155 человек гарнизона батареи, оставшиеся в живых, сдались в плен. Весь вал был усеян трупами. Принимавшие участие в атаке батальоны курсантов понесли большие потери. Во 2-м батальоне 2-го полка осталось в живых 18 человек.

В течение дня 17-го марта объединенные силы левого участка Северной группы вели борьбу за остальные батареи, заняв их к 15 часам 40 мин., за исключением одной. В то же время был выделен один батальон курсантов, который вступил в Кронштадт

с северо-восточной стороны. В 23 часа курсанты Северной группы, усиленные подошедшим 1-м Сводным курсантским полком, повели наступление на крепость с северо-востока и, несмотря на сильный огонь и сопротивление врага, к полуночи 18-го марта ворвались в Кронштадт, захватили помещение штаба крепости и много пленных. Противник в панике бежал в Финляндию. К 1 часу 45 мин. были заняты форты «Красноармеец» и «Тотлебен».

Кроме убитых и попавших в руки мятежников, части Северной группы потеряли в этих боях: ранеными—309 и контуженными—128 курсантов.

Части Южной группы, ворвавшиеся на рассвете 17-го марта в Кронштадт, в течение всего дня вели кровопролитный уличный бой. Измученные беспрерывным боем, ожесточенно обстреливаемые противником, неся большие потери и распыляясь в борьбе за отдельные дома, части подчас не выдерживали и под давлением мятежников отходили назад.

К 16 часам мятежники перешли в решительную контр-атаку, и наши части стали отходить на лед залива. В этот критический момент, несмотря на огонь противника, подошел 27-й кавполк и отряд питерских коммунаров, - положение было восстановлено.

Настойчивые просьбы о присылке в Кронштадт артиллерии, встречавшие возражения начарта сводной дивизии о невозможности ее продвижения под огнем артиллерии противника по ставшему рыхлым льду, наконец, возымели свое действие, и к вечеру в Кронштадт прибыл из Ораниенбаума взвод легкой артиллерии, открывший огонь по мятежникам, засевшим в здании машинной школы.

Заняв незначительную часть города, изнуренные и голодные, бойцы буквально падали с ног от усталости, и к 22 часам бой стал замирать.

Около 12 ч. ночи было получено радио с «Петропавловска» о том, что матросы восстали, арестовали офицеров и готовы сложить оружие. Разведка 187-й бригады тогда же донесла, что слышны были стрельба и крики на «Петропавловске». В то же время наша разведка наблюдала, повидимому, междоусобную борьбу среди мятежников (что впоследствии и подтвердилось). К 4 часам 18-го марта из минной и машинной школ явилась делегация, сообщившая о бегстве мятежного Ревкома и о желании оставшихся мятежников сдаться. Такие же сведения вторично поступили с линейных кораблей. К сожалению, под рукой у красного командования не было свежих сил для того, чтобы преследовать бегущих мятежников; наиболее опасные из них ушли в Финляндию, а потом были использованы последней в нападении на Советскую Карелию.

В 11 часов 18-го марта курсанты заняли оба дредноута, где оставшимися моряками был предупрежден взрыв, организованный уходившим офицерством.

В течение дня 18-го марта в Кронштадте был установлен революционный порядок, начали функционировать органы советской власти, были заняты все батареи и форты. Кронштадт снова вернулся на свой боевой пост.

Общие потери наших войск выразились в следующих цифрах: убитых и пропавших без вести—около 700 человек, раненых и контуженных—около 2.500 человек. Точных сведений о потерях противника не имеется. По сведениям белой прессы, они равны 600 убитыми и более 1.000 ранеными.

Изучение боевых действий под Кронштадтом свидетельствует о вдумчивом подходе красного командования к организации штурма 17-го марта. Резервы шли непосредственно за атакующими, благодаря чему была предупреждена опасность их изоляции артиллерийским огнем и маневром противника. Самое наступление велось в колоннах, что хотя и усиливало потери, но зато способствовало молниеносному наступлению вперед и значительно облегчало управление.

Большую роль в объявшем всех порыве, который двигал войска навстречу врагу, сыграл личный пример командиров и политических работников. Члены X партийного съезда находились среди бойцов, воодушевляя их своей самоотверженностью. В цепях шли с оружием в руках руководители партии Ворошилов, Бубнов и другие старые большевики. На глазах у бойцов были их начальники, не жалевшие жизни во имя победы пролетарской революции. Большой подъем среди красноармейцев создал дравшийся бок-о-бок с ними против мятежников отряд революционных матросов под командой кочегара Иванова. Уличный бой велся красными частями настойчиво, но недостаточно умело. Дрались за отдельные дома, рассыпались по переулкам, что делало невозможным управление боем.

Опыт боев на улицах Кронштадта показал, что ворвавшиеся в город части должны быть поддержаны или даже сменены свежими резервами; борьбу следует вести не за отдельные дома, а за районы, стремясь захватить важные центры противника. В уличных боях Кронштадта не было закрепления (т.-е. приведения в оборонительное состояние) захваченного, и поэтому, под нажимом врага, наши части легко откатывались назад; не хватало пулеметов и артиллерии, без которых уличный бой не может дать успешных результатов.

На эту отрасль подготовки необходимо обратить внимание, потому что в будущих боях Красной армии не раз придется решать исход боя в узком лабиринте городских улиц.

Авиасилы были недостаточно полно нами использованы в кронштадском бою, а их можно было использовать с успехом для преследования бегущих мятежников. Связь и боевое снабжение были

поставлены превосходно и явились, в ряду других причин, решающими факторами победы.

Что касается мятежников, то их действия носили оборонительный характер, при чем, несмотря на произведенные ими работы по сооружению искусственных препятствий и усилению огневой силы батарей, они не исчерпали полностью всех возможностей сопротивления. Мятежники допустили несколько крупных ошибок. Они питали ложные надежды на то, что советская власть, занятая вну-

Мятежные линейные корабли «Петропавловск» и «Севастополь» после занятия их красными курсантами 18-го марта 1921 г.

тренними делами и восстаниями в стране, не станет так быстро и решительно реагировать на Кронштадтский мятеж. Они недооценили боеспособности красных войск, закаленных в боях гражданской войны. Они думали смутить красноармейские части своими ложносоветскими лозунгами и потерпели неудачу: красноармейцы обладали достаточной классовой чуткостью, чтобы понять все белогвардейское нутро мятежников.

Трудящиеся массы страны, тем не менее, быстро учуяв контрреволюционную подкладку Кронштадтского мятежа, послали своих лучших сынов для скорейшей ликвидации новой попытки буржуазии сломить советскую власть.

В одном не ошиблась банда мятежников—в поддержке извне. Все контр-революционеры, от меньшевика Дана до кадета Милюкова, от монархиста Шульгина до великих князей, все капиталисты Запада приняли Кронштадтский мятеж за свое родное дело и лихорадочно принялись ему помогать. Так, используя деклассированный состав кронштадтского гарнизона через эсерствующих писарей и царских генералов, контр-революция, захватив Кронштадт, пробила-было брешь в Советской стране, надеясь через нее пролезть и вновь закабалить трудящихся. Но эта затея не удалась, потому что вся страна ее разгадала, потому что самоотверженно пошли в бой и уничтожили новую вылазку контр-революции отважные красноармейцы, предводимые своими командирами и лучшими людьми большевистской партии—делегатами партийного съезда.

В Кронштадтском мятеже не было внутренней силы животворящей идеи, для того чтобы спаять, воодушевить людей и заставить их бороться против власти трудящихся. Ещё задолго до 17-го марта был побежден мятежный Кронштадт, ибо друзьями его были исконные враги трудящихся, а массы последних за время гражданской войны научились хорошо бить своих врагов.

И волею трудящихся красный Кронштадт снова и навсегда на страже Советской страны.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	*Строка*	*Напечатано*	*Следует читать*
11	13 снизу	не нуждались	не нуждаются
13	5 сверху	двигавшейся	двигавшаяся
21	на схеме	Гундуровский	Гундоровский
21	на схеме	Отр. Куссера	Отр. Круссера
47	4 сверху	невидимым	ненавидимым
47	на схеме	Маврина	Маврино
64	20 снизу	кочевавшая	ночевавшая
100	13 сверху	толпе, знакомым	толпе знакомым,
150	8 снизу	этоя	этой
150	7 снизу	уровнй	уровня
179	5 сверху	но	но и
186	8 снизу	и, Джамбентинской Ставки	и Джамбентинской Ставки,
187	4 сверху	называется	называемой
216	16 сверху	следующию,	следующий
216	22 снизу	призошла	произошла
221	3 снизу	следует в	следует
226	18 снизу	Васильевск	Васильевку
231	7 сверху	какую то	какую бы то
238	2 снизу	Приказ	3) Приказ
240	7 снизу	оставшихся	оставшимся
242	5 снизу	Арых во-вто,	А во-вторых,
244	18 сверху	и Туркестан	в Туркестан
293	8 снизу	бригад	бригады
296	4 снизу	на Красной пл.	на площ. Свердлова (бывш. Театральная)
343	18 снизу	наступлениеми	наступлением и
345	7 снизу	рукак	руках
352	3 сверху	должно	должны
353	8 сверху	войсками	войскам